

985276

STUDIA KETICA

*EDITED BY V. Vs. IVANOV,
V. N. TOPOROV, B. A. USPENSKY*

LINGUISTICS

«NAUKA» PUBLISHING HOUSE
Moscow 1968

КЕТСКИЙ СБОРНИК

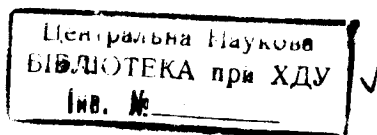
ЛИНГВИСТИКА

985276

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1968

Под редакцией

Вяч. Вс. ИВАНОВА, В. Н. ТОПОРОВА,
Б. А. УСПЕНСКОГО

Книга включает работы по фонологии кетского языка и сравнительно-исторической фонетике енисейских языков, по морфологии имени и глагола, по словообразованию и синтаксису. Все работы, представленные в сборнике, дают в совокупности достаточно цельное описание строя кетского языка.

7-1-3

145-68

М. А. Castrén, V. I. Anučin,
N. K. Karger entonin ešaptune
anaddiyel deŋna ej (oštyna qa?)
šidaŋat aŋRoŋon—kide didiŋu-
oβbetin

Памяти М. А. Кастрена,
В. И. Анучина, Н. К. Каргера—
первых исследователей кетского
языка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кеты, их язык, культура, история

Настоящий сборник является первым в предполагаемой серии выпусков, посвященных изучению кетов (енисейских остяков). Кеты (самоназвание: *ostyŋən*, из русского «остяк») — небольшой народ (по переписи 1959 г. — 786 говорящих на кетском языке), живущий по Енисею и его притокам (главным образом от Курейки до Подкаменной Тунгуски) в нескольких изолированных местах, находящихся на расстоянии сотен километров друг от друга. По традиции к кетам причисляют и так называемых югов (самоназвание: *jogən, jugən*), или «сымских кетов», язык которых обычно считается «сымским» диалектом кетского языка. Между тем довольно значительные различия между этими языками, существенно затрудняющие взаимопонимание их носителей, а также ряд причин культурно-исторического порядка делают целесообразным рассмотрение югского в качестве особого языка (характерно, в частности, что кеты и юги рассматривают друг друга как различные народы, что отражено и в мифологическом рассказе о гибели югов).

Без преувеличения можно сказать, что кеты являются одним из наиболее загадочных народов земного шара, изучение которого может пролить свет на целый ряд ключевых вопросов, связанных с судьбой народов и языков Сибири, Алтая и Центральной Азии. В лингвистическом отношении кеты стоят в настоящее время изолированно, т. е. представляют собой отдельную семью языков. Некогда к этой семье принадлежали и другие языки, ныне исчезнувшие: коттский, аринский, ассанский, пумпокольский и другие, еще сохранявшиеся в период первых контактов енисейцев и русских. Представители этой семьи языков, которую целесообразно называть *енисейской*, обитали ко времени прихода русских на значительной территории Сибири: по Енисею вплоть до его истоков, по правым притокам Оби (Тыму, Кети) и отчасти к востоку от Енисея.

В тридцатых годах XVIII в. Миллер и Гмелин обнаружили двух-трех последних ассанов и одного старика — едва ли не

единственного, — знавшего аринский язык. В середине XIX в. Кастрен, побывавший в этих местах, застал всего пять человек, которые помнили коттский язык. Сто лет спустя экспедиции по изучению кетского языка могли видеть лишь около десятка людей, преимущественно старшего поколения, говорящих на югском языке (языке сымских кетов) — предпоследнем представителе енисейской семьи. Уже из этого видно, как важно своевременное описание последнего представителя этой семьи — кетского языка, носители которого постепенно переходят на русский (в частности, показательное преимущество владения русским языком у тех молодых кетов, которые учатся в поселках в школах-интернатах).

Описание этого уникального языка, помимо интереса, который он представляет для чисто лингвистической типологии, помогло бы и при решении более общих проблем, выходящих за рамки собственно енисейского языкознания: установления древних генетических связей енисейских языков, определения языковых контактов енисейцев с другими народами, решения этногенетических проблем и определения места енисейцев в сложном этническом комплексе народов Азии. В последнее время все чаще высказывается предположение о том, что кеты являются одним из островков «палеоевразийского» субстрата, другими остатками которого предположительно считаются бурушаски, северокавказские, баскский и некоторые изолированные древние языки Передней Азии; следы того же субстрата можно видеть в юкагирском. Некоторые из предлагающихся сопоставлений названных языков с енисейскими едва ли можно объяснить только типологически.

Не менее широкие перспективы открываются при антропологическом исследовании кетов. С точки зрения к у л ь т у р н о й антропологии кеты представляют интерес прежде всего как народ, входящий в сибирский шаманский культурный комплекс и в то же время обнаруживающий явные связи и с южноазиатской культурной традицией (вплоть до таких ее древних проявлений, как культура Мохенджо-Даро). По своему внешнему облику кеты, наоборот, выделяются из народов, в окружении которых они в настоящее время живут. С одной стороны, среди кетов засвидетельствован такой европеоидный тип, который связывает их с соответствующим типом, представленным на Енисее с древнейших времен, а в Центральной Азии и в Синьцзяне — уже в историческое время (к этому типу относятся, например, изображения белокурой людей на фресках в Синьцзяне, иногда сопоставляемые с историческими данными о тохарах). Действительно, среди кетов часто встречаются блондины с голубыми глазами (что дало повод в свое время выдвинуть теорию «белокурой расы» в Сибири); любопытно, что сами кеты иногда считают таких людей представителями сохранившегося древнего типа енисейцев. Не менее своеобразен и другой внешний облик кетов, явно обнаруживающий черты сходства с американскими индейцами.

Здесь, быть может, уместно вспомнить о попытках связать в языковом отношении (во всяком случае, типологически) некоторые архаические языковые типы Старого Света с индейскими языками.

Изучение енисейских народов с учетом их передвижений и контактов представляет важный и в большой степени новый источник наших сведений по истории целого конгломерата народов Центральной Азии, Восточного Казахстана и Алтая. С одной стороны, во время возникновения енисейско-орхонской письменности енисейцы находились в районе ее создания и не исключено, что они могли оказать известное влияние на тюркоязычные племена в этой области. Характерно в этой связи, что, видимо, имеются некоторые лингвистические основания для предположения о наличии письменности у древних енисейцев, впоследствии утраченной (возможно, что здесь могли бы помочь соответствующие археологические разыскания; в качестве реликтов древней письменности можно было бы рассматривать и некоторые пиктограммы и идеограммы, использовавшиеся как тамги носителями енисейских языков). С другой стороны, имеются этимологические доводы в пользу того, что один из народов, известных под общим именем гуннов (как и некоторые другие племена, известные из ранних китайских источников), мог быть енисейского происхождения. Для древней истории Алтая существенна также постановка вопроса об отношениях предков енисейских народов и так называемых алтайских скифов, ираноязычный характер которых совсем не очевиден. Новейшие работы по топонимике енисейцев вскрыли ее весьма широкое распространение, отчасти перевернувшее взгляды на древнюю историю Сибири и Алтая.

Помимо древних южных связей енисейские народы (и прежде всего самые северные из них — кеты) обнаруживают многочисленные связи более позднего характера с народами Севера и в первую очередь с самодийцами. Если для относительно древних периодов была актуальна тесная связь енисейцев с южносамодийскими народами (что, в частности, подтверждается материалами древнейших языковых заимствований), то по мере их продвижения на север по Енисею осуществлялось постепенное вовлечение отдельных групп кетов (соответствующих северных диалектов, например, курейского) в околополярный культурный комплекс, хотя этот процесс нельзя считать законченным и до настоящего времени; особенно отчетливы черты сближения кетов и селькупов, образующих сейчас единый культурно-лингвистический союз. Параллельно шел процесс преобразования, разрушения и потери той древней культуры, которая может быть восстановлена главным образом на основании лингвистических данных.

Подтверждение таким реконструкциям может быть отчасти найдено в данных народного творчества, в памятниках материальной культуры и изобразительного искусства, сохранивших следы южного происхождения (ср. форму костюма, жилища, некоторые элементы утвари, орнамент и т. п.). Отдельные мотивы типа

мирового дерева, семиотически значимые культурные объекты типа шаманского бубна, отражающего структуру мира (вселенной), или *шашек*, моделирующих структуру коллектива (ср. также косвенное отражение дуальной структуры коллектива в орнаменте кетов), константы типа числа *семь*, постоянно выступающего в самых различных контекстах кетской жизни, — могут быть связаны как с гипотезой о существовании южного источника древней енисейской культуры, так и с чисто типологической интерпретацией (ср. типологические аналогии в других, географически не связанных областях земного шара). Подобное же двойное объяснение — ареально-генетическое и типологическое — может быть предположено и по отношению к роли *медведя* в кетской модели мира. (Ср., с одной стороны, культ медведя на евразийском ареале и в Америке, и, с другой стороны, типологические параллели животному, в котором в известных ситуациях нейтрализуются противопоставления «своего» и «чужого», «человеческого» и «нечеловеческого», например, роль *ягуара* в некоторых южноамериканских традициях и т. п.) Двоичная структура противопоставлений, выявляемых при описании семиотических систем у кетов (например, противопоставление «верх» — «низ», существенное как для шаманского ритуала, так и для географической модели мира у кетов), может быть интерпретирована в связи с дуальной организацией коллектива, которая до сих пор в очень отчетливой форме сохраняется у кетов. В связи с уменьшением численности кетов и рядом других причин сохраняющийся до сих пор запрет инцеста способствовал кетско-селькупскому симбиозу, что в свою очередь благоприятствовало выработке упоминавшихся выше черт культурного и языкового сходства кетов и селькупов. С этими же процессами связана и выработка общих для кетов и селькупов культурных комплексов (например, одинаковых наборов орудий ремесла и соответствующих навыков). Характерно также наличие смешанных кетско-селькупских текстов — в частности, шаманских.

При исследовании кетских фольклорных текстов, в особенности метрических, удастся вычленив позднейшие наслоения и частично восстановить следы древнего енисейского эпоса, отраженного также и в традиции югов (сымских кетов). При синхронном описании кетского фольклора особый интерес представляет внутренняя классификация жанров, отражающая определенную классификацию ситуаций [так, песни подразделяются кетами на «свои» (т. е. «личные») песни, «женские», «шаманские» и т. д., ср. также «военные» сказки и т. п.], а также анализ правил порождения разных жанров фольклорных текстов (наряду с этим могут порождаться не только словесные тексты, но и тексты, описывающие одновременно структуру пространства, ср. данные о кетских картах).

В отношении песен, особенно «личных», характерно, что само понятие «песни» связывается у кетов с мотивом, а не со словами:

слова импровизируются, меняясь от ситуации к ситуации; в значительной степени не текст доминирует над песней (мотивом), а песня над текстом.

Фольклорные тексты вместе с тем представляют значительный интерес для выявления тех элементов кетской модели мира, парадигматические отношения между которыми в последнее время изучаются в связи с исследованиями кетской мифологии.

* * *

Настоящий сборник посвящается исключительно проблемам исследования кетского языка.

Кетский язык изучен явно недостаточно; до целой серии работ, изданных в последние годы (А. П. Дульзон, Е. А. Крейнович, К. Боуда, К. Доннер), некоторые главы грамматики кетского языка оставались ненаписанными — в частности, наши сведения о глаголе были весьма приблизительными и недостаточными даже для дешифровки имеющихся текстов. И сейчас еще не исключены крупные и неожиданные открытия в кетской грамматике. Даже в тех областях, которые были описаны еще Кастреном, например в фонетике, многого можно ждать от применения современных методов описания. Так, еще не решена задача фонологического описания кетских говоров. Совсем мало известно о просодических особенностях кетского языка, а между тем не исключено, что именно просодия может дать ключ к решению многих неясных проблем как кетской фонологии, так и грамматики (будучи важной также и для типологического сопоставления кетского с тоновыми языками Юго-Восточной Азии).

В области грамматики кетского языка специфичными являются грамматические альтернации гласных и согласных, в известной мере напоминающие «внутреннюю флексию», которые сочетаются в языке с агглютинацией. Особенно своеобразно в кетском языке то обстоятельство, что многие аффиксы выступают в различных позициях, т. е. могут и префигироваться, и суффиксироваться, и инфигироваться (что может свидетельствовать о еще относительно недавнем их самостоятельном характере). С другой стороны, характерно спорадическое появление на стыках морфем особых разграничительных элементов (как гласных, так и согласных), которые могут плеонастически нести вместе с тем и определенную грамматическую информацию. Следует отметить, что для кетского языка показательно наличие как полисинтетизма (т. е. включения в словоформу длинной цепочки местоименных показателей), так и инкорпорации (т. е. включения в словоформу корневых элементов, составляющих в совокупности значение слова).

Особой сложностью отличается кетский глагол, где длинное нагромождение морфем часто сочетается со всевозможными позиционными изменениями, плеоназмами, омонимией элементов, их многозначностью и т. п. В то же время строение кетского имени

относительно просто, при образовании именной парадигмы более или менее явно выражен принцип агглютинации. В отличие от глагола, который оформлен и префиксами, и суффиксами, и инфиксами, кетское имя оформляется почти исключительно суффиксами (как словообразовательными, так и словоизменительными; исключение составляют лишь префиксальные показатели посессивного склонения). Наконец, существуют и определенные фонологические различия в строении имени и глагола.

Весьма характерно совпадение многих служебных показателей, оформляющих парадигму имени и глагола в кетском (что может дать основание восстанавливать тип енисейского языка как изолирующий для относительно недавнего прошлого).

Глагол кетского языка составляет центр предложения и его минимальную форму, включая в себя основную грамматическую информацию о членах предложения; в то же время имя выступает часто как конкретизирующее приложение к глагольной форме. В частности, в глагол включены местоименные показатели, относящиеся как к субъекту, так и к объекту действия, т. е., иными словами, имеется субъектно-объектное согласование. Для кетского глагола чрезвычайно характерно то обстоятельство, что связь с субъектом обычно выражается в глагольной форме на периферии слова (т. е. при помощи префиксов и суффиксов), а связь с объектом — внутри глагола (т. е. при помощи инфиксов), причем есть основание полагать, что это является общей чертой и других енисейских языков: здесь могут быть усмотрены некоторые типологические аналогии с шумерским глаголом. При этом определенные особенности строения кетской глагольной словоформы заставляют предположить в ней явления, близкие к эргативной конструкции (эти явления в кетском особенно напоминают эргативную конструкцию в тех языках, где эргативность выражается исключительно в форме глагола, а не в падежах имени, ср. абхазский, эламский, некоторые индейские языки).

Необходимо отметить в качестве важной закономерности строя кетского языка формальную обособленность 3-го лица в кетском глаголе, что выражается как в появлении в этой форме особых показателей некоторых категорий (например, специальных показателей времени и т. п.), так и в изменении порядка элементов в структуре глагольной словоформы (у определенного класса переходных глаголов). Из других характерных черт кетского глагола можно указать еще на однофемность глагольного корня (что типологически опять-таки сближает кетский с полисинтетическими северо-западными языками Кавказа и индейскими языками Северной Америки), а также на специфическое и притом довольно сложное образование формы императива.

Имя в кетском противостоит глаголу относительной регулярностью и правильностью построения парадигмы. Падежная парадигма кетского имени и местоимения образуется от двух основ, причем одной основой служит форма именительного па-

дежа, а другой основой — форма родительного. В известной мере это напоминает финно-угорский способ образования падежной парадигмы.

Среди именных категорий характерно наличие посессивного склонения, сближающего кетский с языками, в окружении которых он находится (но в то же время и с такими языками, как бурушаски или юкагирский), а также категории рода (именных классов). При этом помимо мужского, женского и среднего рода представляется возможным выделить в кетском реликтовый четвертый род, значение которого обусловлено, видимо, *знаковостью* относящихся к нему слов (ср. специальный именный класс имен с относительно сходным значением в чукотском, в ряде кавказских, ср. также двухпадежные имена в арабском языке, которые можно рассматривать как класс собственных имен, и т. п.).

Наряду с задачей выявления и описания структурных закономерностей кетского языка важное значение приобретает сейчас исследование кетских диалектов. Еще несколько лет тому назад наши сведения о диалектных различиях кетского языка были минимальны (особенно, если исключить данные симского диалекта, который, как уже упоминалось, целесообразнее, видимо, рассматривать как особый енисейский язык). В результате работ, проведенных в последнее время, намечены основные линии расхождения говоров современного кетского языка — прежде всего в фонетике, а отчасти в морфологии и в лексике; появляются первые работы, посвященные решению тех или иных лингвистических вопросов на материале отдельных говоров. Прежняя ориентация на значительное единообразие кетского языка по всей территории его распространения в теперешних условиях может привести к искажению общей картины в тех случаях, когда на основании данных одного говора делаются попытки говорить о кетском языке вообще. Вместе с тем без учета фактов, относящихся ко всем кетским говорам, в настоящее время не может быть решен ряд насущных вопросов кетского и — шире — енисейского языкознания. Значение дальнейших исследований кетских говоров тем более велико, что они — единственный живой источник сведений о енисейских языках в целом.

Не меньшее значение, особенно в общем плане, имеют совсем недавно начавшиеся исследования в области сравнительно-исторического изучения енисейских языков. Сам факт, что положено начало работе в этом направлении, означает лингвистическое обоснование существования особой группы генетически родственных языков — енисейской, и — в дальнейшей перспективе — выдвигает задачу реконструкции некоторых черт общеенисейского источника всех известных нам енисейских языков. В связи с этим аспектом енисейское языкознание не может не заинтересовать и специалистов в области генетической классификации языков и общего языкознания. Естественно, что ввиду особенностей дошедших до нас материалов по вымершим енисейским языкам

целесообразнее всего начинать сравнительно-историческое исследование енисейских языков с фонетического уровня (тем более что это соответствует созданию необходимых предпосылок сравнительно-исторического изучения языков вообще). Уже первые результаты позволяют с известной долей вероятности различать более компактную в лингвистическом отношении североенисейскую группу языков и более разнообразную южноенисейскую, противостоящую первой рядом черт. Более сложную задачу представляет сравнительное исследование морфологии енисейских языков, поскольку в нашем распоряжении нет не только текстов на вымерших языках этой группы, но и нет описаний грамматики этих языков (если не считать коттского). Тем не менее источники XVIII в. по енисейским наречиям позволяют хотя бы в некоторой части выявить отдельные детали морфологии этих языков. Сопоставление же с диалектными данными современного кетского языка делает возможной реконструкцию отдельных черт морфологии енисейских языков. Без дальнейших исследований в области сравнительно-исторической фонетики енисейских языков невозможно создание запаса сколько-нибудь надежных внутриенисейских этимологий и тем более невозможно дальнейшее развитие этимологических исследований, в которых енисейские факты сопоставляются с фактами других языков (например, Центральной или Юго-Восточной Азии). К сожалению, большая часть имеющихся сопоставлений такого рода игнорирует стадию ближней внутриенисейской этимологии, что накладывает на многие заключения (даже при общем их правдоподобии) печать бездоказательности. Точно так же любой попытке установить связь енисейских языков с другими языками на грамматическом уровне должна предшествовать работа по сравнительному изучению морфологии енисейских языков и внутренней реконструкции основных черт грамматической структуры общеенисейского языка.

* * *

Первые сведения о кетском и о других енисейских языках восходят еще к первой половине XVIII в. и представляют собой небольшие списки слов из разных языков. От XVIII—начала XIX в. до нас дошел целый ряд таких глоссариев, собранных и записанных путешествовавшими по Сибири учеными. Здесь, в частности, должны быть названы имена Даниила Готлиба Мессершмидта, Филиппа Иоганна Страленберга, Герарда Фридриха Миллера, Иоганна Эбергардта Фишера. Деятельность этих ученых положила начало изучению енисейских языков. Собранные ими материалы представляют собой уникальный источник по исчезнувшим енисейским языкам; именно они дают возможность сейчас работать в направлении сравнительно-исторического изучения енисейской семьи языков. Записи по лексике различных енисейских языков, собранные путешественниками, вошли затем в «Сравнительный

словарь всех языков и наречий» Палласа и в «Asia polyglotta» Клапрота.

Особо должна быть отмечена деятельность И. Э. Фишера, предположившего, что енисейские «остяки» не имеют ничего общего с «остяками» обскими, т. е. уграми, так же как и с самодийцами, которых тоже называли тогда «остяками». Это предположение затем нашло научное подтверждение в трудах М. А. Кастрена. Фишер предполагал также, что енисейцы представляют древнейшее население средней Сибири, которое переместилось на север, теснимое тюркскими племенами.

Несомненно, наибольшая заслуга в деле изучения енисейских языков принадлежит Маттиасу Александру Кастрену, финскому ученому, путешествовавшему по Сибири по заданию Петербургской Академии наук. Именно Кастрен первый научно обосновал лингвистическую самостоятельность енисейской семьи языков. Ему же принадлежит честь первого описания коттского, кетского и югского («сымского кетского») языков с приложением словарных списков; этот труд был опубликован посмертно. Необходимо указать на исключительную самоотверженность Кастрена, работавшего в очень трудных условиях, а вместе с тем — и на необыкновенную точность его описания; можно только удивляться тому, как много он успел сделать за очень короткий срок.

Академик А. Шифнер, издавший труды Кастрена, в предисловии к этому изданию впервые предположил связь енисейских языков с тибето-китайскими. Эта гипотеза была впоследствии поддержана в трудах Дж. Бэрна и особенно Г. Рамстедта, а в более позднее время — в работах А. Тромбетти, К. Доннера, Э. Леви, К. Боуда, А. П. Дульзона и др.

Следующим по времени исследователем енисейцев был Василий Иванович Анучин; командированный Академией наук, он провел несколько лет среди кетов (1905—1908 гг.). Результатом его деятельности стала известная работа о шаманстве у кетов, значение которой выходит за рамки исследования енисейской проблематики. В. И. Анучин собрал большое количество кетских текстов и записал фонограммы; им же были собраны материалы для русско-кетского словаря и написана грамматика кетского языка. Однако собранные Анучиным лингвистические материалы не были опубликованы (в настоящее время они находятся в Центральном Архиве Узбекской ССР; следует отметить, что их опубликование отнюдь не потеряло своей актуальности).

Много труда посвятил изучению кетов Кай Доннер. Его усилиями было собрано значительное количество текстов и составлен самый крупный из опубликованных поныне кетский словарь, изданный посмертно Аулисом Йоки.

Существенный вклад в исследование кетов принадлежит Нестору Константиновичу Каргеру. В тридцатые годы по инициативе Научно-исследовательской Ассоциации ЦИК СССР Н. К. Каргер создал кетский алфавит и написал первый и един-

твенный букварь на кетском языке. Н. К. Каргер собрал много текстов и составил очерк кетского языка. Незаконная репрессия прервала его деятельность; его архив не удалось найти.

Перед самой войной кетами начал заниматься Г. М. Корсаков, но результаты его деятельности почти неизвестны: и сам исследователь и его материалы погибли в военное время.

Среди зарубежных исследователей следует отметить этнографические труды Х. Финдайзена, записавшего также и ряд текстов, Э. Леви, которому принадлежит работа о глаголе кетского языка и ряд ценных этимологий, и особенно К. Боуда, посвятившего енисейским языкам ряд важных исследований, которые внесли большой вклад как в изучение кетского языка, так и в установление связей енисейских языков с другими. В последние годы кетский язык привлекает внимание все более широкого круга ученых (назовем среди них О. Тайёра, Э. Хэмпса, Н. Хольмера, Э. Паллиблэнка).

С 1948 года кетским языком занимается А. П. Дульзон, под руководством которого были организованы регулярные экспедиции к кетам. Этими экспедициями был собран огромный материал по кетскому языку и фольклору, лишь частично опубликованный. А. П. Дульзон опубликовал целый ряд важных исследований по кетскому языку, в том числе труды по грамматике кетского языка, енисейским языкам XVIII в. и енисейской гидронимике.

С конца пятидесятых годов кетским языком занимается Е. А. Крейнович, несколько раз побывавший у кетов в длительных экспедициях. Е. А. Крейновичу принадлежат значительные исследования по кетской грамматике, во многом перевернувшие взгляд на строение кетского языка.

Из этнографических работ, посвященных кетам, следует особенно упомянуть исследования Б. О. Долгих и С. И. Вайнштейна. В настоящее время этнографией кетов занимается Е. А. Алексеев, давшая ценные описания кетской материальной и духовной культуры в разных ее аспектах.

В 1962 году была организована экспедиция имени Кастрена, посвященная памяти этого ученого, в которой приняли участие лингвисты Института славяноведения АН СССР и Московского университета. Эта экспедиция взяла на себя инициативу выпуска данных «Кетских сборников».

Трем исследователям — М. А. Кастрену, заложившему основы научного изучения кетского языка, В. И. Анучину, впервые описавшему кетов с культурно-антропологической точки зрения, Н. К. Каргеру, автору первого кетского букваря, положившему начало кетской письменности, — и посвящаются эти сборники.

Март 1966 г.

Вяч. Вс. Иванов
В. Н. Топоров
Б. А. Успенский

Г. К. ВЕРНЕР

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ СЫМСКОГО ДИАЛЕКТА КЕТСКОГО ЯЗЫКА¹

В живой речи носителей сымского диалекта кетского языка прослеживаются следующие варианты согласных: *м, б, п, ф, в, д, д', т, т', н, н', с, с', з, з', д'з', л, л', л, р, ч', ш, ж, ј, к, г, х, Ү, нг, к, ʔ, h². Среди этих звуков учтены не только основные и позиционно обусловленные, но и наиболее часто встречающиеся индивидуально-факультативные варианты согласных фонем³.*

Прежде чем перейти к рассмотрению фонематической принадлежности каждого из приведенных звуков, необходимо выявить, какие из них могут функционировать в качестве основных вариантов, и соответственно установить количественный состав согласных фонем данного диалекта. При определении тех или иных согласных как основных вариантов на основе их функционирования в тождественных фонетических условиях мы будем исходить из сильных позиций (т. е. таких, в которых звуки в наименьшей степени зависят от фонетических условий).

Из губных согласных на основе их функционирования в тождественных фонетических условиях можно выделить в качестве основных вариантов следующие звуки: *м, б, ф*. Например, согласные *б, ф* охвачены фонологическим противопоставлением в начале слов перед гласными или в середине слов между гласными. Сравним эти звуки в следующих минимальных парах:

¹ Статья написана на основе рукописных материалов (в 24 томах), собранных в экспедициях под руководством проф. А. П. Дульзона.

² Подробная фонетическая характеристика звуков кетского языка содержится в книге А. П. Дульзона (Дульзон, 1964).

Объясняем некоторые специальные знаки применяемой здесь транскрипции: *ʔ*⁰ — огубленный гласный среднего ряда среднего подъема языка, *ə* — открытое *е*, *е* — закрытое *е*, *нг* — заднеязычный носовой сонант, *с* — губно-зубной спирант, *ʔ* — гортанный смычный, *Ү* — заднеязычный звонкий спирант, *к* — увулярный смычный.

³ Тот факт, что сымских кетов, владеющих своим родным диалектом, осталось лишь около восьми человек, побуждает нас подробно рассмотреть и индивидуально-факультативные варианты согласных фонем, так как не исключено, что они могут восходить к былой дифференциации диалекта по говорам.

бинг 'рука'
бу 'он', 'она'
баттат 'лицо'
бъ'нынг — мн. ч. от бъ'н
'утка'

финг 'кедры'
фу 'сердце'
фаттат 'верхушка'
фъ'нынг 'песчинки, ка-
мушки'

В указанных позициях можно проследить и противопоставленность этих согласных сонанту *м*, например:

мам 'грудь'
хемейнг — мн. ч. от хема
'бабушка'
ламынг 'доски'
хемын — мн. ч. от хем
'женщина'

бам 'моя мать'
хебейнг — мн. ч. от хеп
'дед'
лафынг 'куски'
хефынг — мн. ч. от хеп
'луна'

Губные *е*, *п* отмечены нами в этих позициях только в некоторых новейших русских заимствованиях⁴, например: *дивига-туоргет* 'двигал', *вэть* 'вата', *пила* 'пила', *пи́янъ* 'пьяный', *пи́чкан* 'спички', *пэ́тнай* 'рябой' (из русск. «пятнистый»), *пал'итуаргет* 'пали! (утку)'. Кроме того, согласный *п* отмечен в некоторых кетских словах в позиции перед гласными после согласных *т*, *х*, *нг*, а именно: *ути́нгпал хеп* 'полная луна' (ср. *э́нгбагахан* 'прыгать стану'), *къ'хпын* 'муха', 'паут', *хохпын* 'кукушка', *д'ажпыл* 'куча', *ъ'хпес* 'вдруг' (ср. *дъ'Убагахан* 'стану жить'), *батпыл* 'колени', *датпи* 'спрашиваю', *атпе́жэ* 'лётся', *итпаде* 'знаю', *хутпес* 'дымовое отверстие в чуме', *хотпес* 'раньше', 'в начале' (у М. А. Кастрена), *утпанг* 'слепой' (у М. А. Кастрена). Поскольку, однако, все эти случаи единичны, то *п* не выделяется нами как основной вариант самостоятельной глухой фонемы /п/.

Во всех других случаях, как будет показано ниже, эти согласные выступают как позиционно обусловленные варианты фонем.

Из переднеязычных согласных в положении перед гласными в начале слов и между гласными в середине слов охвачены фонологическим противоположением звуки *д*, *т*, *н*, *с*, например:

идинг 'солнцу'	итинг 'зубы'	
дын 'ель'	тын 'котел'	
данг 'к нему'	нанг 'к ним'	
адынг 'кости'	анынг 'разум'	асынг 'перья'
этынг 'живые'	энынг 'иголки'	эсынг 'штыри'
ду: 'дым'	ту: 'неспелый'	су: 'рябчик'
дарынг — мн. ч. от дар 'жилка'	тарынг — мн. ч. от та:р 'выдра'	сарынг — мн. ч. от са:р 'ночь'

⁴ В более ранних русских заимствованиях *е* заменялся звуком *б*, а *п* — звуком *ф* (в имбацких говорах звуком *һ*). См. Доннер, 1932, стр. 1—6.

Противопоставленность согласных *т*, *н*, *с* можно проследить и в некоторых других позициях, например в конце слов:

уот 'мышь'	уос 'береза'
ен 'теперь'	ес 'штырек'
иен 'долго'	иет 'зуб'

Переднеязычный вибрент *р* и боковой *л* противопоставлены во всех фонетических условиях, кроме начальной позиции в слове, так как *р* в этой позиции вообще не встречается. Приведем некоторые примеры:

хорап 'рана'	холап 'сторона'
урди — род. пад. от ур 'вода'	улди 'я мокрый'
дар 'жилка'	дал ср. дал и:с 'полрыбы'
биер 'далекий'	биел 'ласточка'
сул 'нельма'	сур 'кровь'
тырынг — мн. ч. от тыр 'носок чайника'	тылынг — мн. ч. от тыл 'пуп'

Противопоставленность заднеязычных согласных *к*, *х*, *нг* можно проследить в следующих минимальных парах:

коп 'бурундук'	хоп 'подошва'	
кангын 'дыры'	хангын 'коршуны'	
кат 'старый'	хат 'шуба'	
донг 'три'	дох 'дикий'	
хук 'Енисей'	хунг — мн. ч. от хус 'чум'	
хык 'дорога'	хынг 'берёсты' (мн. ч.)	
хок 'звезда'	хок 'один, одна'	хонг 'рог'

Приведем также некоторые примеры, иллюстрирующие фонологическую противопоставленность носовых сонантов *м*, *н*, *нг*:

он (он д'э́нг 'семь че- ловек')	онг — мн. ч. от оу 'луг, поляна'	
амдинг 'к матери'	ангдинг 'на ве- ревке'	
им 'орехи'	ин 'игла'	
дон 'нож'	донг 'гной'	
э́н'э́нг 'шаман'	э́нг'э́н 'искра'	
хон 'грешный'	хон 'рты'	хонг 'рог'
ха:м 'старуха'	ха:н 'слова'	ха:нг 'коршун'

Среди палатализованных согласных сымского диалекта следует различать сильно палатализованные и частично палатализованные⁵. Частично палатализованные всегда обусловлены опре-

⁵ См. Дульзон, 1964, стр. 36, 37.

деленными фонетическими условиями и не функционируют в качестве самостоятельных фонем (в транскрипции эти варианты нами особо не выделяются). Из сильно палатализованных согласных, сближающихся по качеству с соответствующими звуками в русском языке, могут быть выделены как основные варианты самостоятельных фонем следующие: *д'*, *н'*, *л'*, *ч'*⁶. Сравним эти звуки с соответствующими непалатализованными:

<i>данг</i> 'к нему'	<i>д'анг</i> 'стволы деревьев'
<i>идинг</i> 'к солнцу'	<i>ид'инг</i> 'писанный'
<i>энинг</i> 'иглы'	<i>эн'инг</i> 'зятя'
<i>иен</i> 'долго'	<i>иен'</i> 'ноготь'
<i>алынг</i> 'брюки'	<i>ал'инг</i> 'сильно, очень'
<i>асфыл</i> 'облако'	<i>асфы:л</i> 'облака'
<i>тигбес</i> 'белый'	<i>ч'игбес</i> 'по лебедю'
<i>тап</i> 'кольцо у берестяного сосуда'	<i>ч'ап</i> — мн. ч. от <i>ч'ип</i> 'собака'
<i>тога</i> 'грудь'	<i>ч'ога</i> (<i>ч'ога ч'ыс</i> 'точильный камень')

В произношении носителей диалекта нередко встречается и сильно палатализованный *с'*, совпадающий с соответствующим русским звуком, например: *с'ыл'гей* 'налево', *бъ:с'е* 'нет'. Однако этот звук не противопоставлен фонологически твердому *с*⁷ и может быть определен только как индивидуально-факультативный вариант фонемы /*c*/.

Таким образом, из всех перечисленных согласных звуков только *м*, *б*, *ф*, *д*, *д'*, *т*, *н*, *н'*, *с*, *л*, *л'*, *р*, *ч*, *к*, *х*, *нг* выделяются нами как основные варианты фонем. Соответственно следует различать в сымском диалекте шестнадцать самостоятельных согласных фонем.

Чтобы рассмотреть, как распределяются по фонемам позиционно обусловленные и индивидуально-факультативные варианты, мы остановимся на особенностях реализации каждой согласной фонемы в отдельности.

Фонема /*м*/ встречается, за единичными исключениями, только в середине и конце слов⁸ и в общем мало характерна для кетского языка, например: *донгамък коси* 'тринадцать', *фомыл'инг* 'мят-

⁶ Как будет показано ниже, *ч'* развивался из сильно палатализованного *т'*.

⁷ Кастрен также указывает (Кастрен, 1858, стр. 3), что палатализованный *с'* встречается только в имбацком, в котором он имеет фонологическое значение (см. также: Боуда, 1958, стр. 430).

⁸ В котском, который испытал сильное тюркское влияние, фонема /*м*/ часто появляется в начале слов вместо фонемы /*б*/ в результате ассимиляции (см. об этом: Кастрен, 1858, стр. 13 и предисловие, а также: Шифнер, 1858, стр. 284).

В сымском диалекте *б* переходит в *м* перед *н* только внутри слов, например: *дромн'и* (вместо *дробн'и* из русск. «дровни»), *дигимн:т* 'взял', ср. *дигибз:т* 'беру'.

кий', *дина:мдъ'й* 'трясу (головой)', *тиг бимбус* 'снег тает', *уд'имынг* 'пескари', *дина:мут* 'сосу', *самыра д'энг* 'остальные люди', *фемба* 'тунгус', *дин'имыртет* 'нырнул (я)', *лам* 'доска', *там ассъ* 'что-то', *тулым* 'новый', *и:нам* 'давно', *со:м* 'томар', *тум кэт* 'смуглый человек'. В начальной позиции эта фонема отмечена нами в словах *мам* 'грудь', *мамыр* 'молоко', *мымпыл* 'круглый', *ман'ч'иранг н'ен* 'кислый хлеб', *мэл'л'ан* 'колотушка для колки дров' и в некоторых словах, заимствованных из русского языка, например: *мэт* 'медь', *мблъ* 'смола', *мос* 'мост', *мин'атэсанг* 'менять чтобы', *мбткан* 'катушки с нитками'⁹.

Фонема /*б*/ представлена вариантами *б*, *п*, *в*. Из них вариант *б* является основным, встречающимся в начале и середине слов в сочетании с гласными или звонкими согласными. В потоке речи он появляется и в конце слов в тех случаях, когда следующее слово не отделяется значительной паузой и начинается с гласного или звонкого согласного. Примеры: *багарфоут* 'жди меня!', *бейбъ кэт* 'сирота', *диби:ргарынгы* 'мы воевали', *багоби:рде* 'я слышал', *дообругын* 'мы качали его', *аб у бабиноут* 'я устану', *ди:бд'ейт* 'читаю', *диббет* 'делаю (это)', *бимбахотн* 'поспеет (ягода)', *ч'иб ду:л'адингэсанг* 'собаку чтобы погладить', *фыб былду* 'сын был', *диббата* 'пахнет'.

Вариант *п* может быть комбинаторного или позиционного характера. Он встречается в середине слов или на стыке слов в потоке речи перед глухими согласными, а также в абсолютном исходе слов. Примеры: *ап хема* 'моя бабушка' (ср. *абыс* 'мой'), *оп* 'отец' (ср. *обо* 'отец!'), форма зват. падежа), *ди:птет* 'бьет' (ср. *диби:нтет* 'ударил'), *дикнги:псинг* 'я привязываю' (ср. *дикибинсинг* 'я привязал'), *да:пч'ет* 'скоблю', *ди:п* 'я ем', *ку:п* 'ты ешь' (ср. *диби:р* 'я ел', *кубан* 'вы едите'), *ди:пч'анг* 'тащу (что-то) волоком', *ду:пч'анг* 'он тащит (что-то) волоком' (ср. *диби:рч'анг* 'я тащил волоком'), *ап фып кидагейду* 'мой сын здесь'.

Вариант *в* встречается sporadически в индивидуальном произношении в положении между гласными, например: *дейковиндах* (вместо *дейкобиндах*) 'брошу тебя', *бу ад батавак* (вместо *батабак*) 'он меня оставил', *мыладоктавил'гит* (вместо *мыладоктабил'гит*) 'намылил', *даку:л'довынд'оу* (вместо *даку:л'добынд'оу*) 'побрела', *хэвыне* (вместо *хэбыне*) 'наклонил'.

Фонема /*ф*/ представлена вариантами *ф*, *п*, *в*. Ее основной вариант *ф* встречается в начале и середине слов в положении перед или между гласными¹⁰: *а:фэсанг* 'жарко чтобы стало', *а:фей*

⁹ Более подробно об употреблении фонемы /*м*/ см. Доннер, 1932.

¹⁰ В работе М. А. Кастрена (см. Кастрен, 1858) после долгих гласных и дифтонгов согласный *ф* встречается и в конечной позиции в слове. Однако нами он наблюдался в этой позиции только в формах глагола «закрывать»: *ан'д'и:ф* 'закрой!' (реже: *ан'д'и:п*), *ка:д'ыф* 'ты закрываешь', *до:рд'ыф* 'я закрывал'.

‘мех для поддувания у плавильни’, *фагајесанг* ‘резать чтобы’, *фа:рсей* ‘нора’, *фъ°лънгансинг* ‘сшей!’, *эфыр* ‘брусника’, *ирфу:т* ‘подожди!’, *ди:рфынг* ‘опух’, *фи:кфай* ‘с мужчиной’, *санфан* ‘без белок’, *ч’онгфа:с* ‘камнями’, *дикъ°:тфына:х* ‘(я) перезимовал’.

Вариант *п* этой фонемы реализуется в середине и в конце слов. В середине слов этот звук появляется в позиции перед глухими согласными, после сонанта *м* и в удвоении *пп*; в конечной позиции он появляется перед начальным глухим согласным следующего слова или в абсолютном исходе. Примеры: *а:пкуч’охон* ‘ты вспотел’, ср. *а:фэ* ‘жарко’; *дуп’чанг* ‘крючки у самолета’, ср. *дупын* — мн. ч. от *дуп* ‘уда’; *сеп* ‘довольно’, ср. *сейфэ* ‘достаточно имеется (чего-то)’; *ха:п* ‘дома’, ср. *ха:фэ* ‘дома находится (что-то)’; *ампа:с* ‘с матерью’, *лампан* ‘без доски’, *оппан* (вместо *обфан*) ‘без отца’, *даъ°ппы* ‘она крутит (веревку)’, ср. *даби:нфы* ‘она крутила (веревку)’.

Как показывают приведенные примеры, в некоторых позициях фонемы /б/ и /ф/, нейтрализуясь, совпадают в варианте *п* (см. сноску 13).

Вариант *в* отмечен нами лишь в некоторых случаях в индивидуально-произношении, где он появляется вместо *ф* в позиции между гласными, например: *хаванэсанг* ‘онеметь чтобы’, *хаванди:н’е* ‘я онемел’, ср. *хафанда* ‘она молчаливая’ (букв. ‘она бессловесна’); *а:н’д’ивын* ‘закройте!’, ср. *а:н’д’иф* ‘закрой!’, *хаваткугахан* (вместо *хафаткугахан*) ‘заходить станешь’, ср. *хафэ* ‘дома находится’.

Фонема /д/ встречается преимущественно в начале и в середине слов перед гласными и в сочетании со звонкими согласными. В конце слов она появляется только при ассимиляции конечного глухого *т* перед начальным звонким согласным следующего слова. Примеры: *ур да:бдъ°п* ‘воду пьет’, *даирдидох* ‘она (огонь) меня съела’, *дуйдамын* ‘они спят’, *буда дондыл* ‘его ножны’, *дудангбъ°к* ‘он нас найдет’, *ад донад’и* ‘снова пришел’, *хад бъ°:с’е* ‘шубы нет’, *бангдинг* ‘к земле’, *тъ°:рдънгогон* ‘мы мерзнуть стали’, *ду:сор-диди* ‘(я) грелся’.

Палатализованная фонема /д’/ представлена следующими вариантами: *д’*, *т’*, *з’*, *д’з’*, *ј*.

Согласный *д’* является основным вариантом, который встречается в сочетаниях с гласными и звонкими согласными. Вариант *т’* обусловлен определенными фонетическими условиями: он встречается только перед глухими согласными, перед сонантом *н* и в абсолютном исходе слов. Примеры: *ад’бо:рде* ‘я болел’, *ад’аде* ‘он болеет’, *уд’дингъ:р* ‘от поясицы’, *барбед’аргет* ‘молись!’, *кид’инггади:* ‘ты пишешь’, *илбед’ эУос* ‘разрушенный (сломанный) дом’, *ач’ч’ад’у* ‘наливай!’, *аед’ы:п* ‘стой!’, *эт’н* — мн. ч. от *эт’* ‘соболь’ (ср. *эд’оуесанг* ‘соболя чтобы промышлять’), *бат’* ‘снег’, (ср. *бэд’ач’и* ‘снег идет’), *хэ:т’* ‘жердь’ (ср. *хэд’инг* ‘жерди’), *хуот* ‘щука’ (ср. *худ’алгит* ‘щучка’, *хуод’бъл* ‘май’, букв. ‘щучий месяц’), *хут* ‘шаманить’ (ср. *худ’есанг* ‘чтобы шаманить’).

Согласные *з’*, *ј* и аффриката *д’з’* представляют собой индивидуально-факультативные варианты фонемы /д’/, прослеживающиеся в начале и середине слов в позиции перед гласными или между гласными, например: *з’и* (или: *д’з’и*), мн. ч. *з’анг* (или *д’з’анг*) ‘ствол’, ‘комель’, *ад’з’ороде* ‘он болел’, *ад’з’ах* (реже: *ад’ж’ах*) ‘пошел вон!’, *з’ик* ‘смола хвойных деревьев’, *кир’з’и:ф* ‘ты закрывал’, *з’и:р* (или *д’з’и:р*) ‘спой!’, *јъ°с* ‘моча’, *јъ°гар* ‘обман’ (вместо: *д’ъ°с*, *д’ъ°гар*).

Фонема /ч’/ развилась в сымском диалекте сравнительно недавно из сильно палатализованного *т’* в позиции перед гласными в начале и в середине слов. В этих позициях звук *т’* отмечен нами только в нескольких русских заимствованиях (ср. *т’енъ* ‘стена’, *т’икло* ‘стекло’), но еще у М. А. Кастрена он зафиксирован регулярно во всех позициях и, судя по тому, что аффриката *ч’* им почти не отмечена, палатализованный *т’* еще не подвергся тогда спирализации¹¹. Таким образом, фонема /ч’/ представлена в настоящее время вариантами *ч’*, *т’*, причем *т’* появляется только перед глухими согласными и в абсолютном исходе слов¹². Примеры: *ч’анпъм* ‘черпак из бересты для вычерпывания воды из лодки’, *дач’а:н’чанг* *и:с’* ‘она таскает рыбу’, *дич’обырч’ангын* ‘мы таскали (рыбу)’, *ч’абълап* ‘октябрь’, *ч’екне* ‘детали нарты’, *ч’ич’ик* ‘разновидность птиц’, *ч’етфай* ‘с мужем’, *бит’* ‘гагара’, *ха:т’к’ей* ‘потом’, ‘после’, *лыт* ‘гора’, *дит’* ‘глухарь’.

Как показывают рассмотренные примеры, позиция, в которой появляется вариант *т’*, выступает как позиция нейтрализации по отношению к фонемам /д’/, /ч’/¹³.

Кроме описанных вариантов фонемы /ч’/ можно еще указать на индивидуально-факультативный вариант *с’*, появляющийся нередко в произношении Т. С. Латиковой (Ворогово), например: *с’ип* (вместо *ч’им*) ‘собака’, *с’ел* (вместо *ч’ел*) ‘мамонт’, *с’ет* ‘муж’, *с’иек* ‘змея’.

Фонема /тал/ встречается сравнительно часто в любом положении в слове (начало, середина и конец слова), например: *татылынг* ‘правый’, *атнто* ‘передний угол чума’, *дитадде* ‘усну’, *ахтада* ‘(она) хорошая’, *дити:би* ‘спрашиваю’, *тигбесатонах* ‘белый стал’, *тоуд’ингата:птет* ‘толкаю (его)’, *дордिति:п* ‘(я) остановился’.

Фонема /н/ встречается преимущественно в середине и конце слов. Приведем некоторые примеры: *хонгахантард’у* ‘забодай!’, *дусобындах* ‘бросил (что-то)’, *беинганг* ‘к ним’, *еннанг* ‘к нам’, *о:нэ* ‘много’, *киндох* ‘ты прилетел’, *олынфан* ‘безносый’, *биса:бан* ‘вечер настает’, *дъ°:нгсон* ‘мы смотрим’. В начальной позиции

¹¹ См. Кастрен, 1858.

¹² Конечный *ч’* отмечен нами лишь в словах: *холач* (чаще: *холач’и*) ‘копыто’, *феч* (реже: *феч’и*) ‘печь’.

¹³ В случаях нейтрализации фонем /б/, /ф/ и /д’/, /ч’/, по-видимому, целесообразней говорить о их чередовании; в таком случае согласный *п* следует рассматривать только как вариант фонемы /ф/, а согласный *т’* только как вариант фонемы /ч’/.

в слове она появляется, за единичными исключениями, только в русских заимствованиях, например: *нук* 'внук', *накомъ* 'знакомый', *нас* 'снасть', но: *на:дъ'й* 'потрогай!', *на:д'ут* 'соси (грудь)!', *нуманг* 'сказали'.

Палатализованная фонема /н'/, как и фонема /н/, встречается в основном в середине и конце слов; в начале слов она отмечена нами только в единичных случаях. Примеры: *н'ен* 'хлеб', *н'и ассерасит* 'нисколько', *и: ейсахын* 'солнце всходит', *фон* 'перхоть', *бъ'он* 'нет', *денен'инг* 'болото', *хы:н'е* 'быстро' (о течении реки), *с'ин'уо:ргет* 'и:с' 'взвешивай рыбу!', *кан'ду* 'он там', *ди:н'абди* 'зажигая', *ейн'ам* 'невестка', *фен'а* 'маленький', *а:н'д'и* 'точн! (нож)'.

Фонема /с/ широко варьирует в сымском диалекте в произношении разных лиц, а часто и в произношении одного и того же лица, от звука *с* до звука *ш*, совпадающих по качеству с соответствующими русскими звуками. Можно выделить следующие варианты этой фонемы: *с*, *с'*, *з*, *з'*, *ш*, *ж*, *ш*, *ж*. Все они, кроме звуков *с*, *з* — индивидуально-факультативные. Вариант *с* воспринимается как соответствующий русский звук или как шепелявое *с*. Он прослеживается обычно в произношении сымских кетов более пожилого возраста и выделяется нами как основной вариант. Вариант *з* появляется в позициях озвончения глухого *с* перед звонкими смычно-взрывными *б*, *д*, *д'* и воспринимается соответственно как звук, совпадающий с таким же звуком в русском языке или как шепелявое *з*¹⁴. Приведем некоторые примеры с этими согласными: *суй* 'комар', *атэсанг* 'искать чтобы', *сезбес оонде* 'вдоль речки ушел', *сабот* 'скарб', 'имущество', *самэсанг* 'за ягодами', *кездингы.р* 'из налива', *сурбездъ'нг* 'мы красные', *бэс* 'заяц', *а:здингы.р* 'из пера', *усалгит* 'березка', *оксыданг* 'на дерево', *и:соуэсанг* 'рыбачить', *сазаргет* 'скажи!', *анбоксы* 'завтра'.

Варианты *ш*, *ж*, *ш'*, *ж'* встречаются в основном в произношении представителей более молодого поколения, у которых в известной степени сказываются произносительные привычки русского языка, например: *шах* 'белка', *ужданг* 'на березу', *шаммъ* 'ягода', *ша:рэсанг* 'ночевать чтобы', *эндишук* 'забыл', *тигбежда* '(она) белая', *урэш* 'дождь', *биж'динг* 'к вечеру', *и:ш* 'рыба', *ейш* 'бог', *ш'уш'и* 'полночь'.

Сильно палатализованные *с'*, *з'* встречаются sporadически в любом положении в слове, например: *с'уингат* 'рубашка', 'платье', *бъ'о:с'енку* 'ты не можешь (не в состоянии)', *с'ин'уо:ргет* 'и:с' 'взвешивай рыбу!', *из'ди ч'ы* 'рыбы голова'.

Фонема /р/ встречается только в середине и конце слов: *бирей* 'откуда', *урэсанг* 'за водой', *сар* 'табак', *ир* 'песня', *ъ'оргей* 'вне', 'снаружи', *кабрэсанг* 'караулить чтобы', *торгей* 'в ручье'. В начальной позиции эта фонема отмечена нами лишь в некоторых

русских заимствованиях, например: *рамър* 'дверь' (реже *ламър*), *рососфъ хеп* 'январь' (букв. 'рождественский месяц'), *роботэсанг* 'работать чтобы'.

Непалатализованная фонема /л/ встречается довольно часто в любом положении: *дифылс* 'жуёт', *кулысе* 'ты мокнешь', *иол* 'шкура', *дыл* 'ребенок', *ылынг* 'стружки', *ламтыр котси* 'клоп', *лапынгэсанг* 'кусать чтобы', *латарынг* 'наросты на деревьях', *хол* 'большой палец', *лъ'мпоксы* 'ольха'. В индивидуальном произношении появляется sporadически вариант *л*: например, *бул* (вместо *бул*) 'нога', *лытси* (вместо *лытси*) 'черт'. Этот вариант встречается нередко вместо *л* перед гласными переднего ряда: *сейлэ* 'плохо', *кулен* 'горностай', *форулика оксы* 'короткая палка'.

Палатализованная фонема /л'/ также встречается в любом положении в слове. Примеры: *э:л'*, мн. ч. *эл'ингын* 'острога', *дул'ингтед'есанг* 'отвязать чтобы', *ил'ејанг* 'жабры', 'плавники', *л'анг* 'крепкий', *л'утн* 'мелкая рыба', *л'еныбой кэт* 'ленивый человек', *ко:л'* 'пни' (мн. ч. от *кол* 'пень'), *фу:л'* 'молот', *а:л'е* 'вязко', 'жидко'.

Фонема /нг/ никогда не встречается в начале, но очень часто прослеживается в середине и конце слов: *дейч'органгди* 'он вас посылал', *беинг ситонгон'е* 'они проснулись', *фъ'оринг* 'пузыри', *фынгч'оунг кэт* 'опухший человек', *хенгдујангын* 'они большими стали', *д'енганг* 'к людям', *къ'нгга:бди* 'вы слышите', *сукнеду* '(он) толстый', *дугајангхотн* 'они залезают (на дерево)'.

Фонема /к/ представлена вариантами *к*, *г*. Согласный *к* является основным вариантом этой фонемы; он встречается в начале и конце слов, а также в середине слов в сочетании с глухими согласными и перед сонантом *нг*. Примеры: *коты* 'нутро', *хок фун* 'одна дочь', *кобынад'и* 'хватило (хлеба)', *ук* 'твой', *энг* 'дни', *кат* 'старый', *банзук* 'нора', *кангдингы.р* 'из дыры', *деткоры* 'поднимал тебя', *кактангкъ'нг-гынен* 'вы подпоясываетесь', *ч'ок* 'топор', *кыаргет* 'плати!'.

В положении между гласными этот вариант отмечен нами в русских заимствованиях и в кетских словах на -ка, например: *д'акор* 'якорь', *лопыка* 'блоха', *фыч'ика* 'немножко'.

Вариант *г* встречается только в середине слов между гласными, между гласными и сонорными или между гласными и звонкими смычно-взрывными *б*, *д*: *хогди* 'осень', *богдам* 'ружье', *хугдинг* 'к Енисею', *тидгот* 'корма лодки', *тигбеску* 'ты белый', *та.бгит* 'мажет', *ди.бгар* 'воюю', *игнытет* 'отпарывай!', *дугајанггыгын* 'они летят', *кесагун* 'ты пляшешь', *дифото:ргет* 'вытер (я)', *ургеје* 'в воде находится (что-то)', *л'амга* 'веревка у нарты'.

В начальной позиции он появляется лишь в заимствованиях (*губа* 'губа', *гира* 'гирия', *гол'ный доп* 'она вылитый отец'), а в конечной — в тех случаях, когда следующее слово не отделяется значительной паузой и начинается со звонких *б*, *д*, *д'* (*уг д'енг* 'твой люди', *фиг былду* 'мужчина был'), и sporadически, если оно начинается с гласного (ср. *хог энг* 'одно яйцо', *ук ам* 'твоя мать').

¹⁴ Шепелявое *с* и нормальное *с*, совпадающие с соответствующим русским звуком, обозначены одним и тем же транскрипционным знаком.

Фонема /x/ представлена вариантами *x*, *Y*, *k*, *h*. Основной вариант *x* встречается в любом положении в слове, кроме позиции перед звонкими смычно-взрывными согласными; *хо:ja* 'берлога', *ханданг* 'к царю', *хохыл'анг ур* 'горькая вода', *хохлын'инг* 'ку-кушки', *ахэсанг* 'задровами', *хатимейбирата* 'кашлял', *эхтид'ахн* 'слушайте', *охтингдинг* 'в ухо', *лохч'оунгду* '(он) грязный'.

Вариант *Y* появляется как комбинаторный в позициях озвончения глухого *x* перед *б*, *д*, *д'*: *лэ°Yдингы:р* 'из материи', *хоYдинг* 'к звезде', *аYбес* 'по дровам', *дэ°Yбагахан* 'жить стану'. Спорадически он встречается и в позиции между гласными: *кэ°Yын* (чаще: *кэ°хын*) 'лисица', *э°Yын* (или: *э°хын*) 'ветви', *энбагаYан* 'прыгать стану'.

Вариант *k* отмечен нами только в произношении Е. С. Савенковой (Ярцево), у которой он воспринимается в исходе слов вместо *x*: *хак* 'елец', *хок* 'звезда', *ак* 'деревья', *тэ°к* 'палец', *сак* 'белка'. Вариант *h* встречается спорадически в порядке ослабления звучания согласного *x*; *хонса:р* (вместо *хонса:р*) 'темная ночь', *хутй* (вместо *хутй*) 'вперед', *кофынхын* (вместо *кофын хеп*) 'апрель' (букв. 'бурундучий месяц').

Из всех перечисленных согласных мы не коснулись лишь гортанного смычного ?. Вопрос о его фонологической значимости рассмотрен нами в специальной работе с привлечением экспериментальных данных и поэтому в настоящей статье особо не освещается. Заметим лишь, поскольку речь идет о согласных фонемах, что он рассматривается нами не как согласная фонема, а как проявление фонологического средства более высокого уровня, нежели фонемный.

Согласный *j*, определенный выше как факультативный вариант фонемы /*д'*/, можно исходя из некоторых фонетических явлений в консонантизме сымского диалекта рассматривать и как самостоятельную фонему, находящуюся на стадии своего становления. Кроме случаев факультативного чередования этого согласного со звуком *д'* (ср. сым. *д'азори* или *јазори*, имб. *даYaley*; сым. *дијэ°гарсигет* 'я вру', *дијэ°гари:ргет* 'я врал', но: *д'э°гарбагахан* 'врать стану', *атá д'э°гари:ргет* 'не ври!') наблюдаются случаи, где он полностью вытеснил *д'*. Это подтверждают соответствующие слова из говоров имбацкого диалекта, в которых в этих случаях появляется согласный *д*: сым. *урајон*, имб. *улодап* 'пей!'; сым. *фојон*, имб. *ходап* 'рыбий хвост'; сым. *кунетијон*, имб. *кунгетедап* 'глотай!' ¹⁵. Это чередование генетически родственно соответствующей коттско-кетской звуковой параллели, о которой упоминает А. Шифнер ¹⁶, и обусловлено тем же процессом спирализации, который лежит в основе чередующегося ряда *т' — ч' — с'* (см. варианты фонемы /*ч'*/).

Иногда сымскому *j* соответствует в имбацком диалекте со-

гласный *г*, ср.: *ди:јах*, имб. *ди:гак* 'выступать наружу'; *дијадэx*, имб. *дигадак* 'живу'. В таких случаях эти согласные восходят к гортанному смычному ?, что подтверждается индивидуально-факультативным чередованием всех трех звуков в сымском диалекте: *дијунг*, *диггунг* или *ди'унг* (у М. А. Кастрена) 'подпрыгну'.

Кроме того, *j* сохраняется почти во всех русских заимствованиях в начальной позиции в слове: *једба* 'едва', *југун* 'кет' (самоназвание сымских кетов — от русск. «юг»), но: *а:ш'ей* 'ящик'.

Необходимо далее отметить, что в русских заимствованиях можно проследить фонемы, которые в кетских словах функционируют лишь как позиционно обусловленные варианты фонем. Так, например, в более ранних заимствованиях начальные или интервокальные согласные *n*, *v* обычно заменялись другими звуками (ср. *бопсе* 'вовсе', *боропт кэт* 'поворотливый человек', *фарус* 'парус'), а в более поздних заимствованиях они сохраняются (см. варианты фонем /*ф*/, /*б*/). То же самое можно сказать и о согласном *г* в начальной позиции в слове, ср.: *корот* 'город', *котобе* 'готово', но: *губа* 'губа', *гбл'ик* 'метла'.

Как и все другие языки Советского Союза, кетский язык испытывает сильнейшее влияние со стороны культурно воздействующего на него русского языка. Освоение многочисленной русской лексики не может не сказываться на фонологической системе языка и особенно сымского диалекта, носители которого к тому же в большинстве случаев пользуются русским языком, прибегая к родному диалекту лишь в редких случаях. Это влияние со стороны русского языка сказывается не только в том, что некоторые позиционные варианты функционируют в заимствованиях как самостоятельные фонемы, но и в появлении многочисленных факультативных вариантов (ср. варианты фонемы /*с*/) и в том, что расширяется употребление некоторых фонем (ср. употребление сонантов *м*, *н*, *н'*, *р* в начальной позиции в слове). Таким образом, в заимствованиях наблюдается несколько иное функционирование фонем, чем в кетских словах, и, кроме того, несколько большее их количество: кроме описанных шестнадцати фонем и фонемы /*j*/ в них функционируют в роли самостоятельных фонем *n*, *v*, *г*.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бода, 1958 — К. Bouda, *Über «Ketica, Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen» von Kai Donner*, — ZDMG, Bd. 108/2, 1958.

Доннер, 1932 — К. Donner, *Russische Lehnwörter im Jenissei-Ostjakischen*, — *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, Ser. B, vol. 27, Helsinki, 1932.

Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, ч. 1, Томск, 1964.

Кастрен, 1858 — М. А. Castren, *Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, SPb., 1858.

Шифнер, 1858 — А. Schiefner, *An- und Auslaut bedingen sich gegenseitig*, — *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique*, — vol. 3. SPb., 1858.

¹⁵ Примеры из имбацкого диалекта взяты у М. А. Кастрена (см. Кастрен, 1858).

¹⁶ См. Кастрен, 1858, предисловие, стр. XIII.

Д. М. СЕГАЛ

ФОНОЛОГИЯ КЕТСКОГО ЯЗЫКА

(ПАКУЛИХИНСКИЙ ГОВОР)

Кеты — носители собственно пакулихинского говора были переселены несколько лет назад с р. Пакулихи, левого притока Енисея, впадающего в него немного южнее Туруханска, в станок Бакланиха, расположенный километров на пятьдесят южнее, на самом Енисее близ Черного Острова. Говоры Бакланихи, Верещагина, лежащего километрах в тридцати к югу от Бакланихи, и Сургутихи, станка, расположенного у впадения в Енисей р. Сургутихи, принадлежат по терминологии М. А. Кастрена к имбацкому наречию¹, равно как и говоры разрозненного и крайне немногочисленного кетского населения других станков, лежащих южнее вплоть до впадения в Енисей Подкаменной Тунгуски (Верхне-Имбацк, Комса и др.). Разумеется, говоры отдельных поселений отличаются друг от друга, однако все имбацкие говоры понятны кетам в каждом енисейском станке, а все в совокупности они противостоят говорам р. Курейки (наиболее близкого нижеимбацким), р. Елогуя (носители имбацких говоров отмечают лексические и фонетические отличия своих говоров от елогуйского, например: сур. *hɪɲ* 'рука' — ел. *ʃaɲɐn*) и Подкаменной Тунгуски (пос. Суломай). Внутри самих имбацких говоров фонетические различия проводятся довольно последовательно в системе консонантизма для сегментов *ʃ* и *q*: бак. *ʃ* (шепелявое *ʃ*) — сур. *ʃ'* (русс. *сь*), бак. *q* — сур. *x* (фрикативный того же места образования, что взрывной *q*), в системе вокализма столь регулярных различий нет.

Подробно не вдаваясь в фонетические расхождения между имбацкими (точнее, собственно енисейскими) и «боковыми» говорами, отметим, что говор Подкаменной Тунгуски, по-видимому, имеет целый ряд грамматических и фонетических отличий от остальных кетских говоров. В частности, по данным Е. А. Крейновича², для говора Суломая характерна различительная роль признака «палатализованность — непалатализованность».

¹ Кастрен, 1858.

² Крейнович, 1963.

С другой стороны, как на это указывал еще Н. К. Каргер³, диалекты Курейки, Елогуя и Подкаменной Тунгуски вместе противостоят имбацким говорам в том, что в «боковых» говорах имбацкому *-d-* в интервокальном положении (в том числе и в начале слова, если предыдущее оканчивается на гласную и образует с последующим одно фонетическое «слово») соответствует *-r-* (имб. *bādā* 'он говорит', кур. *bæræ*). Аналогичным образом имбацкому *-b-* в интервокальном положении соответствует в курейском и суломайском *-w-* (*-β-*), а иногда *-v-*. Имеются также отличия и в системе вокализма, отмеченные А. П. Дульзоном⁴: *ʲe* и *ʲo*, зарегистрированные еще М. А. Кастреном в имбацком диалекте и имеющиеся в сымском, в пакулихинском дают *i* и *u*:

Сым.	<i>uennāde</i>	пак.	<i>itpadəm</i>	'понимаю'
Кастрен	<i>uokʃ</i>	пак.	<i>ukʃ</i>	'дерево'
(бахт.)				
Кастрен	<i>uoʃkă</i>	пак.	<i>uʃkə</i>	'домой'
(имб.)				

Все кетские говоры, как собственно енисейские, так и говоры жителей притоков Енисея, образуют северный диалект кетского языка. Объединение это, впрочем, крайне условно, так как современные кетские говоры представляют собой результат распада предшествующих диалектных систем; в каждом пункте живут носители различных говоров, и смешение еще более облегчается постоянным языковым давлением, которому кетский язык подвергается со стороны русского, селькупского (для имбацких говоров) и эвенкийского (для суломайского говора) языков. Однако подобное объединение имеет некоторый смысл, хотя бы потому, что оно отражает обособленность от этих говоров более южного наречия сымских кетов. Впервые на факт существования в кетском языке двух резко противопоставленных друг другу диалектов указал М. А. Кастрен, основывавший свое описание кетского языка главным образом на данных сымского диалекта.

В настоящем сборнике печатается статья Г. К. Вернера, исследовавшего язык сымских кетов впервые после Кастрена и Доннера (последний, впрочем, лишь мимоходом касается сымского диалекта). Поэтому мы не будем подробно рассматривать особенности фонологии сымского диалекта, а укажем лишь на особенности, противопоставляющие его имбацким говорам.

Особенности эти выступают в системе согласных и делают консонантизм сымского диалекта весьма отличным от имбацкого как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. В па-

³ Каргер, 1934б.

⁴ Дульзон, 1964.

радикальном плане снова укажем на отличия, отмеченные еще М. А. Кастреном⁶:

1) В некоторых словах

имб. l	сым. r	
uļ	ur	'вода'
šūļam	šurbeš	'красный'
šaļ	šar	'табак'
iļ	ir	'песня'
še ² l	šer	'олень'
biļ	bir	'далеко'

в некоторых словах, однако, имбацкое l равно сымскому l.

имб.	сым.	
dyl	dyl	'ребенок'
buļ	buļ	'нога'

2) В начале слова

имб. h	сым. f	
huņ	fuņ	'дочь'
hyr	fyр	'сын'
hyj	fyj	'брюхо'
huņ	fuņ	'сеть', 'пушальня'

3) В середине и конце слова сымское f равно имбацким j, ʔ, θ (с заместительным удлинением предыдущей гласной).

имб.	сым.	
el — e ² l	efar	'брусника'
ā	āfa	'жарко'

4)

имб. q	сым. x	
təq	təx	'палец'
quš	xuš	'одна'
iRoš	ixoš	'дом'
isqō	isxō	'рыбачить'
qe ²	xæš	'большой'

Если приведенные соответствия относились к инвентарю фонем, то другой существенный признак, по которому противопоставляются северная и южная диалектные системы, — это функционирование в парадигматике сымского консонантизма минимального различительного признака «палатализованность — непалатализованность». Еще М. А. Кастрен указывал на следующие

диалектные соответствия между имбацким и сымским наращениями:

имб. t	сым. ʈ	
tuk	ʈuk	'Axt'
tip	ʈip	'Hund'
tél	ʈél	'Mammuth'

Как пишет в своей статье Г. К. Вернер, в настоящее время в сымском имеются минимальные смыслоразличительные противопоставления по признаку «палатализованность — непалатализованность» для переднеязычных смычных d и t: d—q; t—č (č < ʈ).

Нам кажется чрезвычайно показательным, что палатализованные корреляты [и даже спиранты z' (ž), j] весьма легко преобразовываются в аффрикаты:

имб.	сым.	
idy ² ə	idžiyə	'пиши'
tə ² š	čitš	'камень'
tə ²	če ²	'соль'
tip	čip	'собака'

Подобная тенденция к закреплению в системе тембрового противопоставления «палатализованность — непалатализованность» за счет замены собственно фонетической «мягкости» дополнительным признаком (аффрикатизация или спирантизация) находит параллели в соседствующем с кетским селькупском языке, где наблюдается противопоставление t—č. Сходная тенденция наблюдалась в ряде других южносамодийских языков (койбальский, карагассинский).

Отметим также, что в имбацких говорах после твердого, соответствующего сымскому мягкому, могут выступать как гласные переднего ряда (фонетически «смягчающее» i), так и гласные среднего ряда y и ə.

Из синтагматических отличий сымского диалекта от имбацких говоров укажем на озвончение глухого s перед звонкими смычными b, d, q (lédə sy 'рыбы голова') в противоположность имбацкому оглушению последующего звонкого (quštəp 'в чум' — Ф. И. Максунува; eštəpə ko² 'в лес уйди' — А. А. Максунува).

Расхождения между сымским и северным диалектами проявляются не только в фонетике, но и в морфологии и лексике. Все это наводит на мысль, что сымский диалект следует считать отдельным языком, тем более что сами носители обоих диалектов четко осознают отличия соответствующих языков. У сымских кетов и у имбацких кетов существуют особые самоназвания (oštək — самоназвание северных кетов, jūčən — самона-

⁶ Примеры из сымского диалекта записаны нами в 1962 г. в деревне Ворогово у семьи Латиковых.

звание южных кетов, совпадающее с тем, как их называют северные, «низовские» кеты⁶, *tyńágin* — название «низовских» кетов у югов). Некоторые мифологические представления указывают на взаимное осознание племенных и языковых различий (ср. противоположную интерпретацию легенды о *d'or*⁷ у кетов и у югов).

* * *

Метод описания, избранный в настоящей работе, — дескриптивно-аналитический. В качестве исходного материала мы использовали записи кетских текстов, отдельных предложений и парадигм слов. Таким образом, приступая к анализу, мы имели дело с транскрипционными символами трех видов: символы фонетических сегментов, символы границ и символы ударения. При записи использовалась латинская транскрипция, которая легла в основу алфавита, разработанного Н. К. Каргером для кетского языка в Научно-исследовательской ассоциации народов Севера в начале тридцатых годов⁷. Выбор этой транскрипции обусловлен ее адекватным соответствием фонетическим фактам кетского языка, возможностью использовать ее для типологии (подобный алфавит использовался и для других сибирских языков), а также отсутствием избыточных диакритик, столь затрудняющих, в частности, чтение записей Кая Доннера⁸.

Задача фонологического анализа — провести значащую редукцию символов, установив отношения между ними. Основная синтагматическая единица, внутри которой проводился фонологический анализ, — это фонетическое слово. Проблема выделения фонетического слова в кетской речи достаточно трудна, так как имеется ряд случаев, когда членение затруднительно. Отметим прежде всего «блуждающий» показатель объекта — субъекта 3-го лица единственного числа *də* (*da*, *de* в записях А. П. Дульзона), который может находиться внутри глагольного слова или вне его, например (из записи сказки В. С. Дорожкиной, сделанной А. П. Дульзоном⁹): *oró:nđen* 'он пошел' и *s'am da oró:nđen* 'дальше он пошел', или пример из наших записей рассказа С. А. Дорожкина: *šaj də ul'dógyten* 'чай (мы) выпили', где *də* (по-видимому, показатель объекта 3-го лица единственного числа 'чай') также стоит вне глагола. А. П. Дульзон в своих «Очерках» пишет¹⁰, что надежные показатели имен существительных могут отделяться и существовать отдельно.

⁶ Этимология слова *jýwep* как происходящего от русского слова «юг», приводимая в статье Г. К. Вернера (Вернер, 1965), не кажется нам вполне обоснованной.

⁷ См., в частности, Каргер, 1934.

⁸ Доннер, 1955; Доннер, 1958.

⁹ Дульзон, 1964, стр. 140.

¹⁰ Дульзон, 1964, стр. 71—72.

Приведем подобный пример из рассказа С. А. Дорожкина (Сургутиха): *byn bil bblan útə hānən, éyop qíə dínt* 'недалеко были напши пущальни, деревни напротив'. Здесь показатель местно-личного падежа *dínt* отделен от существительного *éyop*. Возникает вопрос, к какому слову отнести подобные «блуждающие» морфологические элементы. В записях А. П. Дульзона унификации не проведено, и блуждающие элементы либо выделены в особое слово, либо присоединены к предыдущему, а иногда и к последующему слову. Во всяком случае ясно, что на блуждающие показатели никогда не падает ударение, и поэтому они входят в комплекс с другим словом. По-видимому, глагольный показатель *-də* следует присоединять к глаголу спереди, как, например, в *бу дкайнемин де ингол'та* 'они взяли его шкуру'¹¹ (ср. *byr kájnetə'r* 'они взяли'), а падежные показатели существительного можно либо считать отдельным словом, либо присоединять к предыдущему слову.

С фонетической точки зрения членение текста на слова облегчается тем, что в кетском языке существуют фонетические сигналы конца некоторых классов слов. Таким граничным сигналом является импловзивное произношение окончания множественного числа *in/iñ* у глаголов и того же форманта множественного числа *n/ñ* у существительных. Имплозия конца у односложных существительных отмечается и Н. К. Каргером и А. П. Дульзоном, но имплозия форманта множественного числа глаголов не была отмечена. Возможно, это связано с диалектной вариацией. Таким образом, мы имеем автоматический показатель конца у большой группы слов.

Существует еще один признак, облегчающий, как нам кажется, членение текста. Он заключается в резком различии уже на фонетическом уровне глагольных и именных слов. Это различие изоморфно разным морфологическим типам кетского имени и глагола: агглютинация versus полисинтетизм. Существенно, что в кетском имени легко выделяется корневая морфема, обычно являющаяся односложной или двусложной и состоящая из сочетания согласных и гласных элементов. В глаголе же зачастую невозможно выделить корневую морфему вследствие ее «размывания», например *d-δ-l-i-ñ* 'жили', или она присутствует в так называемом «связанном» виде, т. е. представляет собой неопределяемый остаток, не встречающийся больше ни в каких формах. С этим связана и чудовищная «омонимия» глагольных основ, когда одна и та же гласная является носителем самых разных лексических значений, а также является морфологическим формантом. Нам, впрочем, кажется, что следует отойти от обычного закрепления лексического значения только за фонетическим сегментом (или их комплексом). Возможно, в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом

¹¹ Дульзон, 1964, стр. 148.

и тем местом в «обойме» глагольного слова, куда данный сегмент помещается.

На фонетическом уровне именные слова отличаются от глагольных:

1) односложностью или двусложностью имен (без учета морфологических показателей падежа, которые, к тому же, могут выступать как отдельные слова, и во всяком случае легко выделяемы) в противоположность многосложному составу глагола;

2) более богатым набором вокалических сегментов в имени (узкое, напряженное *ö*, узкое, напряженное *ê*, долгие *ü* и *ä* в преобладающем большинстве случаев встречаются в именах: *öks* 'дерево', *dêj* 'люди', *ü* 'хор', *ä* 'лист');

3) наличием ларингального смычного *ʔ* не только в формах множественного числа. Это — существенный признак, позволяющий легко выделить в тексте именные слова, где *ʔ* встречается довольно часто. В глагольных словах гортанная смычка сопровождает имплозию окончания множественного числа, но здесь она не может считаться отдельным сегментом, так как не чередуется с другими согласными (например, *R*, *ɣ*, *q*), как это происходит в имени. Нам кажется, что импловное произношение глагольного окончания множественного числа не вызывается соседством предыдущего *ʔ*. В подтверждение этого можно сослаться на то, что аналогичный формант множественного числа произносится импловно и у существительных, основа которых оканчивается и не на *ʔ* (например: *obâj* 'отцы'; *amâj* 'матери'). Правда, в единичных глагольных словах иногда встречается ларингальный смычный *ʔ*, но только в качестве факультативного варианта на стыке двух гласных. Например: *at_ɣyšnə qaʔ siʔidaqádɣj* 'я хочу учиться по-русски' (А. А. Максимова); *ad_ostüyənbaş byn_dâʔasqanč* 'я не говорю по-остяцки' (А. А. Максимова) наряду с *sēdaqadɣj* (И. Ф. Пеших) и *daasqanč* у многих других информантов;

4) типом ударения. Вообще в кетском языке ударение, по нашим наблюдениям, динамическое. Оно обладает различной силой, например, *âšin* 'шесть' и *ašin* 'птицы' (мн. ч.) и в системе имени ведет себя подобно ударению в русском языке: оно ставится на корневую морфему в основном (именительно-винительном) падеже единственного числа, а в форме основного падежа множественного числа может оставаться на корне, например: *bunčöl* — *bunčölen* 'сани' (ср. русск. *у́лица* — *у́лицы*), или, чаще, переходить на окончание, например: *ör* — *obâr* 'отец — отцы'; *âm* — *amâr* 'мать — матери' (ср. русск. *сто́л* — *сто́лы*). В косвенных падежах ударение может также переходить на падежный формант в зависимости от того, в каком конкретном падеже стоит слово, например, *šêš* 'река'; *šêšbêš* 'по реке' (продольный падеж), ср. также: *tîp daRûjaɣyn* 'собаку убили' (основной падеж) — *tipbîn daRûjaɣyn* 'собаку убили' (образование, напоминающее винительный падеж и зафиксиро-

ванное в речи некоторых информантов. По употреблению имеет значение определенной формы существительного). Существенно, что данная словоформа имени (в определенном числе и падеже) всегда имеет закрепленное место ударения.

Немного иначе обстоит дело в глагольных словах, где ударение функционирует отчасти подобно фразовому ударению в предложении. Главное ударение может падать на разные места в пределах одной словоформы, играя, таким образом, роль смыслового выделителя различных морфологических показателей — времени, объекта, притяжательности и т. п., например: *ad_inat dâsynölbet* 'я раньше охотился на белок' и *ad_dâsynölbet* 'я охотился на белок' (А. А. Максимова). В первом случае употребление наречия *inat* делает ненужным выделение слога, содержащего показатель прошедшего времени *-ö/-*, и ударение падает на первый слог; во втором случае оно падает на показатель времени. Аналогичным образом ведет себя ударение в примерах: *ad_dêjaɣabyt etʔ* 'я убиваю соболей' и *ad_dêjaɣabyt* 'я убиваю (их)' (Ф. И. Дибикова), где во втором случае ударение выделяет слог, содержащий показатель объекта множественного числа *-p-*.

Имеются и случаи, когда колебания в ударении нельзя объяснить словесным контекстом, например: *ad_düſin* 'я стоял' наряду с часто встречающимся *ad_duſin*. По-видимому, сам факт подвижности глагольного ударения внутри одной словоформы делает его восприимчивым к таким факторам, как темп речи, ритм и т. п.

Следует отметить, что подвижность глагольного ударения не должна вызывать сомнений в правомерности выделения глагольного слова как морфологической единицы — глагольные слова в конце и /или начале оформляются специфическими граничными показателями: лица — в начале; глаголообразующими показателями и /или показателями числа — в конце слова.

* * *

Выделенные из текстов слова исследовались следующим образом: во-первых, рассматривалось распределение пар фонетических сегментов в начале, в середине и в конце слова; во-вторых, проводился поиск минимальных пар (главным образом среди имен). Рассмотрение фонетической дистрибуции в этих трех позициях было, с одной стороны, вызвано традицией, которой следовал еще М. А. Кастрен, обобщивший известные ему факты разной встречаемости согласных в зависимости от позиции в слове в урало-финских языках, и, с другой стороны, тем, что кетский язык действительно (как было показано и М. А. Кастреном, и последующими исследователями) относится к типу языков с фонетической дифференциацией начальной, срединной и конечной позиции.

В принципе, позиция может и не быть релевантным фактором в речевом функционировании консонантизма, ср., например, английский язык, где консонантные признаки действуют аналогично во всех позициях в слове. Как было нами отмечено в другом месте ¹², фонетическая дифференциация трех позиций в слове объединяет кетский язык в один тип с самодийскими языками и, в частности, с селькупским. Существенно, что и в самодийских языках, и в кетском следует говорить о трех позициях в слове, а не в слоге, в отличие от китайско-тибето-бирманских языков, с которыми часто сопоставляют кетский, и где говорят о классах инициалей, медиалей и финалей силлабемы.

Сино-бирманские языки характеризуются далеко зашедшей фонетической дифференциацией позиций внутри корнеслога ¹³. В бирманском, например, начальным компонентом слога полного состава могут быть лишь согласные, на втором месте — полугласные, на третьем — гласные, а на последнем *ʔ* или *ʕ*. Столь же жесткая дифференциация позиций зафиксирована и в других тибето-бирманских языках. Дифференциация эта настолько сильна, что слог начинает функционировать как самостоятельная фонологическая единица, приобретая как целое единый просодический признак, например лабиальность, веларность и т. д., который характеризует как согласные, так и гласные ¹⁴. В кетском же языке слово может начинаться как с согласного, так и с гласного (в таблицах распределения — I, II, VI, отмечено 179 начальных сочетаний VC и 171 раз CV — речь идет не о речевой статистике, а о парадигматической сочетаемости). Если выделить традиционные дистрибутивные классы — C — согласные, V — гласные и R — сонанты, то начальный слог кетского слова (в имени — начальный слог, как правило, корневой) будет иметь вид (в скобки взяты реже встречающиеся типы):

	VC	CVC
	CV	CVR
(V)	VR	(RVC)
(RV)	(RV)	(RVR)

Кетские имена, как правило, строятся путем сцепления указанных двух- и трехчленных типов вместе по двое; глаголы могут иметь до пяти-шести ядерных слогов, образуя длинные многосложные цепочки. Таким образом, в принципе кетский слог не знает дифференциации позиций, так как возможны любые соче-

тания дистрибутивных классов внутри слога (VC и CV, CVC и VCC и т. п.).

Многие авторы указывают, что фонетическая дифференциация позиций в слоге связана с переходом от архаичного полисиллабизма к моносиллабизму и с возникновением тонов. С этой точки зрения кетская дифференциация позиций в слове типологически может быть представлена как более ранняя ступень развития. Это согласуется и с представлениями об архаичности префиксального словоизменения в системе посессивного склонения кетского языка и кетского глагола, которое можно, в частности, сопоставить с аналогичными явлениями в гималайском «персонализирующем» языке лимбу сино-тибето-бирманской семьи ¹⁵.

В более широких рамках рассмотрения кетское имя (как уже было указано выше, в основном односложное и двусложное) по своим синтагматическим фонетическим характеристикам типологически лежит ближе к аустронезийским (малайско-полинезийским) языкам, где корневое слово, «чаще всего двусложное», и в его «фонемном составе... позиционный фактор не имеет значения» ¹⁶. Правда, в кетском языке, особенно в северных говорах, уже наблюдается переход от двусложности к односложности с соответствующим усилением фонетической дифференциации позиций. Пакулихинское слово как речевая единица в типологическом плане примыкает к слову в мон-кхмерских языках, «где фактор позиционности играет большую роль» ¹⁷, а само слово «представляет собой нечто среднее между китайско-тибетским корнеслогом и индонезийским корневым словом» ¹⁸.

При этом фонетическая роль позиций в слове неодинакова для кетского и евразийских языков, где позиции дифференцируются (сюда относятся языки, накладывающие ограничения на консонантные признаки «звонкость—глухость», «сильный—слабый», «абруптивный—неабруптивный», «придыхательный—непридыхательный» и т. п.). В кетском в отличие, в частности, от уральско-самодийских, где начальная и конечная позиции в слове релевантны по отношению к одному признаку «сильный—слабый», эти позиции дифференцированы по крайней мере для двух консонантных признаков: «звонкость—глухость» и «эксплозивность—инъективность».

Дифференциация позиций в слове соответствует также явлениям фонетического изменения согласного в зависимости от окружения.

Рассмотрим фонетический облик кетского слова и те изменения, которым он подвержен.

¹² Сегал, 1968.

¹³ См., в частности, Маун Маун Ньюн и др., 1963; Рихтер, 1963; Софронов, 1964; Арутюнов, 1964; *Linguistic Comparison*, 1963.

¹⁴ См., например, Спринг, 1963.

¹⁵ См. Хольмер, 1963.

¹⁶ См. Арутюнов, 1964, стр. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

В кетском языке фонетический облик слова внешне не остается неизменным даже в пределах одной словоформы у одного говорящего. Причем эти изменения касаются как характера сегментов, входящих в слово, так и их инвентаря.

Эти вариации могут изменять облик слова в различной степени — от незначительных артикуляционных изменений до существенных инвентарных замен.

Вариации в фонетическом облике вокализма связаны с редукцией безударных гласных и с наличием синтагматических дифтогов и дифтонгоидов. Редукция гласных в безударных слогах особенно сильно проявляется в формантах множественного числа существительных и глаголов, в глагольных окончаниях на *-ət*, а также в основах некоторых односложных существительных, которые когда-то были, по-видимому, двусложными. Тенденция к редукции формантов множественного числа и глагольного окончания *-ət* соотносится с имплозией конечного согласного этих формантов и может быть выражена крайне сильно — вплоть до беззвучного артикулирования окончаний.

Примеры: *u i^horantap^ht^h* 'ты ловишь', и в имени: *i^ht — it^h* 'зуб — зубы' (пак.) при *i^het, iti — itij* (Кастрен). Ср. также *at hāndə* 'я рубила' (Ф. М. Максимова) и *hānda* — Imperfekt von 'hauen' (Кастрен).

Редукция конечного гласного основы некоторых существительных зашла в пакулихинском говоре чрезвычайно далеко. Особенно это видно, если сравнить наши данные с данными М. А. Кастрена и с его же записями котского языка, где конечные гласные, как правило, сохраняются. Приведем несколько примеров:

Пак.	Кастрен	
<i>ēq^o</i>	<i>eäq, eädi, eäti</i>	'соболь'
<i>šw^h, šw^h</i>	<i>sŷ, sŷ, kott. s'ēga, s'ēgü</i>	'год'
<i>qo^h, qoR^h</i>	<i>xoax, k'oag'a</i>	'звезда'
<i>qo^hn</i>	<i>pl. k'oag'an</i>	'звезды'

Некоторую аналогию с процессом редукции конечного гласного основы можно найти и в других словах, утеравших, по-видимому, не только конечный гласный, но и конечный согласный основы. В этих словах в пакулихинском наречии следы прежней формы слова выступают в виде удлинения гласного или появления гортанного смычного.

Разумеется, пока трудно говорить о том, какая форма предшествовала, но сравнение с сымским наречием и другими енисейскими языками показывает, что имбацкие говоры характеризуются тенденцией к сокращению именной основы. Отсюда целый ряд слов, состоящих из одного гласного или гласный плюс ларингальный смычный ²:

Пак.	Доннер	Дульзон ¹⁹	Кастрен
<i>ā</i> 'жара'	<i>ā ā 'Hitze' (Vgl. afe, S. āpē 'heiss'), āps^h 'heiss')</i>	<i>a: 'жара'</i>	<i>āf — ā 'heiss'</i>
<i>ē</i> 'железо'	<i>ē 'Eisen' (Vgl. ēγa- 'eisern')</i>	кур. <i>ʔe</i> 'железо' (в XVIII в. имб. <i>eg</i>)	<i>ē, pl. ēn 'Eisen'</i>
	<i>ē 'grosse Messing-glocke, die an den Hals eines kastrierten Rentieres od. des aeltesten Renttierweibchens der Herde gehaengt wird'</i>		
	<i>ū 'Kraft'</i>		<i>ūfan 'kraftlos' 'schwach'</i>
	<i>ū, pl. "dər" 'waldlose Gegend'</i>		<i>ū, pl. oan 'Feld'</i>
<i>u^h</i>	<i>ū 'unkastriertes Renttier'</i>		<i>yk 'Maennchen', 'Mann'</i>
<i>ū</i>			
<i>u^h</i>			
<i>ə^h</i>		кур. <i>ʔo^h</i>	<i>əaf, əap 'Blatt'</i>
<i>ə</i>		<i>ʔoa</i> 'лист'	
<i>ə^h</i>	'лист' (сур.)		
<i>ə^a</i>			
<i>u^h</i>			
<i>əŋ</i>			

Из приведенных выше примеров явствует, что вариативность произношения одногласных слов очень велика. Однако больше всего она проявляется в одногласных словах с сегментом *i*.

Сравним варианты произношения этих слов ²⁰

'солнце'	'день'	'имя'	'вешало'
<i>i^h, i</i> (Доннер)	—	<i>i, i^h</i> (Доннер)	—
ел. <i>ʔu:</i> (Дульзон)	<i>u^h</i> }	кур. <i>ʔu:</i> (Дульзон)	ел. <i>ʔu:</i> (Дульзон)
кур. <i>u:</i> (Дульзон)	<i>u^h</i> }		
<i>i^h</i> (Ф. М.)	<i>i</i> (Ф. М.)		
<i>i</i> (М. М.)	<i>i^h</i> (М. М.)	<i>i</i> (М. М.)	

¹⁹ Примеры заимствованы из «Очерков» А. П. Дульзона (см. Дульзон, 1964).

²⁰ Буквами обозначены инициалы информантов.

i (В. Д.)	i ² (В. Д.)	i (М. Б.) (дол- гота фа- культативна)	i ² (М. Б.)
i (М. Б.)	ji ² (М. Б.)		
i (Кастрен)	i ² e (Кастрен)		
(i ² gun — В.)	i ² ä (Кастрен)	i (Кастрен)	i (Кастрен)
Ср. кот. éga, égä	Ср. кот. íg, íx	Ср. кот. íx, íx	

Сравнение с коттским показывает, что в соответствующих кетских словах отсутствует согласный основы. Получившаяся в результате картина крайне пестра. По нашему мнению, в речи информантов явно противопоставлены слова «солнце» и «день» по наличию у последнего гортанной смычки (иногда, как мы видим, этот признак может переходить на противоположное слово, но противопоставление остается). Относительно других значений трудно сказать что-либо определенное. Иногда они четко дифференцируются, как, например, в речи Матрены Баякиной из Верещагина, а иногда нет. В большинстве случаев слова «солнце» и «имя» объединяются в *i*, а слова «день» и «вешало» в *i²*. Интересно, что наиболее последовательная дифференциация наблюдается между словами «солнце» и «день», которые можно было бы по семантическому признаку возвести к одному источнику. Повидимому, здесь имеет место тенденция к четкому разграничению этих значений.

Типологически тенденция к сокращению основ в кетском имени может быть сопоставлена с аналогичным явлением, отмеченным в селькупском языке²¹, где сильная редукция гласного основы приводит к изменению фонетического облика последнего согласного основы. Например: *ýkь—ýG* 'шапка'. С другой стороны, в тибетском языке также наблюдается отпадение последнего гласного основы (собственно говоря, в тибетском отпадает конечный слог), что приводит к удлинению предшествующего гласного²². Таким образом, тенденция к сокращению основы объединяет кетский язык как с ареально тождественным селькупским, так и с тибетским, который предположительно связан с ним генетически.

Затрудняет отождествление одинаковых кетских слов то, что одно и то же слово может иметь разную фонетическую огласовку: долгий гласный, дифтонгоид или гласный плюс ларингальный смычный ². Как отмечал А. П. Дульзон²³, наличие ларингального смычного ² существенным образом влияет на фонетический облик кетского вокализма. Появление многочисленных нисходящих дифтонгоидов типа *i²*, *u²*, *a²*, *e²*, *o²*, *y²*, *u²* и т. п., зарегистрированных в записях М. А. Кастрена и К. Дон-

нера, может быть объяснено результатом вокализации ларингального смычного ². Ср., например:

пак. <i>qu²s</i>	кур. <i>qu²s</i>	(Дульзон)	'чум'
пак. <i>qy²t</i>	кур. <i>qy²t</i>	(Дульзон)	'тиска'
пак. <i>ta²s</i>	сур. <i>ty²s</i>	(вариант)	'камень'
пак. <i>a²</i>	пак. <i>a²</i>	(вариант)	'лист'
пак. <i>u²</i>	пак. <i>u²</i>	(вариант)	'хор'
пак. <i>u²l</i>	пак. <i>u²l</i>	(вариант)	'лягушка'
пак. <i>dē²</i>	имб. <i>deä</i>	(Кастрен)	'тундра'
пак. <i>ē²l</i>	имб. <i>eäl</i>	(Кастрен)	'брусника'
пак. <i>bē²s</i>	кур. <i>be:c</i>	(Дульзон)	'заяц'
	имб. <i>beäs</i>	(Кастрен)	
пак. <i>qe²</i>	пак. <i>qæ</i>	(вариант)	'большой'
	кур. <i>qeä</i>	(Дульзон)	
кур. <i>e²t</i>	пак. <i>ēd²</i>		'соболь'
	имб. <i>eäti</i>	(Кастрен)	
	<i>eädi</i>	(Кастрен)	
пак. <i>i²t</i>	кур. <i>iet</i>	(Дульзон)	'зуб'
пак. <i>di²</i>	имб. <i>die</i>	(Кастрен)	'орел'

Как видно из примеров, влияние ² проявляется не только в дифтонгизации, но и в заместительном удлинении или изменении качества гласного в случае выпадения ² (ср. также пак. *e²j* — сур. *æj* 'остров'). Все это весьма затрудняет фонологическую трактовку данного вокалического сегмента. С этим явлением столкнулся Э. Хэмп в своих заметках по кетской фонологии²⁴. Э. Хэмп предлагает считать указанные нисходящие дифтонгоиды и некоторые долгие гласные сочетаниями гласных типа *V+u*, где *u* — вокалический сегмент среднего ряда низкого подъема, примерно сходный с русским *ы*. Подобная трактовка, предложенная на основании чисто дистрибутивных критериев (зарегистрированы все сочетания гласных, кроме *V* плюс последующее *ы*), не представляется нам удачной, поскольку она не дополнена изучением фонетических вариантов и морфологических рядов. Как было показано для одногласных слов, ларингальный смычный во многих случаях соответствует согласному, поэтому его трактовка как гласного во всех позициях не отвечает реальным фактам.

В одном из своих последних докладов А. П. Дульзон упоминал об обнаружении фонологических тонов в кетском языке. К сожалению, подробных данных об этом пока не имеется²⁵, во всяком случае тоны, кажется, связаны с позицией в слове и ее фонетическим оформлением. Здесь особенно интересно отмеченное А. П. Дульзоном влияние гортанного смычного ², который связан с восходяще-нисходящим тоном в односложных именах

²¹ См., в частности, Сегал, 1968.

²² Рерих, 1961.

²³ Дульзон, 1964.

²⁴ Хэмп, 1960.

²⁵ См., однако, краткое упоминание о слоговых тонах в сымском диалекте у Г. К. Вернера (Вернер, 1966, стр. 17 и сл.)

типа *диш*? 'шапка'. Связь гортанного смычного (фарингализации) с тоном — явление типологически распространенное (ср. прерывистую интонацию в латышском языке). Обобщая все, что было сказано о функционировании ларингального смычного и об имплозии окончаний в именах и глаголах, можно сказать, что типологически интерпретация этих явлений как тоновых вполне соотносится с данными сино-бирманских языков, где сокращение основы влекло за собой образование тоновых различий. А. П. Дульзон выделяет четыре тонемы в кетском языке: две неглоттализированные и две глоттализированные. Эти различия могут быть получены, в частности, наложением долготы на глоттализацию. Показательно и то, что там, где указанные авторы не говорят о тонах (в глаголе), глоттализация (имплозия) захватывает лишь определенную морфонологическую позицию — конец слова. В пакулихинском говоре процесс изменения фонологического облика слова происходил совсем недавно, что и позволяет по-разному интерпретировать факты.

А. П. Дульзон отмечал ²⁶, что в ряде случаев в кетских словах появляется вставной согласный (*j* или *ɣ*) для разделения двух соседних гласных. Действительно, в наших записях имеется целый ряд примеров чередования нуля звука между гласными и сегмента типа *ɣ*. Главным образом это чередование наблюдается в глагольных словах. Приведем примеры:

бак.	(Ф. Максумова)	<i>ad boʔt</i>	'я иду'
»	(Ф. Дибикова)	<i>ad boʔʔt</i>	»
бак.	(М. Максумова)	<i>ad boɣʔt</i>	'я иду'
»	(А. Максумова)	<i>ad boɣʷʔt</i>	»
бак.	(Ф. Максумова)	<i>u kʲisqʊʔt</i>	'ты рыбаешь'
»	(Ф. Дибикова)	<i>u kʲisqʊʔʔt</i>	»
»	(М. Максумова)	<i>u kʲisqoɣʔt</i>	»
»	(А. Максумова)	<i>u kʲisqoɣʷʔt</i>	»
бак.	(Ф. Максумова)	<i>ad dɛjaobyt</i>	'я убиваю (одного)'
»	(А. Максумова)	<i>ad dɛjaɣobyt</i>	»
бак.	(Г. Максумов)	<i>bun ʃubadʊʔbʊʔt</i>	'они любят'
»	(Б. Максумов)	<i>bun ʃubadʊɣʊʔbʊʔt</i>	»
»	(А. Максумова)	<i>bun ʃubadʊɣʷʊʔbʊʔt</i>	»
сур.	(Н. Топкова)	<i>dʲinbeʃ</i>	'(он) пришел'
верещ.	(М. Баякина)	<i>dʲtnbeʃ</i>	»
бак.	(М. В. Максумова)	<i>dʲɣinbeʃ</i>	»

Подобное чередование отмечено и в местоимении: *buaʃ* — *buaɣʃ* — *buaɣʷʃ* 'с ним'.

В отдельных существительных оно встречается в виде индивидуального варианта: *ʃoʔt* — *ʃoɣʔt* 'пятка' (оба примера взяты у М. Максумовой — бак.).

²⁶ Дульзон, 1964.

Как видно из примеров, наличие или отсутствие *-ɣ-* довольно стабильно характеризует идиомлект говорящего, например, для А. Максумовой характерно четкое употребление *-ɣ-* между гласными. Вообще тенденция к лабиализации велярного *-ɣ-* между гласными широко отмечена в пакулихинском говоре. Обычно лабиализация происходит после губных *-u-* или *-o-*, иногда перед ними (последнее реже); никогда сегмент *-ɣ-* не лабиализуется между негубными (ср. *dʲinbeʃ* — *dʲtnbeʃ* — *dʲɣinbeʃ*). В некоторых случаях *-ɣ-* чередуется с чистым сонантом *w*, ср., например: *qim ʉtʊ oʷʊneɣ* 'баба вверх поехала' (М. Баякина) и *sʰam da oʷʊnɛn* 'дальше (он) пошел' (пример из сказки В. С. Дорожкиной, записанной А. П. Дульзоном); а также: *ʃeʔʲ dɛʃuwaʲ* *ʃnam bik seʔʲ* 'олень звал раньше другого оленя' (Б. Максумов) и *at seʔʲ dɛʃuɣʷʲ* 'я оленя звал' (Б. Максумов).

Фонологическая трактовка чередования *ʃ* // *ɣ* как вставки *-ɣ-* между гласными требует более тщательного обоснования. В некоторых случаях, особенно в именах, никогда не происходит размежевания соседних гласных, ср. *boot*, *boat* 'старик'. Во всяком случае, на современном этапе развития кетского языка «вставное» *-ɣ-* может являться своеобразным граничным сигналом между морфемами слова и не может быть вставлено внутрь морфемы. Это, по-видимому, указывает на то что «вставное» *-ɣ-* могло быть самостоятельной морфонологической единицей и являлось частью словоформы, а образования с *ʃ* появились в результате выпадения *-ɣ-*.

* * *

Описанная выше вариативность фонетической картины вокализма кетского слова существенным образом затрудняет выделение релевантных фонологических единиц. Вокализация ²⁷, накладывающая отпечаток как на качество, так и на количество гласных, интерферирует с долготами, возникшими вследствие стяжения основ, стяжения двух соседних гласных и этимологическими долготами (о последних речь пойдет немного ниже). Все это приводит к подвижности вокализма даже в речи одного говорящего. К тому же интерференция соседних языков, в частности селькупского, также дает себя знать.

Поэтому нам представляется удобным описать кетскую фонологическую систему вообще, и вокализм в частности, как результат взаимодействия нескольких систем ²⁷. Это взаимодействие осуществляется как колебание от минимальной фонологической системы, члены которой не могут быть нейтрализованы ни у кого из информантов, к максимальной системе, члены которой не нейтрализуются в речи хотя бы одного говорящего ²⁸.

²⁷ Ср., в частности, Кучера, 1958.

²⁸ О минимальных и максимальных представлениях см., в частности, Лекомцева и др., 1963.

Минимальная модель кетского пакулихинского вокализма выглядит следующим образом:

a
o э e
и ш i

Классический трехступенчатый треугольник из двух классов дополнен здесь третьим — средним — классом. Относительно нейтрализуемости фонем *a*, *o*, *и*, *e*, *i* в ударном положении говорить не приходится — это ясно из примеров, которые слишком многочисленны и тривиальны, чтобы их приводить. В безударном положении *a* и *o* иногда нейтрализуются в *э*, а *e*, *i* в *ь* (*э* после мягкого). Более сложен вопрос о возможности нейтрализации фонем *э* и *ш*. Обе эти фонемы часто встречаются перед *ʔ*, что накладывает отпечаток на их качество [(the glottal stop)... seems associated with central vocalism], как пишет в цитированной нами статье Э. Хэмп], так что иногда *эʔ* > *ш/и*. Бывали случаи, когда в одних и тех же словах записывались *э* и *ш*, например, *qən* — *qɪʔn* 'лиса'; пак. *э* — сур. *шʔ* 'лист'.

Однако любой информант всегда отличал слова с *э* от слов с *ш*, четко произнося соответствующие фонетические сегменты как различные, например, сур. *шʔ* 'лист' — *ыʔ* 'бык-хор' (С. А. Дорожкин); пак. *эʔ* 'лист' — *шʔ* 'хор' (М. А. Максимова). Различительными признаками здесь являются степень подъема языка (*у* *ы* — низкая, *у* *э* — средняя, а *у* *ш* — высокая) и напряженность (*ш* — напряженный, *э* и *ы* — ненапряженные). Таким образом, минимальная пара *эʔ* — *шʔ* 'лист' — 'хор' различается двумя признаками, из которых наиболее релевантным представляется признак «напряженность — ненапряженность». Мы считаем существенной дифференциацию минимальных пар, содержащих гласные среднего ряда по признаку «напряженности», так как этот признак — единственный инвариантный элемент вокализма среднего ряда в различных кетских говорах. В курейском говоре, судя по данным А. П. Дульзона, более распространено противопоставление *э* — *ы*, где релевантными признаками служат ряд (*э* — более задний, *ы* — более передний) и напряженность, а в пакулихинском и сургутихинском курейскому *ы* соответствует *ш* (*э* у А. П. Дульзона). Если отвлечься от сопутствующих признаков подъема (в пакулихинском) и ряда (в курейском), то окажется, что остается признак «напряженности — ненапряженности» речевого аппарата. В пакулихинском релевантность признака напряженности для вокализма среднего ряда проявляется в том, что артикуляция напряженного члена противопоставления часто сопровождается дополнительными артикуляторными признаками, свидетельствующими о напряжении речевого аппарата: *ʃm* — *ʃɪ* 'год' (лабиализация, особенно сильно проявляющаяся в речи кетов, владеющих селькупским языком).

Противопоставление двух членов среднего ряда по признаку «напряженность — ненапряженность» играет большую роль в системе, так как в пакулихинском имеется значительное число слов, в которых гласный среднего ряда соответствует гласному иного качества в других говорах, например: пак. *hɪɪ* — *hoʔɪ* 'сеть' — кур. *hoʔnɛ* 'сеть'.

Приведем еще несколько минимальных пар:

əʃ 'предплечье' *ɪʃ* 'осина' *ɪʃʔ* 'лягушка'
qən 'лиса' *qɪɪ* 'лысы' (мн. ч.) *qɪʃʔɪ* 'хитрый'

Хотя различительный признак напряженности принимает положительное значение с большой степенью вариативности, сочетаясь то с одним, то с другим значением, есть несколько слов, имеющих постоянные фонемы *э* или *ш*:

xisəj 'лес' (часто *xisɪj*)
dəʔ 'шапка' (часто *dɪʔ*)
təq 'палец'
и *ɪʃtɪʃ* 'черт', где *ш* никогда не чередуется с *э*.

Для пакулихинского говора *и* также противопоставлено *о* по признаку «напряженность — ненапряженность». Дело в том, что в пакулихинском *и* «скрывается» напряженное *ɔ*, которое может и в говорах Бакланихи и Сургутихи выступать отдельно и тогда оно войдет в расширенную модель. Однако именно для пакулихинского говора характерно соответствие пак. *и* — кур. «*о*» — *оу*. Например:

пак. <i>ɪʃkə</i>	(Кастрен)	<i>ʔɔʃkə</i> , <i>uɔʃkə</i>	'домой'
пак. <i>tum</i>	(Доннер)	<i>tʔɔm</i>	'черный'
сур. <i>ukʃ</i>	(Кастрен)	<i>uokʃ</i>	'дерево'
пак. <i>uʔʃ</i>	(Дульзон)	кур. <i>uoc</i> — <i>yoʔc</i>	'береза'
пак. <i>uʷʃ</i>			
пак. <i>ʃuʃ</i>	(Вернер)	сим. <i>ш'оул'</i>	'сани'

В пакулихинских записях *ɔ* свободно варьируется с *и*, в материалах М. А. Кастрена записи с *ио* встречаются в фонетически несвязанных контекстах (ср. *uokʃ* 'дерево' — *uk* 'ты'). Это позволяет нам считать, что в минимальной модели, где не зафиксировано *ɔ*, *и* противопоставлено *о* по признаку «напряженность — ненапряженность». Аналогичным образом в ряде записей напряженные *ɛ* и *ʲe* чередуются с *i* [например: пак. *ki* — *kɛ* (Кастрен) 'новый'], что может служить основанием для противопоставления *e* — *i* по признаку «напряженность — ненапряженность».

Таким образом, минимальная модель кетского вокализма может быть идентифицирована следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>ə</i>	<i>ш</i>	<i>a</i>
Центральный—нецентральный	—	—	—	—	+	+	+
Компактный—некомпактный	0	0	0	0	—	—	+
Периферийный—непериферийный	—	—	+	+	0	0	0
Напряженный—ненапряженный	—	+	—	+	—	+	0

Отметим, что аналогичную систему вокализма выделил из записей К. Доннера Э. Хэмп в упомянутой статье.

Собственно говоря, подобная же система описывается Г. К. Вернером для сымского диалекта в его недавней статье, поскольку фонемы [e] и [ɛ], [o] и [ɔ] оказываются позиционно обусловленными вариантами: «Вариант *o* обусловлен позицией после палатализованных согласных». «... Открытый вариант *ə* встречается в любой позиции в слове, кроме позиции после палатализованных согласных». «*ə* — звук ..., встречающийся в любой позиции, кроме позиций перед палатализованными согласными и звуком *й* ... В позиции перед палатализованными согласными и особенно перед звуком *й* заслушивается закрытое *e*»²⁹. Таким образом, оказывается, что вокализм сымского диалекта идентичен вокализму северных говоров. По-видимому, девятичленный вокализм, выделяемый А. П. Дульзоном: *u, e, ɛ, a, ы, ʊ, ɔ, o, y*, можно также свести к семичленной минимальной модели, учитывая, что он выделяет те же фонемы, что и Г. К. Вернер. Следует также отметить, что семичленная модель оказывается адекватной для статистического большинства случаев, зафиксированных в записях кетского языка.

Из приведенных выше примеров на соответствие пак. *u* — кур. *uo* — сым. *ou* явствует, что в некоторых идиолектах пакулихинского говора наряду с *u* // *uo* может выступать и самостоятельный сегмент *δ*, отличный от *o* и *u*. Например:

пак. <i>δkʂ</i>	<i>uokʂ</i>	(Кастрен)	‘дерево’
пак. <i>δʂkə</i>	<i>uoskə</i>	(Кастрен)	‘домой’
пак. <i>qδpt</i>	<i>kʷδpət</i>	(Доннер)	‘бык’
пак. <i>bδlba</i>	<i>bulba/*boɭba/</i>	(Кастрен)	‘гриб’
пак. <i>hδlə</i>	<i>huδli</i>	(Кастрен)	‘жирный’

Следовательно, при расширении минимальной модели кетского вокализма фонема *δ* должна быть включена в качестве напряженного коррелята фонемы *o*. Очевидно, что *δ* присутствует в модели Г. К. Вернера не в виде /o/ или /ɔ/, а в виде *ou*. У А. П. Дульзона *δ* присутствует в виде закрытого *o*.

Параллельно с *δ* следует дополнить минимальную модель фонемой *ê* — напряженным коррелятом *e*.

В пакулихинском говоре *ê* встречается только в односложных именах. Тщательный анализ показывает, что во многих случаях *ê* < *e*². Например:

пак. <i>êd</i> [*]	кур. <i>eʔt</i>	<i>eädi eäti</i> , где <i>eä</i>	‘соболь’
		соответствует <i>eʔ</i>	
		(Кастрен)	
пак. <i>bêʂ</i>	пак. <i>beʔʂ</i>	<i>beäʂ</i> (Кастрен)	‘заяц’
	(вариант)		
пак. <i>dê</i>	пак. <i>deʔ</i>	<i>deä</i> (Кастрен)	‘озеро’
	(вариант)		
пак. <i>qê</i>	пак. <i>qeʔ</i>	<i>qeä xeä</i> (Кастрен)	‘большой’
	(вариант)		
пак. <i>ê</i>	пак. <i>êʔ</i>	<i>ege</i> ‘железный’	‘железо’
	(вариант)	(Доннер)	

В других случаях пакулихинское *ê* соответствует *ie* у Кастрена:

<i>sêl</i>	<i>sêl, sieł</i> (Кастрен)	‘плохой’
<i>bêp</i>	<i>biep</i> (Кастрен)	‘племянник’

Начальное *ie* в пакулихинском всегда дает *i*, ср. сым. *ietpæde* ‘я понимаю’ — пак. *itrædət*.

Фонологическая интерпретация узкого *ê* в большинстве случаев сводится к сочетанию *e* и *ʔ*. Однако довольно устойчивая встречаемость *ê* в идиолектах позволяет выделить его в качестве отдельного элемента, тем более что существуют по крайней мере две минимальные пары, где *ê* и *eʔ* противопоставлены:

<i>šêl</i> — <i>šeʔl</i>	‘плохой’ — ‘олень’
<i>šêʂ</i> — <i>šeʔʂ</i>	‘река’ — ‘лиственница’

В статье Г. К. Вернера *ê* не выделяется как отдельная фонема: сымские данные не дают для этого оснований.

Таким образом, пакулихинский вокализм, расширенный за счет *δ* и *ê*, будет выглядеть так:

		<i>a</i>		
	<i>o</i>	<i>ə</i>	<i>e</i>	
	<i>δ</i>	<i>ш</i>	<i>ê</i>	<i>i</i>
<i>u</i>				

²⁹ Г. К. Вернер, 1965, стр. 139—140.

На этот раз система имеет четыре ступени полноточности. По количеству элементов и их составу эта модель совпадает с моделью А. П. Дульзона для кетского в целом и с моделью Г. К. Вернера для сымского. Однако, как мы показали, наши «напряженные» фонемы не совпадают с «закрытыми» фонемами указанных авторов. Следует отметить, что подобная система представляется нам промежуточной; в чистом виде она не нейтрализуется — либо расширяется за счет введения внутрь фонем некоторых просодических признаков, либо сводится к минимальной.

Подобная система идентифицируется иначе, чем минимальная (табл. 2)

Таблица 2

	e	ê	o	ô	i	u	ə	ш	a
Центральный—нецентральный	—	—	—	—	—	—	+	+	+
Компактный—некомпактный	0	0	0	0	0	0	—	—	+
Диффузный—недиффузный	—	—	—	—	+	+	0	0	0
Периферийный—непериферийный	—	—	+	+	—	+	0	0	0
Напряженный—ненапряженный	—	+	—	+	0	0	—	+	0

В статье Г. К. Вернера «Система вокализма сымского наречия кетского языка» говорится, что все выделяемые автором фонемы имеют долгие корреляты, которые следует считать фонемами, так как «намечается их фонологизация». Вслед за А. П. Дульзоном Г. К. Вернер считает источниками фонетической долготы влияние ларингального смычного ʔ и стяжение двух гласных. Для пакулихинского говора (а также и для других имбацких говоров) источником долготы, кроме двух указанных, будет сокращение основы и удлинение гласного предыдущего слога, например, $\text{êd}^*(\text{êd}^*)$, соответствующее eâti , eâdi у Кастрена, $\text{šû} < \text{šuv}^*$, ср. sû у Кастрена. Помимо этого, нам кажется, что в имбацком наречии имеются следы несинтагматической долготы. Во-первых, отметим, что сочетание гласного и ларингального смычного вовсе не всегда приводит к исчезновению смычного и удлинению гласного, ср. $\text{se}^?l$ 'олень' — $\text{šêl}^*(\text{šêl})$ 'плохой'; $\text{se}^?š$ 'лиственница' — $\text{šêš}(\text{šêš})$ 'река', где смычка в наших записях всегда сохраняется. Во-вторых, в наших запи-

сах, как и в записях Кастрена и Доннера, мы находим минимальные противопоставления долгого и краткого i , причем одно такое противопоставление tly^* 'лебедь' и tly 'змея' не может быть объяснено ни одной из приведенных выше синтагматических причин. То же самое, хотя и с меньшей вероятностью, можно сказать о противопоставлениях:

\bar{i} 'солнце' i 'имя'
 $\text{?i}^?$ 'день' $i^?$ 'вешало',

которые иногда наблюдаются в полном объеме.

Для фонемы a характерно фонетически и контекстуально обусловленное чередование с æ и â . В одних случаях в слове всегда наблюдается только a , например at 'я', bar 'земля', в других словах наблюдается a , чередующееся с æ и â . Изучение записей М. А. Кастрена показало, что там слова с чередованием $a-\text{æ}$, â записаны в большинстве случаев с долгим â . Приведем ряд примеров:

пак. šæš	sâs	(Кастрен)	'реки' (мн. ч.)
пак. æt	âm	(Кастрен)	'мать'
	âm	(Доннер)	'мать'
пак. tæyym	tâgum	(Кастрен)	'светлый'
пак. hâštâ	hâsta	(Кастрен)	'hauen'
пак. hândâ	hânda	(Кастрен)	Imperfekt von 'hauen'
пак. hæptâ	hâptâ	(суп.)	'ставлю'
пак. bædæ	bâdâ	(Кастрен)	'(он) говорит'
пак. mænæ	mânâ	(Кастрен)	'(она) говорит'

В этих примерах ни разу не зафиксирован ларингальный смычный, поэтому остается предположить, что рефлекс æ и â возникли из некоторого долгого \bar{a} , образование которого нельзя объяснить синхронными причинами. Можно отметить следующую закономерность в переходе â Кастрена в пакулихинские æ и â : $\text{â} > \text{æ}$ в начале слова под ударением и в первом ударном слоге после t , d , $š$, h и b ; $\text{â} > \text{â}$ в безударном слоге, а также в первом ударном после h (в последнем случае встречается свободное чередование с æ , например $\text{hâštâ} - \text{hæštâ}$).

Интересно, что закономерность перехода долгого \bar{a} в æ (â) распространяется и на $\bar{a} < a^?$, но не на $\bar{a} < a + a$, ср.:

пак. $\text{tæ}l$	верещ.	$\text{ta}^?l$	'выдра'
пак. $\text{æ}l$	суп.	$\text{a}^?l$	'суп'
(вариант)		$\bar{a}^?l$ (Доннер)	'суп', 'уха'
пак. $\text{šæ}l$	пак. $\text{ša}^?l$		'табак'
	(вариант)		
но dâsqantš		daasqantš	'говорит'

Долгое \bar{a} сохраняется также после q и k , например: пак. qâde — Кастрен $k'âde$ 'Naar'.

Таким образом, для пакулихинского *a* можно выделить контекстуально обусловленный долгий коррелят \bar{a} , происхождение которого, по-видимому, не может быть объяснено синтагматически. Нам представляется, что ввиду расщепления \bar{a} на \bar{a} и \bar{a} , можно говорить не о собственно просодическом признаке долготы, а скорее о внутреннем признаке, который мы предлагаем отождествить с признаком «напряженность — ненапряженность». Такой подход оправдан, так как изменение качества долгого гласного связано с напряженностью речевого аппарата и изменением артикуляционной базы (ср. дифтонгизацию английских долгих, которые обычно характеризуются как напряженные). В результате *a*, в минимальной модели стоявшее вне противопоставления по «напряженности — ненапряженности», здесь вовлекается в сферу этого противопоставления.

Достоверная несинтагматическая долгота отмечается, помимо *i* и *a*, только для *u*, например: *qūq* 'Енисей', *ū* 'Kraft' (Доннер), *ū* 'луг' (сур., ср. сим. *ou* 'луг' (Г. К. Вернер).

Для *o* долгота в большинстве случаев является синтагматической: *dōnbəq* — *doonbəq* 'нашла', *bu dōldaq* — *bu dooldaq* 'он жил'. В некоторых случаях \bar{o} чередуется с \bar{o} , например: *tōmāldə* — *tōmāldə* 'озеро в тундре', *hōlə* — *hōlə* 'жирный'. Поэтому мы не выделяем \bar{o} отдельно от \bar{o} , а объединяем их в один «напряженный» \bar{o} . В случае пары \bar{a} — *u* нам представляется, что аналогично \bar{o}/\bar{o} , *u/ū* является «напряженно-долгим» коррелятом \bar{a} , тем более что в наших записях не отмечены случаи контекстуально обусловленной долготы этих двух сегментов. В результате получаем максимальную модель кетского вокализма, где шести ненапряженным гласным:

\bar{a}
 \bar{o} \bar{a} \bar{e}
u *i*

поставлены в соответствие шесть «напряженно-долгих» гласных

\bar{a}
 \bar{o} \bar{u} \bar{e}
 \bar{u} \bar{i}

Каждый член системы оказывается вовлеченным в противопоставление по полноточности, которое становится бинарным. Практически максимальная модель вокализма адекватно описывает все синхронные факты пакулихинского говора. В такой модели нет необходимости отдельно выделять супraseгментный признак долготы, так как он введен в число внутренних различительных признаков. В минимальной модели и в модели с двумя дополнительными напряженными \bar{o} и \bar{e} приходится признавать релевантность супraseгментной долготы, не уточняя ее конкретное функционирование. Это не совсем удобно, так как для пакулихинского

говора долгота тесно связана с напряженностью. Нам представляется, что как с точки зрения экономики и симметричности системы, так и с собственно фонетической точки зрения объединение долгих и напряженных в напряженные оправдано.

Интерпретация кетского вокализма как наложения признака количества на систему с одним гласным среднего подъема

\bar{a}
 \bar{o} \bar{a} \bar{e}
u *i*

неудачна, так как максимальная система представляет собой совокупность неравноценных подсистем: для *u* и *i* долгота, сохранившаяся в чистом виде, у же исчезает, уступая кратким коррелятам; для *a* парадигматическая долгота в большинстве случаев у же трансформировалась в напряженность, а \bar{o} и \bar{e} еще не стали долгими; синтагматическая долгота из V + V явно еще не фонологизировалась. Инвариантным является признак «напряженности», а не «долготы», так как первый менее подвержен идиолектным вариациям. Зато кетский вокализм можно трактовать как наложение на указанную систему с одним центральным гласным двух супraseгментных признаков: количества (или альтернативно — высоты) и глоттализации. Подобное решение можно было бы принять, однако мы избираем в качестве максимальной модели систему с напряженно-долгими гласными. Во-первых, наши материалы недостаточны для окончательного решения вопроса о тонах, и, во-вторых, тоновые различия (если они есть) характеризуют далеко не все кетские слова — по-видимому, лишь существительные.

Максимальная система идентифицируется так (табл. 3).

Таблица 3

	\bar{e}	\bar{e}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{i}	\bar{i}	\bar{u}	\bar{u}	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}
Центральный — нецентральный	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
Комплектный — некомплектный	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+
Диффузный — недиффузный	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0
Периферийный — непериферийный	—	—	+	+	—	—	+	+	0	0	0	0
Напряженный — ненапряженный	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

Прилагаемые таблицы распределения фонетических сегментов показывают, что на позиционную встречаемость согласных наложены ограничения трех типов: ограничения на встречаемость класса «сонантов» (точнее говоря, сонантов и плавных) в начальной позиции, ограничения на встречаемость класса «звонких» в конечной позиции и ограничения на встречаемость класса «инъективных» в начальной позиции. Ограничения эти различны по характеру и, видимо, по происхождению. Ограничение на сонанты в начальной позиции не носит фонологического характера — оно не является результатом нейтрализации, как, например, запрет на встречаемость взрывных в пользу сонантов в баикинском диалекте селькупского языка. Вообще сонанты в начале слова в кетском языке встречаются, правда, в большинстве случаев в заимствованиях из самодийских языков (особенно селькупского) и из русского³⁰. Крайняя немногочисленность слов, начинающихся с сонантов, и их неисконный характер заставляют сделать вывод, что ранее запрет на сонанты в начале слова имел фонологический характер и был, вероятно, связан с морфологически иной структурой имени, чем в современном кетском языке. Правда, в статье К. Боуды приводится этимология одного слова *lus*, *l'os*, *lôs* 'vagina', сопоставляющая его с тибетским *lhums* — то же. Это позволяет отнести возможный фонологический запрет на встречаемость сонантов к довольно отдаленному периоду. Таким образом, это ограничение не может считаться релевантным для определения состава согласных фонем современного кетского языка.

Сложнее обстоит дело с конечными инъективными. Если бы инъективные корреляты были у всех взрывных и встречались бы регулярно в конце и в середине слова, можно было бы выделить класс инъективных фонем, для которых начальная позиция была бы позицией нейтрализации. Однако это не так — в конце слова после гласной встречаются лишь *ʃ* и *t*, причем для *ʃ* все случаи имплозии объясняются соседством с предыдущим (ср. *koʃp* — *koʃ* 'бурундук'), то же самое справедливо и для *t* в именах, где имплозия может сочетаться с крайне сильной палатализацией, ср. *qyʔt* — *qyʔ* — *qyʔ* 'лук'. Имплозия возникает и синтагматически — на стыке двух взрывных: *t+k* и *p+t* — оба согласных теряют взрыв, что также может сопровождаться крайне сильной палатализацией. Как было уже сказано выше, несинтагматическая имплозия встречается лишь в формантах множественного числа и окончаний *-ət*.

Поскольку имплозия затрагивает не столько конечный формант, сколько конечный слог [например, *buɣ dɛjaɳɔʃbetɪŋ* — *buɣ dɛjaɳɔʃbetɪŋ* — *buɣ dɛjaɳɔʃbetɪŋ* 'они убивали (их)'], можно считать ее своего рода просодическим признаком, соотносящимся с тенден-

цией к редукции основы и затрагивающим определенные морфологические классы слов. Здесь же следует отметить, что тенденция к имплозии всех конечных *ʃ* и *p* встречается в речи отдельных кетов, например, А. А. Максунной, ср.: *baɳ* — *baʔ* 'земля', *kōɳ* — *kōʔ* 'уйди', *tyɳ* — *tyɳʔ* 'котел' и т. п. Поэтому для этого случая можно предложить следующее решение — объединение *n* — *ɳ* и *ɳ* — *ʃ* в одну фонему по принципу дополнительного распределения с указанием фонетического правила обязательной имплозии *ʃ* и *p* в конце слова.

Чисто фонологический характер носят ограничения на дистрибуцию звонких. Из таблиц явствует, что сегменты *d* и *t* находятся в дополнительном распределении в середине слова, встречаются свободно в начале слова и *t* выступает как архифонема *d* и *t* в позиции нейтрализации — конца слова. В связи с тенденцией к сокращению основы в ряде слов *d* оказывается в речи отдельных информантов в конечной позиции. В пакулихинском говоре этого почти не происходит — всегда после *d* наблюдается отчетливый гласный призвук, след бывшего гласного полного образования (например: *ɛdʔ* 'соболь', *ɪdʔ* 'весна'), но в «боковых» кетских говорах процесс сокращения основы уже закончился и там видно, что *d* стал трактоваться не как звонкий, а как слабый — *d > r*, например: *jer* — кур. (Дульзон), *ɣr* — кур. (Дульзон). Итак, наметился путь к трансфонологизации звонкого *d* в слабый.

Кетские *b* и *p* ведут себя иначе — в начальной позиции, сильной для признака «звонкость — глухость», встречается только *b*, в остальных позициях *e* и *p* находятся в дополнительном распределении; таким образом, *b* выступает как фонема, а *p* — как ее позиционный вариант.

Промежуточную картину между *d* — *t* и *b* — *p* представляют отношения *q* — *R* и *k* — *ɣ*. Здесь звонкие выступают только в позиции середины слова, причем часто *ɣ* происходит не только из *k*, но и из *q*, так что интервокальную позицию можно иногда считать позицией нейтрализации *k* и *q*. Так же, как и *d*, *ɣ* и *R* окказионально могут выступать в конце слова, свободно чередуясь с более часто встречающимся гласным остатком усеченной основы, например: *qoR* — *qoRʔ* 'звезда', но также *qōʔ* и даже *qō*.

В некоторых говорах, например в суломайском, звонкие корреляты *k* и *q* свободно встречаются в конце слова, что позволяет выделить их как самостоятельные фонемы. Для пакулихинского говора процесс фонологизации *R* и *ɣ* не закончился, поэтому мы, подобно А. П. Дульзону, рассматриваем их как позиционные варианты.

Отличительной чертой пакулихинского говора по сравнению с суломайским и сымским является отсутствие смыслоразличительной роли у признака «палатализованность — непалатализованность».

Рассматривая сымские палатализованные корреляты *ɕ*, *ɕ*, *ɳ*, *ʃ*, можно отметить, что им в пакулихинском соответствуют либо

³⁰ См., в частности, Боуда, 1957.

непалатализованные, либо наблюдается свободное чередование палатализованных и непалатализованных. Сымскому ϕ в начале и в середине слова всегда соответствует пакулихинское d , причем сымскому i соответствуют пакулихинские средние $ш$ и $э$: $idyə - idziə$ 'пиши'; с другой стороны, в сымском в отличие от пакулихинского ϕ широко встречается и перед гласными среднего и заднего ряда: $a, o, \text{э}, y$. В таких случаях в пакулихинском имеются те же гласные, перед которыми стоит непалатализованный d , например: сым. $j^{\text{э}}c, \partial^{\text{э}}c$ (Вернер) — пак. $d\bar{a}\bar{s}$, $du\bar{s}$ 'моча'; сым. $z'an\bar{g}$ ($\partial^{\text{э}}z'an\bar{g}$) (Вернер) — пак. $d\bar{x}\bar{p}$ 'ствол'.

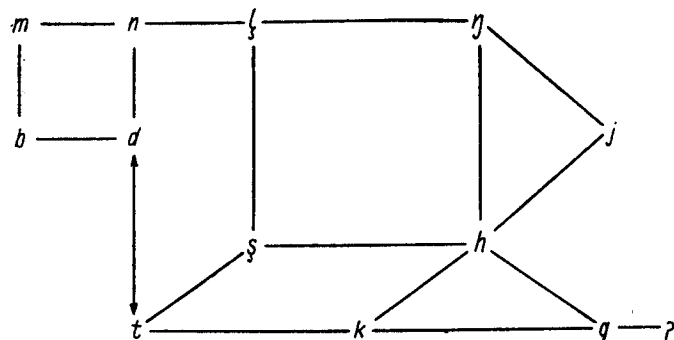
В позиции конца слова в сымском выступает (m'), которое, по нашим наблюдениям, происходит либо из $\text{?}+t$ [например: $xyom'$ (Вернер) — пак. $q\bar{o}t$ 'щука', либо из $t+i$ (например: $э:m'$ (Вернер) 'соболь']. В пакулихинском $\text{?}+t$ дает, как уже было сказано, ? , а $t+i$ соответствует $\phi^{\text{э}}$.

Сымское \bar{c} всегда соответствует пакулихинскому ? перед i и t перед остальными гласными.

Что же касается $l - \text{?}$ и $\eta - n$, то палатализованные и непалатализованные свободно чередуются на конце слова, а в остальных позициях находятся в дополнительном распределении. Сымскому n' в середине и конце слова соответствует пакулихинское n . Случаи твердого $л$, отмеченные в пакулихинском, объясняются слиянием двух согласных, например, $\bar{a}llal\bar{t}$ 'аллалт' (божок).

Сегменты s и \bar{s} в большинстве случаев свободно чередуются, причем в пакулихинском, как правило, выступает специфическое \bar{s} . Сегмент s встречается в очень немногих словах, главным образом заимствованных. Интересно, что слово saq 'белка', одно из единичных слов, где в наших записях s не чередуется с \bar{s} , у Кастрена фигурирует как $\bar{s}ak'$, что свидетельствует о возможности замены s на \bar{s} в некоторых имбацких говорах, ср. сым. $\bar{s}ax$ 'белка'.

В итоге мы получаем систему кетского консонантизма, которая отличается ассиметричным характером и почти полным отсутствием (кроме $d - t$) минимальных нейтрализуемых противопоставлений:

Система консонантизма пакулихинского говора отличается сравнительно небольшим количеством фонем. По-видимому, именно пакулихинский говор представлен наименьшим числом согласных. Аналогичную консонантную модель устанавливает для кетского языка А. П. Дульзон. Можно расширить эту модель за счет заимствований из русского языка. Тогда в нее войдут p, r, \bar{c} . Но это не представляется оправданным, так как модель кетского вокализма была описана только на основании собственно кетских слов. Интересно отметить, что по мере продвижения с юга Енисея на север наблюдаются одинаковые тенденции в фонетическом развитии кетского и самодийских языков:

1) Уменьшение (и исчезновение в кетском) различительной роли признака «палатализованность — непалатализованность». Ср.: в камассинском языке, по материалам К. Доннера, есть противопоставления $k^h - k^?$, $p^h - p^?$, $t^h - t^?$, $b - b^?$, $s - \bar{s}$, $t - \bar{c}$, $n - n^?$, $l - \text{?}$, а в более северном селькупском лишь $t - \bar{c}$, $s - \bar{s}$, $n - \eta$, $l - \text{?}$. Аналогично и в самом селькупском, где в более южных диалектах число противопоставлений увеличивается: прибавляется $d - \bar{s}$, а в противопоставлениях $\text{?} - \bar{c}$ и $s - \bar{s}$ «яркие» члены противопоставления выступают как собственно палатализованные $t^?$ и $s^?$.

2) Уменьшение и полное исчезновение придыхания у глухих взрывных. Это также можно проследить, сравнив камассинский с селькупским, а кетский с вымершими енисейскими языками.

3) Тенденция к замене признака «звонкость — глухость» на признак «сильный — слабый». В камассинском возможны начальные глухие и звонкие, в интервокальном положении глухие озвончаются, в конце возможны глухие или звонкие с энтетическим призвуком. В селькупском в начале возможны только сильные, в интервокальном положении они ослабевают, в конечной позиции происходит нейтрализация противопоставления «сильный — слабый». В кетских «боковых» диалектах интервокальный смычный шумный также ослабляется.

4) Общее уменьшение инвентаря согласных фонем, особенно фрикативных (спирантов, сибилантов и губных, ср. сым. x, f, s — пак. q, h, \bar{s}).

Характерно, что уменьшение инвентаря согласных в пакулихинском говоре сопоставимо с увеличением различительной роли гласных, особенно среднего ряда, а также с сокращением основ.

Отметим слабость ряда губных (отсутствие фрикативного и смычного глухого), характеризующую кетский язык как язык с «азиатской депрессией губных» (по В. А. Никонову)³¹, в противовес развитому ряду ларингальных ($k, h, q, \text{?}, \eta$).

Попытаемся типологически интерпретировать фонологическую структуру пакулихинского говора в свете многочисленных лексических сходжений кетского языка с сино-тибето-бирманскими.

³¹ См. Никонов, 1964.

Выше уже упоминалось, что фонологическая структура кетского слова (многослодность с тенденцией к замене однослодностью и дифференциация позиций слова) типологически близка к структуре слова в некоторых австронезийских языках (мон, кхмер, палаунг). Попытаемся суммировать различные типологические расхождения и схождения кетского языка и австронезийских языков (т. е. сино-тибето-бирманских, мунда и австронезийских языков)³².

— Северные австронезийские языки (сино-тибето-бирманские) характеризуются моносиллабичностью, в то время как южные австронезийские языки характеризуются полисиллабизмом, увеличивающимся по мере продвижения на юг. Кетский язык примыкает в этом плане к южным австронезийским языкам.

— В австронезийских языках с уменьшением числа слогов в слове наблюдается возрастание количества гласных фонем и введение тоновых различий. Аналогично в кетском языке с сокращением основы наблюдается развитие вокализма.

— Австронезийские (малайско-полинезийские) языки имеют несложную систему вокализма. В синтагматическом плане гласные часто претерпевают изменения под влиянием гласных соседних слогов. Не так обстоит дело в кетском, где система вокализма достаточно сложна и, как правило, не знает явлений типа умлаута.

— С другой стороны, мон-кхмер-никобарская языковая семья характеризуется сложным вокализмом с преобладанием средних, нелабиализованных гласных заднего ряда или средних, лабиализованных гласных переднего ряда (*i, ə, u, y, ö*). Аналогичная вокалическая структура характерна и для кетского языка.

— В мон-кхмер-никобарской семье мы находим релевантное противопоставление гласных по количеству. Аналогично в кетском языке гласные делятся на краткие (ненапряженные) и долгие (напряженные). Интересно, что тенденция к расщеплению *a* (в частности, напряженного *ā* на *ā* и *ā*) в кетском отмечена и в кхмерском языке.

— Для сино-тибето-бирманских языков характерна тройная структура противопоставления по способу произношения в подсистеме смычных взрывных. Для мон-кхмерских и малайско-полинезийских языков можно установить только бинарное противопоставление. Для кетского языка в его современном виде характерно лишь бинарное противопоставление *t — d*, однако возможно, что другие енисейские языки оперировали и тройным противопоставлением, включавшим, вероятно, придыхательные.

— Для мон-кхмерских и австронезийских языков характерно наличие противопоставления звонких и глухих взрывных. То же самое верно и для кетского.

— Для мон-кхмерских языков и кетского характерно наличие ларингального смычного².

— Наличие увулярного *q* выделяет кетский язык из австронезийских, для которых типичны палатальные и велярные смычные (*ɲ* — в кхмерском, *tʰ* в тай и вьетнамском и *ɽ* во вьетнамском и индонезийском).

— С другой стороны, общее число классов смычных по месту образования в языках мон-кхмер и сино-тибето-бирманских равно четырем, так же как и в кетском. Пятичленная система наблюдается в мунда и некоторых полинезийских языках.

— Северные австронезийские языки развили регулярное чередование ряда смычных и ряда аффрикат, что особенно выражено в системе тибетского глагола. В южных австронезийских языках подсистема аффрикат развита гораздо слабее (*c* в кхмерском и боро, *ɕh* в тайском, *c—z* в мунда и в индонезийском, *ɕ* во вьетнамском). Кетский язык с его полным отсутствием аффрикат как бы развивает дальше тенденцию, выраженную в южных австронезийских языках.

— Бедность аффрикат сочетается в южных австронезийских языках с бедностью системы сибилантов. В северных австронезийских языках система сибилантов развита. В южных австронезийских языках сибиланты представлены одним элементом *s*. Это верно, в частности, для индонезийских языков, языков мунда-сантали, мон-кхмер и тайского, а также для сино-тибетского языка боро. Параллель с кетским разительна, особенно если учесть, что языки, окружающие кетский, располагают развитой системой сибилантов. Еще более интересна параллель с тамильским, где единственный сибилант — это звук типа *s* с тенденцией палатализации.

— Для языков мон-кхмер-никобарских и мунда-сантали характерно наличие глоттализированных согласных, произносимых без взрыва — в мунда и никобарском только на конце слова, в мон, кхмер и бахнар — только в начале, а в палаунг и ряде других мон-кхмерских языков — только не в начале. Элементы эти частично являются фонемами и происхождения их вторично. Параллель с кетским разительна, особенно если принять во внимание, что в обеих группах на дистрибуцию импловивных наложены ограничения.

— Для пакулихинского говора кетского языка и южных австронезийских языков характерно отсутствие противопоставления по «палатализованности — непалатализованности». Этого противопоставления нет, в частности, в индонезийском, вьетнамском, боро, мунда, кхмерском, тай и в других языках.

— Кетский язык объединяется с австронезийскими и тем, что в обеих группах невозможны начальные сочетания согласных. Они есть лишь в середине слова (главным образом типа CR).

В своей предыдущей работе³³ мы попытались показать, что

³² Данные по фонологии австронезийских языков заимствованы из статей Н. Хольмера (Хольмер, 1963) и Г. Пиннова (Г. Пиннов, 1963).

³³ Сегал, 1968.

кетская фонологическая система типологически не входит в так называемый «евразийский языковой союз», для которого характерно наличие минимальных тембровых противопоставлений в системе консонантизма и/или вокализма. Число типологических схождений, объединяющих кетский язык с аустрическими, слишком велико, чтобы быть случайным. Эти схождения лежат и на морфологическом уровне. Приведем некоторые из них.

— Аустрические языки отличаются широким употреблением префиксации при словоизменении. Это верно и для письменного тибетского, и для реконструируемого древнекитайского языка. Префиксы широко употребляются в языках Ассамы и Северной Бирмы, так же как и в языках мунда и мон-кхмер. Малайско-полинезийские языки развили крайне изощренную систему префиксации. Однако интересно не только структурное, но и материальное тождество префиксирующих формантов в кетском и аустрических языках: в аустронезийских языках мы находим среди префиксов форманты *p-*, *t-*, *k-*. Аналогичные согласные *b-*, *d-* и *g-* присутствуют в префиксах тибетского глагола. В реконструируемом древнекитайском языке префиксы имеют вид **p-*, **t-*, **k-*. Кетские личные глагольные префиксы *b-*, *d-*, *k-* слишком напоминают аустрические, чтобы можно было легко отбросить это сходство.

— Сходны также инфиксы, встречающиеся в кетском и в языках мон-кхмер, мунда, аустронезийских и образующиеся при помощи сонантов *p*, *n*, *l* и *r*.

— Связь глагольного словоизменения с посессивным склонением имен, постулируемая для предистории ряда аустрических языков, ясно прослеживается в кетском языке.

Разумеется, приведенные схождения не следует трактовать, как указывающие на непосредственную генетическую связь, однако возможно, что предки енисейских и аустрических языков были объединены во всяком случае более тесной связью, чем эти языки сейчас.

Существенным нам кажется то, что кетский язык, в словаре которого устанавливается большое количество схождений с аустрическими языками, в морфологическом плане, в плане фонологической структуры слова, а также в плане фонологической парадигматики может быть типологически сопоставлен с определенной, более архаичной группировкой аустрических языков — куда входят языки мон-кхмер, мунда-сантали, некоторые языки тибето-бирманской семьи, расположенные в районе Гималаев. Подобные сопоставления наряду с уже известными сопоставлениями кетского языка и изолированного языка Кашмира бурушаски, также обнаруживающего большую архаичность в своей структуре, чем окружающие языки, заставляют снова обратить внимание на особый статус кетского языка, как реликта более древнего языкового состояния Азии.

ТАБЛИЦЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ СЕГМЕНТОВ В СЛОВЕ

Таблица I

Распределение фонетических сегментов
начальной и срединной позиции (тип VV)

Первое место	Второе место												
	á	é	ó	ú	í	ý	æ	ə	a	o	u	e	i
á									+				
é									+			+	
ó								+	+	+			
ú								+	+	+	+		
ý								+					
í												+	+
ə	+	+	+	+	+	+	+						
a	+		+	+		+							
o	+		+	+		+							
u	+		+	+		+							
e	+	+			+								
i		+			+								

Распределение фонетических сегментов

Первое место	Второе														
	p	p	b	p	t	t	d	q	k	k	g	g	q	γ	R
ā	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+
ā															
ā															
ā															
ē	+				+	+	+	+	+				+	+	
ē								+	+						
ū	+				+	+	+	+	+				+	+	+
ō															
ū					+		+		+		+		+	+	+
ī					+	+	+	+	+		+			+	+
ī					+										
ō	+		+		+						+			+	
ō	+		+						+				+		
ō															
ā	+		+	+	+		+	+	+	+	+			+	
ū															
a			+		+		+	+					+	+	+
æ															
ā															
e															
ы					+										
ə															
ш															
i					+		+								
o			+								+		+	+	
ō															
я					+		+							+	

в позиции начала слова (тип VC)

место														
s	ʃ	č	j	h	m	ɱ	n	ɳ	l	ʎ	ɲ	ɳ	ʔ	#
+	+		+		+		+	+	+	+	+		+	
					+					+	+		+	
	+										+			
	+				+		+	+		+			+	+
	+		+		+	+	+		+	+	+		+	
	+		+		+								+	+
	+		+				+	+		+	+		+	
										+			+	+
	+		+				+			+	+	+	+	+
	+				+		+							+
			+		+		+	+	+	+	+		+	
										+				
	+	+	+				+			+	+		+	
														+
	+	+		+	+					+	+			
							+	+						
		+								+				
	+	+								+	+			
									+					
		+								+				

Распределение фонетических сегментов в

Первое место	Второе место												
	á	æ	á	ä	é	é	ы	ó	ú	í	í	ó	ó
p													
p													
b	+	+	+	+			+	+	+			+	+
þ					+	+				+	+		
t	+	+					+	+	+			+	+
t					+	+				+	+		
d	+	+	+	+			+	+	+			+	+
q					+	+				+	+		
k	+			+			+	+	+			+	+
k					+	+				+	+		
g	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
g	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
q	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+
γ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
s	+						+					+	
ʃ	+	+			+	+		+	+	+	+	+	+
č					(+)								
j									(+)				
h	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+
m	+												
ɱ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
n	+												
ɳ		+								+			
l													
ɭ	+	+							(+)			+	
ɲ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ɳ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ʔ	(+)				(+)				(+)				

в позиции начала слова (тип CV)

место													
ó	ý	ý	a	æ	d	e	ы	э	ш	i	o	ó	и
													(+)
	+	+		+			+				+		+
						+				+			
	+	+	+	+		+	+				+		+
						+				+			
	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
						+				+			
	+	+	+	+			+	+			+	+	+
										+			
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	+	+	+	+				+			+		
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
				+							+		+
		+		+		+			+	+	+		
				+									
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		+		+					+				
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Распределение фонетических сегментов

Первое место	Второе место													
	p	p	b	b	t	t	d	d	k	k	g	g	q	γ
á	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+	+
æ	+		+		+		+		+		+		+	+
ä					+									
á	+		+		+		+	+	+					+
é	+		+		+	+	+	+	+		+		+	+
é	+		+		+	+	+	+						
ы	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+	+
ó	+		+		+				+				+	
ú					+		+		+		+		+	+
í	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+			+
í	+		+	+	+		+		+					+
ó	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+	+
ó	+		+										+	
ó	+		+		+		+							+
ú	+		+	+	+		+	+	+	+	+		+	+
ú	+		+		+								+	+
a	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+	+
æ														
ä														
e	+		+	+	+	+	+	+	+		+			+
ы	+		+		+		+		+		+		+	+
э	+		+		+		+		+		+		+	+
и					+									+
i	+		+		+	+	+	+	+	+	+			+
o	+		+		+		+		+		+		+	+
ó	+												+	
u	+		+	+	+		+	+	+	+	+		+	+

в позиции середины слова (тип VC)

место															
R	s	ʃ	č	j	h	m	ɱ	n	ɳ	l	ʎ	ɲ	ʝ	ʟ	ʟ
+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		+		+		+				+	+	+	+	+	+
		+						+				+			
+	+	+				+		+			+				
+		+		+		+		+	+	+	+	+	+	+	+
+		+		+		+				+	+				+
+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+						+		+		+	+	+	+	+	+
+						+		+		+	+	+	+	+	+
+	+	+		+		+		+	+	+	+	+	+	+	+
+		+				+		+	+	+		+			
		+				+		+	+	+	+	+	+	+	
+	+	+		+		+		+	+	+	+	+	+	+	+
												+			
+	+	+		+		+		+	+	+		+	+	+	+
+		+		+		+		+	+	+		+	+	+	+
								+			+				
+	+	+		+				+	+	+	+	+	+	+	+

Распределение фонетических сегментов

в позиции середины слова (тип CV)

Таблица V

Первое место	Второе место												
	á	æ	ǎ	ä	é	ê	ý	é	ú	í	î	ó	ô
p													
p					+								
b	+	+					+	+				+	+
þ					+					+			
t	+	+					+	+	+			+	+
t					+					+	+		
d	+						+	+				+	+
q					+					+	+		
k	+			+			+					+	
k					+					+			
g													
g													
q	+											+	+
γ	+						+	+		+		+	
R	+						+	+		+		+	
s							+					+	
ʃ	+	+			+	+			+	+		+	
č												+	
j	+				+					+			
h	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
m	+						+	+					
m						+				+			
n	+						+					+	
ŋ										+	+		
l	+						+	+					
l	+				+				+	+			
ɹ	+	+					+	+	+	+		+	+
ŋ													
?							+						

место													
ó	ú	ǔ	a	æ	ǎ	e	ы	э	ш	i	o	ô	u
							+	+					+
	+	+		+			+	+			+		+
						+				+			
	+	+	+	+			+	+	+		+		+
						+				+			
	+	+		+	+		+	+			+		+
				+		+		+		+			
	+	+		+			+	+			+		+
						+				+			
													+
	+			+			+	+		+	+		+
						+							
	+	+		+			+	+			+	+	+
				+	+		+	+		+	+	+	+
	+						+	+			+		

Распределение фонетических сегментов

Первое место	Второе место															
	p	p	b	ɸ	t	t	d	ɖ	k	k	g	ɣ	q	γ	R	s
p					+	+			+	+			+			
p																
b			+				+	+								
ɸ				+												
t	+	+			+				+				+			
t										+						
d			+	+			+									
ɖ								+								
k					+	+			+							
k										+						
g			+	+			+	+								
ɣ																
q					+								+			+
γ			+	+	+		+									
R																
s	+				+								+			+
ɸ	+				+	+			+	+			+			
ɸ																
j			+	+	+	+	+	+	+		+			+		+
h																
m	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+				+
m																
n					+	+	+	+	+		+		+	+		
n					+	+	+	+		+		+	+	+		
l					+		+						+			
l			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
ɳ			+	+	+	+	+	+			+	+		+	+	+
ɳ																
ʔ	+				+		+									+
ʔ																
i																

в позиции середины слова (тип CC)

место															
ɸ	ɸ	j	h	m	m	n	n	l	l	ɳ	ɳ	ʔ	ʔ	k	i
+									+						
						+	+	+	+						
+						+	+	+	+			+			
								+							
+						+			+		+				
+						+		+							
+						+		+							
+						+		+	+	+	+				
+								+	+	+	+				
+						+	+		+	+		+	+		
															+
														+	

Распределение фонетических сегментов

Первое место	Второе место															
	p	p̣	p̥	b	ḅ	t	ṭ	t̥	d	ḍ	k	ḳ	g	g̣	q	ʔ
á	+	—				+					+				+	
æ	+	—														
á		—				+										
á	+	—				+					+				+	
é	+	—				+					+					
é	+	—														
é	+	—	+			+	+				+				+	
ó	+	—				+	+				+				+	
ú		—				+	+				+					
í	+	—				+					+					
í	+	—				+					+					
ó	+	—	+			+	+				+				+	
ó	+	—				+									+	
ó	+	—				+					+				+	
ú	+	—	+			+	+				+				+	
ú	+	—				+									+	
a	+	—				+									+	
æ		—														
á		—														
e	+	—				+										
ы	+	—				+									+	
ə	+	—				+	+				+				+	
и		—				+										
í	+	—				+										
o		—				+									+	
ó	—	—														
и	+	—	+			+									+	

Тов в позиции конца слова (тип VC)

место															
R	s	ʃ	č	j	h	m	ɱ	n	ɳ	ɲ	l	ʎ	ɹ	ʔ	ʔ
		+		+				+				+	+	+	+
		+		+		+			+			+	+		
		+										+	+		
		+				+		+				+			
		+		+		+			+			+	+	+	+
		+		+					+			+	+	+	+
		+	+	+	+	+		+			+	+	+		+
		+						+		+		+	+		+
		+		+				+		+		+	+	+	+
		+		+		+			+	+		+	+	+	+
		+							+	+		+	+	+	+
		+				+		+				+	+		
		+		+		+			+			+	+	+	+
		+										+	+	+	+
		+		+				+		+		+	+		
		+				+		+		+		+	+		
		+										+	+		
		+	+									+	+		

ТОВ В ПОЗИЦИИ КОНЦА СЛОВА (ТИП CV)

[illegible]

- Арутюнов, 1964 — С. А. Арутюнов, *Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории*, М., 1964.
- Боуда, 1957 — K. Bouda, *Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen*, — «Anthropos», vol. 52, 1957.
- Вернер, 1965 — Г. К. Вернер, *Система вокализма сымского наречия кетского языка*, — «Уч. Зап. ТПИ», т. 22 (лингвистические науки), 1965.
- Вернер, 1966 — Г. К. Вернер, *Звуковая система сымского диалекта кетского языка*, Томск, 1966 (автореф. канд. дисс.).
- Доннер, 1955 — K. Donner, *Ketica. Materialien aus dem ketischen der Jenissei-Ostjakischen*. Hrsg. von A. J. Joki, — MSFOu, vol. 108, 1955.
- Доннер, 1958 — K. Donner, *Ketica II. Supplement*. Hrsg. von A. J. Joki, — MSFOu, vol. 108/2, 1958.
- Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, ч. I, Томск, 1964.
- Каргер, 1934a — N. K. Karger, *Bukvar (N. K. Karger didənuol'bat)*, M., 1930.
- Каргер, 1934b — Н. К. Каргер, *Кетский (енисейско-остяцкий) язык*, — «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.
- Кастрен, 1858 — M. A. Castren, *Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, — SPb., 1858.
- Крейнович, 1963 — Е. А. Крейнович, *О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке*, — в сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
- Кучера, 1958 — H. Kučera, *On coexisting phonemic patterns*, — «American contributions to the IV International Congress of Slavists», The Hague, 1958.
- Лекомцева и др., 1963 — М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт фонологической типологии близкородственных языков*, — сб. «Славянское языкознание». Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов в Софии, — М., 1963.
- Linguistic Comparison, 1963 — «Linguistic Comparison in South East Asia and the Pacific», London, 1963.
- Маун Маун Ньюн и др., 1963 — Маун Маун Ньюн, И. А. Орлова, Е. П. Пузицкий, И. М. Тагунова, *Бирманский язык*, М., 1963.
- Никонов, 1964 — В. А. Никонов, *Геофонетика*, — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве», М., 1964.
- Пиннов, 1963 — H.-J. Pinnow, *The position of the Munda languages within the Austroasiatic language family*, — «Linguistic comparison in South East Asia and the Pacific», London, 1963.
- Рерих, 1961 — Ю. Н. Рерих, *Тибетский язык*, М., 1961.
- Рихтер, 1963 — E. Richter, *Grundlagen der Phonetik des Lhasa-Dialektes*, Berlin, 1963.
- Сегал, 1968 — Д. М. Сегал, *Опыт типологического описания фонологии кетского языка*, — «Труды по востоковедению 1», Тарту, 1968.
- Софронов, 1964 — М. В. Софронов, Е. И. Кычанов, *Исследования по фонетике тангутского языка*, М., 1964.
- Спригг, 1963 — R. K. Sprigg, *Prosodic analysis in Tibeto-Burman comparison*, — «Linguistic Comparison in South East Asia and the Pacific», London, 1963.
- Хольмер, 1963 — N. Holmer, *Morphological structure of Austro-asiatic languages*, — «Linguistic Comparison in South East Asia and the Pacific», London, 1963.
- Хэмп, 1960 — E. P. Hamp, *Notes on Ket phonemics*, — UAJb, Bd 32, N 1—2, 1960.

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ В ГЛАГОЛЕ КЕТСКОГО ЯЗЫКА

Глагол кетского языка имеет категории переходности-непереходности, способов действия, лица, класса, числа, времени и наклонения.

Прежде чем перейти к описанию категории способов действия, необходимо хотя бы в самых кратких чертах дать некоторое представление о морфемной и словообразовательной структуре глаголов.

Глаголы кетского языка членятся на морфемы корневые, деривационные и реляционные, а также на детерминативы и интерфиксы. К детерминативам относятся: *к, т, ҕ, д, н, б, х, с*. Некоторые из них имеют, по-видимому, местоименное происхождение. Детерминативы представляют собой загадочную разновидность морфем в глаголах кетского языка. Интерфиксы представлены соединительными гласными *-и-, -у-, -а-, -ы-* и разграничительными согласными *-в-, -у-, -ј-*.

Глаголы кетского языка представлены пятью словообразовательными типами:

- 1) с корневой основой в конце слова;
- 2) со сложной прерывной основой, состоящей из двух — начальной и конечной — корневых морфем;
- 3) с простой прерывной основой, имеющей деривационную морфему в начале слова и корневую в конце;
- 4) с простой прерывной основой, имеющей корневую морфему в начале слова и деривационную в конце;
- 5) составными глаголами.

Каждый из указанных типов делится на подтипы, которые в свою очередь подразделяются на варианты. В начале и в конце прерывных основ могут выступать не только нечленимые морфемы, но и членимые компоненты, которые мы называем в таких случаях начальным или конечным составляющим основы.

Первый тип представлен глаголами префиксальной структуры, а три остальных типа — глаголами инфиксальной структуры. Суффиксация в глаголах кетского языка представлена очень слабо и выражена исключительно присоединением показателей числа субъекта действия в конце глагольного слова.

В глаголах с основой в конце слова отчетливо выделяются две структуры. Одна из них образована при помощи соединительного гласного *-и-*, а вторая — при помощи гласных *-а-*, *-о-*, являющихся показателями времени. В глаголах с гласным *-и-* настоящее-будущее время выражено нулевым показателем или инфиксом *-с-*, а прошедшее время — показателями завершенности действия *-л- ~ -л'-*, *-н- ~ -н'-*. Настоящее-будущее время выражается также показателем *-а-*, а прошедшее время — показателями *-о-*, *-о-н-*, *-о-н'-*, *-о-л-*, *-о-л'-*. Главным словообразовательным средством префиксального типа глаголов служит словоизменительная парадигма спряжения.

Префиксальный тип глаголов представляется нам наиболее древним типом глаголов кетского языка, и можно предполагать, что все остальные типы глаголов развились на его основе. Имеются основания утверждать, что некоторые глаголы с основой в конце слова вследствие своего широкого значения, позволявшего им сочетаться с большим числом других слов, стали служебными. Вместе с основным словом, располагавшимся перед служебным глаголом, они образовывали составные глаголы. Вследствие постепенного ослабления значения служебного глагола произошло его сращение с основным словом в один сложный глагол, в связи с чем бывшие префиксы служебного глагола превратились в его инфиксы. Так развился второй тип глаголов со сложной прерывной основой, состоящей из двух дистантно расположенных корневых морфем. Этот предполагаемый путь развития подтверждается и современными фактами. Так, например, нетрудно доказать, что глаголы со сложными прерывными основами с конечными служебными компонентами *-н* (*-аван/-овон* и др.), *-таэт*, *-баэт*, *-гит*, *-та*, *-дон'* и др. развились из соответствующих глаголов с основой в конце слова. Дальнейший путь развития глаголов кетского языка был обусловлен, по-видимому, последующей грамматизацией начальной или конечной корневой морфемы сложной прерывной основы и превращением ее в морфему аффиксальную. Грамматизация начальной корневой морфемы привела к развитию весьма непродуктивного третьего типа глаголов, а грамматизация конечной корневой морфемы вызвала развитие очень продуктивного четвертого типа глаголов. Таков предполагаемый путь развития словообразовательных типов глаголов в кетском языке.

Рассматриваемые типы глаголов имеют единые показатели для выражения словоизменительных категорий лица, класса, числа, времени и склонения, но различные средства для выражения словообразовательных категорий непереходности — переходности и способов действия. Так как средства выражения последних категорий в некоторых случаях скрещиваются друг с другом, то в самых кратких чертах мы остановимся на характеристике средств выражения категории непереходности — переходности.

В глаголах с основой в конце слова категория непереходности — переходности выражается значением основы, порядком

сочетания личных показателей, а в единичных случаях инфиксацией показателя *-æ- < -а-* со значением непереходности и пассивности. В глаголах же с прерывными основами категория непереходности — переходности выражается при помощи служебных корневых морфем или при помощи конечных деривационных показателей. В связи с этим непереходные и переходные глаголы, выраженные этими типами глаголов, разделяются на ряд лексико-грамматических групп.

Так, например, непереходные глаголы делятся на следующие лексико-грамматические группы:

1. Глаголы со значением становления качественного признака и физических состояний природы [служебная корневая морфема *-н* (*-а-в-а-н/-о-в-о-н*, *-а-в-а-н/-о-в-о-н*, *-а-в-в-а-н/-о-в-в-о-н*), *дақтабан* 'я-поправлюсь', *дақтабан* 'я-поправился', *тајаван* 'холодно-станет', *тајовон* 'холодно-стало']].

2. Глаголы со значением становления предметного признака [служебная корневая морфема *-к* (*-т-а-к*, *-т-о-н-а-к*, *-т-а-н-о-к*), *кир'æ* *е ақтад дон'тақ* 'это железо хорошим ножом станет', т. е. 'из этого железа хороший нож получится'; *амбатақ* 'я-матерью-стану']].

3. Глаголы со значением становления внешнего признака, нередко вызывающего отрицательные изменения в его носителе [служебная корневая морфема *-тиј* (*-к-æ-тиј*, *-к-о-н'-тиј*): *н'ан' хус'кæтиј* 'хлеб заплесневевает', *н'ан' хус'кон'тиј* 'хлеб заплесневел']].

4. Глаголы со значением изменения во внутреннем состоянии, а также во внешнем состоянии по цветовому признаку, происходящего в его носителе независимо от его воли [показатели: префикс *дæ- ~ р'æ- < да-*, инфикс *-æ- < -а-*: *дæтуубæтсиј* 'я-раздражаюсь', 'я-нервничаю', *дæтуубæтл'иј* 'я-был-раздражен', 'я-нервничал', *дæс'ул'æјæқирит* 'я-покраснею', *дæс'ул'æјæқиндит* 'я-покраснел' (начал-краснеть), *дæс'ул'ајбокс'а* 'я-краснею', *дæс'ул'ајбол'а* 'я-покраснел' (в момент повествования уже вышел из этого состояния)]; многие из глаголов этой группы являются безличными.

5. Составные глаголы со значением некоторых психических состояний и физиологических потребностей образуются при помощи служебных глаголов *баувис'ау* и т. д., *баувинс'ау* и т. д., *боуот'н'* и т. д., *қаститн* и т. д. (*с'ал'иј баувис'ау* 'я-заскучаю', *с'ал'иј баувинс'ау* 'я-заскучал', 'я-начал-скучать', *ис'ас боуот'н'* 'я-есть хочу', *с'ајдоқаститн* 'чай-пить-я-хочу').

6. Глаголы с пассивным значением образуются при помощи следующих показателей: *-æ- < -а-*, *-æј < -ај*, *-ј¹*, а также при

¹ На основании ограниченного круга фактов мы первоначально предположили, что эти аффиксы являются показателями страдательного залога. Дальнейшие исследования показали, что при их помощи образуются также непереходные глаголы. В связи с этим стало ясно, что значения пассивности

помощи опущения показателей субъекта действия, выражаемых префиксами ряда *δ- / δ'-*. При сказуемом, представленном таким глаголом, подлежащее не совпадает с реальным производителем действия: *ун'æу авун'* 'сеть вытащенная' (сравнить с предложением, имеющим активную конструкцию: *ун'æу даву'* 'сеть я-ее-ставлю'). При сказуемом же, выраженном обычным непереходным глаголом, подлежащее совпадает с реальным производителем действия или субъектом состояния: *да:н' авæтиј* 'трава растет'.

7. Глаголы со значением звучания (служебная корневая морфема *-та*).

8. Глаголы со значением движения.

Кроме указанных выделяются еще группы непереходных глаголов, образованные при помощи деривационных показателей *-диј ~ -риј*, *-тн*, *-бу* и др.

Переходные глаголы в свою очередь разделяются на следующие лексико-грамматические группы:

1. Глаголы со значением искусственного образования качественного признака [служебная корневая морфема *-син* (*-т-а-в-син*, *-т-о-в-и-л'-син*), *дугдтавсин* 'я-удлиню-это' и т. д., *дугдтовил'син* 'я-удлинил-это' и т. д.].

2. Глаголы со значением действия, производимого каким-либо веществом или орудием [служебная корневая морфема *-гит* (*-т-æ-γит*, *-т-о-л'-гит*), *хиттæγит* 'клею', *хиттол'гит* 'клеил', *тутæγит* 'мажу-глиной', *тутол'гит* 'мазал-глиной'].

3. Глаголы, образованные при помощи служебной основы *-тæт*, развившейся из основы полнозначного глагола со значением 'бить' (см. эти глаголы на стр. 91—96).

4. Глаголы, образованные при помощи служебной основы *-бæт*, развившейся из основы полнозначного глагола со значением 'делать' (см. эти глаголы на стр. 88—91).

5. Глаголы с прямо переходным и каузативным значением, образованные при помощи служебных парадигм спряжения на *-живит/-жимна*, *-ивит/-имна*, *-жавр'а/-жовил'да*, *-авр'а/-овил'да*. (Каузативные значения в кетском языке выражаются в системе переходных глаголов, а пассивные — в системе непереходных глаголов). Переходные глаголы образуются еще и иными средствами, но на описании их здесь нет нужды останавливаться.

Изложенные факты показывают, что лексико-грамматические группы непереходных и переходных глаголов образуются главным образом теми глаголами, которые имеют сложные или простые прерывные основы. При описании способов действия мы убедимся, что различные группы глаголов, выражающих однократный и многократный способы действия, также образуются глаголами, имеющими различные прерывные основы. Примечательно, что некоторые из показателей однократного и многократного спо-

собов действия являются двузначными, так как они одновременно указывают и на способ действия и на непереходность или переходность глагола. Так, например, деривационные показатели *-т*, *-т-о*, *-ус* выражают одновременно значение однократности и переходности действия, а показатели *-т-н-*, *-т-а*, *-к* выражают одновременно значение однократности и непереходности действия. Показателем *-диј/-риј* выражается одновременно значение многократности и непереходности, а показателем *-о* — значение многократности и переходности. Другие же показатели однократного и многократного способов действия безразличны в отношении выражения значений непереходности и переходности.

Категория способов действия представлена однократным, многократным, мгновенным, начинательным и кончателным способами действия. В то время как три последних способа действия образуются единообразными средствами, однократный и многократный способы действия образуются по-разному от разных типов, подтипов и вариантов глаголов. В связи с этим мы начинаем описание способов действия в кетском языке с выражения однократности и многократности.

Однократный и многократный способы действия в глаголе кетского языка представляют собой частное проявление общей грамматической категории числа, пронизывающей собой все знаменательные части речи кетского языка: имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и наречие.

Так как некоторые показатели единственного и множественного числа предмета участвуют в формировании однократного и многократного способов действия в глаголе, то совершенно необходимо в самых кратких чертах остановиться здесь на описании числа имен существительных. Первое весьма подробное описание категории множественного числа имен существительных в кетском языке было дано М. А. Кастреном². Однако факты, вновь собранные нами среди кетов в поселке Суломай на Подкаменной Тунгуске, позволяют несколько дополнить сделанные им наблюдения, а также установить, что некоторые из конечных согласных имен существительных, опускающихся при присоединении к ним показателей множественности, являются суффиксами единственного числа, которые встречаются и в глаголах — среди показателей способов действия, а также показателей субъекта действия.

По данным говора суломайских кетов единичные имена существительные вообще не имеют категории числа. Единственное или множественное число таких слов обуславливается формой глагола со значением того или иного числа субъекта или числа объекта действия. Нам встретились пока пять таких слов: *бан'* 'утка', *и:с* 'рыба', *т'от* 'таймень', *л'ун'* 'хариус' и *қақ'елец'*: *бан' тајдоқ* 'утка летает', *бан' тајæудоқу* 'утки летают', *т'от' дазиј* 'тайменя убил', *т'от' даузиј* 'тайменей убил', *л'ун'*

² Кастрен, 1858, стр. 16—25.

в кетском языке выражаются в системе непереходных глаголов. На возможность совмещения этих значений в кетском глаголе первый обратил внимание Б. А. Успенский.

батæрақ 'хариуса вытащу', л'ун' батæңиј 'хариусов вытаскиваю' и т. д.³

Единственное и множественное число имен существительных не имеет единых показателей, но выражается значительным количеством аффиксов, которые находятся в определенной оппозиции друг к другу. В некоторых случаях такого рода оппозиции подтверждаются всего лишь одним-двумя фактами, подлежащими тем не менее учету.

Единственное и множественное число имен существительных выражается оппозицией следующих суффиксов:

1. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -н ~ н' хлмга 'эвенк', хлмган 'эвенки'; б'эс' 'заяц', б'эс'н 'зайцы'; қим 'женщина', қимн' 'женщины'; дын' 'ель', дын'н' 'ели'; ут' 'мышь', ут'н' 'мыши' и т. д.

2. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -ин ~ -ин' ~ -ын' (гласный -и- > -ы- — соединительный): хал'г 'ерш', хал'гин 'ерши'; тиу 'лебедь', тиун' 'лебеди'; ау 'веревка', ауын' 'веревки' и т. д. Необходимо указать, что в некоторых говорах имбацкого диалекта подобные имена существительные оканчиваются гласным звуком: хал'га 'ерш', ауа 'веревка' и др. Следовательно, можно предполагать, что в некоторых случаях в словоформах множественного числа может восстанавливаться опущенный гласный.

3. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -у: тоқ 'шаг', тоқу 'шаги'; қимæ 'бабушка', қимæу 'бабушки'; ки 'ловушка' ('кулемка'), киу 'ловушки'; қо 'рог', қоу 'рога' и т. д.

В особую группу выделяются некоторые имена существительные, оканчивающиеся на -у, поскольку последний чередуется с -у- при оформлении существительного суффиксом множественного числа: м'энсиу 'легкое', м'энсиун' 'легкие'; кас'ау 'налимья печень', кас'аун' 'налимья печени'; хол'тæу 'пуговица', хол'тæун' 'пуговицы' и др.

4. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -иу (гласный -и- — соединительный): ас' 'перо', ас'иу 'перья'; ин' 'ноготь', ин'иу 'ногти'; ат' 'кость', ар'иу 'кости'; асл' 'лыжа', асл'иу 'лыжи' и т. д.

5. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -ау (гласный -а- — соединительный): хун' 'дочь', хун'ау 'дочери'; хып' 'сын', хывау 'сыновья'; ам 'мать', амау 'матери'; қип' 'дядя', қивау 'дяди'; ба:м 'старуха', ба:мау 'старухи'; б'эп 'жена старшего брата', б'эвау 'жены старших братьев'; бо'у 'покойник', бо'уау 'покойники'; ај 'мешок', ајау 'мешки' и т. д.

6. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -иниу ~ -ниу ~ -ныу (удвоенные показатели множественного числа): с'ујд' 'платок', с'ујдиниу 'платки'; қын'т' 'муравей', қын'тиниу 'муравьи'; ды' 'шапка', ды:н'иу 'шапки'; бана 'рукав', бананыу 'рукава' и др.).

³ Аналогичное явление отмечается в даргинском языке. См. Абдуллаев, 1954, стр. 92.

7. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -тиу ~ -диу ~ -риу (компонент -т- ~ -д- ~ -р- также является, по-видимому, показателем множественного числа, -и- — соединительный гласный); тыл' 'пупок', тыл'тиу 'пупки'; лк 'петля', лгдиу 'петли'; қы 'вертел', қариу 'вертелы' и др.

8. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -кы, -эку (компонент -к- — показатель множественного числа, -э- — соединительный гласный): с'ы 'год', с'ыку 'годы'; бокт' 'одна сторона возле очага', бокт'эку 'все стороны вокруг очага' и т. д.

9. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -ј: дова 'котец', довај 'котцы'.

10. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -г'эт ~ -гит: дыл' 'дитя', 'ребенок', дыл'г'эт 'дети'; тотал' 'сиг', тотал'гит 'сиги'.

11. Ед. ч. Ø (ноль) || мн. ч. -т-: хы:н' 'бородавка', хыт'н' 'бородавки'.

12. Ед. ч. -ј || мн. ч. -у: к'эј 'крыло', кыу 'крылья'; қыј 'берестяная покрывка чума', қыу 'берестяные покрывки чума'.

13. Ед. ч. -ј || мн. ч. -н: қој 'медведь', қун 'медведи'; қај 'лось', қин 'лоси'; хос'æј 'птичка' (разновидность), хос'ан 'птички'.

14. Ед. ч. -ј || мн. ч. -кы: хыј 'филин', хыку 'филины'; кыј 'председатель', кыку 'председатели'.

15. Ед. ч. -ј || мн. ч. -ун'иу (утроенный показатель множественного числа): қај 'гора', қаун'иу 'горы'; с'эј 'место', с'эун'иу 'места'; ујј 'колыбель', уун'иу 'колыбели'.

16. Ед. ч. -н || мн. ч. -н: ассун 'куропатка', асу:н 'куропатки'; бат'куп' 'мыш', бат'ку:н' 'мысы'; дун' 'крючок', ду:н' 'крючки'; куп' 'конец', ку:н' 'концы'; қун' 'косач', қу:н' 'косачи'; коп' 'бурундук', ко'н' 'бурундуки'; кул'æп 'горностай', кул'ан 'горностаи'.

17. Ед. ч. -н || мн. ч. -у: тал'тæ:н' 'кольцо на лыжной палке', тал'тæу 'кольца на лыжной палке'; баттон 'ладонь', баттау 'ладони'; л'амтун' 'кусочек', л'амтау 'кусочки'.

18. Ед. ч. -н || мн. ч. Ø (ноль) и перенос ударения, обуславливающий долготу гласного: ат'æп' 'клещи'; ат'á: 'клещи' (несколько пар); тънтæп' 'ручка ведра', тынт'á: 'ручки ведер'; улоп 'прорубь', ула: 'проруби'; хóроп 'рыбий хвост', хорá: 'рыбьи хвосты'.

19. Ед. ч. н || мн. ч. -қ, -н'имн, -г'эт: та:н' 'обруч', тақ 'обручи'; бис'æп 'брат', бис'н'имн 'братья'; блјə' ~ блјб' 'сирота', блјə'эт 'сироты'.

20. Ед. ч. -л' || мн. ч. -н: с'эл' 'олень', с'эн 'олени'; с'а²л' 'карась', с'а²н 'караси'; асс'ил' 'зверь', асс'ин 'звери'; хъбл' 'чирок', хъбн 'чирки'.

21. Ед. ч. -л' || мн. ч. -кы: тал' 'выдра', таку 'выдры'; т'ил' 'мамонт', тикы 'мамонты'.

22. Ед. ч. -с' || мн. ч. -у, -уын, -ј: қус' 'чум', қуу 'чумы'; ты²с' 'камень', тъу 'камни'; т'а:тис' 'грузило', т'а:тæу 'грузила';

лонтис' 'губа', лонтауын 'губы'; с'э'с' 'лиственница', с'э' 'лиственницы'.

23. Ед. ч. -т || мн. ч. -кы, -ын', -н'иу: дит 'глухарь', д'эжы 'глухари'; л'ыт 'горный хребет', л'ику 'горные хребты'; л'ауат 'рука', л'ауын' 'руки'; коуэйт' 'костный мозг из одной кости ноги', ко'н'иу 'костный мозг из многих костей'.

24. Ед. ч. -р' < -д'а || мн. ч. кы: -кыр' < куд'а 'щука', кукы 'щуки' (куд'а 'щука' встречается в говорах кетов, живущих по Енисею).

25. Ед. ч. -х || мн. ч. -н, -у: таух 'журавль', таун 'журавли'; ум'их 'дождевой червь', ум'ин 'дождевые черви'; кох 'звезда', фон 'звезды'; л'ух 'щепка', л'уу 'щепки'.

26. Ед. ч. -х || мн. ч. -н: тлх 'палец', ты:н 'пальцы'; возможно, что это противопоставление создалось в результате выпадения -х и образования в связи с этим долготы гласного, ср.: сах 'белка', саһ > са:н 'белки'.

27. Ед. ч. -л || мн. ч. үгәл' (происхождение компонента -гәл' неясно): қал 'большой палец', 'желчный пузырь с желчью'; қалүгәл 'большие пальцы', 'желчные пузыри с желчью'.

Единственное и множественное число имен существительных выражается еще следующими средствами:

Флексией гласных: тин' 'собака', тап' 'собаки'; с'эс' 'речка', с'ас' 'речки'. Флексия гласных в ряде случаев сопровождается еще и соответствующей суффиксацией: и:н 'игла', эн'иу 'иглы'; ди 'корень', да'н' 'корни'; к'эс' 'налим', кас'н 'налимы'; т'эт 'муж', тат'н' 'мужья'; хај 'кедр', хиу 'кедры'; қай 'лось', қи:н 'лоси'; у 'луг', оу 'луга'; қой 'медведь', қун' 'медведи' и др.

Краткостью и долготой гласного: ху 'сердце', ху: 'сердца'; хај 'весло', ха:ј 'вёсла'; ха:с' 'бубен', хас' 'бубны'.

Переносом ударения в слове с первого на последний слог: ата 'гроб', атá 'гробы'; үл'дис' 'капля', ул'дйс' 'капли'; қал'иу 'чайка', қал'й:у 'чайки' и др.

Супплетивными основами: к'эт 'человек', д'эу 'люди'; о'кс' 'дерево', ах 'деревья'. В сложных существительных типа б'эјо'кс' 'мачта' (ветровое дерево), б'эјах 'мачты' (ветровые деревья) вторые компоненты выступают как показатели числа.

Надо полагать, что в основе отмечающегося обилия средств выражения единственного и множественного числа в кетском языке лежала, вероятно, какая-то классификация имен существительных, которую в настоящее время установить чрезвычайно трудно. В. Н. Топоров правильно указывает на то, что имена существительные, обозначающие животных, образуют множественное число на -н⁴. Можно отметить также, что термины родства в большинстве случаев образуют множественное число на -[а]у. Однако наряду с этим при помощи суффиксов -н и -у образуется множественное число и других имен существительных, так что пока еще

мы очень далеки от объяснения происхождения рассмотренных фактов.

Поскольку некоторые показатели единственного и множественного числа имен существительных участвуют в образовании однократного и многократного способов действия в некоторых глаголах, можно утверждать, что генетически однократный способ действия выражал в глаголах кетского языка значение единственного числа действия, а многократный способ действия выражал значение множественного числа действия. Каждое действие, которое количественно превышало одно действие, относилось к множественному.

Для того чтобы стало понятным, что мы имеем в виду, когда говорим о числе действия и его материальном выражении в языке, приводим следующее сообщение: «В килеутском языке (Орегона) множественное число имеют и существительные и глаголы. а'т'šit 'вождь' — единственное число, а'а'т'šit 'вожди' — множественное число; éla:xali 'я покидаю его' — единственное число, é'ela:xali 'я часто покидаю его' — множественное; ó:xwal 'он носит воду' — единственное число, ó'ó:xwal 'он часто носит воду' — множественное. Как показывают примеры, множественное число у глаголов образуется так же, как у существительных. Во всех трех случаях оно образуется инфиксом — ʔʷ—. В последних двух примерах перед нами не глаголы во множественном числе (в том смысле, что это не формы глагола с указанием на множественное число деятеля), а формы, означающие множественность самого действия»⁵.

Использование показателей единственного и множественного числа имен существительных для выражения однократного и многократного способов действия говорит о том, что в глубокой древности число действия у кетов сосчитывалось как бы так же, как и число предметов. В связи с этим однократный и многократный способы действия в огромном количестве случаев выступают как форма согласования глагола с единственным или множественным числом субъекта или объекта действия. Первое имеет место в непереходных глаголах, а второе — в переходных. Лишь в единичных случаях, как это будет показано ниже, показатели многократности в процессе развития языка начали отходить от выражения одного только значения множественности действия и стали совмещать с ним выражение длительности и обычности действия. Конкретные количественные значения предшествовали выражению указанных значений.

Показатели множественного числа имен существительных указывают на раздельное множество однородных предметов, в связи с чем показатели множественного числа в глаголах также первоначально указывали на раздельное множество однородных дей-

⁴ Топоров, 1964.

⁵ Глисон, 1959, стр. 222.

ствий. Рассмотрим теперь содержание значений, выражаемых однократным и многократным способами действия в глаголах кетского языка.

- | Однократный способ
действия | Многократный способ
действия |
|---|---|
| 1. Непереходное действие, совершаемое одним субъектом действия, имеет разовый однократный характер:
<i>кајк'эт дикс'ивис</i> 'охотник придет' (основа: <i>и</i> — <i>-вис</i> < <i>игбас</i> 'приходить'). | 1. Непереходное действие, совершаемое одним субъектом действия, имеет регулярно повторяемый, многократный характер:
<i>кајк'эт дигбас'эвэст</i> 'охотник приходит'. |
| 2. Непереходное действие, совершаемое несколькими субъектами действия, имеет одновременный и однократный характер:

<i>кајд'эу дикс'ивисн</i> 'охотники придут' (придут все сразу вместе). | 2. Непереходное действие, совершаемое несколькими субъектами действия, имеет одновременный и поэтому рассредоточенный и многократный характер, так как каждый участник действия производит его отдельно от других:
<i>кајд'эу дигбас'эвэстн</i> 'охотники приходят' (приходят по одному, а не все сразу вместе). |
| 3. Переходное действие направлено на один объект и имеет разовый однократный характер:
<i>бау дунэптэт</i> 'чурбакя-расколю' (пополам); <i>тар'элка дујвит</i> 'тарелку я-поставлю'; <i>қыкт' ајдиуа</i> 'ложку в мешок положу'. | 3. Переходное действие направлено на один объект, но имеет не разовый, а регулярно повторяемый в отношении него и потому многократный и длительный характер:
<i>бау дус'нэптэт</i> 'чурбакя-раскалываю' (на несколько частей). |
| 4. Переходное действие направлено на несколько объектов и имеет характер одновременного разового действия, посредством которого охватываются все объекты сразу: | 4. Переходное действие направлено на несколько объектов, но осуществляется в отношении каждого из них расчлененно, в связи с чем действие имеет рассредоточенный, многократный характер: |

тар'элкау дујвит 'тарелки я-поставлю' (тарелки поставлены одна в другую и будут все вместе поставлены сразу);

қыктау ајдиуа д'эс'аб-дак 'ложки в мешок положу' (все ложки сразу вместе будут взяты и сразу же вместе опущены в мешок); (*б'эс'ам тајипил* 'заячью шубу выверну').

тар'элкау дус'навр'а 'тарелки я-поставлю' (тарелки будут поставлены не сразу вместе, а каждая в отдельности, т. е. они будут расставлены);

қыктау ајдиуа давр'а 'ложки в мешок положу' (или уже кладу, но не все сразу вместе, а каждую в отдельности); *б'эс'амн тақуива* 'заячью шубы выворачиваю'.

Выражение единичности и множественности действия в их теснейшей связи с единственным или множественным числом объекта действия настолько важно в кетском языке, что это иногда приводит к резкому изменению структуры глагольных словоформ единственного и множественного числа.

Единственное число
объекта

Множественное число
объекта

Будущее время

абам дэ-с'эј-вэ-т-и-с'-вэст 'моя мать меня-пристроит'
укам дэ-с'эј-гу-т-и-с'-вэст 'твоя мать тебя-пристроит'
бурэам дэ-с'эј-э-т-и-с'-вэст 'его мать его-пристроит'
будам дэ-с'эј-т-и-с'-вэст 'ее мать ее-пристроит'

этинэам дэ-с'эун'иу-дэу-т-э-ро 'наша мать нас-пристроит'
экинэам дэ-с'эун'иу-кэу-т-э-ро 'ваша мать вас-пристроит'
буунэам дэ-с'эун'иу-ау-т-э-ро 'их мать их-пристроит'

Прошедшее заверенное время

абам дэ-с'эј-вэ-т-и-л'-вэст 'моя мать меня-пристроила'
укам дэ-с'эј-гу-т-и-л'-вэст 'твоя мать тебя-пристроила'
бурэам дэ-с'эј-э-т-и-л'-вэст 'его мать его-пристроила'
будам дэ-с'эј-т-и-т-и-л'-и-вэст 'ее мать ее-пристроила'

этинэам дэ-с'эун'иу-дэу-т-о-н-до 'наша мать нас-пристроила'
экинэам дэ-с'эун'иу-кэу-т-о-н-до 'ваша мать вас-пристроила'
буунэам дэ-с'эун'иу-ау-т-о-н-до 'их мать их-пристроила'

В качестве первой корневой морфемы в словоформах с единственным числом объекта действия выступает *с'эј-* 'место', а в словоформах с множественным числом объекта действия — *с'эун'-иу-* 'места'.

Конечные служебные корневые морфемы этих словоформ *-вэст* 'делать' и *-до* 'тесать' будут объяснены ниже (см. стр. 88, 94).

По наличию или отсутствию однократного и многократного способов действия глаголы подразделяются на две группы: глаголы, которым эти способы действия свойственны, и глаголы, которым они несвойственны. Среди них встречаются глаголы разных типов.

Однократный и многократный способы действия выражаются при помощи различных аффиксов, которые могут располагаться в середине и в конце глагольного слова, а также при помощи некоторых служебных основ. Так как все эти элементы находятся в самых различных оппозициях друг к другу, то описание рассматриваемых способов действия является весьма сложным. Наиболее целесообразным нам представляется описание их по типам глагольных слов. Однако полностью этот принцип не может быть выдержан, так как во многих случаях при выражении однократности и многократности действия в систему оппозиции вовлекаются разные типы глагольных слов. Кроме того, эти способы действия выражаются еще и супплетивными глаголами. Так что, придерживаясь указанного принципа, мы вынуждены будем сделать ряд отступлений от него.

ТИП ГЛАГОЛОВ С ОСНОВОЙ В КОНЦЕ СЛОВА

В глаголах с основой в конце слова однократный и многократный способы действия не находят морфологического выражения. Из этого можно было бы сделать вывод, что глаголы этого типа стоят вне категории способов действия. Однако такое решение было бы поспешным, так как они участвуют в выражении однократного способа действия при помощи вовлечения их в оппозицию с глаголами многократного способа действия, выраженного глаголами других типов. Самым примечательным в этих оппозициях является то, что при выражении однократности корневая морфема располагается в конце глагола, не принимая при этом никаких морфологических показателей однократности, а при выражении многократности та же самая корневая морфема располагается в начале глагола с простой или сложной прерывной основой.

Приводим примеры, подтверждающие сказанное. Глаголы приводятся в словоформах первого лица единственного числа.

Однократный способ действия	Многократный способ действия
--------------------------------	---------------------------------

Инфинитив ⁶ *кут'* 'шаманить'

<i>ди-ј-бут'</i> 'я-буду шаманить'	<i>ат'</i> <i>кур'-а-вэст</i> 'я-шаманю (часто)'
<i>ди-л-бут'</i> 'я-шаманил'	<i>ат'</i> <i>кур'-о-л'-вэст</i> 'я-шаманил (часто)'

⁶ Слова, относимые здесь к инфинитивам, в наших предварительных сообщениях назывались глагольными именами. Впоследствии выяснилось,

Инфинитив *кут'* 'подниматься в гору'

<i>ди-у-а-бут</i> 'я-поднимусь в гору'	<i>ат'</i> <i>кут-а-вэст</i> 'я-поднимаюсь в гору (часто)'
<i>к-о-н-ут</i> 'поднялся в гору'	<i>ат'</i> <i>кут-о-л'-вэст</i> 'я-поднимался в гору (часто)'

Инфинитив *ун'* 'ставить рыболовные снасти (переметы, сети)'

<i>дунтэ</i> <i>ди-а-в-ун'</i> 'перемет я-ставлю'	<i>дунтан'</i> <i>ди-ун-а-вэст</i> 'переметы я-ставлю'
<i>дунтэ</i> <i>ди-о-м-н'-ун</i> 'перемет я-поставил'	<i>дунтан'</i> <i>ди-ун-о-л'-вэст</i> 'переметы я-ставил'

Инфинитив *эј~иј* 'убить'

<i>ди-а-у-с-иј</i> 'я-их-убью'	<i>ди'-эј-а-у-а-вэст</i> 'я-их-убиваю (часто)'
<i>ди-а-у-э-иј</i> 'я-их-убил'	<i>ди'-эј-а-у-о-л'-вэст</i> 'я-их-убивал (часто)'

Инфинитив *тау* 'тащить', 'волочить'

<i>ди-у-г-ди-а-н-тау</i> 'он-ее (-это)-тащит'	<i>тау-у-у-а-вэст</i> 'таскает-ее (-это)'
<i>ди-у-г-ди-а-в-и-л'-тау</i> 'он-ее (-это)-притащил'	<i>тау-у-у-а-л'-вэст</i> 'таскал-ее (-это)'

Инфинитив *мас'иу* 'вставать'

<i>х-а-т-мас</i> 'я-встану'	<i>ат'</i> <i>мас'иу-а-вэст</i> 'я-встаю (часто)'
<i>х-у-л'-мас</i> 'я-встал'	<i>ат'</i> <i>мас'иу-о-л'-вэст</i> 'я-вставал (часто)'

Инфинитив *абин > -ақ* 'оставлять'

<i>ба-т-а-в-ақ</i> 'меня-оставит'	<i>ди-абин-бо-у-а-вэст</i> 'он-оставляет-меня (часто)'
-----------------------------------	--

Инфинитив *са:л* 'ночевать'

<i>ба-у-и-с-сэл</i> 'я-переночую'	<i>са:л-ын-ба-у-а-р'а</i> 'я-ночую (часто)'
<i>ба-у-и-н-сэл</i> 'я-переночевал'	<i>са:л-ын-ба-у-о-л'-да</i> 'я-ночевал (часто)'

что в позиции сказуемого они принимают личные окончания и выражают категорию времени, что некоторым из этих слов свойственно выражение однократного и многократного способов действия, что суффиксы и служебные корневые основы, при помощи которых образуются производные инфинитивы, являются также и глаголообразующими показателями. Слова, обладающие указанными признаками, по-видимому, тяготеют больше к глаголу, чем к имени, и поэтому условно названы нами инфинитивами.

Анализируя эти факты, число которых может быть значительно увеличено, можно заметить, что глаголы многократного способа действия, оканчивающиеся на *-вæт* и *-р'а ~ -да*, образуются от тех же корневых морфем, что и глаголы однократного способа действия. В тех случаях, когда корневая основа глагола однократного способа действия образуется от инфинитива с показателем множественного числа, последний отбрасывается, но в глаголах многократного способа действия он сохраняется. В последнем же примере к первой корневой морфеме глагола многократного способа действия присоединяется показатель множественности *-ы-н*, хотя инфинитив такового не имеет.

ТИП ГЛАГОЛОВ СО СЛОЖНОЙ ПРЕРЫВНОЙ ОСНОВОЙ

Однократный и многократный способы действия выражаются главным образом сложными глаголами, прерывные основы которых образованы при помощи конечных служебных корневых морфем *-бæт*, *-тæт*, *-дон'*, *-до*.

Сложными глаголами, образованными при помощи конечной корневой морфемы *-вæт ~ -вит* 'делать', могут выражаться кратковременные однократные действия и действия большой длительности, что обусловливается преимущественно лексическим значением первой корневой морфемы, входящей в состав сложного глагольного слова. По характеру выражения однократного и многократного способов действия сложные глаголы на *-бæт* могут быть разделены на три группы.

В первой немногочисленной группе значение многократности выражается присоединением к первой корневой морфеме показателя множественности *-ы-*, *-и-ы-*, *-н-*:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Основа <i>тоқ-...-вит</i> (<i>тоқ</i> 'шаг')	Основа <i>тоқу-...-вит</i> (<i>тоқу</i> 'шаги')
<i>тоқ-с'-и-вит</i> 'шагну'	<i>тоқу-и-вит</i> 'шагаю'
<i>тоқ-н'-и-вит</i> 'шагнул'	<i>тоқу-и-л'-вит</i> 'шагал'
Основа <i>ил'-...-вит</i> (<i>ил'</i> 'вдох')	Основа <i>эл'иу-...-вит</i> (<i>эл'иу</i> 'вдохи')
<i>д-ил'-с'-и-вит</i> 'я-вдохну'	<i>д'-эл'-иу-и-р-вит</i> 'я-дышу'
<i>д-ил'-н'-и-вит</i> 'я-вдохнул'	<i>д'-эл'-иу-и-л'-ди-вит</i> 'я-дышал'
Основа <i>кыт'-...-вит</i>	Основа <i>қдриу-...-вæт</i>
<i>кыт'-с'-и-вит</i> 'сдам-это'	<i>қдр'иу-и-с'-и-вæт</i> 'сдаю-это'
<i>кыт'-н'-и-вит</i> 'сдал-это'	<i>қдр'иу-и-л'-вæт</i> 'сдавал-это'

Понять дословное значение этих глаголов нетрудно: «шаг делать», «шаги делать»; «вдох делать», «вдохи делать»; «давание делать», «давания делать». Приведенные факты отчетливо показывают, что многократность действия в кетском языке рассматривается как множественное число действия.

Во второй группе от сложных инфинитивов на *-бæт* образуются прерывные основы глаголов однократного способа действия, в связи с чем инфинитив раздвигается на образующие его корневые морфемы: $\sqrt{\text{...}}-вит$. В глаголах многократного способа действия от этого же инфинитива образуется начальное составляющее сложной прерывной основы на *-бæт*:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
-----------------------------	------------------------------

Инфинитив *а:л'бæт* 'варить бульон'

(отвар из рыбы или мяса)

<i>д-а:л'-и-вит</i> 'я-бульон-варю'	<i>д-а:л'бæр-æ-вæт</i> 'я-(часто)-бульон-варю'
<i>д-а:л'-и-л'-вит</i> 'я-бульон-сварил'	<i>д-а:л'бæр-о-л'-вæт</i> 'я-(часто)-бульон-варил'

Инфинитив *ил'бæт* 'ломать'

<i>д-ил'-у-к-с'-и-вит</i> 'я-сломаю-это'	<i>д-ил'бæр-у-γ-æ-вæт</i> 'я-(часто)-ломаю-это'
<i>д-ил'-у-н'-бит</i> 'я-сломаю-это'	<i>д-ил'бæр-у-γ-æ-л'-вæт</i> 'я-(часто)-ломал-это'

Инфинитив *алыспæт* 'брать насильно'

<i>д-алыс-у-к-с'-и-вит</i> 'я-возьму-насильно-это (ее)'	<i>д-алыспæр-у-γ-æ-вæт</i> 'я-(часто)-беру-насильно-это (-ее)'
<i>д-алыс-у-н'-бит</i> 'я-взял-насильно-это (-ее)'	<i>д-алыспæр-у-γ-æ-л'-вæт</i> 'я-(часто)-брал-насильно-это (-ее)'

Примеры: *бу ав-д'эн'э далысун'бит* 'он мои деньги взял насильно'; *авзун' далысун'бит* 'мою дочь взял насильно' (в жены).

В третьей группе сложных глаголов на *-бæт* со значением изготовления предмета многократный способ действия образуется при помощи самостоятельного глагола *б'эр'æвæт* 'делаю (что-либо многократно, постоянно)', *б'эр'ол'вæт* 'делал (что-либо многократно, постоянно)':

Инфинитив *асл'иубѣт* 'делать лыжи'

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Настояще-будущее время	Настояще-будущее время
<i>а д-асл'иу-и-вит</i> 'я лыжи-делаю'	<i>а д-асл'иу-б'эр'-ѣ-вѣт</i> 'я лыжи-изготавливаю'
<i>у к-асл'иу-и-ѹит</i> 'ты лыжи-делаешь'	<i>у к-асл'иу-б'эр'-ѣ-ѹит</i> 'ты лыжи-изготавливаешь'
<i>бу д-асл'иу-и-вит</i> 'он лыжи-делает'	<i>бу д-асл'иу-б'эр'-ѣ-вѣт</i> 'он лыжи-изготавливает'
<i>бурѣ асл'иу-и-вит</i> 'она лыжи-делает'	<i>бурѣ асл'иу-б'эр'-ѣ-вѣт</i> 'она лыжи-изготавливает'
<i>ѣт'н' д-асл'иу-и-ѹит-н</i> 'мы лыжи-делаем'	<i>ѣт'н' д-асл'иу-б'эр'-ѣ-ѹит-н</i> 'мы лыжи-изготавливаем'
<i>ѣку к-асл'иу-и-ѹит-н</i> 'вы лыжи-делаете'	<i>ѣку к-асл'иу-б'эр'-ѣ-ѹит-н</i> 'вы лыжи-изготавливаете'
<i>буѹ д-асл'иу-и-вит-н</i> 'они лыжи-делают'	<i>буѹ д-асл'иу-б'эр'-ѣ-вит-н</i> 'они лыжи-изготавливают'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
<i>а д-асл'иу-и-л'-вѣт</i> 'я лыжи-сделал'	<i>а д-асл'иу-б'эр'-о-л'-вѣт</i> 'я лыжи-изготавливал'
<i>у к-асл'иу-и-л'-ѹит</i> 'ты лыжи-сделал'	<i>у к-асл'иу-б'эр'-о-л'-ѹит</i> 'ты лыжи-изготавливал'
<i>бу д-асл'иу-и-л'-вѣт</i> 'он лыжи-сделал'	<i>бу д-асл'иу-б'эр'-о-л'-вѣт</i> 'он лыжи-изготавливал'
<i>бурѣ асл'иу-и-л'-вѣт</i> 'она лыжи-сделала'	<i>бурѣ асл'иу-б'эр'-о-л'-вѣт</i> 'она лыжи-изготавливала'
<i>ѣт'н' д-асл'иу-и-л'-ѹит-н</i> 'мы лыжи-сделали'	<i>ѣт'н' д-асл'иу-б'эр'-о-л'-ѹит-н</i> 'мы лыжи-изготавливали'
<i>ѣку к-асл'иу-и-л'-ѹит-н</i> 'вы лыжи-сделали'	<i>ѣку к-асл'иу-б'эр'-о-л'-ѹит-н</i> 'вы лыжи-изготавливали'
<i>буѹ д-асл'иу-и-л'-вит-н</i> 'они лыжи-сделали'	<i>буѹ д-асл'иу-б'эр'-о-л'-вит-н</i> 'они лыжи-изготавливали'

В приведенной парадигме спряжения словоформы глагола *б'эр'ѣвѣт*, *б'эр'ол'вѣт* следует признать сросшимися с первой основой, представленной словом *асл'иу* 'лыжи' в один сложный глагол, поскольку с начальным гласным первой корневой морфемы сливаются показатели субъекта действия *д-*, *к-*, *д-*, *дѣ-*, *д-*, *к-*, *д-*, придающие всему этому образованию характер цельнооформленного глагольного сложного слова ⁷.

⁷ Должен указать, что в произношении отдельных лиц словоформы многократного способа действия слышались нам иногда как *дасл'иубѣрѣвѣт*

В тех случаях, когда первая корневая морфема, представленная именем существительным, начинается с согласного звука, подобное образование может, по-видимому, рассматриваться как объектное словосочетание:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
<i>ат' с'ул'-и-вит</i> 'я-нарту-сделаю'	<i>ат' сол'иу б'эр'ѣвѣт</i> 'я-нарти изготавливаю'
<i>ат' с'ул'-и-л'-вит</i> 'я-нарту-сделал'	<i>ат' сол'иу б'эр'-о-л'-вѣт</i> 'я-нарти изготавливал'

Словоформы глагола однократного способа действия *дасл'иуиуит* 'он-лыжи-делает', 'он-лыжи-сделает' и др. означают, что человек изготавливает или изготовит пару лыж. Само собой разумеется, что изготовление пары лыж занимает очень длительное время, так как они не могут быть сделаны ни в один, ни в два приема.

Словоформы же глагола многократного способа действия *дасл'иуб'эр'ѣвѣт* 'он-лыжи-делает' и др. означают, что человек изготавливает не одну пару лыж, а много пар и что вообще изготовление лыж может являться его специальностью, его основной деятельностью.

Сложные глаголы, образованные при помощи конечной корневой морфемы *-тѣт* 'бить', по характеру выражения однократного и многократного способов действия разделяются на три группы. В двух первых группах однократность и многократность выражаются при помощи грамматических средств, располагающихся в середине прерывной основы. В третьей же группе они располагаются не только внутри глагола, но и на его периферии. Рассмотрим эти группы.

В первой группе глаголов однократность выражается нулевым показателем, а многократность выражается показателями, расположенными прерывно: *-н/-ѹ- ~ -т-ѣт- ~ -т-ѣв-*. При образовании основы глагола от сложного инфинитива на *-тѣт* последний раздвигается по границе составляющих его корневых морфем: $\sqrt{\text{---}} \dots -тѣт$.

'я-лыжи-изготавливаю' и т. д., *дасл'иубѣр'ол'вѣт* 'я-лыжи-изготавливал' и т. д. При подобном произношении эти словоформы должны рассматриваться как производные сложного инфинитива *асл'иубѣт* 'изготавливать лыжи' и служебной основы *-бѣт* 'делать'. Однако и в первом (*дасл'иуб'эр'ѣвѣт*) и во втором случае эти словоформы имеют одно и то же дословное значение: 'лыжи-делать делать', т. е. многократно изготавливать лыжи (либо иные предметы, обозначенные первой корневой морфемой).

Однократный способ действия Многократный способ действия

Инфинитив *кобѣтѣт* 'бить кулаком'

Будущее время

*бу а-р' коб-ба-у-ѣ-тѣт*⁸ 'он меня кулаком-ударит'
бу у-р' коб-ку-у-ѣ-тѣт 'он тебя кулаком-ударит'
бу бу-р' коб-а-у-ѣ-тѣт 'он его кулаком-ударит'
бу бу-р' коб-и-у-ѣ-тѣт 'он ее кулаком-ударит'
бу коб-ѣ-тѣт 'он кулаком-ударит-это'
бу ѣт'н' коб-дѣу-ѣ-тѣт 'он нас кулаком-ударит'
бу ѣку коб-кѣу-ѣ-тѣт 'он вас кулаком-ударит'
бу буу коб-ау-ѣ-тѣт 'он их кулаком-ударит'

Прошедшее завершённое время

бу а-р' коб-ба-у-л'-тѣт 'он меня кулаком-ударил'
бу у-р' коб-ку-у-л'-тѣт 'он тебя кулаком-ударил'
бу бу-р' коб-а-у-л'-тѣт 'он его кулаком-ударил'
бу бу-р' коб-и-у-л'-тѣт 'он ее кулаком-ударил'
бу коб-ул'-тѣт 'он кулаком-ударил-это'
бу ѣт'н' коб-дѣу-у-л'-тѣт 'он нас кулаком-ударил'
бу ѣку коб-кѣу-у-л'-тѣт 'он вас кулаком-ударил'
бу буу коб-ау-у-л'-тѣт 'он их кулаком-ударил'

Настояще-будущее время

бу а-р' ко:н-ба-т-ѣп-тѣт 'он меня кулаком-бьет'
бу у-р' ко:н-ку-т-ѣп-тѣт 'он тебя кулаком-бьет'
бу бу-р' ко:н-а-т-ѣп-тѣт 'он его кулаком-бьет'
бу бу-р' ко:н-и-т-ѣп-тѣт 'он ее кулаком-бьет'
бу ѣт'н' ко:н-дѣу-т-ѣп-тѣт 'он нас кулаком-бьет'
бу ѣку ко:н-кѣу-т-ѣп-тѣт 'он вас кулаком-бьет'
бу буу ко:н-ау-т-ѣп-тѣт 'он их кулаком-бьет'

Прошедшее завершённое время

бу а-р' ко:н-ба-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он меня кулаком-бил, (бивал)'
бу у-р' ко:н-ку-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он тебя кулаком-бил'
бу бу-р' ко:н-а-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он его кулаком-бил'
бу бу-р' ко:н-и-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он ее кулаком-бил'
бу ѣт'н' ко:н-дѣу-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он нас кулаком-бил'
бу ѣку ко:н-кѣу-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он вас кулаком-бил'
бу буу ко:н-ау-т-ѣв-и-л'-тѣт 'он их кулаком-бил'

Аналогичным образом способы действия выражаются еще и следующими сложными глаголами на *-тѣт*.

⁸ Приводимая форма спряжения записана от Т. Г. Толстых (1889 г. р.). В ее произношении первая корневая морфема отчетливо слышится как *коб-* от *коѣ* 'кулак'. Между тем в произношении других кетов вместо *коб-* слышится *ко:-* (*ко:баѣтѣт* и т. д.). Таким образом, в произношении Т. Г. Толстых первые корневые морфемы находятся в оппозиции *ко-ѣ* || *ко:-н-*, а в произношении других кетов — в оппозиции *ко:-* || *ко:-н-*.

Однократный способ действия Многократный способ действия

Инфинитив *кул'ас'тѣт* 'толкать'⁹

кул'ас'-ѣ-тѣт 'толкну-это'
кул'ас'-у-л'-тѣт 'толкнул-это'
кул'ас-ба-у-ѣ-тѣт 'толкнет-меня'
кул'ас'-ба-у-л'-тѣт 'толкнул-меня'
кул'ас'-н-т-ав-тѣт 'толкая-это'
кул'ас'-н-т-ѣв-и-л'-тѣт 'толкал-это'
кул'ас'-н-ба-т-ѣп-тѣт 'толкает-меня'
кул'ас'-н-ба-т-ѣв-и-л'-тѣт 'толкал-меня'

Инфинитив *кас'кунтѣт* 'пинать' (носком ноги)

кас'ку-тѣт 'пну-это'
кас'ку-л'-тѣт 'пнул-это'
кас'-ба-у-ѣ-тѣт 'пнет-меня'¹⁰
кас'-ба-у-л'-тѣт 'пнул-меня'
кас'ку-н-т-ав-тѣт 'пинаю-это'
кас'ку-н-т-ѣв-и-л'-тѣт 'пинал-это'
кас'ку-н-ба-т-ѣп-тѣт 'пинает-меня'
кас'ку-н-ба-т-ѣв-и-л'-тѣт 'пинал-меня'

Инфинитив *саѣтѣт* 'топтать'

с'аѣ-а-тѣт 'топну'
с'а-у-л'-тѣт 'топнул'
с'аѣ-а-у-ѣ-тѣт 'растопчу-его' (червяка)
с'аѣ-а-у-л'-тѣт 'растоптал-его' (червяка)
саѣ-т-ав-тѣт 'топчу'
саѣ-т-ов-и-л'-тѣт 'топтал'
саѣ-н-ау-т-ѣп-тѣт 'растопчу-их' (червяков)
саѣ-н-ау-т-ѣв-и-л'-тѣт 'растоптал-их' (червяков)

Инфинитив *тоѣтѣт* 'хватать'

то:-н-ѣ-тѣт 'схвачу-это'
то:-н-у-л'-тѣт 'схватил-это'
то:-ба-у-ѣ-тѣт 'схватит-меня'
то:-ба-у-л'-тѣт 'схватил-меня'
то:-у-т-ѣп-тѣт 'хватает-это'
то:-у-т-ов-и-л'-тѣт 'хватал-это'
то:-у-ба-т-ѣп-тѣт 'хватает-меня'
то:-у-ба-т-ѣв-и-л'-тѣт 'хватал-меня'

В отличие от приведенных выше глаголов в данных случаях в словоформах многократного способа действия к первой корневой морфеме вместо суффикса множественного числа *-н-* присоединился суффикс *-ѣ-*.

⁹ Имеются также синонимичные инфинитивы: *т'ѣ:лтѣт* 'толкать', *соломтѣт* 'толкать', спрягающиеся тождественным способом.

¹⁰ Значение морфемы *-ку-*, как и причину ее выпадения в данном случае, объяснить трудно. Возможно, что она членима и элемент *-к-* представляет собой детерминатив, указывающий на объект класса вещей.

Инфинитив: <i>қалтәт</i> 'ущипнуть', <i>қлуғәлтәт</i> 'щипать'			
<i>қал-ба-у-ә-тәт</i>	'ущипнет-меня'	<i>қл-у-ғәл-ба-т-әп-тәт</i>	'щиплет-меня'
<i>қал-ба-у-л'-тәт</i>	'ущипнул-меня'	<i>қл-у-ғәл-ба-т-әв-и-л'-тәт</i>	'щипал-меня'

В данном случае в словоформах однократного и многократного способов действия в качестве первых корневых морфем употреблены словоформы единственного и множественного числа имени существительного *қал* 'первый палец кисти', *қлуғәл* 'первые пальцы кистей'.

Рассмотренные факты показывают, что словоформы многократного способа действия отличаются от словоформ однократного способа действия тем, что к первой корневой морфеме сложной прерывной основы присоединяется показатель множественного числа *-н-* или *-у-*, совпадающий с соответствующим показателем множественного числа имен существительных. Кроме того, в середине этой же словоформы инфигируется сложный показатель *-т-ә-в-*. Первый компонент этого показателя *-т-* сопоставляется с таким же компонентом в сложном показателе имен существительных группы 7, а также группы 11, но он может быть относим и к детерминативам. Значение компонентов *-ә-в-* неясно. По аналогии с другими фактами *-ә-* может рассматриваться в качестве оцувешшего показателя класса вещей.

Во второй группе глаголов на *-тәт-* однократность и многократность выражаются при помощи оппозиции Ø (ноль) || *-с-*:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Основа: <i>у-...-тәт</i>	Основа: <i>у-с'-...-тәт</i>
<i>т'ә д-у-н-ә-п-тәт</i> 'планку я-отколою'	<i>тику д-у-с'-н-ә-в-тәт</i> 'планки я-откалываю'
<i>т'ә д-у-н-ә-в-и-л'-тәт</i> 'планку я-отколол'	<i>тику д-у-с'-н-ә-в-и-л'-тәт</i> 'планки я-откалывал'

В третьей группе глаголов на *-тәт* однократность и многократность выражаются при помощи противопоставления глаголов двух разных структур. Однократность выражается сложными глаголами на *-тәт*, а многократность выражается сложными глаголами, образованными при помощи конечной служебной корневой морфемы *-до* 'тесать' (точнее при помощи глагола *тавро* > > *-таро* 'тешу', *товил'до* > *-тол'до* 'тесал'):

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Инфинитив <i>дон'тәт</i>	Инфинитив <i>донандо</i>
'кольнуть ножом'	'калывать ножом'

Будущее время

<i>бу а-т дон'-ба-тәт</i> 'он меня кольнет-ножом'
<i>бу у-т дон'-ә-а-тәт</i> 'он тебя кольнет-ножом'
<i>бу бу-т дон'-а-тәт</i> 'он его кольнет-ножом'
<i>бу бу-т дон'-и-у-ә-тәт</i> 'он ее кольнет-ножом'
<i>бу каспул' дон'-ә-тәт</i> 'он пузырь кольнет-ножом'
<i>бу ьт'н' дон'-дәу-ә-тәт</i> 'он нас кольнет-ножом'
<i>бу ьку дон'-гәу-ә-тәт</i> 'он вас кольнет-ножом'
<i>бу буу дон'-ау-ә-тәт</i> 'он их кольнет-ножом'

Настояще-будущее время

<i>бу а-т дон-а-н-ба-т-ә-ро</i> 'он меня колет-ножом'
<i>бу у-т дон-а-н-ку-т-ә-ро</i> 'он тебя колет-ножом'
<i>бу бу-т дон-а-н-а-т-ә-ро</i> 'он его колет-ножом'
<i>бу бу-т дон-а-н-и-т-ә-ро</i> 'он ее колет-ножом'
<i>бу каспул'иу дон-а-н-т-ә-ро</i> 'он пузыри колет-ножом'
<i>бу ьт'н' дон-а-н-дәу-т-ә-ро</i> 'он нас колет-ножом'
<i>бу ьку дон-а-н-кәу-т-ә-ро</i> 'он вас колет-ножом'
<i>бу буу дон-а-н-ау-т-ә-ро</i> 'он их колет-ножом'

Прошедшее завершнное время

<i>бу а-т дон'-ба-у-л'-тәт</i> 'он меня кольнул-ножом'
<i>бу у-т дон'-ә-у-л'-тәт</i> 'он тебя кольнул-ножом'
<i>бу бу-т дон'-ә-у-л'-тәт</i> 'он его кольнул-ножом'
<i>бу бу-т дон'-и-у-л'-тәт</i> 'он ее кольнул-ножом'
<i>бу каспул' дон'-у-л'-тәт</i> 'он пузырь кольнул-ножом'
<i>бу ьт'н' дон'-дәу-у-л'-тәт</i> 'он нас кольнул-ножом'
<i>бу ьку дон'-гәу-у-л'-тәт</i> 'он вас кольнул-ножом'
<i>бу буу дон'-әу-у-л'-тәт</i> 'он их кольнул-ножом'

Прошедшее завершнное время

<i>бу а-т дон-а-н-ба-т-о-л'-до</i> 'он меня колол (калывал)-ножом'
<i>бу у-т дон-а-н-ку-т-о-л'-до</i> 'он тебя колол-ножом'
<i>бу бу-т дон-а-н-а-т-о-л'-до</i> 'он его колол-ножом'
<i>бу бу-т дон-а-н-и-т-о-л'-до</i> 'он ее колол-ножом'
<i>бу каспул'иу дон-а-н-т-ә-и-л'-до</i> 'он пузыри колол-ножом'
<i>бу ьт'н' дон-а-н-дәу-т-о-л'-до</i> 'он нас колол-ножом'
<i>бу ьку дон-а-н-кәу-т-о-л'-до</i> 'он вас колол-ножом'
<i>бу буу дон-а-н-ау-т-о-л'-до</i> 'он их колол-ножом'

Нетрудно заметить, что в многократном виде к первой корневой морфеме присоединился показатель множественного числа *-(а)н-*, тождественный показателю множественного числа в группах 1, 2, 13 16, 20, 25 и 26 имен существительных.

Подобным же образом спрягаются еще и следующие глаголы.

Инфинитив *қонтәт* 'бодать'

бык а-р' қоң-ба-тәт 'бык меня боднет' (досл. 'рогами-меня-ударит'; *қо* 'рог', *қоң* 'рога')
бык а-р' қоң-бә-у-л'-тәт 'бык меня боднул' и т. д.

бык а-р' қоң-а-н-ба-т-ә-ро 'бык меня бодает' (досл. 'рогами-меня-обтесывает')
бык а-р' қоң-а-н-ба-т-о-л'-до 'бык меня бодал' и т. д.

Инфинитив *ин'тәт* 'колоть иглой'

ул'ақ д-ин-ә-тәт 'водяной пузырь (мозоль) я-иглой-проколю' (досл. 'я-иглой-ударю'; *и* 'игла')

ул'ақ б'эк д-ин-а-н-т-а-в-ро 'водяной пузырь (мозоль) всегда я-иглой-прокалываю' (досл. 'я-иглой-обтесываю')

ул'ақ д-ин-у-л'-тәт 'водяной пузырь я-иглой-проколол'

ул'ақ б'эк д-ин-а-н-т-о-в-и-л'-до 'водяной пузырь всегда я-иглой-прокалывал'

тиу а-р' куп-ба-тәт 'змея меня ужалит' (досл. 'губой-меня-ударит', *куп* 'губа')

тиу а-р' кув-а-н-ба-т-ә-ро 'змея меня жалит' (досл. 'губами-меня-обтесывает')

тиу а-р' куп-ба-у-л'-тәт 'змея меня ужалила' и т. д.

тиу а-р' кув-а-н-ба-т-о-л'-до 'змея меня жалила' и т. д.

Глагол с основой *-тәт* 'бить' выражает значение многократного и длительного действия, например, *ат' хи дивтәт* 'я черемуху толку'. Однако в глаголах третьей группы эта основа избрана почему-то для выражения однократного действия. Для выражения же многократности взято слово, вызывающее в сознании представление о действии, состоящем как бы из множества однородных, кратких, но регулярно повторяемых манипуляций, без которых и невозможно осуществление таких действий, как *до* 'тесать', 'долбить'.

* * *

Совершенно особо должны быть отмечены чрезвычайно интересные случаи, где вспомогательная основа *-тәт* полностью утратила свое лексическое значение 'бить' и употребляется уже как грамматический показатель однократности действия, которому противостоят показатели многократности действия *-а*, *-уу*:

ним-тәт 'нырну'
ним-и-л'-тәт 'нырнул'
хәл'-ба-тәт 'крикнет-на-меня'
хәл'-г-ә-тәт 'крикнет-на-тебя' и т. д.
хәл'-бә-у-л'-тәт 'крикнул-на-меня'
хәл'-г-у-л'-тәт 'крикнул-на-тебя' и т. д.

ним-а 'ныряю'
ним-л'-а 'нырял'
хәл'-и-у-бо-у-уу 'кричит-на-меня'
хәл'-и-у-ку-у-уу 'кричит-на-тебя' и т. д.
хәл'-и-у-бо-у-о-л'-уу 'кричал-на-меня'
хәл'-и-у-ку-у-о-л'-уу 'кричал-на-тебя' и т. д.

Сложные глаголы, образованные при помощи конечной корневой морфемы *-рон'* ~ *-дон'*¹¹, выражают значение однократности и многократности различными средствами. Рассмотрим, как они выражаются в глаголе со значением «свежевать»:

Основа *ә-н-...-рон'*

Основа *и-у-...-рон'*

с'ас' д'-ә-н-қ-а-рон' 'камус (с одной ноги оленя) я-освежую'
с'ас' д'-ә-н-қ-о-л'-дон' 'камус (с одной ноги оленя) я-освеживал'

с'ас'иу д-и-у-г-ә-рон' 'камусы (с четырех ног оленя) я-освежую'
с'ас'иу д-и-у-г-ә-л'-дон' 'камусы (с четырех ног оленя) я-освеживал'

В однократном способе действия к начальной корневой морфеме *ә* ~ *и*- присоединяется суффикс единственного числа *-н*-, тождественный суффиксу единственного числа *-н*- имен существительных в группах 17, 18 и 19. В многократном же способе действия к начальной корневой морфеме *и*- присоединился суффикс множественного числа *-у*-, тождественный с суффиксом имен существительных в группах 3, 4, 5 и др. Таким образом, в приведенных глаголах значения однократного и многократного способов действия выражены оппозицией одних только в сущности показателей единственного числа *-н*- и множественного числа *-у*- внутри одной и той же глагольной прерывной основы.

Рассмотрим теперь глагол со значением «рвать»:

¹¹ Эта корневая морфема выступает в качестве основы в глаголе *д-а-в-рон'* 'я-это-сдираю' (о верхних слоях бересты, которые снимают для изготовления покрывшек чума), *д-о-в-и-л'-дон'* 'я-это-содрал'.

Однократный способ действия

Основа *у-...-рон'*

д-у-н-ж-б-дон' 'я-разорву-это (пополам)'

д-у-н-ж-в-и-л'-дон' 'я-разорвал-это'

Многократный способ действия

Основа *у-с'-...-рон'*

д-у-с'-н-а-в-рон' 'я-разрываю-это (на части)'

д-у-с'-н-о-в-и-л'-дон' 'я-разрывал-это'

Значение однократности и многократности выражено в этом сложном глаголе оппозицией Ø (ноль) || -с-.

ТИП ГЛАГОЛОВ С ПРОСТОЙ ПРЕРЫВНОЙ ОСНОВОЙ, ИМЕЮЩЕЙ КОРНЕВУЮ МОРФЕМУ В НАЧАЛЕ СЛОВА И ДЕРИВАЦИОННУЮ В КОНЦЕ

Переходим теперь к обзору выражения однократного и многократного способов действия среди глаголов, имеющих прерывную основу с корневой морфемой в начале слова и деривационной в конце. По способу выражения этих значений указанные глаголы разделяются нами на восемь групп.

К первой группе относятся глаголы, имеющие прерывную основу подтипа $\sqrt{\text{...}}-...-а$ ¹². Так как деривационная морфема -а совершенно индифферентна к выражению значений однократности и многократности, то последние передаются в таких глаголах при помощи присоединения к первой корневой морфеме соответствующих показателей. Таким образом, рассматриваемые значения выражаются в таких глаголах в середине слова при помощи оппозиции показателей: -ај- ~ -жј- ~ иј- — однократность, *тијун-* — многократность либо при помощи оппозиции Ø (ноль) — однократность, -с- — многократность.

Приводим факты, доказывающие наличие первой из указанных оппозиций:

Однократный способ действия

Будущее время

бу а-т таб-ај-б-о-к-с'-а 'он меня ударит (кулаком)'

бу у-т таб-ај-ку-к-с'-а 'он тебя ударит (кулаком)'

Многократный способ действия

Настояще-будущее время

бу а-т тах-тијун-б-о-к-с'-а 'он меня бьет (кулаком)'

бу у-т тах-тијун-ку-к-с'-а 'он тебя бьет (кулаком)'

¹² Знаком $\sqrt{\text{...}}$ в рассматриваемом типе глаголов обозначается начальная корневая морфема прерывной основы. В конце графического изображения прерывной основы $\sqrt{\text{...}}-...-а$ указывается соответствующий деривационный показатель, характеризующий тот или иной подтип глагола.

бу бу-т таб-ај-о-к-с'-а 'он его ударит (кулаком)'

бу бу-т таб-ај-у-к-с'-а 'он ее ударит (кулаком)'

бу ѓт'н' таб-ај-дѣу-с'-а 'он нас ударит (кулаком)'

бу ѓку таб-ај-кѣу-с'-а 'он вас ударит (кулаком)'

бу буу таб-ај-оу-с'-а 'он их ударит (кулаком)'

бу бу-т тах-тијун-о-к-с'-а 'он его бьет (кулаком)'

бу бу-т тах-тијун-у-к-с'-а 'он ее бьет (кулаком)'

бу ѓт'н' тах-тијун-дѣу-с'-а 'он нас бьет (кулаком)'

бу ѓку тах-тијун-кѣу-с'-а 'он вас бьет (кулаком)'

бу буу тах-тијун-оу-с'-а 'он их бьет (кулаком)'

Прошедшее завершённое время

бу а-т таб-ај-б-о-л'-а 'он меня ударил (кулаком)'

бу у-т таб-ај-ку-л'-а 'он тебя ударил (кулаком)'

бу бу-т таб-ај-о-л'-а 'он его ударил (кулаком)'

бу бу-т таб-ај-у-л'-а 'он ее ударил (кулаком)'

бу ѓт'н' таб-ај-дѣу-л'-а 'он нас ударил (кулаком)'

бу ѓку таб-ај-кѣу-л'-а 'он вас ударил (кулаком)'

бу буу таб-ај-оу-л'-а 'он их ударил (кулаком)'

Прошедшее завершённое время

бу а-т тах-тијун-б-о-л'-а 'он меня бил (кулаком)'

бу у-т тах-тијун-ку-л'-а 'он тебя бил (кулаком)'

бу бу-т тах-тијун-о-л'-а 'он его бил (кулаком)'

бу бу-т тах-тијун-у-л'-а 'он ее бил (кулаком)'

бу ѓт'н' тах-тијун-дѣу-л'-а 'он нас бил (кулаком)'

бу ѓку тах-тијун-кѣу-л'-а 'он вас бил (кулаком)'

бу буу тах-тијун-оу-л'-а 'он их бил (кулаком)'

Тожественным образом изменяются по способу действия и другие глаголы:

Однократный способ действия

а қут'-дѣ-си:у л'ут-жј-у-к-с'-а 'я щучью печень прогложу'

бу а-т қѣр'-ај-бо-к-с'-а 'он меня бросит (на землю)'

бу а-т лан-ај-бо-к-с'-а 'он меня шлепнет'

ул' лаундиџа с'эн-ај-у-к-с'-а 'воду в бочку налью'

и:с' лаундиџа с'эн-ај-оу-с'-а 'рыбу в бочку высыплю'

а қојџл' с'ул'-жј-у-к-с'-а 'я медвежью желчь выпью'

Многократный способ действия

а қуку-с'ѣуин б'ѣк л'ут-тијун-у-к-с'-а 'я щучьи печени всегда глотаю'

бу а-т қѣт-тијун-бо-к-с'-а 'он меня бросает (на землю)'

бу а-т лан-тијун-бо-к-с'-а 'он меня шлепает'

ул' лауныџиџа с'эн-тијун-у-к-с'-а 'воду в бочки наливаю'

и:с' лауныџиџа с'эн-тијун-оу-с'-а 'рыбу в бочки высыпаю'

а қојџл' с'ул'-тијун-у-к-с'-а 'я медвежью желчь пью (часто)'

Однократный способ
действия

Основа *у-...-рон'*

д-у-н-ж-б-дон' 'я-разорву-это
(пополам)'

д-у-н-ж-в-и-л'-дон' 'я-разорвал-
это'

Многократный способ
действия

Основа *у-с'-...-рон'*

д-у-с'-н-а-в-рон' 'я-разрываю-
это (на части)'

д-у-с'-н-о-в-и-л'-дон' 'я-разры-
вал-это'

Значение однократности и многократности выражено в этом сложном глаголе оппозицией Ø (ноль) || -с-.

ТИП ГЛАГОЛОВ С ПРОСТОЙ ПРЕРЫВНОЙ ОСНОВОЙ, ИМЕЮЩЕЙ КОРНЕВУЮ МОРФЕМУ В НАЧАЛЕ СЛОВА И ДЕРИВАЦИОННУЮ В КОНЦЕ

Переходим теперь к обзору выражения однократного и многократного способов действия среди глаголов, имеющих прерывную основу с корневой морфемой в начале слова и деривационной в конце. По способу выражения этих значений указанные глаголы разделяются нами на восемь групп.

К первой группе относятся глаголы, имеющие прерывную основу подтипа $\sqrt{\text{...}}\text{-а}$ ¹². Так как деривационная морфема -а совершенно индифферентна к выражению значений однократности и многократности, то последние передаются в таких глаголах при помощи присоединения к первой корневой морфеме соответствующих показателей. Таким образом, рассматриваемые значения выражаются в таких глаголах в середине слова при помощи оппозиции показателей: -ај- ~ -жј- ~ иј- — однократность, *тију-* — многократность либо при помощи оппозиции Ø (ноль) — однократность, -с- — многократность.

Приводим факты, доказывающие наличие первой из указанных оппозиций:

Однократный способ
действия

Будущее время

бу а-т таѡ-ај-б-о-к-с'-а 'он меня
ударит (кулаком)'

бу у-т таѡ-ај-ку-к-с'-а 'он тебя
ударит (кулаком)'

Многократный способ
действия

Настояще-будущее время

бу а-т таѡ-тију-б-о-к-с'-а 'он
меня бьет (кулаком)'

бу у-т таѡ-тију-ку-к-с'-а 'он
тебя бьет (кулаком)'

¹² Знаком $\sqrt{\text{...}}$ в рассматриваемом типе глаголов обозначается начальная корневая морфема прерывной основы. В конце графического изображения прерывной основы $\sqrt{\text{...}}\text{-а}$ указывается соответствующий деривационный показатель, характеризующий тот или иной подтип глагола.

бу бу-т таѡ-ај-о-к-с'-а 'он его
ударит (кулаком)'
бу бу-т таѡ-ај-у-к-с'-а 'он ее
ударит (кулаком)'
бу ѡт'н' таѡ-ај-дѡу-с'-а 'он
нас ударит (кулаком)'
бу ѡку таѡ-ај-кѡу-с'-а 'он вас
ударит (кулаком)'
бу буу таѡ-ај-оу-с'-а 'он их
ударит (кулаком)'

Прошедшее завершённое время

бу а-т таѡ-ај-б-о-л'-а 'он меня
ударил (кулаком)'
бу у-т таѡ-ај-ку-л'-а 'он тебя
ударил (кулаком)'
бу бу-т таѡ-ај-о-л'-а 'он его
ударил (кулаком)'
бу бу-т таѡ-ај-у-л'-а 'он ее
ударил (кулаком)'
бу ѡт'н' таѡ-ај-дѡу-л'-а 'он
нас ударил (кулаком)'
бу ѡку таѡ-ај-кѡу-л'-а 'он вас
ударил (кулаком)'
бу буу таѡ-ај-оу-л'-а 'он их
ударил (кулаком)'

Тожественным образом изменяются по способу действия и другие глаголы:

Однократный способ
действия

а қут'-дѡ-си:у л'ут-жј-у-к-с'-а
'я щучью печень про-
гложу'

бу а-т қѡр'-ај-бо-к-с'-а 'он
меня бросит (на землю)'

бу а-т лан-ај-бо-к-с'-а 'он меня
шлепнет'

ул' лаундиуа с'эн-ај-у-к-с'-а
'воду в бочку налью'

и:с' лаундиуа с'эн-ај-оу-с'-а
'рыбу в бочку высыплю'

а қојѡл' с'ул'-жј-у-к-с'-а 'я
медвежью желчь выпью'

бу бу-т таѡ-тију-о-к-с'-а 'он
его бьет (кулаком)'
бу бу-т таѡ-тију-у-к-с'-а 'он
ее бьет (кулаком)'
бу ѡт'н' таѡ-тију-дѡу-с'-а 'он
нас бьет (кулаком)'
бу ѡку таѡ-тију-кѡу-с'-а 'он
вас бьет (кулаком)'
бу буу таѡ-тију-оу-с'-а 'он
их бьет (кулаком)'

Прошедшее завершённое время

бу а-т таѡ-тију-бо-л'-а 'он
меня бил (кулаком)'
бу у-т таѡ-тију-ку-л'-а 'он
тебя бил (кулаком)'
бу бу-т таѡ-тију-о-л'-а 'он
его бил (кулаком)'
бу бу-т таѡ-тију-у-л'-а 'он
ее бил (кулаком)'
бу ѡт'н' таѡ-тију-дѡу-л'-а 'он
нас бил (кулаком)'
бу ѡку таѡ-тију-кѡу-л'-а 'он
вас бил (кулаком)'
бу буу таѡ-тију-оу-л'-а 'он
их бил (кулаком)'

Многократный способ
действия

а қуку-с'ѡун б'ѡк л'ут-тију-у-к-с'-а
'я щучьи печени
всегда глотаю'

бу а-т қѡт-тију-бо-к-с'-а 'он
меня бросает (на землю)'

бу а-т лан-тију-бо-к-с'-а 'он
меня шлепает'

ул' лауныудиуа с'эн-тију-у-к-с'-а
'воду в бочки на-
ливаю'

и:с' лауныудиуа с'эн-тију-оу-с'-а
'рыбу в бочки высыпаю'

а қојѡл' с'ул'-тију-у-к-с'-а
'я медвежью желчь пью.
(часто)'

а қойбал' до-у-ә-у-к-с'-а¹³ 'я
медвежью желчь выпью'

а қойбал до-к-ти-у-у-к-с'-а 'я
медвежью желчь пью
(часто)'

Показатель однократного способа действия -а-ј-, видимо, членился на два компонента, из которых последний материально совпадает с суффиксом единственного числа у имен существительных в группах 12, 13, 14 и 15. Что касается компонента -а- -ә-, то его, по-видимому, надо считать соединительным. Показатель многократного способа действия -т-и-ј-и-у- является сложным, и все его компоненты могут быть рассматриваемы как показатели множественного числа. Так компонент -ј- сопоставляется с суффиксом множественного числа имен существительных в группах 9 и 22, компонент -и-у- — с аналогичным суффиксом в группах 3, 4 и т. д. Что касается компонента -т-, то он также может рассматриваться в качестве показателя множественного числа (см. группы 7 и 11).

Приводим теперь пример выражения значений однократности и многократности при помощи оппозиции показателей -0- (ноль) — однократность, -с- — многократность:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
д-у-н-ә-ва 'я-распорю-это'	д-у-с'-н-ә-ва 'я-распарываю-это (часто)'
д-у-н-о-в-л'-а 'я-распорол-это'	д-у-с'-н-о-в-л'-а 'я-распарывал-это (часто)'

Во второй группе значения однократности и многократности выражаются глаголами, имеющими прерывные основы √-...-то, √-...-ук. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей, располагающихся в конце слова. Показателем -то выражается однократность, -ук — многократность:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
б'эс'ам д-ау-ә-и-в-т-о 'шубу я повешу'	б'эс'амн д-ау-ә-и-в-ук 'шубы я вешаю'
б'эс'ам к-ау-ә-и-в-т-о 'шубу ты повесишь'	б'эс'амн к-ау-ә-и-в-ук 'шубы ты вешаешь'
б'эс'ам д-ау-ә-и-в-т-о 'шубу он повесит'	б'эс'амн д-ау-ә-и-в-ук 'шубы он вешает'

¹³ Два последних глагола имеют две параллельные и, по-видимому, безобъектные формы: с'ул'әйтис'а 'выпью (сразу)', с'ул'әйтис'а 'выпил (сразу)', дорәйтис'а 'выпью (сразу)', дорәйтис'а 'выпил (сразу)'.

б'эс'ам д-ау-ә-и-в-т-о 'шубу
она-повесит'
б'эс'ам д-ау-ә-и-в-т-у-н 'шубу
мы-повесим'
б'эс'ам к-ау-ә-и-в-т-у-н 'шубу
вы-повесите'
б'эс'ам д-ау-ә-и-в-т-у-н 'шубу
они-повесят'

Прошедшее завершённое
время

б'эс'ам д-ау-ә-и-м-т-о 'шубу
я-повесил'¹⁴
б'эс'ам к-ау-ә-и-м-т-о 'шубу
ты-повесил'
б'эс'ам д-ау-ә-и-м-т-о 'шубу он-
повесил'
б'эс'ам д-ау-ә-и-м-т-о 'шубу
она-повесила'
б'эс'ам д-ау-ә-и-м-т-у-н 'шубу
мы-повесили'
б'эс'ам к-ау-ә-и-м-т-у-н 'шубу
вы-повесили'
б'эс'ам д-ау-ә-и-м-т-у-н 'шубу
они-повесили'

б'эс'амн д-ау-ә-и-в-ук 'шубы
она-вешает'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-у-н 'шубы
мы-вешаем'
б'эс'амн к-ау-ә-и-в-у-н 'шубы
вы-вешаете'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-у-н 'шубы
они-вешают'

Прошедшее завершённое
время

б'эс'амн д-ау-ә-и-в-л'-ук 'шубы
я-повесил'
б'эс'амн к-ау-ә-и-в-л'-ук 'шубы
ты-повесил'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-л'-ук 'шубы
он-повесил'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-л'-ук 'шубы
она-повесила'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-л'-у-н 'шубы
мы-повесили'
б'эс'амн к-ау-ә-и-в-л'-у-н 'шубы
вы-повесили'
б'эс'амн д-ау-ә-и-в-л'-у-н 'шубы
они-повесили'

Деривационный показатель однократного способа действия -т- сопоставляется с показателем единственного числа в имени существительном ди-т 'глухарь', а деривационный показатель многократного способа действия -у-к сопоставляется с компонентом множественного числа -к- в форме того же имени существительного д'э-к-у 'глухари' (см. группы 23 и 8).

Аналогичным образом значения однократности и многократности выражаются в следующих глаголах:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
қус' т х-а-в-т-о 'чум (класс вещей) я поставлю (воткну)'	қуу т х-а-в-ук 'чумы я ставлю (втыкаю)'
қус' т х-о-м-т-о (х-о-в-и-н'-т-о) 'чум я поставил (воткнул)'	қуу т х-о-в-л'-ук 'чумы я ставил (втыкал)'
лун' т х-а-ј-т-о 'жердь чума (класс мужской) я воткну'	лун'иу т х-ау-с'-ук 'жерди чума я втыкаю'
лун' т х-о-н'-т-о 'жердь чума я воткнул'	лун'иу т х-оу-о-л'-ук 'жерди чума я повтыкал'

¹⁴ Обращает на себя внимание выражение времени в однократном способе действия при помощи чередования показателя класса вещей -в- ~ -м-, -в- ~ -г- (см. стр. 104) в этом и в других приведенных ниже глаголах.

c'yjɔ' тој т-и-в-т-о 'платок
вверху засуну (за жердь)'

c'yjɔ' тој т-и-в-и-н'-т-о 'платок
вверху засунула'

кук тиу-г-и-в-т-о 'дыру за-
ткну'

кук тиу-г-и-м-т-о 'дыру за-
ткнул'

c'ул' тақ-т-а-н-т-о 'нарту по-
ставляю на бок'

c'ул' тақ-т-о-м-т-о 'нарту по-
ставил на бок'

то'к д-иу-а-н-т-о 'топор я-
насажу' (на топорище)

то'к д-иу-о-м-т-о 'топор я-
насадил'

н'ан'сивит, *богдотдиуа* р *кыл'-*
у-к-с-то (*кыл'-ун'-то*) 'ле-
пешку делать буду, в ко-
стер я зарю (зарыл)'

c'yjɔ' тој т-и-в-ук 'платки
вверху засовываю' (за
жердь, за жерди)

c'yjɔ' тој т-и-в-л'-ук
'платки вверху засовы-
вала'

куксиу тиу-г-и-в-ук 'дыры за-
тыкаю'

куксиу тиу-г-и-в-л'-ук 'дыры
позатыкал'

сол'иу тақ-т-и-в-ук¹⁵ 'нарти
ставляю на бок'

сол'иу тақ-т-и-в-л'-ук 'нарти
ставил на бок'

тоу д-иу-а-в-ук 'топоры я-на-
саживаю' (на топорища)

тоу д-иу-о-в-л'-ук 'топоры я-на-
саживал'

н'ан'б'эр'эвэет, *богдотдиуа* р
кл:л-у-к-с-ук (*кл:л-у-л'-ук*)
'лепешки делать буду,
в костер зарю (зарыл)'

В приводимых ниже глаголах в словоформах многократного способа действия первая корневая морфема оформляется показателем множественного числа *-и-у-*, совпадающим по форме с суффиксом множественного числа имен существительных группы 4.

Однократный способ
действия

кус' итн тој д'-эс'-у-к-с'-т-о
'одну юколу вверху я-по-
вешу'

кус' итн тој д'-эс'-у-н'-т-о
'одну юколу вверху я-по-
весил'

с'и:с'-у-к-с'-т-о 'сложу в кучу'

с'и:с'-у-н'-т-о 'сложил в кучу'

Многократный способ
действия

итн тој д'-эс'-иу-у-к-с'-ук 'юколу
вверху я-развешаю'

итн тој д'-эс'-иу-у-л'-ук 'юколу
вверху я-развесил'

с'и:с'-иу-у-к-с'-ук 'складываем
в кучи'

с'и:с'-иу-у-л'-ук 'складывали
в кучи'

В глаголе, приводимом ниже, значение многократности выражается при помощи дополнительного присоединения показателя множественности действия *-с-* к первой корневой морфеме:

¹⁵ В произношении О. В. Тыгановой (пос. Суломай) в многократном способе действия вместо суффикса *-ук* выступает суффикс *-уу*: *тақтисуу* 'ставляю на бок', *тақтисл'уу* 'ставил на бок' и т. д.

капкан с'-э-т-и-в-т-о 'капкан
поставлю'
капкан с'-э-т-и-м-т-о 'капкан
поставил'

капканин' с'-э-с'-т-и-в-ук 'кап-
каны ставлю'
капканин' с'-э-с'-т-и-в-л'-ук 'кап-
каны ставил'

В нижеследующем случае значения однократности и многократности выражаются не только оппозицией конечных деривационных морфем *-то/-ук*, но и оппозицией аффиксов *-к-* в однократном способе действия и *-иу-* — в многократном:

то'к с'-эс'-к-а-н-т-о¹⁶ 'топор
(класс вещей) воткну'

то'к с'-эс'-к-о-м-т-о 'топор во-
ткнул'

с'эс'у'ок' с'-эс'-к-а-н-т-о 'под-
порку (класс мужской)
воткну'

с'эс'у'ок' с'-эс'-к-о-н'-т-о 'под-
порку воткнул'

тох с'-эс'-иу-а-в-ук 'топоры вты-
каю'

тох с'-эс'-иу-о-в-л'-ук 'топоры
втыкал'

с'эс'уақ с'-эс'-иу-ау-ук 'подпорки
втыкаю'

с'эс'уақ с'-эс'-иу-оу-о-л'-ук 'под-
порки втыкал'

В третьей группе значения однократности и многократности выражаются глаголами, имеющими прерывные основы $\sqrt{\text{---}} \dots -ақ$ и $\sqrt{\text{---}} \dots -а$. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей, располагающихся в конце слова. Показателем *-ақ* выражается однократность, *-а* — многократность.

Однократный способ
действия

Будущее время

д'-э-н-в-а-в-р-ак 'он-бросит-
меня'

д'-э-н-γ-а-в-р-ақ 'он-бросит-тебя'

д'-э-с'-а-(γ)-а-в-р-ақ 'он-бросит-
его'

д'-э-с'-к-и-н-д-ақ 'он-бросит-ее'

д'-э-с'-к-а-в-р-ақ 'он-бросит-это'

д'-э-н-д-ау-а-в-р-ақ 'он-бросит-
нас'

Многократный способ
действия

Настояще-будущее время

д'-э-н-в-а-в-а 'он-бросает-меня'

д'-э-н-γ-γ-а-в-а 'он-бросает-
тебя'

д'-э-с'-а-γ-а-в-а 'он-бросает-его'

д'-э-с'-к-и-н-а 'он-бросает-ее'

д'-э-с'-к-а-в-а 'он-бросает-это'

д'-э-н-д-ау-а-в-а 'он-бросает-
нас'

¹⁶ В кетском языке есть наречие *с'эс'кэ* со значением «вниз головой», «вниз верхней частью предмета»: *с'эс'кэ ди:рут* 'вниз головой упал', *н'ан'ај с'эс'кэ т-хомто* и *н'ан'ај с'эс'-комто* 'мешок с хлебом поставил завязанным концом вниз' и др. Встречается оно и в роли определения *с'эс'кэ қај* 'крутой яр'. Возможно, что корневые морфемы рассматриваемого глагола и наречия представляют собой одну морфему. Ср. также на стр. 119 случай образования от одной корневой морфемы *қа- ~ қә-* глагола и наречия.

<i>д'-э-ј-гәү-а-в-р-ақ</i> 'он-бросит- вас'	<i>д'-э-ј-гәү-а-в-а</i> 'он-бросает-вас'
<i>д'-э-с'-ау-а-в-р-ақ</i> 'он-бросит-их'	<i>д'-э-с'-әү-а-в-а</i> 'он-бросает-их'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
<i>д'-э-ј-вә-о-г-дақ</i> 'он-бросил- меня'	<i>д'-э-ј-вә-о-в-л'-а</i> 'он-бросал- меня'
<i>д'-э-ј-у-о-г-дақ</i> 'он-бросил-тебя'	<i>д'-э-ј-г-о-в-л'-а</i> 'он-бросал-тебя'
<i>д'-э-с'-а-о-г-дақ</i> 'он-бросил-его'	<i>д'-э-с'-ә-г-о-в-л'-а</i> 'он-бросал- его'
<i>д'-э-с'-к-и-р'-у-г-дақ</i> 'он-бросил- ее'	<i>д'-э-с'-к-и-р'-у-л'-а</i> 'он-бросал-ее'
<i>д'-э-с'-к-о-г-дақ</i> 'он-бросил-это'	<i>д'-э-с'-к-о-в-л'-а</i> 'он-бросал-это'
<i>д'-э-ј-дәү-о-г-дақ</i> 'он-бросил- нас'	<i>д'-э-ј-дәү-о-в-л'-а</i> 'он-бросал- нас'
<i>д'-э-ј-гәү-о-г-дақ</i> 'он-бросил- вас'	<i>д'-э-ј-гәү-о-в-л'-а</i> 'он-бросал- вас'
<i>д'-э-с'-ау-о-г-дақ</i> 'он-бросил-их'	<i>д'-э-с'-әү-о-в-л'-а</i> 'он-бросал-их'

Примеры: *т'эт кымә д'эјәгәврақ (д'эјәгәгдақ)* 'муж прочь бросит-меня (бросил-меня)'; *хај л'амгә д'эс'а(ү)аврақ (д'эс'аогдақ)* 'кедр на бок свалю (свалил)'; *хиү л'амгә д'эс'ауава (д'эс'ауовл'а)* 'кедры на бок валю (валил)'; *аслиндиүа қок т'от' д'эс'а(ү)аврақ (д'эс'аогдақ)* 'в лодку одного тайменя брошу (бросил)'; *аслиндиүа ын'т'о' д'эс'ауаврақ (д'эс'ауогдақ)* 'в лодку двух тайменей (сразу) брошу (бросил)'; *аслиндиүа ын'т'от' д'эс'ауава (д'эс'ауовл'а)* 'в лодку двух тайменей (по одному) бросаю (бросал)'.

При помощи оппозиции суффиксов *-ақ/-а* значения однократности—многократности выражаются еще в следующих глаголах:

Однократный способ действия	Многократный способ действия	Однократный способ действия	Многократный способ действия
<i>х-а-в-р-ақ</i> 'выстрелю'	<i>х-о-г-д-ақ</i> 'выстрелил'	<i>х-а-в-а</i> 'стреляю'	<i>х-о-в-л'-а</i> 'стрелял'
<i>д'-эс'-а-б-д-ақ</i> 'я-положу'	<i>д'-эс'-о-г-д-ақ</i> 'я-положил'	<i>д'-эс'-а-в-а</i> 'я-кладу'	<i>д'-эс'-о-в-л'-а</i> 'я-клат'
<i>ти-в-р-ақ</i> 'зачерпну'	<i>ти-в-и-н-д-ақ</i> 'зачерпнул'	<i>ти-в-а</i> 'черпаю'	<i>ти-в-л'-а</i> 'черпал'

В четвертой группе значения однократности и многократности выражаются глаголами, имеющими прерывные основы $\sqrt{\text{---}}\text{---}-ақ$ и $\sqrt{\text{---}}\text{---}-о$. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей, располагающихся в конце слова. Показателем *-ақ* выражается однократность, *-о* — многократность.

Инфинитив *атақ* 'лить', 'сыпать'

Однократный способ действия Многократный способ действия

Класс вещей

Будущее время	Настояще-будущее время
<i>д-ат-н-ақ</i> 'я-налью'	<i>д-ат-ә-в-о</i> 'я-наливаю'
<i>к-ат-н-ақ</i> 'ты-нальешь'	<i>к-ат-ә-в-о</i> 'ты-наливаешь'
<i>д-ат-н-ақ</i> 'он-нальет'	<i>д-ат-ә-в-о</i> 'он-наливает'
<i>дә-ат-н-ақ</i> 'она-нальет'	<i>дә-ат-ә-в-о</i> 'она-наливает'
<i>д-ат-н-ау-ин</i> 'мы-нальем'	<i>д-ат-ә-в-у-н'</i> 'мы-наливаем'
<i>к-ат-н-ау-ин</i> 'вы-нальете'	<i>к-ат-ә-в-у-н'</i> 'вы-наливаете'
<i>д-ат-н-ау-ин</i> 'они-нальют'	<i>д-ат-ә-в-у-н'</i> 'они-наливают'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
<i>д-ат-н-и-ј-ақ</i> 'я-налил'	<i>д-ат-о-в-л'-о</i> 'я-наливал'
<i>к-ат-н-и-ј-ақ</i> 'ты-налил'	<i>к-ат-о-в-л'-о</i> 'ты-наливал'
<i>д-ат-н-и-ј-ақ</i> 'он-налил'	<i>д-ат-о-в-л'-о</i> 'он-наливал'
<i>дә-ат-н-и-ј-ақ</i> 'она-налила'	<i>дә-ат-о-в-л'-о</i> 'она-наливала'
<i>д-ат-н-и-ј-ау-ин</i> 'мы-налили'	<i>д-ат-о-в-л'-у-н'</i> 'мы-наливали'
<i>к-ат-н-и-ј-ау-ин</i> 'вы-налили'	<i>к-ат-о-в-л'-у-н'</i> 'вы-наливали'
<i>д-ат-н-и-ј-ау-ин</i> 'они-налили'	<i>д-ат-о-в-л'-у-н'</i> 'они-наливали'

Примеры: *ул' лаундиүа датпақ* 'воду в бочку я-налью', *ул' лауныүдиүа датәво* 'воду в бочки наливаю';

талан ы:т'диүа датпақ 'муку в чуман насыплю', *талан ы:риүдиүа датәво* 'муку в чуманы насыпаю';

қус' патрондиүа хл'ақ датпақ 'в один патрон порох насыплю', *патронаүдиүа хлақ датәво* 'в патроны порох насыпаю'.

Приводимые ниже словоформы с объектом мужского и женского классов отличаются от приведенных выше словоформ только тем, что в их состав инфигирован *-ау* — показатель 3-го лица множественного числа, свойственный этим классам.

Однократный способ действия Многократный способ действия

Будущее время	Настояще-будущее время
<i>д-ат-ау-б-ақ</i> ¹⁷ 'я-насыплю-их'	<i>д-ат-ау-а-в-о</i> 'я-сыплю-их' и т. д.
и т. д.	
<i>д-ат-ау-б-ау-ин</i> 'мы-насыплем-их' и т. д.	<i>д-ат-ау-а-в-у-н</i> 'мы-сыплем-их' и т. д.

¹⁷ Встречается также синонимичная словоформа *датаңивақ* и т. д. Словоформы прошедшего завершённого времени образуются как раз от этих словоформ.

Прошедшее завершённое
время

д-ат-ау-и-в-ј-ақ 'я-насыпал-их'
и т. д.
д-ат-ау-и-в-ј-ақ-ин 'мы-насы-
пали-их' и т. д.

Прошедшее завершённое
время

д-ат-ау-о-в-л'-о 'я-сыпал-их'
и т. д.
д-ат-ау-о-в-л'-у-н 'мы-сыпали-
их' и т. д.

Примеры: *тууын' лаундица датаубақ* 'тугунов (рыбу) в бочку насыплю', *тууын' лауныдица датауаво* 'тугунов в бочки насыпаю';

ы:тдиуал' эмыл'тәу ајдица датаубақ 'из чумана кедровые шишки в мешок насыплю';

картосқау хотпэл'дица в'эдрауас' датауаво 'картофель в подполье ведрами сыплю'.

В пятой группе значения однократности и многократности выражаются глаголами, имеющими прерывные основы $\sqrt{\text{---}}\text{---}-ақ$ и $\sqrt{\text{---}}\text{---}-иј$. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей, располагающихся в конце слова. Показателем *-ақ* выражается однократность, *-иј* — многократность.

Приводим теперь парадигмы спряжения глаголов, в которых значения однократности и многократности выражены при помощи оппозиции суффиксов: *-ақ//иј*. В многократном способе действия к первой корневой морфеме присоединяется показатель множественного числа *-ын-* или *-иу-*.

Однократный способ
действия

Будущее время

д-ул'-вә-т-а-в-рақ 'он отпустит-
меня'
д-ул'-гу-т-а-в-рақ 'он отпустит-
тебя'
д-ул'-ә-т-а-в-рақ 'он отпустит-
его'
д-у:л'-т-а-в-рақ 'он отпустит-ее'
д-ул'-т-а-б-дақ 'он отвязнет-это'
д-ул'-дәу-т-а-в-рақ 'он отпустит-
нас'
д-ул'-гәу-т-а-в-рақ 'он отпу-
стит-вас'
д-ул'-ау-т-а-в-рақ 'он отпустит-
их'

Многократный способ
действия

Настояще-будущее время

д-ул'-иу-ба-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-меня'
д-ул'-иу-ку-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-тебя'
д-ул'-иу-а-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-его'
д-ул'-иу-и-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-ее'
д-ул'-т-ә-в-иј 'он отвязывает-
это'
д-ул'-иу-дәу-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-нас'
д-ул'-иу-кәу-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-вас'
д-ул'-иу-ау-т-ә-в-иј 'он отпу-
скает-их'

Прошедшее завершённое
время

д-ул'-вә-т-о-г-д-ақ 'он отпустил-
меня'
д-ул'-гу-т-о-г-д-ақ 'он отпустил-
тебя'
д-ул'-ә-т-о-г-д-ақ 'он отпустил-
его'
д-у:л'-т-о-г-д-ақ 'он отпустил-
ее'
д-ул'-т-о-г-д-ақ 'он отвязал-это'
д-ул'-дәу-т-о-г-д-ақ 'он отпу-
стил-нас'
д-ул'-гәу-т-о-г-д-ақ 'он отпу-
стил-вас'
д-ул'-ау-т-о-г-д-ақ 'он отпустил-
их'

Прошедшее завершённое
время

д-ул'-иу-ба-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
скал-меня'
д-ул'-иу-ку-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
скал-тебя'
д-ул'-иу-а-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
скал-его'
д-ул'-иу-и-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
скал-ее'
д-ул'-т-о-в-л'-иј 'он отвязывал-
это'
д-ул'-иу-дәу-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
пускал-нас'
д-ул'-иу-кәу-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
пускал-вас'
д-ул'-иу-ау-т-о-в-л'-иј 'он отпу-
скал-их'

Подобным же образом спрягаются глаголы:

Однократный способ
действия

ба-т-а-б-д-ақ 'я-вытащу-это'
ба-т-о-г-д-ақ 'я-вытащил-это'

Многократный способ
действия

ба-т-а-в-иј 'я-вытаскиваю-это'
ба-т-о-в-л'-иј 'я-вытаскивал-
это'

* * *

ун'әу ти-вә-т-и-с'-т-ақ 'сеть
я посажу на тетиву'
ун'әу ти-вә-т-т-ақ 'сеть я
посадила на тетиву'

ун'әуәу тиу-бә-т-с-иј 'сети
я посажу на тетивы'
ун'әуәу тиу-бә-т-л'-иј 'сети
я посадила на тетивы'

* * *

эр' д-и-у-ә-т-с-ақ 'соболя я-
освежую'
эр' д-и-у-ә-т-л'-ақ 'соболя я-
освеживал'

эт'н д-и-у-а-н-с-иј 'соболей я-
освеживаю'
эт'н д-и-у-а-у-л'-иј 'соболей
я-освеживал'

Особняком от рассмотренных стоит глагол со значением «снимать обувь». В многократном способе действия в него инфигируется детерминатив *-қ-*:

сика 'четырежды' и т. д. Это сопоставление тем более заманчиво, что значение многократности в кетском языке связано с повторным и расчлененным совершением действия, каким его характеризуют повторительные числительные¹⁹.

Показатель многократности *-p'a ~ -да* сопоставляется с таким же показателем в собирательных числительных *ып'дэудэ* 'мы вдвоем', *ып'гэудэ* 'вы вдвоем', *ып'аудэ* 'они вдвоем', где *ып'* 'два', *дэу-* 'мы', *-гэу-* 'вы', *-ау-* 'они', а *-дэ < -да* выступает как показатель совокупности, состоящей из однородного, расчлененного множества предметов²⁰. Между тем показатели многократности в кетском языке указывают как раз на действие, образующее совокупность, состоящую из множественного числа однородных, но расчлененных действий. Показатель многократного способа действия *-и* сопоставляется с показателем множественного числа имен существительных в группах 9, 22.

При отмечающемся тяготении показателей способа действия к показателям количественным допустимо сопоставить суффикс многократного способа действия *-о* с начальным компонентом наречия *он'эи*, *он'* 'много'.

Сопоставление показателей способа действия с числовыми аффиксами имен существительных и количественных числительных может встретиться с возражением, что отождествление их затруднительно, поскольку в глаголе они выполняют иную функцию. Однако это и могло произойти вследствие длительного употребления их в глаголах, где эти аффиксы могли обособиться от количественных показателей, с которыми они были генетически связаны и поэтому приобрели несколько иное назначение.

В группе 7 значения однократности и многократности выражаются переходными глаголами, имеющими прерывные основы $\sqrt{\text{---}} \dots -т/-а$ и $\sqrt{\text{---}} \dots -p'a \sim -да$. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей, располагающихся в конце слова. Показателями *-т/-а* выражается однократность, *-p'a/-да* — многократность:

c'u:c' д-лэжт-к-и-в-и-т 'кучу
(одежды, мяса) накрою'

c'u:c'иу д-лэжт-иу-к-а-в-р'a 'ку-
чи (одежды, мяса) накрываю
(по одной, т. е. каждую в отдельности)'

¹⁹ Следует указать, что суффиксу *-а* может быть дано объяснение, исключаящее изложенное. Если считать, что *к о р н е в ы е* морфемы глаголов на *-ах* и *-а* выражают значение многократности, то суффикс *-ах* может ограничивать это значение разовым действием. При таком предположении суффикс *-а* может быть отождествлен с глаголообразующим показателем, индифферентным в отношении выражения значений способов действия. В связи с этим его присоединение к глаголу может способствовать полному проявлению значения многократности, свойственного основе. Но представляется, что сопоставление конечного *-а* с числовыми показателями более правильно.

²⁰ Возможно, что в показателе *-да ~ -p'a* первый согласный является разграничительным, а собственно количественным показателем является конечный гласный.

c'u:c' д-лэжт-к-и-м-н-а 'кучу
(одежды, мяса) накрыл'

c'u:c'иу д-лэжт-иу-к-о-в-и-л'-да
'кучи (одежды, мяса) на-
крывал (по одной, т. е.
каждую в отдельности)'

турыј т хал'-в-и-т 'бересту
для лучения я согну'

туруку т хал'-и-у-а-в-р'a 'бе-
ресты для лучения я сги-
баю (по одной)'

турыј т хал'-и-м-н-а 'бересту
для лучения я согнул'

туруку т хал'-и-у-о-в-и-л'-да
'бересты для лучения
я сгибал (по одной)'

Приведенные примеры, число которых может быть увеличено, показывают, что многократный способ действия на *-p'a ~ -да* образует словоформы со значением множественности действия. Каждое действие из числа этого совокупного множества действий совершается отдельно в отношении каждого предмета, входящего в состав данного множества предметов. Однако другие факты показывают, что словоформы многократного способа действия на *-p'a ~ -да* могут выражать также значение длительности действия. Так, например, словоформы глаголов однократного и многократного способов действия, образованные при помощи инфинитива *ъ:н* 'варить', имеют следующие значения:

д-ъ:н-и-в-и-т 'я-буду-варить-это' (например, кусок рыбы, а другие куски рыбы останутся и не будут вариться);

д-ъ:н-и-м-н-а 'я-начала-варить-это' (я поставила котелок на огонь и кусок рыбы варится);

д-ъ:н-а-в-р'a 'я-варю-это' (я стою подле огня и слежу за тем, как варится в котелке кусок рыбы);

д-ъ:н-о-в-и-л'-да 'я-сварила-это' (процесс варки полностью закончен);

д-ъ:н-а-ј-и-т 'я-буду-варить-его' (например, целого тайменя или хариуса и т. п.; хотя он будет вариться разрезанный на куски, но если все они будут положены в один котел, то целостность его не считается нарушенной);

д-ъ:н-о-н-а 'я-начала-варить-его';

д-ъ:н-а-ј-да 'я-варю-его';

д-ъ:н-о-л'-да 'я-сварила-его'.

Приведенные примеры показывают, что словоформы многократного способа действия на *-да ~ -p'a*, соотношенные с объектом единственного числа, выражают длительность действия.

Соотнесение объекта множественного числа со словоформой однократного способа действия указывает на разовый и полный охват объекта действием. При соотнесении же его со словоформой многократного способа действия последняя указывает на расчлененность действия в отношении каждого объекта, входящего в состав этого множества в отдельности:

жуку д-ъ:н-ау-и-т 'щук-я-буду-варить' (в одном котле сварю

несколько шук, разрезанных на куски, либо целых, не разрезанных на куски);

шукн д-ъ:н-ау-а-р'а 'шук я-буду-варить', 'шук я-варю' (но варю каждую в отдельности, а не сразу вместе).

Наряду со значением длительности глагольные словоформы на *-р'а ~ -да* могут выражать также значение общности действия: *н'ан' туужбда* 'хлеб бывает сырой', *н'ан' туужвил'да* 'хлеб бывал сырой', *хыл' авр'а* 'ясные дни бывают', *хыл' овил'да* 'ясные дни бывали' и т. д.

После этих предварительных замечаний об оттенках значений, которые могут выражаться формами многократности действия на *-да ~ -р'а*, приводим две парадигмы спряжения переходных глаголов однократного и многократного способов действия, образованные от инфинитива *тоби жуу ~ тобо жуу* 'сушить':

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
<i>тоби жуу-х-и-р-и-т</i> 'обсушит-меня'	<i>тоби жуу-х-а-д-да</i> 'обсушивает-меня'
<i>тоби жуу-х-и-у-т</i> 'обсушит-тебя'	<i>тоби жуу-х-а-у-р'а</i> 'обсушивает-тебя'
<i>тоби жуу-х-а-и-и-т</i> 'обсушит-его'	<i>тоби жуу-х-а-и-и-да</i> 'обсушивает-его'
<i>тоби жуу-х-и-и-и-т</i> 'обсушит-ее'	<i>тоби жуу-х-и-и-и-да</i> 'обсушивает-ее'
<i>тоби жуу-х-и-в-и-т</i> 'высушит-это'	<i>тоби жуу-х-а-в-р'а</i> 'сушит-это'
<i>тоби жуу-х-и-р'ажу-и-т</i> 'обсушит-нас'	<i>тоби жуу-х-а-р'ажу-ди</i> 'обсушивает-нас'
<i>тоби жуу-х-и-уажу-и-т</i> 'обсушит-вас'	<i>тоби жуу-х-а-уажу-да</i> 'обсушивает-вас'
<i>тоби жуу-х-ау-и-т</i> 'обсушит-их'	<i>тоби жуу-х-ау-а-р'а</i> 'обсушивает-их'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
<i>тоби жуу-х-и-н-д-и-т</i> 'обсушил-меня' ²¹	<i>тоби жуу-х-о-л'-ди-ра</i> 'обсушивал-меня'
<i>тоби жуу-х-и-н'-гу-т</i> 'обсушил-тебя'	<i>тоби жуу-х-о-л'-гу-ра</i> 'обсушивал-тебя'
<i>тоби жуу-х-о-н-а</i> 'обсушил-его'	<i>тоби жуу-х-о-л'-да</i> 'обсушивал-его'
<i>тоби жуу-х-и-т-н-а</i> 'обсушил-ее'	<i>тоби жуу-х-и-р-у-л'-да</i> 'обсушивал-ее'

²¹ Все словоформы прошедшего завершённого времени однократного способа действия в этой парадигме спряжения могут иметь значение начального действия: 'он начал обсушивать меня', 'я-начал-сушить-это' и т. д.

тоби жуу-х-и-м-н-а 'высушил-это'
тоби жуу-х-и-н'-дажу-и-т 'обсушил-нас'
тоби жуу-х-и-н'-гжу-и-т 'обсушил-вас'
тоби жуу-х-оу-о-н-а 'обсушили-их'

тоби жуу-х-о-в-и-л'-да 'высушил-это'
тоби жуу-х-о-л'-дажу-да 'обсушивал-нас'
тоби жуу-х-о-л'-гжу-да 'обсушивал-вас'
тоби жуу-х-оу-о-л'-да 'обсушивали-их'

При помощи оппозиции тех же конечных показателей значения однократности—многократности выражаются и в следующих глаголах, образованных от корневой морфемы *жа- ~ жэ-* 'класть ничком', 'ложиться ничком', 'опрокидывать вверх дном', нейтральной в отношении выражения переходности—непереходности. Однако глагольные словоформы, образуемые от этой корневой морфемы, резко отличаются от глагольных словоформ, образуемых от инфинитива *тоби жуу*. Это отличие состоит в том, что в состав словоформ глагола однократного способа действия включается показатель *-н- ~ -б-*, а в состав словоформ глагола многократного способа действия включается показатель *-н-*. За оппозицией этих глагольных показателей отчетливо вскрывается оппозиция именных числовых показателей — единственного числа *-н- ~ -б-* и множественного числа *-н-* (ср. стр. 81, группы имен существительных 16, 17, 18). Трудно, однако, объяснить, почему показатель *-н- ~ -б-* встречается только в будущем времени, а в прошедшем отсутствует. Кроме того, трудно понять, почему он отсутствует в словоформах мужского и женского классов 3-го лица единственного и множественного числа, где вместо него выступает детерминатив *-у-* и разграничитель *-ј-*.

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
<i>жа-б-д-и-т</i> 'положит-меня-ничком'	<i>жа:-н-а-д-да</i> 'кладет-меня-ничком'
<i>жа-н-ку-т</i> 'положит-тебя-ничком'	<i>жа:-н-а-у-р'а</i> 'кладет-тебя-ничком'
<i>жа-у-ж-и-т</i> 'положит-его-ничком'	<i>жа:-н-а-и-и-да</i> 'кладет-его-ничком'
<i>жа-и-и-т</i> 'положит-ее-ничком'	<i>жа:-н-и-и-и-да</i> 'кладет-ее-ничком'
<i>жа-б-б-и-т</i> 'опрокинет-это-вверх дном'	<i>жа:-н-а-в-р'а</i> 'опрокидывает (кладет)-это-вверх дном'
<i>жа-б-дажу-и-т</i> 'положит-нас-ничком'	<i>жа:-н-дажу-да</i> 'кладет-нас-ничком'
<i>жа-н-кажу-и-т</i> 'положит-вас-ничком'	<i>жа:-н-кажу-да</i> 'кладет-вас-ничком'
<i>жа-у-ажу-и-т</i> 'положит-их-ничком'	<i>жа:-н-ау-да</i> 'кладет-их-ничком'

Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
к̆æ-н-д-и-т 'положил-меня-ничком'	к̆æ:-н-д-о-л'-да 'клал-меня-ничком'
к̆æ-н'-гу-т 'положил-тебя-ничком'	к̆æ:-н-о-л'-гу-ра 'клал-тебя-ничком'
к̆æ-о-н-а 'положил-его-ничком'	к̆æ:-н-о-л'-да 'клал-его-ничком'
к̆æ-р-и-т-н-а 'положил-ее-ничком'	к̆æ:-н-и-р-у-л'-да 'клал-ее-ничком'
к̆æ-б-б-и-н-а 'опрокинул-это-вверх дном'	к̆æ:-н-о-в-и-л'-да 'опрокидывал (клал)-это (эти)-вверх-дном'
к̆æ-н-д̆æ-у-и-т 'положил-на-ничком'	к̆æ:-н-д̆æ-у-о-л'-да 'клал-на-ничком'
к̆æ-н'-г̆æ-у-и-т 'положил-вас-ничком'	к̆æ:-н-к̆æ-у-о-л'-да 'клал-вас-ничком'
к̆æ-о-у-о-н-а 'положил-их-ничком'	к̆æ:-н-а-у-о-л'-да 'клал-их-ничком'

При помощи оппозиции тех же конечных показателей -т/а и -р/а ~ -да значения однократности и многократности выражаются и в глаголах, образованных от связанной корневой морфемы у- 'ставить' (о посуде), 'стоять' (о посуде).

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
д-у-ј-в-и-т 'я-поставлю-это' (одну посудину)	д-у-с'-н-а-в-р/а 'я-(постоянно)-ставлю-это' (одну и ту же посудину) ²²
д-у-с'-о-г-б-и-т 'я-поставлю-его' (например, одного хариуса в одной посудине)	д-у-с'-н-а-γ-æ-б-да 'я-(постоянно)-ставлю-его' (например, каждый раз ловлю по хариусу и каждый раз ставлю его в посудине)
д-у-с'-у-г-б-и-т 'я-поставлю-ее' (например, одного налима в одной посудине)	д-у-с'-н-и-γ-æ-б-да 'я-(постоянно)-ставлю-ее' (например, каждый раз ловлю по налиму и каждый раз ставлю его в посудине)
д-у-с'-о-у-б-и-т 'я-поставлю-их' (например, несколько рыб в одной посудине)	д-у-с'-н-а-у-æ-б-да 'я-(постоянно)-ставлю-их' (например, по несколько рыб в одной посудине) ²³

²² Может также обозначать: «я расставляю много посудин по одной посудине».

²³ Может также обозначать: «я расставляю по одной много посудин с одной рыбиной в каждой посудине».

Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
д-у-ј-в-и-н-а 'я-поставил-это' (одну посудину)	д-у-с'-н-о-в-и-л'-да 'я-(постоянно)-ставил-это' (по одной посудине)
д-у-с'-о-г-б-и-н-а 'я-поставил-его' (например, одного хариуса в одной посудине)	д-у-с'-н-а-γ-æ-в-и-л'-да 'я-(постоянно)-ставил-его' (например, каждый раз ловил по хариусу и каждый раз ставил его в посудине)
д-у-с'-у-г-б-и-н-а 'я-поставил-ее' (например, одного налима в одной посудине)	д-у-с'-н-и-γ-æ-в-и-л'-да 'я-(постоянно)-ставил-ее' (каждый раз ловил по налиму и каждый раз ставил его в посудине)
д-у-с'-о-у-б-и-н-а 'я-поставил-их' (например, несколько рыб в одной посудине)	д-у-с'-н-а-у-æ-в-и-л'-да 'я-(постоянно)-ставил-их' (например, по несколько рыб в одной посудине)

По своей морфологической структуре эти глаголы резко отличаются от приведенных выше целым рядом особенностей.

Все глаголы, рассмотренные выше, образованы при помощи личных показателей группы Д. В данном же случае глагол однократного способа действия образован при помощи показателей группы Б ряда бо/о, а глагол многократного способа действия — при помощи показателей группы Д ряда -р-/а-. Далее в глаголах однократного способа действия в 3-м лице единственного и множественного числа, относящихся к мужскому и женскому классам, к показателям -о-, -у-, -оу- префигирован детерминатив -с-, а после показателей -о-, -у- суффиксирован еще детерминатив -г- < -к-. Эти детерминативы как бы отделяют классные показатели -о-, -у- от других показателей. Необходимо еще отметить то обстоятельство, что показатель класса вещей в обоих глаголах сохраняется также во всех словоформах, относящихся к объектам действия мужского и женского классов. В заключение обратим еще внимание на фонетическую модификацию форм -авр/а ~ -абда ~ ~ -æбда. Последняя форма встречается во многих глаголах многократного способа действия. Приводим один такой глагол, образованный при помощи личных показателей группы Б ряда ба/а. Первая корневая морфема нижеприводимого глагола образована от послелога д̆æт ~ д̆:т 'на чем-либо', 'поверх чего-либо'.

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
д-д̆æт-ба-γ-в-и-т 'он-накроет-меня'	д-д̆æти-у-ба-γ-æ-б-да 'он-накрывает-меня'

д-лұғт-кү-ү-и-т 'он-накроет-тебя'
д-лұғт-а-ү-и-т 'он-накроет-его'
д-лұғт-и-ү-и-т 'он-накроет-ее'
д-лұғт-к-и-и-т 'он-накроет-это'
д-лұғт-дәү-б-и-т 'он-накроет-нас'
д-лұғт-кәү-б-и-т 'он-накроет-вас'
д-лұғт-ау-б-и-т 'он-накроет-их'

Прошедшее завершённое время

д-лұғт-ба-ү-и-м-н-а 'он-накрыл-меня'
д-лұғт-кү-ү-и-м-н-а 'он-накрыл-тебя'
д-лұғт-а-ү-и-м-н-а 'он-накрыл-его'
д-лұғт-и-ү-и-м-н-а 'он-накрыл-ее'
д-лұғт-к-и-м-н-а 'он-накрыл-это'
д-лұғт-дәү-г-и-м-н-а 'он-накрыл-нас'
д-лұғт-кәү-г-и-м-н-а 'он-накрыл-вас'
д-лұғт-ау-г-и-м-н-а 'он-накрыл-их'

Служебный компонент *-жбда* со значением многократного способа действия встретился нам еще в сочетании со следующими инфинитивами, выступающими в качестве первых корневых морфем приводимых ниже сложных глаголов, развившихся из аналитических глаголов: *сүгдоқубоужбда* 'я буду подниматься вверх по течению реки на лодке и опускаться вниз по течению реки на лодке' (во время охоты на уток); *блн' с'ууыноужбда* 'утки перелетают вверх по течению, когда в них стреляет охотник, но потом течение снова сносит их к нему'; *блн' қин'иј(н)оужбда* 'косяки уток один за другим проносятся мимо весенним течением'; *ситијбаужбда* 'я неоднократно буду просыпаться и засыпать'; *ситијбаужбил'да* 'я неоднократно просыпался и засыпал'; *дауғариу энсоқубоужбда* 'я печаль забываю'; *ақтә ил'к'әт ақтә дувил' амтә усылноужбда* 'хорошо поющий человек хорошо поет, даже заливается'.

д-лұғтиу-кү-ү-жб-да 'он-накрывает-тебя'
д-лұғтиу-а-ү-жб-да 'он-накрывает-его'
д-лұғт-иу-и-ү-жб-да 'он-накрывает-ее'
д-лұғт-иу-к-а-в-р'а 'он-накрывает-это'
д-лұғт-иу-дәу-жб-да 'он-накрывает-нас'
д-лұғт-иу-кәу-жб-да 'он-накрывает-вас'
д-лұғт-иу-ау-жб-да 'он-накрывает-их'

Прошедшее завершённое время

д-лұғт-иу-ба-ү-жв-и-л'-да 'он-накрывал-меня'
д-лұғт-иу-кү-ү-жв-и-л'-да 'он-накрывал-тебя'
д-лұғт-иу-а-ү-жв-и-л'-да 'он-накрывал-его'
д-лұғт-иу-и-ү-жв-и-л'-да 'он-накрывал-ее'
д-лұғт-иу-к-о-в-и-л'-да 'он-накрывал-это'
д-лұғт-иу-дәу-жв-и-л'-да 'он-накрывал-нас'
д-лұғт-иу-кәу-жв-и-л'-да 'он-накрывал-вас'
д-лұғт-иу-ау-жв-и-л'-да 'он-накрывал-их'

В группе 8 значения однократности и многократности выражаются непереходными глаголами, имеющими прерывные основы $\sqrt{\text{---}}\text{---тн}$ и $\sqrt{\text{---}}\text{---риј} \sim \text{---диј}$. Эти значения выражаются при помощи оппозиции деривационных показателей: показателем *-тн* выражается однократность, а *-риј* \sim *-диј* — многократность и длительность. Первые корневые морфемы приводимых ниже непереходных глаголов образованы от инфинитива *тобију* 'сушить':

Однократный способ действия

Будущее время

*тобију-қ-и-р-и-тн*²⁴ 'я-обсушусь'
тобију-қ-и-у-тн 'ты-обсушишься'
тобију-қ-и-с'-ж-тн 'он-обсушится'
дә-тобију-қ-и-с'-ж-тн 'она-обсушится'
тобију-қ-и-р'әу-и-тн 'мы-обсушимся'
тобију-қ-и-үжәу-и-тн 'вы-обсушитесь'
тобију-қ-и-с'-жәу-и-тн 'они-обсушатся'

Прошедшее завершённое время

тобију-қ-и-л'-д-и-тн 'я-обсушился'
тобију-қ-и-л'-г-и-тн 'ты-обсушился'
тобију-қ-и-л'-ж-тн 'он-обсушился'
дә-тобију-қ-и-л'-ж-тн 'она-обсушилась'

Многократный способ действия

Настояще-будущее время

тобију-қ-а-а-д-диј 'я-обсушиваюсь'
тобију-қ-а-у-р'иј 'ты-обсушиваешься'
тобију-қ-а-ј-а-р'иј 'он-обсушивается'
дә-тобију-қ-а-ј-а-р'иј 'она-обсушивается'
тобијин-қ-а-р'әу-диј 'мы-обсушиваемся'
тобију-қ-а-үжәу-диј 'вы-обсушиваетесь'
тобију-қ-а-ј-әу-диј 'они-обсушиваются'

Прошедшее завершённое время

тобију-қ-о-л'-д-и-р'иј 'я-обсушивался'
тобију-қ-о-л'-г-и-р'иј 'ты-обсушивался'
тобију-қ-о-л'-ж-р'иј 'он-обсушивался'
дә-тобију-қ-о-л'-ж-риј 'она-обсушивалась'

²⁴ Конечный *-н* в качестве показателя непереходности всегда выступает в произношении моей помощницы по изучению кетского языка Т. Г. Толстых (1889 г. р.). Он встречается и в произношении других кетов на Суломае и в записях М. А. Кастрена. Однако в других говорах имбацкого диалекта он, по-видимому, утратился. Следует еще отметить, что словоформы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа непереходных глаголов на *-тн* могут внешне совпадать с такими же формами переходных глаголов при субъекте действия множественного числа: *буң ат' тобијиңқиритн* 'они меня обсушат'.

тоби жу-қ-и-л'-дәу-и-тн 'мы-обсушились'
тоби жу-қ-и-л'-гәу-и-тн 'вы-обсушились'
тоби жу-қ-и-л'-әу-и-тн 'они-обсушились'

тоби жу-қ-о-л'-дәу-диј 'мы-обсушивались'
тоби жу-қ-о-л'-гәу-диј 'вы-обсушивались'
тоби жу-қ-о-л'-әу-диј 'они-обсушивались'

Ниже приводим два непереходных глагола, первая корневая морфема которых образована от связанной основы *қа-* ~ *қа-* 'ложиться ничком'. В непереходном глаголе однократного способа действия в настояще-будущем времени во всех его формах после первой корневой морфемы выступает показатель единственного числа -б-, в то время как в переходном глаголе, образованном от той же основы, он встречается только в словоформах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Словоформы глагола многократного способа действия приводятся не полностью.

О д н о к р а т н ы й с п о с о б д е й с т в и я

Будущее время	Прошедшее завершённое время
қа-б-д-и-тн 'я-лягу-ничком'	қа-л-д-и-тн 'я-лег-ничком'
қа-п-к-у-тн 'ты-ляжешь-ничком'	қа-л'-г-у-тн 'ты-лег-ничком'
қа-п-с'-ә-тн 'он-ляжет-ничком'	қа-л'-ә-тн 'он-лег-ничком'
дә-қа-п-с'-ә-тн 'она-ляжет-ничком'	дә-қа-л'-ә-тн 'она-легла-ничком'
қа-б-б-и-тн 'это-опрокинется-вверх дном'	қа-б-б-и-л'-ә-тн 'это-опрокинулось-вверх дном'
қа-б-дәу-и-тн 'мы-ляжем-ничком'	қа-л-дәу-и-тн 'мы-легли-ничком'
қа-п-кәу-и-тн 'вы-ляжете-ничком'	қа-л-гәу-и-тн 'вы-легли-ничком'
қа-п-с'-әу-и-тн 'они-лягут-ничком'	қа-л'-әу-и-тн 'они-легли-ничком'

М н о г о к р а т н ы й с п о с о б д е й с т в и я

Настояще-будущее время	Прошедшее завершённое время
қа:-н-а-ј-а-риј 'он-ложится-ничком'	қа:-н-о-л'-а-риј 'он-ложился-ничком'
дә-қа:-н-а-ј-а-риј 'она-ложится-ничком'	дә-қа:-н-о-л'-а-риј 'она-ложилась-ничком'
қа:-н-а-ј-ә-у-диј 'они-ложатся-ничком'	қа:-н-о-л'-а-у-диј 'они-ложились-ничком'

Примеры: тын қапқа қа:на 'котел переверни вверх дном', тын/иу қаен'гә²⁵ қа:налон 'котлы переворачивай вверх дном'; дыл' қапқа қа:нал'да 'ребенка ничком вниз животом поворачивай', дыл'ә'т қаен'гә қа:наңил'да 'ребят ничком вниз животом поворачивай'.

ТИП ГЛАГОЛОВ С ПРОСТОЙ ПРЕРЫВНОЙ ОСНОВОЙ, ИМЕЮЩЕЙ ДЕРИВАЦИОННУЮ МОРФЕМУ В НАЧАЛЕ СЛОВА И КОРНЕВУЮ В КОНЦЕ

Глаголы, имеющие прерывную основу с деривационной морфемой в начале слова и корневой в конце, немногочисленны и поэтому их участие в выражении однократного и многократного способов действия может быть представлено лишь единичными примерами. Рассмотрим в связи с этим следующие факты:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
с'ул' д-и-т-ә-п-ил' 'нарту я-поверну (обратно)' и т. д.	сол'иу д-исвил'-д-ә-вәт 'нарты я-поворачиваю (обратно)' и т. д.
с'ул' д-и-т-ә-в-и-н-у-ил' 'нарту я-повернул (обратно)' и т. д.	сол'иу д-исвил'-д-о-л'-вәт 'нарты я-поворачивал (обратно)' и т. д.

Глагол со значением многократного способа действия образуется от инфинитива *исвил'* 'повертывать' (в обратную сторону два и большее число объектов), который членится так: *и-* — служебный (?) гласный, *-с-* — показатель многократного способа действия, *-в-* — показатель класса вещей, *-ил'* — корневая основа. Сопоставляя с этим инфинитивом основу глагола однократного способа действия *и-т-...-ил'*, можно определить морфему *-т-* как показатель однократности, которая также сопоставляется с показателем единственного числа имен существительных группы 23.

В приводимом ниже глаголе с деривационной морфемой *-у-* в начале слова однократность выражена нулевым показателем, а многократность — показателем *-с-*:

²⁵ Наречия *қапқа*, *қаен'гә* со значением «ничком», образованные от той же корневой морфемы *қа-* ~ *қа-*, от которой образован и глагол, имеют формы числа, согласующиеся с числом субъекта и объекта действия. Некоторые качественные наречия в кетском языке имеют формы числа.

Однократный способ действия

д-у-ј-у-а-в-тѣт 'я-тебя-ударю'
(раз палкой)
д-у-ј-у-о-в-и-л'-тѣт 'я-тебя-ударил' (раз палкой)

Многократный способ действия

д-у-с'-н-ку-у-ѣ-п-тѣ-т 'я-тебя-буду-колотить' (палкой)
д-у-с'-н-ку-у-ѣ-в-и-н'-тѣт 'я-тебя-колотил' (палкой)

Мы считаем, что компонент *у-* в этом глаголе развился из корневой морфемы *у-* 'расколоться', 'расколоть', 'треснуть' (ср. инфинитив *у-с'тѣт* 'расколоть', *у-ѣ-в-и-н'-тѣт* 'расколется-это' и др.). Так как в данном глаголе эта морфема не выражает уже указанного вещественного значения, то в этом и в других аналогичных глаголах ее можно относить к числу деривационных морфем.

ГЛАГОЛЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СОСТАВ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ГРУПП

Отдельно от рассмотренных нами выделяются еще две группы глаголов.

К первой группе относится несколько глаголов, основы которых образуются от инфинитивов следующим образом. В глаголах однократного способа действия от инфинитива образуется прерывная основа глагола, а в глаголах многократного способа действия от инфинитива образуется только начальное составляющее прерывной основы глагола.

Инфинитив *эн/соку* 'забывать' ²⁶

Однократный способ действия

Будущее время

эн'-бѣ-с'ук 'я-забуду' ²⁷
эн'-гу-с'ук 'ты-забудешь'
эн'-д-а-ј-с'ук 'он-забудет'
эн'-д-и-ј-с'ук 'она-забудет'
эн'-дѣ-у-с'ук 'мы-забудем'

Многократный способ действия

Настояще-будущее время

эн/соку-ба-у-ѣ-б-да 'я-забываю' ²⁸
эн/соку-ку-у-ѣ-б-да 'ты-забываешь'
эн/соку-а-у-ѣ-б-да 'он-забывает'
эн/соку-и-у-ѣ-б-да 'она-забывает'
эн/соку-дѣ-у-(г)-ѣ-б-да 'мы-забываем'

²⁶ Инфинитив *эн'-сок-н* членится на три морфемы. Первая морфема — *эн'-*, по-видимому, обозначает «вспоминать», так как сопоставляется с такой же морфемой в глаголе *д'эн'ту* 'я вспомню', *к'эн'ту* 'ты вспомнишь' и т. д. Морфема *-сок-~с'ук* выражает, по-видимому, какое-то отрицание, *-н* — показатель множественного числа.

²⁷ Встречается также в форме *эн'дис'ук*.

²⁸ Встречается также в форме *эн'сокубоуѣбда*, *эн'сокуоуѣбда*, *эн'сокну-уѣбда*, *эн'сокнуѣбда*.

эн'-гѣ-у-с'ук 'вы-забудете'

эн'-д-ѣ-у-с'ук 'они-забудут'

Прошедшее завершённое время

эн'-б-о-н'-сук 'я-забыл'
эн'-гу-н'-сук 'ты-забыл'
эн'-д-о-н'-сук 'он-забыл'
эн'-д-и-р-у-н'-сук 'она-забыла'
эн'дѣ-у-о-н'-сук 'мы-забыли'
эн'-гѣ-у-о-н'-сук 'вы-забыли'
эн'-д-ѣ-у-о-н'-сук 'они-забыли'

эн/соку-кѣ-у-(г)-ѣ-б-да 'вы-забываете'

эн/соку-а-у-(г)-ѣ-б-да 'они-забывают'

Прошедшее завершённое время

эн/соку-ба-у-ѣ-в-и-л'-да 'я-забывал'
эн/соку-ку-у-ѣ-в-и-л'-да 'ты-забывал'
эн/соку-а-у-ѣ-в-и-л'-да 'он-забывал'
эн/соку-и-у-ѣ-в-и-л'-да 'она-забывала'
эн/соку-дѣ-у-(г)-ѣ-в-и-л'-да 'мы-забывали'
эн/соку-кѣ-у-(г)-ѣ-в-и-л'-да 'вы-забывали'
эн/соку-а-у-(г)-ѣ-в-и-л'-да 'они-забывали'

Инфинитив *игбѣс* 'приходить'

Однократный способ действия

Будущее время

д-и-к-с-и-в-и-с 'я-приду' ²⁹
к-и-к-с-и-в-у-с 'ты-придешь'
д-и-к-с-и-в-и-с 'он-придет'
дѣ-и-к-с-и-в-и-с 'она-придет'
д-и-к-с-и-в-у-с-н 'мы-придем'
к-и-к-с-и-в-у-с-н 'вы-придете'
д-и-к-с-и-в-и-с-н 'они-придут'

Многократный способ действия

Настояще-будущее время

д-игбѣс'-ѣ-вѣт 'я-прихожу (часто)'
к-игбѣс'-ѣ-уит 'ты-приходишь (часто)'
д-игбѣс'-ѣ-вѣт 'он-приходит (часто)'
дѣ-игбѣс'-ѣ-вѣт 'она-приходит (часто)'
д-игбѣс'-ѣ-уит-н 'мы-приходим (часто)'
к-игбѣс'-ѣ-уит-н 'вы-приходите (часто)'
д-игбѣс'-ѣ-вит-н 'они-приходят (часто)'

²⁹ Приводимая парадигма спряжения записана нами по произношению Т. Г. Толстых. В произношении представителей молодых поколений приводимые здесь словоформы 2-го лица единственного числа, а также 1-го и 2-го лица множественного числа уже не встречаются. Вместо них употребляется одна и та же форма на *-ис*. В прошедшем же времени употребляются такие формы: *димбис* (и *ди: мис*) 'я-пришел', *кимбис* 'ты-пришел', *димбис* 'он-пришел', *димбис* 'она-пришла', *димбис'н* 'мы-пришли', *кимбис'н* 'вы-пришли', *димбис'н* 'они-пришли'.

Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
<i>д-и-н'-б-и-с</i> 'я-пришел'	<i>д-игбæс-о-л'-вæт</i> 'я-приходил (часто)'
<i>к-и-н-у-с</i> 'ты-пришел'	<i>к-игбæс-о-л'-гит</i> 'ты-приходил (часто)'
<i>д-и-н'-б-и-с</i> 'он-пришел'	<i>д-игбæс-о-л'-вæт</i> 'он-приходил (часто)'
<i>дæ-и-н'-б-и-с</i> 'она-пришла'	<i>дæ-игбæс-о-л'-вæт</i> 'она-приходила (часто)'
<i>д-и-н-у-с-н</i> 'мы-пришли'	<i>д-игбæс-о-л'-гит-н</i> 'мы-приходили (часто)'
<i>к-и-н-у-с-н</i> 'вы-пришли'	<i>к-игбæс-о-л'-гит-н</i> 'вы-приходили (часто)'
<i>д-и-н-б-и-с'-н</i> 'они-пришли'	<i>д-игбæс-о-л'-гит-н</i> 'они-приходили (часто)'

Инфинитив *авæски* 'блуждать'³⁰

Однократный способ действия

Будущее время	Прошедшее завершённое время
<i>д'-э-во-к-с'-и-вис</i> 'я-заблужусь'	<i>д'-э-во-н'-бис</i> 'я-заблудился'
<i>к'-э-у-к-с'-и-вус</i> 'ты-заблудишься'	<i>к'-э-у-н-ус</i> 'ты-заблудился'
<i>д'-э-ву-к-с'-и-вис</i> 'он-заблудится'	<i>д'-э-ву-н'-бис</i> ³¹ 'он-заблудился'
<i>дæ-ј-э-ву-к-с'-и-вис</i> 'она-заблудится'	<i>дæ-ј-э-ву-н'-бис</i> 'она-заблудилась'
<i>д'-э-р'-æ-у-с'-и-вус-н</i> 'мы-заблудимся'	<i>д'-э-р'-æ-у-с'-и-вус-н</i> 'мы-заблудились'
<i>к'-э-гæ-у-с'-и-вус-н</i> 'вы-заблудитесь'	<i>к'-э-гæ-у-с'-и-вус-н</i> 'вы-заблудились'
<i>д'-э-ву-к-с'-и-вис'-н</i> 'они-заблудятся'	<i>д'-э-ву-н'-бис'-н</i> 'они-заблудились'

Многократный способ действия

Настояще-будущее время	Прошедшее завершённое время
<i>д-авæски ј-æ-вæт</i> 'я-блуждаю (часто)' и т. д.	<i>д-авæски ј-о-л'-вæт</i> 'я-блуждал (часто)' и т. д.

³⁰ Этот инфинитив членится так: *а-вæ-с-киј*. При образовании от него основы глагола конечный компонент *-киј* отпадает, а от оставшейся части образуется прерывная основа *а-...-вæ-с*, которая в глаголе модифицируется в *д-...-ви-с*, *д'-...-ву-с*.

³¹ В наших записях для 3-го лица единственного и множественного числа имеются также словоформы *д'æвугбис*, *дæјæвугбис*, *д'æвугбис'-н*.

Инфинитив *иксиу* 'завязать', 'привязать'

<i>б'эс'ам туу д-ик-к-и-в-сиу</i> 'одну пару ремешков шубы я-завяжу' ³²	<i>б'эс'ам тууын' д-иксиу-æ-вæт</i> 'ремешки шубы я-завязываю'
<i>б'эс'ам туу д-ик-к-и-в-и-н-сиу</i> 'одну пару ремешков шубы я-завязал' и т. д.	<i>б'эс'ам тууын' д-иксин-о-л'-вæт</i> 'ремешки шубы я-завязывал' и т. д.

л'атау 'вытащи наружу' (словоформа повелительного наклонения)

<i>бал'тијдиуал' эт'н' д-л'л'-д-ау-и-с-тæу</i> 'из ящика соболей вытащу' (всех сразу вместе)	<i>бал'тијдиуал' эт'н' д-л'л'тау-оу-æ-вæт</i> 'из ящика соболей вытаскиваю' (по одному)
<i>бал'тијдиуал' эт'н' д-л'л'-д-ау-о-н'-тæу</i> 'из ящика соболей вытащил' (всех сразу вместе)	<i>бал'тијдиуал' эт'н' д-л'л'тау-оу-æ-л'-вæт</i> 'из ящика соболей вытаскивал' (по одному)

В приводимых ниже глаголах мы встречаемся с противоположным способом выражения однократности и многократности действия. Так, от инфинитива *ти* 'черпать' образуется первая корневая морфема глагола однократного способа действия и прерывная основа глагола многократного способа действия:

Однократный способ действия	Многократный способ действия
<i>ти-в-р-ах</i> 'зачерпну-это' (воду)	<i>т-а-в-и</i> 'черпаю-это' (воду из проруби)
<i>ти-в-и-н-д-ах</i> 'зачерпнул-это' (воду)	<i>т-о-м-н'-и</i> 'черпал-это' (воду из проруби)
	<i>т-ау-с'-и</i> 'черпаю-их' (рыбу из котца)
	<i>т-оу-о-н'-и</i> 'черпал-их' (рыбу из котца)

От инфинитивов *ки* 'скоблить' (карус — шкуру с ног оленя или лося) и *ни* 'отгребать' (снег) также образуются прерывные основы глаголов многократного способа действия: *к-а-в-и* 'скоблю-это' (карус), *к-о-м-н'-и* 'скоблил-это' (карус); *н-а-м-и* 'отгребая-это' (снег), *н-о-м-л'-и* 'отгребал-это' (снег).

Ко второй группе мы относим глаголы, из которых каждый имеет свои индивидуальные средства для выражения значений однократности и многократности действия.

³² В старой кетской одежде не было пуговиц. Их заменяли три пары завязок *тууын'*; одна пара — *туу*.

1. В нижеприводимом глаголе однократность и многократность выражаются при помощи оппозиции конечных деривационных морфем *-уc/ -æм* — однократность, *-ау ~ æу* — многократность.

Однократный способ действия	Многократный способ действия
--------------------------------	---------------------------------

Инфинитив *уc'киj* 'открывать'

<i>бал'тиj д-уc'к-а-в-уc</i> 'ящик я-открою' <i>бал'тиj д-уc'к-о-м-н'-æм</i> 'ящик я-открыл'	<i>бал'тиjу д-уc'к-а-в-æу</i> 'ящички я-открываю' <i>бал'тиjу д-уc'к-о-в-л'-ау</i> 'ящички я-открывал'
---	---

2. В следующем глаголе те же самые значения выражаются при помощи оппозиции показателей *-ок-* — однократность, *-с-* — *-æу* — многократность.

Однократный способ действия	Многократный способ действия
--------------------------------	---------------------------------

<i>с'ык у-н-æ-в-ок</i> 'посудина расколется' (на две части) <i>с'ык у-н-о-в-л'-ок</i> 'посудина раскололась' (на две части)	<i>с'ык у-с'-н-æ-в-æу</i> 'посудина расколется' (на несколько частей) <i>с'ык у-с'-н-о-в-л'-æу</i> 'посудина раскололась' (на несколько частей) <i>с'ык у-с'-н-æ-в-æу</i> 'посудины расколются' <i>с'ык у-с'-н-о-в-л'-æу</i> 'посудины раскололись'
--	--

В последнем глаголе обращает на себя внимание то обстоятельство, что в качестве показателя однократности в конечной позиции выступает суффикс *-(о)к*, а в качестве показателя многократности — суффикс *-у*. Отмечаемая оппозиция *-к-(-г- ~ -у-)* *~ -у-* встречается и в других глаголах, где при ее помощи выражается, быть может, единственное и множественное число субъекта и объекта действия: *кул'гæжокс'а* 'он-скатится'; *кул'гæж-оус'а* 'они-скатятся'; *сууоксувут* 'встретит-его', *сууоусувут* 'встретит-их'. Эта же оппозиция встречается и в словоформах наречия *уc'кæ* 'обратно' (возвратиться один раз), *уc'уæ* 'обратно' (возвращаться многократно), согласующихся с глаголом однократного или многократного способов действия.

3. В приводимом ниже глаголе однократность выражается при помощи суффикса *-ук ~ -ок*, а многократность при помощи инфикса *-пун'* и вспомогательной основой *-вæт*.

Однократный способ
действия

Оппозиция: однократность —
-ук, -уит

*о'кс' д'-эс'-ат-ук*³³ 'на дерево я-взберусь'
о'кс' д'-эс'-ат-æ-л'-ук 'на дерево я-взобрался'
о'кс' д'-эс'-ат-уу-ин' 'на дерево мы-взберемся'
о'кс' д'-эс'-ат-æ-л'-уу-ин' 'на дерево мы-взобрались'

Многократный способ
действия

многократность — *-пун' ... вæт*

о'кс' д'-эс'-пун'-ат-æ-вæт 'на дерево я-взбираюсь'
о'кс' д'-эс'-пун'-ат-о-л'-вæт 'на дерево я-взбирался'
о'кс' д'-эс'-пун'-ат-æ-уит-н' 'на дерево мы-взбираемся'
о'кс' д'-эс'-пун'-ат-о-л'-уит-н' 'на дерево мы-взбирались'
ах' д'-эс'-пун'-ау-т-æ-уит-н' 'на деревья мы-взбираемся'
ах' д'-эс'-пун'-ау-т-о-л'-уит-н' 'на деревья мы-взбирались'

Примеры: *дыл' о'кс' дас'пун'атæвæт* 'мальчик по дереву лазает'; *ах' са:н дас'пун'аутæвæт* (*дас'пун'аутол'вæт*) 'по деревьям белки лазают' (лазали).

В других глаголах инфикс *-пун'* в качестве показателя многократности действия нам не встречался.

4. Первая корневая морфема нижеприводимых глаголов образована, как мы полагаем, от имени существительного *та-п'* 'обруч', 'кольцо', *та-х'* 'обручи', 'кольца'. Вторая корневая морфема глаголов однократного способа действия *-ил'* выражает идею кругового движения (см. также стр. 119). В глаголах же многократного способа действия деривационная морфема *-а ~ -о ~ -л* выражает значение многократности действия. Переходность и непереходность словоформ 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа различается синтаксически, а в словоформах 3-го лица единственного и множественного числа — морфологически.

Переходный глагол

Однократный способ действия	Многократный способ действия
--------------------------------	---------------------------------

Оппозиция: однократность — <i>Ø</i> (ноль)	многократность — <i>-х-у-...</i> <i>-а ~ -л ~ -о</i>
---	---

Будущее время	Настояще-будущее время
<i>та:-р-у-ил'</i> 'меня-повернет' <i>та:-ку-л'</i> 'тебя-повернет'	<i>тах'-у-и-р'-л:</i> 'меня-поворачивает' <i>тах'-у-и-у-о:</i> 'тебя-поворачивает'

³³ В произношении О. В. Тыгановой: *д'эс'æток*.

та-б-а-ј-ил' 'его-повернет'
та-б-и-ј-ил' 'ее-повернет'
та-б-и-п-ил' 'это-повернет'

та:-р'ѣу-ил' 'нас-повернет'

та:-уѣу-ил' 'вас-повернет'

та-б-а-у-ил' 'их-повернет'

Прошедшее завершённое время

та:-н-ди-у-ил' 'меня-повернул'

та:-н-н'у-у-л' 'тебя-повернул'

та-б-о-н-ил' 'его-повернул'

та:-р-и-т-н-ил' 'ее-повернул'

та-б-и-м-н'-ил' 'это-повернул'

та:-н-дѣу-ил' 'нас-повернул'

та:-н-гѣу-ил' 'вас-повернул'

та-б-о-у-о-н-ил' 'их-повернул'

Непереходный глагол

Однократный способ
действия

Оппозиция: однократность —
∅ (ноль)

Будущее время

та:-р-у-ил' 'я-повернусь'
та:-ку-л' 'ты-повернешься'

та:-с-ѣ-у-ил' 'он-повернется'

дѣ-та:-с-ѣ-у-ил' 'она-повернется'

та:-в-ѣ-у-ил' 'это-повернется'

та:-р'ѣу-ил' 'мы-повернемся'

таѣ-у-а-ј-о: 'его-поворачивает'
таѣ-у-и-ј-о: 'ее-поворачивает'
таѣ-у-и-в-л: 'это-поворачивает'

таѣ-у-и-р'ѣу-а 'нас-поворачивает'

таѣ-у-и-уѣу-а 'вас-поворачивает'

таѣ-у-а-у-с'-а 'их-поворачивает'

Прошедшее завершённое время

таѣ-у-и-л'-д-л: 'меня-поворачивал'

таѣ-у-и-л'-г-л: 'тебя-поворачивал'

таѣ-у-о-л'-о 'его-поворачивал'

таѣ-у-и-т-л'-а 'ее-поворачивал'

таѣ-н-и-в-л'-л: 'это-поворачивал'

таѣ-у-и-л'-дѣу-а 'нас-поворачивал'

таѣ-у-и-л'-гѣу-а 'вас-поворачивал'

таѣ-у-о-у-о-л'-а 'их-поворачивал'

та:-уѣу-ил' 'вы-повернетесь'

та:-с'-ѣу-ил' 'они-повернутся'

Прошедшее завершённое время

та:-н-ди-у-ил' 'я-повернулся'

та:-н'-н'у-у-л' 'ты-повернулся'

та:-н-ѣ-у-ил' 'он-повернулся'

дѣ-та:-н-ѣ-у-ил' 'она-повернулась'

та:-в-и-н-ѣ-у-ил' 'это-повернулось'

та:-н-дѣу-ил' 'мы-повернулись'

та:-н-гѣу-ил' 'вы-повернулись'

та:-н-ѣу-ил' 'они-повернулись'

таѣ-у-и-уѣу-а 'вы-повертываетесь'

таѣ-у-и-с'-ѣу-а 'они-повертываются'

Прошедшее завершённое время

таѣ-у-и-л'-д-л: 'я-повертывался'

таѣ-у-и-л'-г-о: 'ты-повертывался'

таѣ-у-и-л'-л: 'он-повертывался'

дѣ-таѣ-у-и-л'-л: 'она-повертывалась'

таѣ-у-и-в-л'-л: 'это-поворачивалось'

таѣ-у-и-л'-дѣу-а 'мы-повертывались'

таѣ-у-и-л'-гѣу-а 'вы-повертывались'

таѣ-у-и-л'-ѣу-а 'они-повертывались'

Супплетивные глаголы

В особую группу выделяются глаголы, выражающие значение однократности и многократности супплетивным способом. По своей грамматической сущности он соотносится с супплетивным способом выражения единственного и множественного числа имен существительных. Приводим несколько глаголов, иллюстрирующих этот способ выражения однократности и многократности действия.

1. Первыми мы приводим два супплетивных глагола с основой в конце слова, выражающих значение «дать», «давать». Глагол однократного способа действия имеет корневую морфему -ѣ³⁴, а глагол многократного способа действия — морфему -о.

Однократный способ
действия

Будущее время

б-и-у-о-ѣ '(я) тебе-дам'
д-а-в-а-ѣ 'я-ему-дам'
д-и-в-а-ѣ 'я-ей-дам'
б-и-уѣу-а-ѣ '(я) вам-дам'

Многократный способ
действия

Настояще-будущее время

ку-н'-б-о '(я) тебе-даю'
д-а-н'-б-о 'я-ему-даю'
д-и-н'-б-о 'я-ей-даю'
кѣу-н'-и-в-о '(я) вам-даю'

³⁴ Вполне возможно, что корневая морфема ѣ со значением «давать» входит также в состав инфинитива *ѣримн* 'сдавать что-либо' и соответственно в состав образуемых от него глаголов, а также в состав глагола *ѣымт* 'сигит' 'отдам-это'.

д-ау-б-а-х 'я-им-дам'
б-и-р'-а-х '(ты) мне-дашь'
к-а-в-а-х 'ты-ему-дашь'
к-и-в-а-х 'ты-ей-дашь'
б-и-р'-ау-а-х '(ты) нам-дашь'
к-ау-б-а-х 'ты-им-дашь'
б-и-р'-а-х '(он) мне-даст'
б-и-у-о-х '(он) тебе-даст'
д-а-в-а-х 'он-ему-даст'
д-и-в-а-х 'он-ей-даст'
б-и-р'-ау-а-х '(он) нам-даст'
б-и-у-ау-а-х '(он) вам-даст'
д-ау-б-а-х 'он-им-даст'

Прошедшее завершённое
время

б-и-у-а-х '(я) тебе-дал'
д-о-в-и-а-х 'я-ему-дал'
д-и-в-и-а-х 'я-ей-дал'
б-и-у-ау-а-х '(я) вам-дал'
д-оу-б-и-а-х 'я-им-дал'
б-и-р'-а-х '(ты) мне-дал'
к-о-в-и-а-х 'ты-ему-дал'
к-и-в-и-а-х 'ты-ей-дал'
б-и-р'-ау-а-х '(ты) нам-дал'
к-оу-б-и-а-х 'ты-им-дал'
б-и-р'-а-х '(он) мне-дал'
б-и-у-а-х '(он) тебе-дал'
д-о-в-и-а-х 'он-ему-дал'
д-и-в-и-а-х 'он-ей-дал'
б-и-р'-ау-а-х '(он) нам-дал'
б-и-у-ау-а-х '(он) вам-дал'
д-оу-б-и-а-х 'он-им-дал'

Примеры: *авит'н' (авиут') искож'эт б'н'с'ау. Бал'на, Сипан* и:с' а б'ж дван'бун' (дван'бил'ун) 'у меня рыбака нет, Бальна и Сипан рыбу мне всегда дают (давали)'; *буу аби:с' б'н' син'гж т бурбажин, хол'имс'а дван'бун'* 'они мою рыбу не сразу мне дали, понемногу мне дают'; *Бал'на и:с' дбир'ах (дбур'ах)* 'Бальна рыбу мне дает (мне дал)'.

Примечательно, что эти переходные глаголы не реагируют на класс и число объекта:

дон'	биуох (бууах)	'нож тебе дам (тебе дал)'
дон'иу	биуох (бууах)	'ножи тебе дам (тебе дал)'
тин'	биуох (бууах)	'собаку тебе дам (тебе дал)'
тап'	биуох (бууах)	'собак тебе дам (тебе дал)'
сах	биуох (бууах)	'белку тебе дам (тебе дал)'
са:н	биуох (бууах)	'белок тебе дам (тебе дал)'

д-ау-н'-и-в-о 'я-им-даю'
ба-н'-б-о '(ты) мне-даешь'
к-а-н'-б-о 'ты-ему-даешь'
к-и-н'-б-о 'ты-ей-даешь'
д'у-н'-и-в-о '(ты) нам-даешь'
к-ау-н'-и-в-о 'ты-им-даешь'
ба-н'-б-о '(он) мне-даст'
ку-н'-б-о '(он) тебе-даст'
д-а-н'-б-о 'он-ему-даст'
д-и-н'-б-о 'он-ей-даст'
д'у-н'-и-в-о '(он) нам-даст'
к'у-н'-и-в-о '(он) вам-даст'
д-ау-н'-и-в-о 'он-им-даст'

Прошедшее завершённое
время

ку-н'-б-и-л'-о '(я) тебе-давал'
д-а-н'-б-и-л'-о 'я-ему-давал'
д-и-н'-б-и-л'-о 'я-ей-давал'
к'у-н'-и-в-л'-о '(я) вам-давал'
д-ау-н'-и-в-л'-о 'я-им-давал'
ба-н'-б-и-л'-о '(ты) мне-давал'
к-а-н'-б-и-л'-о 'ты-ему-давал'
к-и-н'-б-и-л'-о 'ты-ей-давал'
д'у-н'-и-в-л'-о '(ты) нам-давал'
к-ау-н'-и-в-л'-о 'ты-им-давал'
ба-н'-б-и-л'-о '(он) мне-давал'
ку-н'-б-и-л'-о '(он) тебе-давал'
д-а-н'-б-и-л'-о 'он-ему-давал'
д-и-н'-б-и-л'-о 'он-ей-давал'
д'у-н'-и-в-л'-о '(он) нам-давал'
к'у-н'-и-в-л'-о '(он) вам-давал'
д-ау-н'-и-в-л'-о 'он-им-давал'

Рассматриваемые глаголы, как мы полагаем, образованы при помощи детерминатива *-б- ~ -в-*. В глаголе однократного способа действия словоформы с инфигированными показателями объекта действия 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *-р'-, -у-, -р'ау-, -уау-* начинаются с детерминатива *б-*. Гласные *-и-, -а-* — интерфиксы, гласный же *-о-* образовался из *-а-* под влиянием гласного *-у-* показателя 2-го лица единственного числа *-уу-*. Затем следует основа *-х*. Словоформы же с объектом действия 3-го лица единственного и множественного числа построены по другому. Субъектные показатели 1-го, 2-го и 3-го лица *д-, к-, д-* расположены в начале слова, а объектные показатели 3-го лица *-а-, -и-, -ау-* помещаются за ними, после чего следуют детерминатив *-в-*, соединительный гласный *-а-*, основа. Структура словоформ с объектом действия 3-го лица отличается от структуры словоформ с объектом действия других лиц, что встречается во многих глаголах кетского языка. В прошедшем завершённом времени однократного способа действия отмечается аналогичная структура. В глаголе многократного способа действия в качестве личных показателей объекта действия выступают префиксы группы Б ряда *ба-/а-*. Показатели объекта действия 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа располагаются в начале слова. За ними следуют детерминативы *-н'-, -б- ~ -и-в-*, корневая основа *-о* либо показатель завершённости действия *-л'- ~ -и-л'-* и корневая основа. Словоформы с объектными показателями 3-го лица начинаются с указанных уже показателей субъекта действия *-д-, -к-, -д-*.

2. Супплетивные глаголы со значением «взять», «брать». Первая корневая морфема глагола однократного способа действия образована от корневой основы инфинитива *касэс* 'взять'³⁵, а первая корневая морфема глагола многократного способа действия образована от инфинитива *жос* 'брать', 'снабжаться':

Однократный способ
действия

Многократный способ
действия

Будущее время

Настояще-будущее время

бу а-р' ка-с-ти-ж-ус 'он меня
возьмет'

бу а-р' жос'-ба-у-а-в-ат 'он меня
берет (всегда с собой)'

³⁵ Нельзя не отметить, что в литературном даргинском языке имеется инфинитив *касес* 'взять', *кайсес* 'брать', которому в урахинском диалекте этого языка соответствует инфинитив *асис* 'взять', *айсис* 'брать'. В качестве основ этого слова выделяются *аас, асс, кас*. Показателем инфинитива является суффикс *-ес ~ -ис* (Гасанова, 1961, стр. 8—10, 39—40, 65, 98). Трудно утверждать тождество кетского *касэс* 'взять' с даргинским *касес* 'взять', но не обратить внимания на это сходство невозможно, тем более что в этих языках совпадают и показатели инфинитива. В единичных словах кетского языка суффикс *-с ~ -жс* оформляет инфинитивы — *касэс* 'взять', 'брать', *авас* 'заготавливать дрова' (*ах* 'дрова'), а также связанные основы, выступающие в качестве основного слова в некоторых составных глаголах со значением желания.

к-и-б-а-б-ын 'вы-будете-дневать'	авæриу-къу-(г)-æ-р'а 'вы-днюете'
д-и-б-а-б-ын 'они-будут-дневать'	авæриу-ау-(г)-æ-р'а 'они-днюют'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
д-и-у-н-а-к 'я-дневал'	авæриу-ба-у-о-л'-да 'я-часто дневал'
к-и-у-н-а-к 'ты-дневал'	авæриу-ку-у-о-л'-да 'ты-часто дневал'
д-и-у-н-а-к 'он-дневал'	авæриу-а-у-о-л'-да 'он-часто дневал'
дæ-и-у-н-а-к 'она-дневала'	авæриу-и-у-о-л'-да 'она-часто дневала'
д-и-у-н-а-б-ын 'мы-дневали'	авæриу-дъу-г-о-л'-да 'мы-часто дневали'
к-и-у-н-а-б-ын 'вы-дневали'	авæриу-къу-г-о-л'-да 'вы-часто дневали'
д-и-у-н-а-б-ын 'они-дневали'	авæриу-ау-г-о-л'-да 'они-часто дневали'

5. Супплетивные глаголы со значением «ткнуть», «тыкать». Глагол однократного способа действия имеет сложную прерывную основу *ха-...-тæт*, а глагол многократного способа действия имеет сложную прерывную основу *л:н-...-до < тавро:*

Будущее время	Настояще-будущее время
ба-у-æ-н-тæт 'меня-ткнет'	д-л:н-ба-т-æ-б-до 'он-тычет-меня'
ку-у-æ-н-тæт 'тебя-ткнет'	д-л:н-ку-т-æ-б-до 'он-тычет-тебя'
д-а-у-æ-н-тæт 'он-его-ткнет'	д-л:н-а-т-æ-б-до 'он-тычет-его'
д-и-у-æ-н-тæт 'он-ее-ткнет'	д-л:н-и-т-æ-б-до 'он-тычет-ее'
х-а-в-тæт 'ткнет-это'	
дæу-æ-н-тæт 'нас-ткнет'	д-л:н-дæу-т-æ-б-до 'он-тычет-нас'
кæу-æ-н-тæт 'вас-ткнет'	д-л:н-кæу-т-æ-б-до 'он-тычет-вас'
д-ау-æ-н-тæт 'он-их-ткнет'	д-л:н-ау-т-æ-б-до 'он-тычет-их'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
ба-у-æ-в-и-л'-тæт 'меня-ткнул'	д-л:н-ба-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-меня'
ку-у-æ-в-и-л'-тæт 'тебя-ткнул'	д-л:н-ку-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-тебя'

д-а-у-æ-в-и-л'-тæт 'он-его-ткнул'	д-л:н-а-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-его'
д-и-у-æ-в-и-л'-тæт 'он-ее-ткнул'	д-л:н-и-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-ее'
х-о-в-и-л'-тæт 'ткнул-это'	
дæу-æ-в-и-л'-тæт 'нас-ткнул'	д-л:н-дæу-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-нас'
кæу-æ-в-и-л'-тæт 'вас-ткнул'	д-л:н-кæу-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-вас'
д-ау-æ-в-и-л'-тæт 'он-их-ткнул'	д-л:н-ау-т-æ-в-и-л'-до 'он-тыкал-их'

6. Супплетивные глаголы со значением «поднимать» образуются от прерывных основ. Глагол однократного способа действия — от основы *эт-...-ус-æм*, а глагол многократного способа действия — от основы *ын'-...-æт:*

Однократный способ действия	Многократный способ действия
Будущее время	Настояще-будущее время
д'-эт-ти-б-ус 'он-поднимет-меня'	д-ын'-бо-у-æ-æт 'он-поднимает-меня'
д'-эт-ку-б-ус 'он-поднимет-тебя'	д-ын'-ку-у-æ-æт 'он-поднимает-тебя'
д'-эт-а-б-ус 'он-поднимет-его'	д-ын'-о-у-æ-æт 'он-поднимает-его'
д'-эт-к-ус 'он-поднимет-ее'	д-ын'-у-у-æ-æт 'он-поднимает-ее (-это)'
д'-эт-и-в-б-ус 'он-поднимет-это'	
д'-эт-тау-г-ус 'он-поднимет-нас'	д-ын'-дæу-æ-æт 'он-поднимает-нас (по одному)'
д'-эт-кау-г-ус 'он-поднимет-вас'	д-ын'-кæу-æ-æт 'он-поднимает-вас (по одному)'
д'-эт-ау-г-ус 'он-поднимет-их'	д-ын'-оу-æ-æт 'он-поднимает-их (по одному)'
Прошедшее завершённое время	Прошедшее завершённое время
д'-эт-ти-н-ус 'он-поднял-меня'	д-ын'-бо-у-æ-л'-æт 'он-поднимал-меня'
д'-эт-ку-н-ус 'он-поднял-тебя'	д-ын'-ку-у-æ-л'-æт 'он-поднимал-тебя'
д'-эт-о-н-æм 'он-поднял-его'	д-ын'-о-у-æ-л'-æт 'он-поднимал-его'
д'-эт-дит-н-æм 'он-подняла-ее'	д-ын'-у-у-æ-л'-æт 'он-поднимала-ее (-это)'

д'-эт-и-м-н-ѣм 'он-поднял-это'
д'-эт-тау-ѣ-ус 'он-поднял-нас'

д'-эт-кау-ѣ-ус 'он-поднял-вас'

д'-эт-оу-н-ѣм 'он-поднял-их'

д-ын'-дѣу-ѣ-л'-вѣт 'он-подни-
мал-нас (по одному)'

д-ын'-кѣу-ѣ-л'-вѣт 'он-подни-
мал-вас (по одному)'

д-ын'-оу-ѣ-л'-вѣт 'он-подни-
мал-их (по одному)'

7. Супплетивные глаголы со значением «резать» имеют простые прерывные основы с корневой морфемой в начале слова и деривационной в конце. Глагол однократного способа действия имеет основу *к-...-а*, а многократного способа действия — *ха-...-а*. В глагол многократного способа действия за исключением словоформ класса вещей инфигируется детерминатив *-д- ~ -р'-*:

Однократный способ
действия

Будущее время

к-а-ј-а 'резнет-его'

к-и-ја 'резнет-ее'

к-а-в-а 'резнет-это'

к-ау-с'-а 'резнет-их'

Прошедшее завершённое
время

к-о-н-а 'резнул-его'

к-и-т-н-а 'резнул-ее'

к-о-м-н'-а 'резнул-это'

к-оу-а-н-а 'резнул-их'

Многократный способ
действия

Настояще-будущее время

ха-р'-ѣ-ја 'режет-его'

ха-д-д-и-ја и *ха-р-и-ја* 'ре-
жет-ее'

ха-с'-а 'режет-это'

ха-р'-ѣу-а 'режет-их'

Прошедшее завершённое
время

ха-р-о-л'-а 'разрезал-его'

ха-д-д-и-т-л'-а и *ха-д-и-т-л'-а*
'разрезал-ее'

ха-л'-а 'разрезал-это'

ха-р-оу-о-л'-а 'разрезал-их'

8. Супплетивные глаголы со значением «рубить» имеют сложные прерывные основы. Глагол однократного способа действия имеет основу *к-...-ѡ*, а многократного способа действия — основу *ха-...-до*. В глагол многократного способа действия за исключением словоформы класса вещей инфигируется детерминатив *-д-*:

Однократный способ
действия

к-а-ј-ѡ 'перерублю-его (попо-
лам)'

к-о-н-ѡ 'перерубил-его (попо-
лам)'

к-а-в-ѡ 'перерублю-это (попо-
лам)'

Многократный способ
действия

ха-р'-ѣ-ј-до 'перерубаю-его (на
части)'

ха-р'-о-н-до 'перерубил-его (на
части)'

ха-с-то 'перерубаю-это (на
части)'

к-о-в-и-н-ѡ 'перерубил-это (по-
полам)'

ха-н-до 'перерубил-это (на
части)'

ха-р'-ау-и-с-то 'перерубаю-их
(на части)'

ха-р'-ау-и-н-до 'перерубил-их
(на части)'

Встречаются и другие супплетивные глаголы, при помощи которых выражаются однократный и многократный способы действия, например:

Однократный способ
действия

ди-р-и-т 'спрячет-меня'

ди-н-д-и-т 'спрятал-меня' и
т. д.

д-а-у-и-в-раѣ 'я-в-него-вы-
стрелю'

д-а-у-и-м-даѣ 'я-в-него-выстре-
лил' и т. д.

ѣлти-ј-у-к-с'-а 'дерну-это'

ѣлти-ј-у-л'-а 'дернул-это' и т. д.

Многократный способ
действия

даѣати-у-бо-у-ѣ-вѣт 'прячет-
меня'

даѣати-у-бо-у-ѣ-л'-вѣт 'прятал-
меня' и т. д.

д'ѣс'-а-т-ѣ-в-а 'стреляю-в-него'

д'ѣс'-а-т-о-в-л'-а 'стрелял-в-
него' и т. д.

даѣар-у-у-ѣ-вѣт 'дергаю-это'

даѣар-у-у-ѣ-л'-вѣт 'дергал-это'
и т. д.

Примеры: *таѣѣл' (таѣѣл'иу) д-ѣлти-ј-у-к-с'-а* 'один сте-
бель черемши (несколько стеблей черемши) я выдерну (сразу)';
таѣѣл'иу ѣус'имс'а даѣаруѣѣвѣт 'стебли черемши по одному
выдергиваю'.

При помощи супплетивных глаголов значения однократного и многократного способов действия выражаются также в глаголах движения, которые будут описаны особо³⁸.

На этом мы заканчиваем описание однократного и многократного способов действия. Переходим теперь к краткому описанию остальных способов действия.

В сравнении с однократным и многократным способами действия, имеющими очень сложное морфологическое выражение, мгновенный, начинательный и кончателный способы действия имеют более простое морфологическое выражение.

Мгновенный способ действия образуется от инфинитивов и основ однократного способа действия, оформленных форман-
том *-ѣј- ~ иј-* при помощи суффикса *-ѣ'ѣс'/ѣис'*: *асл' ѣоттхыјѣѣс*
ха ус'кѣ товл'арѣѣѣс, ѣотѣ р кул'гијѣис' 'лыжа на середину
(букв. 'в нутро') дороги верхней стороной (навзничь) упала,
вперед катнулась'. В приведенном примере показателем мгно-

³⁸ См. Крейнович, 1968, стр. 167—184.

венности действия оформилась основа глагола однократного способа действия: *кул'гиз- ~ кул'гәз-* 'скатиться' (инфинитив: *кул'гун* 'кататься', 'катание'; корень *кул'г-*); *там бил'тан' у қатәзә'әс'* 'куда-то ты исчез' (букв. 'дернулся'); *ат' дујәжомдақ с'уу хәј вәдтијәс'* 'я бросилась тут (на кровать) и сразу же уснула' (букв. 'дернулась'); *әт'н' тол'дамин, а д'әу инә::ма қонокс' б'ен' нәқдәзә'әс'* 'мы спали, а люди раненько утром, оказывается, ушли' (букв. 'дернулись'). В приведенных примерах глагол мгновенного способа действия образован от инфинитива *қатәзә* 'дернуть' (*қатәзә нара* 'дернуть надо'), приобретая переносное значение «исчезнуть куда-то», «мгновенно заснуть», «провалиться словно куда-то» и др. Наиболее часто показателем мгновенности действия оформляются непреходные глаголы со значением звучания: *авкутол'ијәс'* 'я-свистнул' (букв. 'звук моего свиста раздался') [ср. глагол со значением длительности действия: *авкутол'ијәзә* 'я-свищу' (букв. 'мое свистание раздастся'), *авкутол'ијбил'әта* 'я-свистал', 'звук моего свиста раздавался'], *дыл' дәтуқанәзә'әс'* 'мальчик икнул' (букв. 'звук однократного икания мальчика раздался') (ср. *дыл' дәтуқанәзәзә* 'мальчик икает', букв. 'звуки икания мальчика раздаются') и т. д.

Начинательный способ действия образуется от инфинитивов при помощи служебного компонента, который, несомненно, в недавнем прошлом выступал в качестве самостоятельного служебного глагола. В фонетически неизменном виде он и сейчас еще может рассматриваться в качестве такового. Однако в тех случаях, где он подвергся значительному материальному изменению, надо усматривать уже в этом явление сращения знаменательного слова со служебным в один сложный глагол. Приводим зарегистрированные нами варианты этого служебного компонента:

Будущее время

-бауаған ~ -баған ~ -баа:н
-кууаған ~ -куған ~ -куа:н
-ауаған ~ -аған ~ -аа:н
-иуаған ~ -иған ~ -иа:н
-дәуаған ~ -дәуған ~ -дәуған
-кәуаған ~ -кәуған ~ -кәуған
-ауғаған ~ -ауған ~ -ауған

Прошедшее время

-бауоған ~ -баған ~ -бао:н
-кууоған ~ -куған ~ -куо:н
-ауоған ~ -аған ~ -ао:н
-иуоған ~ -иған ~ -ио:н
-дәуоған ~ -дәуған ~ -дәуған
-кәуоған ~ -кәуған ~ -кәуған
-аугоған ~ -ауған ~ -ауған

В качестве корневой в этом служебном глагольном компоненте выделяется морфема -н со значением «начинать». Однако эта морфема омонимична с корневой морфемой -н 'становиться', встречающейся в следующем глаголе с корневой морфемой в конце слова: *ат' тон' диуаған* 'я такой стану', *ат' тон' доған* 'я такой стал', а также с корневой морфемой -н в сложных глаголах со значением становления качественного признака: *дақтаған* 'я-выздоровею',

'я-поправлюсь' (букв. я-хорошим-стану'), *дақтоған* 'я-выздоровел', 'я-поправился' (букв. 'я-хорошим-стал') и т. д. Можно предположить, что первоначально глагол начинательного способа действия выражал значение становления, например, «работающим я стану», «работающим я стал», а впоследствии из него развился глагол с начинательным значением. Разъясняем остальные морфемы, встречающиеся в этом глаголе: субъект действия выражен личными показателями группы Б ряда *ба/а*, детерминатив -у- ~ -г- < -к-, показатели времени -а-, -о-, разграничитель или детерминатив между гласными -ә-.

Приводим теперь полную парадигму спряжения глагола начинательного способа действия, образованного от сложного инфинитива *дон'бәт* 'делать нож':

Будущее время

дон'бәт бауаған 'нож-делать я-начну'
дон'бәт кууаған 'нож-делать ты-начнешь'
дон'бәт ауаған 'нож-делать он-начнет'
дон'бәт иуаған 'нож-делать она-начнет'
дон'бәт дәуаған 'нож-делать мы-начнем'
дон'бәт кәуаған 'нож-делать вы-начнете'
дон'бәт ауғаған 'нож-делать они-начнут'

Прошедшее время

дон'бәт бауоған 'нож-делать я-начал'
дон'бәт кууоған 'нож-делать ты-начал'
дон'бәт ауоған 'нож-делать он-начал'
дон'бәт иуоған 'нож-делать она-начала'
дон'бәт дәуоған 'нож-делать мы-начали'
дон'бәт кәуоған 'нож-делать вы-начали'
дон'бәт аугоған 'нож-делать они-начали'

Глаголы начинательного способа действия образуются от любых инфинитивов — непроезводимых и производных, простых и сложных: *ақтағәзс бауаған* 'поправляться я-начну', *ақтағәзс бауоған* 'поправляться я-начал', *ба:мбәриу бауоған* 'стареть я начала' ('старухой делаться я начала'), *а қәј дон'бәт бауоған*, *хоктоноқ* 'я было нож делать начал, испортился', *абу қиниуоған* 'мои силы начали кончаться', *уку қиниуоған* 'твой силы начали кончаться' и т. д. Основа *қин-* 'истощаться', 'кончаться' является, по-видимому, связанной, так как она не встречалась нам в самостоятельном употреблении, а это дает основание говорить о том, что в современном языке некоторые глаголы начинательного способа действия являются уже не аналитическими, а сложными сращенными глаголами. Основа *қин-* встретила нам еще в следующем атрибутивном словосочетании: *әт'н у қингит д'әу* 'мы уставшие люди' ('мы люди с иссякшими силами'). В единичных случаях глаголы начинательного способа

действия образуются от именных основ: *б'эј аҕаҕан* 'ветер будет дуть', *б'эј оҕоҕон* 'ветер начал дуть' (*б'эј* 'ветер').

Необходимо указать, что значение начинательности выражается еще при помощи парадигмы спряжения переходно-каузативных глаголов: *ат' таҕҕивит* 'я потащу-это' (на нарте), *ат' таҕҕимна* 'я-потащил-это' (на нарте), т. е. «я только сдвинул нарту и потащил ее», *дь:нивит* 'я-буду варить-это', *ат' дь:нимна* 'я-начал варить-это' ('я только поставил варить что-то на огонь').

Кроме того, значение начинательности действия выражается еще при помощи служебного компонента *-бис'ау ~ бис'ам, бинс'ау ~ бинс'ам*: *тын ь:нуҕбис'ам* 'котел начнет кипеть', *тын ь:нуҕбинс'ам* 'котел начал кипеть', *и: с' аҕбинс'ау* 'рыба начала тухнуть' и др.

Начинательный способ действия в формах будущего времени указывает на то, что действие только начнется. В формах же прошедшего времени он указывает на то, что действие началось, но не закончилось на этом, но еще продолжается в течение какого-то промежутка времени.

Кончателный способ действия образуется при помощи самостоятельного глагола *бимбузут ~ бимбизут* 'кончится-это', *бинзут* 'кончилось-это'. Так как этот глагол согласуется в составе предложения только с именами существительными, относящимися к классу вещей, то в кетском языке нельзя сказать, например, «я кончу работать», «я кончил работать», а надо сказать — «моя работа кончится» *авл'овэҕт бимбузут*, «моя работа кончилась» *авл'овэҕт бинзут*, ср. также: *дын'иҕтхл бинзут* 'витье лыка (для веревок) кончилось', *ьт'нэҕс'ил'аҕ бинзут* 'наше летование (т. е. жизнь в течение лета) кончилось', *ын'до бинзут* 'тесание креня (материала для изготовления полоза нарты) кончилось' и т. д.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев, 1954 — С. Абдуллаев, *Грамматика даргинского языка*, Махачкала, 1954.

Гасанова, 1961 — С. М. Гасанова, *Глагол в даргинском языке*, Махачкала, 1961.

Глисон, 1959 — Г. Глисон, *Введение в дескриптивную лингвистику*, М., 1959.

Кастрен, 1858 — М. А. Castrén, *Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, SPb., 1858.

Крейнович, 1968 — Е. А. Крейнович, *Глагол кетского языка*, Л., 1968.

Топоров, 1964 — В. Н. Топоров, *О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях*, — «Вопросы структуры языка», М., 1964.

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

О ГРАММАТИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ ИМЕННЫХ КЛАССОВ В ГЛАГОЛЕ КЕТСКОГО ЯЗЫКА

1-е и 2-е лицо единственного и множественного числа, как непосредственные участники речевого общения, всегда определены. 3-е же лицо может отсутствовать и, следовательно, не быть непосредственным участником акта речевого общения. Поэтому 3-е лицо, как лицо наиболее абстрактное, конкретизируется в кетском языке, чтобы иметь возможность по дополнительным признакам уточнить, о каком именно лице идет речь. В связи с этим среди формантов 3-го лица единственного числа различаются показатели мужского и женского классов, а также класса вещей. Названия классов, как это станет ясным из дальнейшего изложения, являются условными, так как в основе классификации имен существительных в кетском языке, о которой будет сказано ниже, лежат отнюдь не одни только половые признаки¹.

Примечательно, что сами имена существительные в кетском языке в основной форме (именительного падежа) не имеют никаких грамматических помет, на основании которых можно было бы говорить о том, что в этом языке имеется какая-то классификация имен. Исключение из этого представлено единичными именами существительными, имеющими грамматические признаки, позволяющие соотносить эти слова с мужским или женским полом, например:

ба:т 'старик'

боуҕот 'покойник'

блс'л'иҕит 'вдовец'

ба:м 'старуха'

боуҕом 'покойница'

блссэҕм 'вдова'

Поскольку в указанных словах конечные *-т* и *-м* отчетливо дифференцируют их по половому признаку, то эти суффиксы можно

¹ Материал для настоящей статьи собран нами в поселке Суломай на Подкаменной Тунгуске от кетов Т. Г. Толстых (1889 г. р.), О. В. Тыгановой (1917 г. р.) и Н. С. Лямича (1883 г. р.). Первая публикация по этому вопросу была сделана нами в 1961 г. См. Крейнович, 1961, стр. 106—116.

отнести к словообразовательным и выделить их также в именах существительных *т'эт* 'муж', *жим* 'женщина', 'жена' ².

Встречаются еще слова *кыным* 'русская', *хлмгам* 'эвенка', *л'ахм* 'селькупка', *жуым* 'женщина из кетского племени *жуын*', которые оканчиваются суффиксом -м, указывающим на то, что эти имена обозначают наименования женщин соответствующих народов. Однако в других наименованиях мужчин и женщин суффиксы -т и -м не дифференцируют их по признаку пола.

Наряду с -т в кетском языке выделяется еще суффикс -ас ~ -эс, который также выступает в качестве показателя мужского класса при именах существительных, обозначающих различные физические явления природы. Примечательно, что имена существительные *б'эт* 'снег' и *б'эж* 'ветер', не будучи оформлены этим суффиксом, согласуются в глаголе с показателем класса вещей -в ~ -б-, а при оформлении их суффиксом -ас ~ -эс они согласуются в глаголе с нулевым показателем мужского класса ³:

Класс вещей	Класс мужской
<i>б'эт тавэраж</i> 'снег выпадет'	<i>б'эрэс тајэраж</i> 'снег выпадет'
<i>б'эт товл'араж</i> 'снег выпал'	<i>б'эрэс тол'эраж</i> 'снег выпал'
<i>б'эж тавэраж</i> 'ветер подует (нападет)'	<i>б'эјас тајэраж</i> 'ветер подует (нападет)'
<i>б'эж товл'араж</i> 'ветер подул (напал)'	<i>б'эјас тол'эраж</i> 'ветер подул (напал)'
слово, обозначающее «дождь», не имеет параллельной формы в словах класса вещей	<i>ул'эс тајэраж</i> 'дождь выпадет'

В говоре келлогских кетов говорят ⁴: *б'эт табараж* 'снег падает', *б'эт товл'араж* 'снег выпал', *б'эж авэн* 'ветер будет дуть', *б'эж авэн* 'ветер задул', но *б'эр'ас' оуот'* 'снег идет', *б'эр'ас' оуон'* 'снег прошел (выпал)', *б'эјас' оуот'* 'ветер идет' (его еще нет, но он будет), *б'эјас' оуон'* 'ветер прошел'; *ул'ас' оуот'* 'дождь идет', *ул'ас' оуон'* 'дождь прошел'. Словоформы глаголов *оуот'* 'он-идет', *оуон'* 'он-шел' убедительнейшим образом свидетельствуют о том,

что суффикс -ас' ~ -эс', которым оформлены имена существительные *б'эр'ас'* 'снег', *ул'ас'* 'дождь' и *б'эјас'* 'ветер', переводит последние из разряда имен существительных класса вещей в разряд имен существительных мужского класса. В кетском языке обнаруживаются еще четыре имени существительных, которые встречаются в двух формах — без суффикса -ас' ~ -эс' и с ним: *кът'* и *кътас'* 'зима', *ыр'* и *ыр'ас'* 'весна', *сил'* и *сил'ас'* 'лето', *қогд'* и *қогдас'* 'осень'. В говоре келлогских кетов говорят: *кът' авэн* 'зима настанет', *кът' авэн* 'зима настала', но *кътас' диксивис* 'зима придет', *кътас' димас'* 'зима пришла'. В составном глаголе *кът' авэн* первый компонент *кът'* относится к классу вещей, о чем говорит показатель этого класса -в- во втором компоненте этого слова. В предложении же *кътас' диксивис* подлежащее *кътас'* относится к мужскому классу, о чем говорит согласующийся с этим словом префикс 3-го лица единственного числа мужского класса *д-*, при помощи которого сформирован глагол.

Тождественное явление отмечается и в следующих предложениях: *бог ун'и* 'огонь погас', но *ул'эс' дун'и* 'дождь погасил', *б'эрэс' дун'и* 'снег погасил' (ср. *бу бог дун'и* 'он огонь погасил'). Наличие префикса *д-* — показателя субъекта действия 3-го лица единственного числа мужского класса при глаголе-сказуемом *дун'и* 'он-погасил' свидетельствует о том, что суффикс -эс' < -ас' является показателем мужского класса.

Вышеуказанные суффиксы -т, -м, -эс' < -ас', встречающиеся в сочетании с единичными именами существительными, не дают нам никакой опоры для какого бы то ни было деления имен существительных на классы. Единственно надежным критерием для этого являются словоизменительные форманты, которые в порядке согласования с соответствующими именами существительными появляются в структуре классных глаголов, предикативных формах имен прилагательных, наречий места, предикативных формах местного падежа имен существительных, местоимений, наречий места, а также в формах локативных падежей притяжательных местоимений, при помощи которых образуются падежные формы имен существительных ⁵. Следовательно, как грамматическая категория именные классы выступают только в составе слов указанных частей речи. В именах же существительных они существуют лишь в качестве лексико-семантических групп, так как отнесение того или иного слова к мужскому или женскому клас-

⁵ «Различение рода и одушевленности предмета мы имеем не только в склонении существительных, но также в местоимениях и в спряжении глаголов», — сообщает Н. К. Каргер, впервые открывший явление грамматического рода (по нашей терминологии — класса) в кетском языке (Каргер, 1934, стр. 228.) Термин «класс» вместо «род» в отношении соответствующих явлений кетского языка впервые в литературе употребляется И. И. Мещаниновым: «имеются указания на изменение глагольной основы в зависимости от класса имен, используемых прямым дополнением» (Мещанинов, 1948, стр. 509). Вероятно этот термин был подсказан ему Г. М. Корсаковым (см. Крейнович, 1968, стр. 4).

² А. П. Дульзон считает, что в таких словах, как *жим* 'женщина', «типичным женским исходом основ является -м. . .» (Дульзон, 1959, стр. 89). В дальнейшем суффиксу -м будет дано иное объяснение.

³ Гласный -а- ~ -э- перед корневой основой -раж, образованной от инфинитива *дыжн* 'падать', является, по нашему мнению, показателем непереходности и пассивности. Согласный же -ј-, появившийся в словоформах мужского класса в настояще-будущем времени, мы относим к разграничителям. Показателем времени либо классным показателем мы его признать не можем. См. ниже, стр. 151.

⁴ Данные, относящиеся к говору поселка Келлог, записаны нами от кетки Бальдиной Галины Харлампиевны (1941 г. р.), студентки Красноярского медицинского института.

сам либо к классу вещей не имеет под собой никаких грамматических оснований. Последние, как указывалось уже выше, заключены в согласующихся с ними словах.

Наиболее богато эти формы согласования с именами существительными выражены в глаголе. Показатели лица в этой части речи разделяются на две группы — Б и Д⁶. Каждая из них в свою очередь разделяется на ряды. Кроме того, личные показатели 3-го лица единственного числа подразделяются в этих рядах на классы — класс мужской и класс женский вместе с классом вещей в группе Б либо на три класса — класс мужской, класс женский, класс вещей в группе Д (см. таблицу личных показателей).

Лицо	Класс	Группы							
		Б				Д			
		Ряды							
		ба/бу бо/бу ба/а бо/о (Префиксы и инфиксы)				д-/д- ди-/ду- (Префиксы)		-р-/а- -р-/о- (Инфиксы) (ноль)	
Единственное число									
1-е		ба-	бо-	ба-	бо-	д-	ди-	-р-	-р-
2-е		ку-	ку-	ку-	ку-	к-	ку-	-гу- ~ -у-	-ку- ~ -гу- ~ -у-
3-е	Мужской Женский Вещей	бу- да бу-	бу- да бу-	а и к и	о у у	д- да- да-	ду- дъ- бу	-а- -о- -и- -в- -м-	(ноль) (ноль) -в-
Множествен- ное число									
1-е		дажн-	дажн-	дажн-	дажн	д-	ди	-дажн- ~ -р'ажн	-дажн- ~ -р'ажн-
2-е		кажн-	кажн-	кажн-	кажн	к-	ку	-кажн- ~ -гажн- ~ -ажн-	-кажн- ~ -гажн- ~ -ажн-
3-е		бу-	бу-	аң	оң	д-	ду-	-аң- -аң-	-аңн- -аңн-

В глаголах личные показатели выступают только в роли префиксов или инфиксов. В роли же суффиксов личные показатели

⁶ К. Боуда было предложено деление личных показателей в глаголе кетского языка на класс Б и Д (см. Боуда, 1957, стр. 65—134). Так как в составе личных показателей 3-го лица единственного числа нами выделены класс мужской, класс женский и класс вещей, то, чтобы не писать о наличии этих классов в классах личных показателей, мы делим последние на личные показатели группы Б и группы Д. Произношение гласных в показателях 1-го и 2-го лица множественного числа варьируется между а, э, ь.

-ди (ед. ч., 1-е лицо), -ку (ед. ч., 2-е лицо), -ду ~ -до (ед. ч., 3-е лицо, класс мужской), -да ~ -даж (ед. ч., 3-е лицо, класс женский), -ам ~ -аж (ед. ч., 3-е лицо, класс вещей), -дау (мн. ч., 1-е лицо), -кау ~ -гау ~ -ау (мн. ч., 2-е лицо), -ау (мн. ч., 3-е лицо) выступают только в лично-предикативных формах инфинитивов, прилагательных, наречий места и местного падежа имен существительных и местоимений, например⁷:

ат' кә-ри 'я боль-шой'	бис'ау-ди? 'где-нахо-жусь-я?'	кус'кә-ј-ди 'в чуме-я'
у кә-гу 'ты большой'	бис'ау-гу? 'где-нахо-дишься-ты?'	кус'кә-ј-гу 'в чуме-ты'
бу кә-р'у 'он боль-шой'	бис'ау-ду? 'где-нахо-дится-он?'	кус'кә-ј-ду 'в чуме-он'
бу кә-р'а 'она боль-шая'	бис'ау-да? 'где-нахо-дится-она?'	кус'кә-ј-да 'в чуме-она'
дон' кә-у-ам 'нож-большой'	бис'ау-ам? 'где-нахо-дится-это?'	кус'кә-ј-ам 'в чуме-это'
ът' кәу-дау 'мы-большие'	бис'ау-дау? 'где-нахо-димся-мы?'	кус'кә-ј-дау 'в чу-ме-мы'
ък кәу-гәу 'вы боль-шие'	бис'ау-гау? 'где-нахо-дитесь-вы?'	кус'кә-ј-гәу 'в чу-ме-вы'
буу кәу-ау 'они боль-шие'	бис'ау-ау? 'где нахо-дятся-они?'	кус'кә-ј-ау 'в чуме-они'

Нетрудно заметить, что из числа этих лично-предикативных показателей суффиксы -ди, -гу ~ ку, -ду, -да выступают в роли префиксов в ряду ди-/ду-, а остальные личные суффиксы -дау, -гәу, -ау < -дау, -гау, -ау выступают и в роли префиксов и в роли инфиксов в разных рядах обеих групп. Это сопоставление показывает, что в какой позиции бы личные показатели не выступали, они несут предикативную функцию. Вместе с тем анализ личных показателей 3-го лица единственного числа показывает, что мужской класс выражен показателем -ду, женский — -да, а класс вещей — -ам⁸.

Лично-предикативные формы могут принимать не только имена существительные в местном падеже, выраженном суффиксом -кә ~ -ка, но и имена существительные в местном падеже, образованном при помощи падежных форм лично-притяжательных местоимений даут' 'у него', диут' 'у нее', наут' 'у нас', 'у вас', 'у них'. Если в первых лично-предикативных формах личные показатели отделяются от суффикса местного падежа -кә < -ка

⁷ Рассматриваемые лично-предикативные формы за исключением классных показателей 3-го лица единственного числа были впервые описаны М. А. Кастреном. См. Кастрен, 1858, стр. 100—103.

⁸ Н. К. Каргер впервые отметил, что в прилагательных «для мужского рода употребляется суффикс ду, для женского рода суффикс да, для неодушевленных предметов суффикс ам» (Каргер, 1934, стр. 231).

при помощи интерфикса (разграничителя) *-j-*, то в других случаях они отделяются от форм местного падежа имен существительных при помощи интерфиксов (соединительных гласных) *-и-*, *-у-*, *-æ-* < *-а-*⁹, например:

<i>эр' анждаутир'у?</i> 'со- боль у кого?'	<i>саж анждаутир'а?</i> 'белка у кого?'	<i>дон' анждаутжэм?</i> 'нож у кого?'
<i>о'бдаутир'у</i> 'у-отца- он'	<i>о'бдаутир'а</i> 'у-отца- она'	<i>о'бдаутжэм</i> 'у-от- ца-это'
<i>амдиутир'у</i> 'у-мате- ри-он'	<i>амдаутир'а</i> 'у-ма- тери-она'	<i>амдиутжэм</i> 'у-ма- тери-это'

Из числа вышеуказанных личных показателей все наше внимание в дальнейшем изложении будет сосредоточено на классных формантах 3-го лица единственного и отчасти множественного числа, поскольку при их помощи и отражается в составе глагола класс согласующегося с ним имени существительного.

Для полноты нашего обзора слов, при помощи которых определяется класс имен существительных кетского языка, мы отметим еще, что важную роль в этом отношении играют следующие падежные формы лично-притяжательных местоимений 3-го лица единственного числа: класс мужской — *дажа* 'к нему', *дажал'* 'от него', *даут'* 'у него', 'для него'; класс женский и класс вещей — *дижа* 'к ней', 'к этому', *дижал'* 'от нее', 'от этого', *диут'* 'у нее', 'для нее' (местный же падеж класса вещей выражается при помощи суффикса *-ка*¹⁰). Кроме того, важную роль для определения класса имен существительных играют количественные числительные (класс мужской — *жог'* 'один', класс женский — *жогда* 'одна', класс вещей — *жус'жэм* 'один'¹¹), вопросительные местоимения (класс мужской — *битс'а?* 'кто-он?', класс женский — *б'эс'а?* 'кто-она?', класс вещей — *акус'?* 'что?'), а также некоторые определительные и указательные местоимения, на описании которых мы не останавливаемся, поскольку основная тема этой работы — отражение класса имен существительных в глаголе.

Переходим теперь к более подробному описанию классных показателей 3-го лица единственного числа в глаголах.

Личные показатели группы Б, как было уже указано, разделяются на ряды *ба/а*, *бо/о*, *ба/бу* и *бо/бу*. Наиболее важными для определения классной принадлежности имен существительных являются два первых ряда.

⁹ В составе глагольного слова нами выделяются морфемы корневые и аффиксальные — реляционные и деривационные. Кроме того, в составе глагольного слова выделяются еще детерминативы и интерфиксы.

¹⁰ Крейнович, 1961, стр. 108; ср. Дульзон, 1964, стр. 80.

¹¹ К. Боуда отмечает, что числительное 'один' *жог* употребляется для одушевленных, а числительное 'один' *жис'* — для неодушевленных предметов (Боуда, 1957, стр. 98).

В глаголах, образуемых при помощи личных показателей группы *ба/а*, мужской класс выражается аффиксом *а-*, а женский — аффиксом *и-* или детерминативом *-к-* ~ *-г-*. Класс же вещей выражается двумя способами.

В одном случае класс вещей выражен показателем *и-*, т. е. тем же показателем, которым выражен и женский класс. Этот случай представлен в наших материалах одним только вспомогательным глаголом со значением начала действия (классные показатели в нижеприводимых глаголах выделены дефисами).

Класс мужской

<i>жип' асар а-жабан</i> 'месяц нач- нет подниматься'	<i>жип' асар а-жобон</i> 'месяц начал подниматься'
--	---

Класс женский

<i>и асар и-жабан</i> 'солнце начнет подниматься'	<i>и асар и-жобон</i> 'солнце начало подниматься'
--	--

Класс вещей

<i>кын' асар и-жабан</i> 'заря нач- нет подниматься'	<i>кын' асар и-жобон</i> 'заря начала подниматься'
---	---

Приводим дополнительные примеры, иллюстрирующие употребление показателя *и-* для выражения значения класса вещей: *о'кс' тижу а-жабан* 'дерево начнет расти', *о'кс' тижу а-жобон* 'дерево начало расти', но *да:н' тижу и-жабан* 'трава начнет расти', *да:н' тижу и-жобон* 'трава начала расти' (*аж тижу а-жабан* 'деревья начнут расти') и др.

В другом случае класс вещей выражается нулевым показателем:

<i>а-гиссжэл</i> 'он-переночует'	<i>а-гиссжэл</i> 'он-переночевал'
<i>и-гиссжэл</i> 'она-переночует'	<i>и-гиссжэл</i> 'она-переночевала'
<i>киссжэл</i> 'это-переночует'	<i>киссжэл</i> 'это-переночевало'
<i>жонжес-а-таж</i> 'он-потеряется'	<i>жонжес-а-танож</i> 'он-потерялся'
<i>жонжес-и-таж</i> 'она-потеряется'	<i>жонжес-и-танож</i> 'она-потерялась'
<i>жон-таж</i> 'это-потеряется'	<i>жон-танож</i> 'это-потерялось'

Особо следует указать, что в единичных глаголах, образуемых при помощи инфиксов ряда *ба/а*, женский класс выражается не при помощи ожидаемого инфикса *-и-*, но при помощи детерминатива *-к-* ~ *-г-*, сопровождаемого иногда интерфиксом *-у-*, когда в глаголе образуется фонетически недопустимое стечение согласных:

<i>к'эт-а-авжан</i> 'он-обидится'	<i>к'эт-а-овжон</i> 'он-обиделся'
<i>к'эт-к-авжан</i> 'она-обидится'	<i>к'эт-к-овжон</i> 'она-обиделась'
<i>ын-ж-авр'а</i> 'он-догадается'	<i>ын-ж-овил'да</i> 'он-догадался'

ын-г-авр'а 'она-догадается'
ар'-æ-т'н 'он-болеет'
ар'-г-у-т'н 'она-болеет'

ын-г-овил'да 'она-догадалась'
ар'-о-л'дин 'он-болел'
ар'-г-ул'дин 'она-болела'

В глаголах, образуемых при помощи личных показателей группы бо/о, мужской класс выражается показателем о-, женский класс — показателем у-, класс же вещей выражается двумя способами.

В одном случае класс вещей выражается формантом у, т. е. тем же показателем, которым выражен и женский класс.

Класс мужской

о'кс' о-ксибин 'дерево несетя о'кс' о-нибин 'дерево неслоь
по течению' по течению'

Класс женский

ондатр у-ксибин 'ондатра не- ондатр у-нибин 'ондатра не-
сется по течению' лась по течению'

Класс вещей

асл'ан'иу у-ксибин 'лодка не- асл'ан'иу у-нибин 'лодка не-
сется по течению' лась по течению'

ондатр дибиј, унибин, асл'ан'иу б'н'с'ау 'ондатру убил, по-
неслась по течению, лодки нет'

Класс мужской

қип' кыл'-о-ксто 'деда похо- қип' кыл'-о-н'то 'деда похоро-
роню' нил'

Класс женский

ба:м кыл'-у-ксто 'бабушку по- ба:м кыл'-у-н'то 'бабушку похо-
хороню' ронил'

Класс вещей

қоқу кыл'-у-ксто 'панцирь по- қоқу кыл'-у-н'то 'панцирь по-
хороню' хоронил'

кын'стәқим т'этдәқоқу баутхыјгә рә кыл'ун'то 'жена вождя
панцирь мужа в землю захоронила'

Класс мужской

эр' қонәс'-о-ксивит 'соболя по- эр' қонәс'-о-н'бит 'соболя поте-
теряю' рья'

Класс женский

сақ қонәс'-у-ксивит 'белку по- сақ қонәс'-у-н'бит 'белку поте-
теряю' рья'

Класс вещей

дон' қонәс'-у-ксивит 'нож поте- дон' қонәс'-у-н'бит 'нож потерял'
ряю'

В другом случае класс вещей выражен нулевым показателем:

Класс мужской

эр' қыр'-о-ксивит 'соболя сдам' эр' қыр'-о-н'бит 'соболя сдал'

Класс женский

сақ қыр'-у-ксивит 'белку сдам' сақ қыр'-у-н'бит 'белку сдал'

Класс вещей

эл' қыт'-с'ивит 'ягоду сдам' эл' қыт'-н'ивит 'ягоду сдал'

В непереходных глаголах, образуемых с помощью личных показателей ряда ба/бу и ряда бо/бу, мужской класс выражается аффиксом бу, а женский аффиксами дæ- бу. В глаголах с основой в конце слова эти аффиксы сливаются друг с другом, например: буток 'он-вздрыгнет', дæбуток 'она-вздрыгнула'. В глаголах же с прерывными основами между указанными аффиксами располагается первая корневая морфема прерывной основы, например: ботајбукс'ивит 'богатым-он-сделается', дæботајбукс'ивит 'она-богатой-она-сделается' и т. д. В сочетании с субъектом действия класса вещей аффиксы дæбу- нам не встречались.

Личные показатели группы Д, как указывалось уже, разделяются на ряды д-/д-, ди-/ду-, -р-/а-, -р-/д-. Наиболее важными для определения классной принадлежности имен существительных являются три первых ряда.

В глаголах, образуемых при помощи префиксов ряда д-/д-, мужской класс выражается префиксом д-, женский — префиксом дæ- < да-, а класс вещей двумя способами.

В одном случае класс вещей выражается при помощи личного префикса дæ- < да-, т. е. тем же показателем, которым выражен и женский класс ¹²:

Класс мужской

к'эт эр' касубуз (касабо'с) 'че- к'эт эр' кас'ун'әм (кас'ан'әм)
ловек соболя возьмет' 'человек соболя взял'

Класс женский

қим эр' дæкасубуз 'женщина қим эр' дæкас'ун'әм 'жен-
соболя возьмет' щина соболя взяла'

¹² См. также Дульзон, 1964, стр. 65. Там же автор отмечает, что суффиксы -и-, -у- употребляются не только для обозначения объектов женского класса, но и вещей (Дульзон, 1964, стр. 65). Однако А. П. Дульзон не дифференцирует при этом классных показателей -и- разных групп: показателем -и- группы Д существительные класса вещей не обозначаются.

Класс вещей

капкан эр' джасубус 'соболь попадетсЯ в капкан' (букв. 'капкан возьмет со- боля')	капкан эр' джас'ун'эм 'со- боль попался в капкан' (букв. 'капкан взял со- боля')
--	---

В другом случае класс вещей выражается тем, что соответствующая словоформа не оформляется личным префиксом ряда *д-/д-*, но в нее инфигируется показатель класса вещей *-в ~ -м-*.

қип' д'-эсабут 'месяц подни- маеТся'	қип' д'-эсонут 'месяц под- нялся'
и рә-ј-эсабут 'солнце подни- маеТся'	и рә-ј-эсонут 'солнце подня- лось'
кын' эса-в-ут 'заря подни- маеТся'	кын' эсо-м-нут 'заря подня- лась'
к'эт д-улабан 'человек утонет'	к'эт д-улобон 'человек уто- нул'
қим дж-улабан 'женщина уто- нет'	қим дж-улобон 'женщина уто- нула'
то°к ула-в-н 'топор затопит'	то°к уло-в-н 'топор затопило'
ус' д-ајәтиј 'береза растет'	ус' д-ол'әтиј 'береза выросла'
бол'вә рә-ајәтиј 'гриб ра- стет'	бол'вә рә-ол'әтиј 'гриб вырос'
эл' а-б-әтиј 'ягода растет'	эл' о-в-л'әтиј 'ягода выросла'

Так как личные префиксы ряда *д-/д-* в потоке речи могут отходить от глагола и фонетически сливаться с предшествующим словом, то от единичных имен существительных, оканчивающихся на *-т*, как, например, *к'эт* 'человек', *т'эт* 'муж' в произношении представителей молодых поколений образовались фузионные формы слов, не отделимые от глагола и префикса женского класса *дж-*, с которым они сливаются: *к'эт дабаса* 'мужчина дрова рубит', но *к'эр'ә абаса* 'женщина дрова рубит' из *к'эт дж абаса*, как произносят еще такие предложения представители старших поколений.

В глаголах, образуемых при помощи префиксов ряда *ди-/ду-*, в словоформах настоящего-будущего времени мужской класс выражается префиксом *ду-*, женский — префиксом *дъ- ~ дл-*, а класс вещей — префиксом *б-*, в словоформах же прошедшего совершенного времени мужской класс выражается префиксом *д-*, женский — префиксом *да- ~ дж-*, а класс вещей — префиксом *б-*:

эр' ду-тл:л' 'соболь замерзнет'	эр' д-он'тл:л' 'соболь замерз'
сақ дъ-тл:л' 'белка замерзнет'	сақ дж-он'тл:л' 'белка замерз- ла'

кит б-им-тл:л' 'мясо замерз- нет'	кит б-интл:л' 'мясо замерзло'
л'ун' ду-рақу 'хариус изжа- рится'	л'ун' д-ил'дақу 'хариус изжа- рился'
сақ дъ-рақу 'белка изжарится'	сақ дж-ил'дақу 'белка изжа- рилась'
кит б-им-дақу 'мясо изжа- рится'	кит б-ил'дақу 'мясо изжари- лось'

В переходных глаголах, образуемых с помощью личных показателей ряда *-р/-а-*, мужской класс выражается инфиксом *-а-* в настояще-будущем времени и инфиксом *-о-* в прошедшем времени, женский — инфиксом *-и-* в обоих временах, а класс вещей — инфиксом *-в-* в настояще-будущем времени и инфиксом *-м-* в прошедшем времени:

т'ә:л-а-ј-и-т 'толкну-его'	т'ә:л-о-н-а 'толкнул-его'
т'ә:л-и-ј-и-т 'толкну-ее'	т'ә:л-и-т-н-а 'толкнул-ее'
т'ә:л-и-в-и-т 'толкну-это'	т'ә:л-и-м-н-а 'толкнул-это'
д-ы:т'к-а-ј-и-т 'я покажу-его'	д-ы:т'к-о-н-а 'я показал-его'
д-ы:т'к-и-ј-и-т 'я покажу-ее'	д-ы:т'к-и-т-н-а 'я показал-ее'
д-ы:т'ки-в-и-т 'я покажу-это'	д-ы:т'ки-м-н-а 'я показал-это'

Так как в последнем глаголе субъект действия представлен префиксами ряда *д-/д-*, то субъектно-объектные отношения выражены в нем следующим соотношением личных аффиксов: *д- — -а-*, *д- — -о-* 'я-его', *д- — -и-* 'я-ее', *д- — -в-*, *д- — -м-* 'я-это'.

В непереходных глаголах, образуемых при помощи инфиксов ряда *-р/-л-* (ноль), мужской класс выражается нулевым показателем, женский класс — префиксом *дж- < да-*, а класс вещей — если лексическое значение глагола допускает эту словоформу, то она образуется при помощи инфикса *-в-*. Если же глагол не допускает образования такой словоформы, то она, естественно, отсутствует в нем:

к-и-с'-ә-тиу 'он-скатится (ку- вырком)'	к-и-л'-ә-тиу 'он-скатился (ку- вырком)'
дж-к-и-с'-ә-тиу 'она-скатится (кувырком)'	дж-к-и-л'-ә-тиу 'она-скатилась (кувырком)'
к-и-в-ә-тиу 'это-скатится'	к-и-в-л'-ә-тиу 'это скатилось'
к-а-ј-ә-үл:н' 'он-сядет'	к-о-н'-ә-үл:н' 'он-сел'
дж-к-а-ј-ә-үл:н' 'она-сядет'	дж-к-о-н'-ә-үл:н' 'она-села'

Инфикс *-ә-* рассматривается нами в глаголах, образуемых с помощью ряда *-р/-л-* (ноль), как показатель непереходности и пассивности, а не как показатель лица, поскольку он включается и в словоформу класса вещей. Если глагол с инфиксами ряда

-р-/θ- (ноль) образуется при помощи соединительного гласного -и-, то в настояще-будущем времени в 3-м лице обоих чисел на границе между гласными -и-/æ- < -а- появляется согласный -с-, который можно трактовать и как детерминатив (см. стр. 151) и как показатель настоящего-будущего времени. Если же глагол с инфиксами ряда -р-/θ- (ноль) образуется при помощи гласных -а-, -о-, являющихся показателями времени, то в настояще-будущем времени в 3-м лице обоих чисел на границе между гласными -а-/æ- < -а- появляется разграничитель -j-. Отмечаемое явление проявляется как закономерность.

Приведенные нами факты достаточно полно характеризуют функцию классных показателей групп Б и Д. Теперь мы укажем еще на ряд дополнительных моментов, характеризующих их различия.

В группе Б показатели мужского класса а, о и женского класса и, у как в настояще-будущем, так и в прошедшем завершнном времени остаются неизменными и выражают одно только значение лица. В отличие от них в группе Д в ряду -р-/а- классный показатель мужского класса в настояще-будущем времени имеет форму -а-, а в прошедшем завершнном времени форму -о-. Причем эти показатели могут быть двузначными, так как наряду со значением лица они обычно выражают и значение времени: -а- — настоящего-будущего, а -о- — прошедшего завершнного. Показатель женского класса -и- остается неизменным в обоих временах, но в прошедшем завершнном времени он обязательно отделяется от других морфем одним или двумя детерминативами, о чем речь ниже. Что касается показателя класса вещей, то в настояще-будущем времени он выражается в форме -е-, а в прошедшем завершнном времени — в форме -м-.

Между классными показателями групп Б и Д отмечается еще одно чрезвычайно резкое различие, выражающееся в сопутствующих им детерминативах и разграничителях, с которыми они сочетаются. Так, например, после личных показателей группы Б ряда ба/а чаще всего следуют детерминативы -γ- ~ -г- ~ -к-, -т-, реже -н-, а после показателей ряда бо/о только детерминатив -γ- ~ -г- ~ -к-, что находит свое отражение и в сочетании классных показателей с этими детерминативами, например:

а-γ-и-с-сэл 'он-переночует'	а-т-а-в-а-бо 'он-согласится'	о-г-б-ун' 'он-поскользнется'
и-γ-и-с-сэл 'она-переночует'	и-т-а-в-а-бо 'она-согласится'	у-г-б-ун' 'она-поскользнется'

Примечательно, что в единичных глаголах с прерывными основами классные показатели группы Б отграничиваются не только от последующих морфем, но и от предыдущей корневой морфемы, в связи с чем они оказываются обрамленными в структуре глагольного слова двумя детерминативами. Для подтверждения ска-

занного рассмотрим классные словоформы переходного глагола со значением 'ставить' (какой-либо полый предмет). Первая корневая морфема этого глагола образована от инфинитива *уc'н'иј* 'ставить':

Класс вещей

уј δ-у-ј-в-и-т 'колыбель я поставлю'	уј δ-у-ј-в-и-н-а 'колыбель я поставил'
--------------------------------------	--

Класс мужской

дыл' δ-у-с'-о-г-б-и-т 'мальчика я поставлю'	дыл' δ-у-с'-о-г-б-и-н-а 'мальчика я поставил'
---	---

Класс женский

дыл' δ-у-с'-у-г-б-и-т 'девочку я поставлю'	дыл' δ-у-с'-у-г-б-и-н-а 'девочку я поставил'
--	--

Буквальное значение словоформ класса вещей — «я-поставлю-это», «я-поставил-это». Причем «это» обязательно обозначает только какую-либо полую посудину, поскольку корневая морфема глагола *у-* имеет значение 'ставить полые предметы' или 'стоять' — о полых предметах. После этого объяснения можно понять точное значение словоформ мужского и женского классов, так как в них речь идет не о том, чтобы поставить мальчика или девочку куда-либо, но о том, чтобы поставить колыбель, в которой находится мальчик или девочка, куда-либо на землю или на пень, так как обычно колыбель с ребенком бывает подвешена. Теперь при сравнении словоформ класса вещей с другими словоформами можно заметить, что вместо разграничителя -j-, имеющегося в первых словоформах, в словоформы мужского и женского классов инфигируются по три звука -с-о-г-, -с-у-г-. Гласные -о-, -у- являются показателями мужского и женского классов, а согласные -с- — -г- являются детерминативами, которые отграничивают классные показатели от других морфем. С таким же явлением мы встречаемся и в некоторых других глаголах, образованных при помощи личных показателей группы Б, где детерминатив -с- оказывается тесно связанным с выражением 3-го лица обоих чисел, как, например, в следующем глаголе:

ду-ј-в-ε-γ-ε-бут 'он-меня-держит'	ду-ј-в-ε-γ-о-л-бут 'он-меня-держал'
ду-ј-г-и-γ-ε-бут 'он-тебя-держит'	ду-ј-г-и-γ-о-л-бут 'он-тебя-держал'
ду-с'-ε-γ-ε-бут 'он-его-держит'	ду-с'-ε-γ-о-л-бут 'он-его-держал'
ду-с-к-у-бут (< ду-с-к-а-бут) 'он-ее-держит', 'он-это-держит'	ду-с-к-о-л-бут 'он-ее-держал', 'он-это-держал'

ду-ј-дәү-ә-бут 'он-нас-держит'	ду-ј-дәү-о-л-бут 'он-нас-держал'
ду-ј-гәү-ә-бут 'он-вас-держит'	ду-ј-гәү-о-л-бут 'он-вас-держал'
ду-с'-әү-ә-бут 'он-их-держит'	ду-с'-әү-о-л-бут 'он-их-держал'

Личные показатели группы Д в отличие от показателей группы Б сочетаются с предыдущими и последующими морфемами непосредственно или при участии соединительного гласного -и- (реже -у-, -а-), например, *ди-р-и-т* 'меня-спрячет'; *ди-* — корневая морфема со значением 'прятать', *-р-* 'меня', *-и-* — соединительный гласный, *-т* — деривационная морфема. Что касается классных показателей в объектных инфиксах ряда *-р-/-а-*, то за ними в настояще-будущем времени всегда следует разграничитель *-ј-*, например, *л'ун' д-ъ : н-а-ј-и-т* 'хариус я-варить буду-его', *саҳ д-ъ : н-и-ј-и-т* 'белка я-варить буду-ее'. В прошедшем же времени показатель мужского класса *-о-* соединяется с другими морфемами непосредственно: *д-ъ : н-о-н-а* 'я-варить начал-его'. Показатель же женского класса *-и-* в этом времени отделяется от других морфем одним детерминативом *-т-*, как, например, в словоформе *д-ъ : н-и-т-н-а* 'я-варить (начал)-ее' или при помощи двух детерминативов, если корневая морфема оканчивается гласным звуком или сонантом, например, *ди-ј-и-т* 'спрячет-ее', но *ди-р-и-т-н-а* 'спрятал-ее'. В словоформе настояще-будущего времени женский класс представлен, по-видимому, нулевым показателем. Если бы он был выражен в ней формантом *-и-*, то тогда здесь произошло бы стечение трех одинаковых гласных: *-и-* — корневой основы, *-и-* — показателя женского класса, *-и-* — соединительного гласного. Чтобы избежать этого стечения, в рассматриваемую словоформу вместо показателя женского класса *-и-* вклинился разграничитель *-ј-*. В словоформе же прошедшего завершенного времени классный показатель *-и-* отграничился от предыдущего *-и-* корневой основы при помощи детерминатива *-р-* < *-д-*, а от последующего показателя прошедшего времени (точнее завершенности действия) *-н-* — при помощи детерминатива *-т-*. В связи с этим классный показатель *-и-* оказался заключенным между двумя детерминативами *-р-* — *-т-*.¹³

Необходимо указать, что в некоторых глаголах с прерывными основами детерминатив *-д-* ~ *-р-* предшествует показателям мужского и женского классов, в связи с чем последние в настояще-будущем времени оказываются заключенными в рамку, образованную детерминативом и разграничителем, а именно: *-д-—-ј-* ~ *-р-—-ј-*:

ән'-д-а-ј-с'ук ¹⁴ 'он-забудет'	ән'-д-о-н'-с'ук 'он-забыл'
ән'-д-и-ј-с'ук 'она-забудет'	ән'-д-и-р'-у-н'-с'ук 'она-забыла'

¹³ См. Крейнович, 1964, стр. 146. См. также Дульзон, 1964, стр. 66.

¹⁴ В наших записях 1-е лицо единственного числа этого глагола записано в формах *ән'бәс'ук* 'я-забуду' и *ән'бон'с'ук* 'я-забыл', а в одном случае —

В словоформе прошедшего времени показатель женского класса *-и-* отграничен от других морфем двумя детерминативами и соединительным гласным: *-д-* — *-р'-у-*.

Нам представляется, что изложенные материалы с исключительной отчетливостью показывают, что в кетском языке имеются две различные группы глагольных показателей лица, отличающиеся и разными классными показателями. Несмотря на то что аффиксы мужского класса *-а-* и женского класса *-и-* в обеих группах личных показателей материально совпадают и, несомненно, восходят к одному источнику, тем не менее в каждой из этих групп они окружены столь разными детерминативами и разграничителями, что в современном языке они подлежат раздельному рассмотрению.

Н. К. Каргер первым обратил внимание на то, что в кетском языке «слова, которые служат для обозначения лица и мужского и женского рода, могут принимать ту или иную систему суффиксов (мужск. или женск. рода) в зависимости от того, с каким значением слово в данном случае употреблено. Это замечание относится к таким словам, как *бис'әп*, которое имеет значение и 'брат' и 'сестра', а также к тем животным, наименования которых не содержат указания на половую принадлежность (*с'эл* 'олень', *тин'* 'собака' и т. д.)»¹⁵. В подтверждение этого он приводит такие примеры, как *бис'әпдаң* 'к брату', *бис'әпдиңа* 'к сестре'. Интерес этого явления представляется нам настолько значительным, что мы приведем несколько примеров сочетания этих слов с классными глаголами, рассмотрение которых является основной темой нашей работы.

дыл' октавәтәјуу 'мальчик висит' (в колыбели)	дыл' уктавәтәјуу 'девочка висит' (в колыбели)
к'әр' оуот'н' 'мужчина (человек) идет'	к'әр' ууыт'н' 'женщина (человек) идет'
қал огбин'ун' 'внук поскользнулся'	қал уабин'ун' 'внучка поскользнулась'
қаж дун 'лось стоит'	қаж дән 'лосиха стоит'
ди' дуруқ 'орел летит'	ди' дьроқ 'орлица летит'
бис'әп бис'әп д-и-туу 'брат сестру видит' (он-ее-видит)	бис'әп бис'әп дә-а-туу 'сестра брата видит' (она-его-видит)

в форме *ән'дис'ук* 'я-забуду'. В записях М. А. Кастрена 1-е лицо единственного числа встречается в формах *endesug* в сымском и *ändesuk* в имбацком диалектах (см. Кастрен, 1858, стр. 97). Последние формы с личным показателем 1-го лица единственного числа *-д-* надо считать наиболее точными, так как показатели 3-го лица единственного числа *-а-ј-*, *-и-ј-* совершенно отчетливо говорят о том, что в состав этого глагола инфигируются форманты группы Д ряда *-р-/-а-*, а не личные показатели группы Б. Записанные же нами словоформы с показателями группы Б в 1-м лице свидетельствуют, по-видимому, о том, что в единичных случаях возможно уже смешение показателей различных групп.

¹⁵ Каргер, 1934, стр. 229.

Расположение субъектно-объектных показателей в последнем примере *д-и-* 'он-ее', *дх-а-* 'она-его' отчетливо показывает, какое из имен существительных выступает в роли субъекта действия, а какое в роли объекта действия, так как они определяют класс слова *бис'æп* 'брат', 'сестра'.

Приведенные факты показывают, что появление того или иного классного показателя в глаголах обуславливается в кетском языке не грамматической формой имени существительного (как это имеет место в языках, имеющих грамматический род), но тем значением, с которым это слово соотносится в действительности. Эти примеры являются ярким свидетельством того, какую огромную роль в системе грамматических классов кетского языка играют экстралингвистические факторы. Не структура имени существительного, но то, что соотносится с ним в природе, обуславливает выбор того или иного классного показателя, посредством которого им управляет соответствующий глагол или другое слово.

Однако сказанным интерес отмеченного явления не ограничивается. Глагол, управляющий соответствующим именем существительным, определяет не только его класс и пол, но он определяет даже и то, происходит ли тот или иной процесс с целостным организмом или с его частью¹⁶, например:

и:с' дутл:л' '(целая) рыба мерзнет' ('он-мерзнет')
и:с' дъ:најит '(целую) рыбу варю' ('я-варю-его')

и:с' бимтл:л' 'кусочек рыбы мерзнет' ('это-мерзнет')
и:с' дъ:нивит 'кусочек рыбы варю' ('я-варю-это')

Мало того, глагол в кетском языке определяет не только пол предмета, целостность его или часть, но он в единичных случаях определяет также и то, идет речь ли о предмете больших размеров или об однородном предмете малых размеров.¹⁷

Так как представление о предмете больших размеров и о предмете малых размеров, как и представление о целостном организме и о части организма, имеет очень большое значение для выяснения признаков, лежащих в основе распределения имен существительных на классы, мы переходим теперь к описанию представлений кетов о деревьях и различных изделиях из дерева по тем данным, которые выражены в их языке. Разбор этих фактов, по нашему мнению, приближает нас к пониманию природы именных классов в кетском языке.

Наибольшую роль в жизни кетов играет береза. Из березы кеты изготавливают покрышки своих летних и зимних чумов, а также различную утварь. Второе место по своей значимости в жизни кетов играл кедр. Из кедра они вытесывали крупные

¹⁶ См. Крейнович, 1961.

¹⁷ Примеры даны дальше.

плахи для постройки больших крытых лодок. В этих лодках, представлявших собой подобие плавучих жилищ, они плавали целое лето, главным образом по Енисею, где занимались рыбной ловлей и заготавливали на зиму юкалу, рыбий жир и порсу (мелко измолотую в виде крупы копченую и высушенную рыбу). Кроме того, из кедра изготавливаются полозья нарт. Для этой цели используются только деревья, растущие наклоненно к земле. На стороне, наклоненной к почве, располагается самый крепкий слой кедра, который по-кетски называется *ыл'* (как и полоз нарты), а по-русски — «крень». Для того чтобы добыть крень, кеты не сваливают дерева, но подтесывают его наклоненную сторону с обеих сторон, загоняют в подтесы клинья и откалывают от растущего кедра тот слой, из которого потом вытесывается полоз или полозья нарты. Дуга нарты, ножки и верхние продольные планки нарты изготавливаются из ольхи. Лодки-долбенки — из осины, лыжи — из ели. Лыко для плетения веревок изготавливается из коры черемухи. Из самого верхнего слоя ствола молодой черемухи («заболони»?) изготавливается *хлху* (по-местному «саргы») — материал для сшивания посуды из бересты, а из корней молодого кедра изготавливают *тир'иу* — материал для привязывания ножек к полозьям нарты. Уже один этот далеко не полный перечень предметов, изготавливаемых из дерева, может показать, какое большое значение оно имеет в хозяйстве кетов.

Изучение переходных глаголов со значением таких действий, которые производят значительное изменение в объекте, например, разрезать (поперек) или распилить (поперек), перерубить (поперек), разрезать (вдоль) или распороть (по брюху рыбу или животное), расколоть (вдоль), долбить, тесать, отскоблить, сгибать, втыкать и т. д., — показывает, что при помощи словоформ мужского класса этих глаголов говорят о целых растущих деревьях и кустарниках¹⁸ или о деревьях только что сваленных, но еще не обработанных, а также о крупных изделиях из дерева. При помощи же словоформ класса вещей говорят об отдельных частях дерева или о мелких изделиях из дерева. Исключением из сказанного является кедровая шишка (*имæл'т*), веретено (*тыл'им*), деревянное изображение духа (*алал*) и задняя кормовая доска крытой лодки (*алал*), которые относятся к женскому классу.

Для подтверждения сказанного рассмотрим глаголы со значением «разрезать» (поперек) или «распилить» (поперек):

Однократный способ действия
 при единственном числе объекта действия

К л а с с м у ж с к о й

к-а-ј-а 'разрежу-его' *к-о-н-а* 'разрезал-его' *к-а-н'-а* 'разрежь-его'

¹⁸ Исключение составляют шиповник — *хымыл'иу* и жимолость — *тагдах*, которые относятся, по-видимому, к классу вещей.

Класс женский

к-и-ј-а 'разрежу-ее' *к-и-т-н-а* 'разрезал-ее' *к-и-н'-а* 'разрежь-ее'

Класс вещей

к-а-в-а 'разрежу-это' *к-о-м-н'-а* 'разрезал-это' *к-а-н'-а* 'разрежь-это'

Многократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

ха-р'-х-ј-а 'разрежу его' *ха-р-о-л'-а* 'разрезал его' *ха-р-х-л'-а* 'разрежь его'

Класс женский

ха-д-д-и-ј-а 'разрежу ее' *ха-д-д-и-т-л'-а* 'разрезал-ее' *ха-д-д-и-л'-а* 'разрежь-ее'

Многократный способ действия
при множественном числе объекта действия

Классы мужской и женский

ха-р'-х-у-а 'разрезаю-их' *ха-р-о-у-о-л'-а* 'разрезал-их' *ха-р-х-у-х-л'-а* 'разрежь-их'

Многократный способ действия
при единственном и множественном числе объекта действия

Класс вещей

ха-с'-а 'разрежу-это (этих)' *ха-л'-а* 'разрезал-это (этих)' *ха-р'-а* 'разрежь-это (этих)'

Глагол однократного способа действия имеет прерывную основу *к-—а*, а многократного способа действия — прерывную основу *ха-—а*. Обе первые корневые морфемы прерывных основ относятся к числу непроезженных и связанных корневых морфем с той лишь разницей, что морфема *к-* 'резать' является немотивированной, а морфема *ха-* 'резать' мотивированна, так как встречается в инфинитиве *хауиј* 'резать', от которого и образован соответствующий глагол. Конечный же компонент прерывной основы *-а* представляет собой глаголообразующий суффикс, стоящий вне выражения способов действия и категории непереходности—переходности.

В середину указанных прерывных основ инфигируются следующие инфиксы, детерминативы и интерфиксы: показатели классов — мужского *-а* > *-х-/-о-*, женского *-и-*, вещей *-в-* ~ *-м-*

(показатели мужского класса *-а-* в настояще-будущем времени и *-о-* в прошедшем завершённом времени в рассматриваемых и во многих других глаголах являются фузионными, так как каждый из них выражает по два значения — класса и времени); показатели времени *-а-*, *-о-*, *-с-*; завершенности действия (прошедшего времени) *-н-* ~ *-н'-*, *-л'-*; показатель 3-го лица множественного числа объекта действия *-ху* < *-ау*, *-оу*; детерминатив *-д-* ~ *-р-*, *-т-*; разграничитель *-ј-*.

Разграничитель *-ј-* в рассматриваемых глаголах выступает только в настояще-будущем времени, отделяя классные показатели *-а-*, *-и-* от словообразовательного показателя *-а*. В глаголе многократного способа действия в словоформах мужского и женского классов, а также в словоформе 3-го лица множественного числа, являющейся общей для этих классов, на границе между гласным корневой морфемы *ха-* и гласными последующих аффиксов появляется детерминатив *-р-* < *-д-*, отсутствующий в словоформе класса вещей. В словоформах же женского класса после первого детерминатива *-д-* следует еще один детерминатив *-д-*. Нетрудно заметить, что классные показатели в глаголе многократного способа действия отграничиваются от других морфем при помощи детерминативов и разграничителей: в словоформе мужского класса — *-р'-х-ј-* < *-р'-а-ј-*, в словоформе женского класса — *-д-д-и-ј-*, *-д-д-и-т-*.

Рассмотрим теперь употребление форм глагола однократного способа действия. Эти формы выражают значение разового действия — отрезать что-либо от чего-либо или перерезать предмет пополам. Так как растущие деревья и кустарники относятся к мужскому классу, то о павале дерева говорят только при помощи словоформ этого класса: *о'кс' т-каја хојис'ас'* 'дерево я-срежу (повалою) пилой', *улан т-каја дон'ас'* 'прут я-срежу ножом', ср. *т'от' т-каја* 'тайменя я-разрежу (пополам)'. Поскольку растущие деревья к женскому классу не относятся, то при помощи словоформ этого класса можно говорить лишь о животных, рыбах и птицах, относящихся к этому классу: *сах т-кија* 'белку я-разрежу (пополам)', *к'эс' т-кија* 'налима я-разрежу (пополам)'. При помощи же словоформ класса вещей говорят только об объектах, относящихся к этому классу, в том числе и об объектах, являющихся частями целостных организмов мужского и женского классов: *бау д-гава хојис'ас'* 'чурбак я-отпилю пилой' (*бау* 'чурбак' — часть целого дерева), *ау д-гава дон'ас'* 'веревку я-разрежу (отрежу) ножом', *н'ан' д-гава* 'хлеб я-отрежу', *дх к'јуэ к'лмэ д-гава* 'его-голову отрежу' (букв. 'в сторону отрежу'). Формы глагола многократного способа действия выражают значение множественного действия. Последнее может быть совершено в отношении единственного числа объектов действия либо в отношении множественного числа объектов действия. В первом случае глагол указывает на то, что предмет разрезается не пополам, а на несколько частей. Во втором же случае глагол

указывает на то, что действие производится расчлененно в отношении каждого объекта в отдельности, независимо от того, разрезается ли он пополам или на несколько частей, например: класс мужской: *о'кс' т-хар'æја қоис'ас'* 'дерево я-разрежу пилой' (на несколько частей), ср. *т'от' т-хар'æја* 'тайменя я-разрежу' (на несколько частей), *и:с' даҕэбуһонæм, харол'а, бин'иһон'бит* 'рыбу (осетра) в чум (букв. на берег, в лес) я-притащила, разрезала -его, куски из него сделала', *аҕ т-хар'æја қоис'ас'* 'деревья я разрежу пилой'; класс женский: *бу саҕ доһобуһ хаддитл'а* 'он белку на три части разрезал' (разрезал-ее); класс вещей: *Пол'кæ, мәнæ, аҕ т-ха:с'ан* 'Ольга, — она говорит, — дрова будем пилить', *ар' бакы ха:с'а қоис'ас'* 'я чурбаки распилю пилой', *н'ан' т-ха:с'а* 'хлеб я-разрежу', *Бал'на и:с' ха:с'а*¹⁹, *қов-с'ык татиһ ба р гомна* 'Бальяна (народный герой кетов, о котором у них бытует множество преданий) мясо разрезает, роговое блюдо насквозь (напрямик) прорезывал' (значение многократности действия словосформе прошедшего времени однократного способа действия придает в данном случае стоящая перед ней частица *ба*).

Среди вышеприведенных примеров есть такие, которые обращают на себя самое пристальное внимание, так как они помогают нам выяснить принципы, лежащие в основе дифференциации имен существительных на классы в кетском языке. Так, например, слово *аҕ* в одном случае согласуется в глаголе с показателем 3-го лица множественного числа мужского и женского классов *-ау-*, так как это слово соотносится со значением «деревья», а в другом случае оно согласуется с нулевым показателем класса вещей, так как оно соотносится со значением «дрова». Точно также слово *и:с'* в одном случае согласуется в глаголе с показателем мужского класса *-о-*, так как это слово соотносится со значением «осетр», а в другом случае оно согласуется с нулевым показателем класса вещей, поскольку с ним соотносится значение «мясо» (эту же форму класса вещей вызвало бы в глаголе и соотнесение этого слова со значением «рыба», но только разрезанная на куски).

Последние факты показывают, что для кетского языка важна не грамматическая форма имени существительного, а его значение, т. е. с каким предметом оно соотносится в реальной действительности. Если предмет представляет собой целостный растительный или животный организм, то существительное соотносится с мужским или женским классом. Если же предмет представляет собой часть целостного организма, то оно соотносится с классом

вещей, за исключением наименований некоторых органов, которые относятся к женскому классу (см. стр. 190).

Рассмотрим теперь глагол со значением «разрубить» (топором), «срубить» (топором).

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

<i>к-а-ј-бо</i> его'	'разрублю-	<i>к-о-н-бо</i> 'разрубил-его'	<i>к-а-н-бо</i> 'разрубил-его'
-------------------------	------------	--------------------------------	--------------------------------

Класс женский

<i>к-и-ј-бо</i> 'разрублю-ее'	<i>к-и-т-н-о-бо</i> 'разрубил-ее'	<i>к-и-н-бо</i> 'разрубил-ее'
-------------------------------	-----------------------------------	-------------------------------

Класс вещей

<i>к-а-в-бо</i> 'разрублю-это'	<i>к-о-в-и-н-бо</i> 'разрубил-это'	<i>к-а-н-бо</i> 'разрубил-это'
--------------------------------	------------------------------------	--------------------------------

Многократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

<i>ха-р'-а-ј-до</i> баю-его'	'разру-	<i>ха-р'-о-н-до</i> 'разрубил-его'	<i>ха-р'-а-н-до</i> 'разрубил-его'
---------------------------------	---------	------------------------------------	------------------------------------

Класс женский

<i>ха-р'-и-ј-до</i> баю-ее'	'разру-	<i>ха-д-д-и-р'-у-н'-до</i> 'разрубил-ее'	<i>ха-р'-и-н'-до</i> 'разрубил-ее'
--------------------------------	---------	--	------------------------------------

Многократный способ действия
при множественном числе объекта действия

Классы мужской и женский

<i>ха-р'-ау-и-с-то</i> рубаю-их'	'раз-	<i>ха-р'-ау-и-н-до</i> 'разрубил-их'	<i>ха-р'-ау-и-н-до</i> 'разрубил-их'
-------------------------------------	-------	--------------------------------------	--------------------------------------

Класс вещей

<i>ха-с'-то</i> 'разрубаю-этих (-это)'	<i>ха-н-до</i> 'разрубил-этих (-это)'	<i>ха-н-до</i> ²⁰ 'разрубил-этих (-это)'
--	---------------------------------------	---

¹⁹ В тех случаях, когда примеры с глаголами, начинающимися с согласных, были даны нам без показателей субъекта действия ряда *д-/д-*, мы приводим их без этих показателей. В тех примерах, где показатель субъекта действия не соединен с глаголом при помощи дефиса, он в потоке речи примыкает не к глаголу, а к слову, которое предшествует ему.

²⁰ Повелительное наклонение имеет большое значение для выяснения природы формантов *-н-н'-*, *-л-л'-*, при помощи которых образуется прошедшее время и повелительное наклонение. Полное внешнее совпадение этих форм в словах *хандо* 'разрубил-этих', *хандо* 'разрубил-этих' с исключительной отчетливостью свидетельствует, что вышеуказанные форманты

Глагол однократного способа действия имеет прерывную основу *к-—-бо*, а глагол многократного способа действия — прерывную основу *ха- — -до*. Первая корневая морфема глагола однократного способа действия *к-* образована от рассмотренного выше глагола со значением «резать». Вторая корневая морфема *-бо*, возможно, образована от инфинитива *қо* «добывать» (*қинаққо нара* «лосей добыть надо»). Глагол многократного способа действия имеет сложную прерывную основу *ха- — -до*, образованную от сложного инфинитива *харо* «рубить» посредством раздвижения образующих его корневых морфем. Первая корневая морфема этой прерывной основы и инфинитива образована от инфинитива *хауиј* «резать», а вторая корневая морфема прерывной основы и инфинитива образована от инфинитива *до* «тесать», «долбить». Это обстоятельство дает повод полагать, что слова со значением «резать», «тесать», «долбить» в кетском языке значительно древнее слова «рубить», поскольку последнее образовано от первых и значение слова «рубить» образовано из суммы значений первых слов. Высказываемое предположение соответствует как будто бы и истории развития индустрии каменного века. Для того чтобы рубить, нужен был топор, а неолитический каменный топор возник значительно позже палеолитического рубила и кремневой пластины, заменявшей нож. Вероятно, предки кетов, для того чтобы перерубить дерево без топора, и резали и тесали и долбили его какими-то примитивными каменными орудиями, почему в их языке и образовалось слово «резать-долбить» для выражения значения «рубить». Неолитический и бронзовый топоры, а затем и железный топор соединили в себе обе функции (одновременно «резнуть» и «долбнуть»), почему в современном языке и сохранились указанные слова для обозначения действия, производимого топором.

В середину рассматриваемых сложных прерывных основ *к- — -бо* и *ха- — -до* инфигируются те же самые показатели, которые были рассмотрены уже выше. Кроме того, в состав этих глаголов инфигируется еще соединительный гласный *-и-*.

О повале растущих деревьев при помощи топора, о разрубании на части рыб и животных мужского класса либо об ударах, наносимых оружием или палкой по существам того же рода говорят при помощи словоформ мужского класса. Однократный способ действия: *қороқс' т-кајбо* «одно дерево срублю», *эвоқс'ис'ау*

*бал'н дус'кајбо*²¹, *ул'бал'н дон'бак*, *д-гонбо* «для дуги нарты черемуху срублю, ровную (прямую) черемуху нашел, срубил», *ус' дис'ноуэвэст*, *там б'эс'а анэ атын дэ-кајбо* «березу отмечу, чтобы кто-либо не срубил ее», *хлмгэ аттысас' конбо* «эвенк пальмой рубнул-его (Бальну)», *т'от' даламэс кајбо* «тайменя пополам перерублю», *ат' тин' конбо* «я собаку ударил». Многократный способ действия: *улан хар'эјдо* «прут разрубаю» (на части), *улан харон'до* «прут разрубил» (на части), *ынақ т-хар'эуисто* «два дерева срублю».

При помощи словоформ женского класса говорят только о людях, животных, птицах и рыбах этого класса, но не о растущих деревьях, так как они к этому классу не относятся. Однократный способ действия: *к'эс' даламэс кијбо* «налима пополам разрублю». Многократный способ действия: *тоуас' дал'дир'ундо*, *имил'иу хаддир'ун'до* «топором рубил-ее (речь в сказке идет о чертовке), мелко изрубил-ее».

При помощи словоформ класса вещей говорят о порубке частей деревьев, ударах, наносимых не по всему организму, но по его частям, а также о рубке других объектов класса вещей. Однократный способ действия: *бау кавбо* «чурбак перерублю (пополам)», *ба:м авк'јуэ р ковинбо* «бабушка по моей голове ударила» («мою голову рубнула»), *Бал'нэрагод' хлмгэ р ковинбо* «ухо Бальны эвенк отрубил», *л'эск'эт то'э дэтопул'тэст с'айн'ик дэковинбо* «лешая топор схватила, чайник рубнула», *Ал'ба хароқимна ал'дон'ас'*, *бил'ас' кавбо*, *тус'ау ал'дон' с'эј уувис* «Альба²² начал рубить мечом, где рубнет, там место меча запечатлевается». Многократный способ действия: *бал'ниунэълу дус'хас'то* «сучья черемухи срублю», *бал'нақ бул'иу дус'хас'то* «черемуховые ножки (для нарты) нарублю», *Ал'ба бар'э: а қол'а р хасто*, *дул'сивит* «Альба сказал: я хребет прорублю, реку сделаю», *эт'н' угдиу бак'у т-хандун* «мы длинные кряжи нарубили».

Приведенные примеры также показывают, что когда речь идет о целом дереве, например, о черемухе *бал'н*, то о нем говорят при помощи словоформ мужского класса *дус'кајбо* «я-его срублю», *д-гонбо* «я-его-срубил». Если же речь идет о части дерева, например, о сучьях черемухи *бал'ниунэълу*, то о них говорят при помощи словоформ класса вещей — *дус'хас'то* «я-срублю (-этих)». Если бы речь шла об одном суке, то было бы сказано *эб д-кавбо* «сук я-срублю».

Мы рассмотрели глаголы со значением «разрезать» (поперек), «разрубить» (поперек). Значение этих действий, производимых поперек предмета, связано с двумя супплетивными корневыми морфемами *к-*, *ха-*. Следует указать, что сложный инфинитив

²¹ Во многих случаях личный показатель префигируется к глаголу, начинающемуся с согласного звука, вместе с препозиционной частицей *ус'*, встречающейся и в словоформах прошедшего времени. Эта частица имеет, по видимому, усиительное значение.

²² А л ь б а — один из героев кетской мифологии.

являются не показателями времени, а показателями завершенности действия. В связи с этим в глаголах, имеющих показатели времени *-а-*, *-о-*, повелительное наклонение образуется обычно от словоформы прошедшего времени посредством замены показателя этого времени *-о-* показателем настоящего-будущего времени *-а-*, как, например, в словоформах *канбо* «разрубить-это». Сочетание формантов *-а-н-* означает «в будущем соверши», в то время как сочетание формантов *-о-н-* означает «в прошедшем соверши». Ввиду того что показатель *-а-* может выражать значение и мужского класса, и времени, он выражает таковое и в словоформах повелительного наклонения.

хатэт 'сломать' (поперек) также имеет в своем составе корневую морфему *ха-*. Однако трудно утверждать, что она образована от корневой морфемы *ха-* 'резать', поскольку при переламывании предмета режущие инструменты, как правило, не употребляются. Вероятно, первая корневая морфема этого инфинитива образована от наречия *ха* 'прямо', вторая же корневая морфема *-тэт* имеет значение 'бить'. Следовательно, буквальное значение этого инфинитива «прямо бить», из которого развилось значение «ломать». От этого инфинитива образуется глагол: *ха-р'-а-ј-тэт* 'сломаю-его', *ха-р'-о-н'-тэт* 'сломал-его', *ха-р'-а-н'-тэт* 'сломай-его', *ха-р'-а-у-и-с'-тэт* 'сломаю-их', *ха-р'-а-у-о-н'-тэт* 'сломал-их', *ха-с'-тэт* 'сломаю-это', *ха-н'-тэт* 'сломал-это', *ха-н'-тэт* 'сломай-это'. Примечательно, что в записанных нами примерах слово *о'кс'* в одном случае соотносится со значением «дерево», а в другом случае оно соотносится со значением «палка», в связи с чем в первом случае оно согласуется со словоформой глагола мужского класса, а во втором — со словоформой класса вещей: *о'кс' т-хар'ајтэт* 'дерево я-сломаю', но *о'кс' т-хас'тэт* 'палку я-сломаю', *тао'кс' т-хас'тэт* 'лыжную палку я-сломаю'. Приведенные примеры снова показывают, что для кетского языка важна не грамматическая форма имени существительного, а связываемое с ним реальное значение.

Рассмотрим теперь глаголы со значением действий, производимых вдоль предметов — «резать» (вдоль), «расколоть» (вдоль). Рассмотрим сперва глагол со значением «разрезать» (вдоль), «распороть» (брюхо).

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

д-у-н'-д-а-ј-а 'я-распорю-его' *д-у-н'-д-о-л'-а* 'я-распорол-его' *у-н'-д-а-л'-а* 'распори-его'

Класс женский

д-у-н'-д-и-ј-а 'я-распорю-ее' *д-у-н'-д-и-т-л'-а* 'я-распорол-ее' *у-н'-д-и-л'-а* 'распори-ее'

Класс вещей

д-у-н-а-в-а 'я-распорю-это' *д-у-н-о-в-л'-а* 'я-распорол-это' *у-н-а-л'-а* 'распори-это'

Многочисленный способ действия
при множественном числе объекта действия

Класс мужской и женский

д-у-с'-н-а-у-а 'я-распарываю-их' *д-у-с'-н-о-у-о-л'-а* 'я-распарывал-их' *у-с'-н-а-у-а-л'-а* 'распари-их'

Класс вещей

д-у-с'-н-а-в-а 'я-распарываю-этих' *д-у-с'-н-о-в-л'-а* 'я-распарывал-этих' *у-с'-н-а-л'-а* 'распари-этих'

Глагол однократного способа действия имеет простую прерывную основу *у-* — *-а*, а глагол многократного способа действия имеет простую прерывную основу *ус'-* — *-а*. Первая корневая морфема глагола *у-* имеет значение 'разрезать' (вдоль), 'расколоть' (вдоль). В многократном способе действия к корневой морфеме *у-* присоединяется деривационный показатель многократности *-с'-*. Конечный компонент прерывной основы представлен деривационной морфемой *-а*. Согласный *-н-*, следующий после корневой морфемы, является детерминативом.

Этот глагол употребляется для обозначения распарывания брюха животных, рыб, а также для обозначения распарывания коры деревьев: *т'от' дун'дәја* 'тайменя я-распорю', *к'эс' дун'дија* 'налима я-распорю', *т'от' (кас'н) дус'наја* 'тайменей (налимов) я-распорю', *и:с'тәхыј дунәва* 'брюхо рыбы я-распорю', *окс'н дитноусивит, огдәхыј дунәва, дәкк'јүг кымә т-кава* 'из стерлядей юкалу буду делать, стерляди брюхо я-распорю, голлову отрежу'. Если речь идет о распарывании коры на целой березе, то об этом действии говорят при помощи словоформ мужского класса: *ус' л'амгә д'эс'аогдәк, ус' дун'дәја* 'березу на бок свалю, березу распорю' ('я-его-распорю'). Если же при этом упоминается ствол березы и при этом имеется в виду уже срубленная береза, то в этом случае о производимом действии говорят при помощи словоформ класса вещей: *ус'тәхут дунәва* 'на березе тонкую сторону бересты (букв. березовый кут') я-распорю'. Приведенные примеры также показывают, что когда речь идет о целостном организме, то в глаголе появляются соответствующие показатели мужского и женского классов. Если же речь идет о части целого организма, то в глаголе появляется показатель класса вещей.

Рассмотрим теперь глаголы со значением «расколоть».

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

д-у-н'-д-а-ј-тэт 'я-расколю-его' *д-у-н'-д-о-л'-тэт* 'я-расколот-его' *у-н'-д-а-л'-тэт* 'расколи-его'

Класс вещей

д-у-н-а-н-тэт 'я-расколю-это' *д-у-н-а-в-и-л'-тэт* 'я-расколот-это' *у-н-а-тэт* 'расколи-это'

Класс мужской

<i>д-у-с'-н-а-ј-тæт</i> 'я- раскалываю-его'	<i>д-у-с'-н-о-н'-тæт</i> 'я- раскалывал-его'	<i>у-с'-н-а-н'-тæт</i> 'рас- калывай-его'
<i>д-у-с'-н-ау-а-тæт</i> 'я- раскалываю-их'	<i>д-у-с'-н-оу-о-н'-тæт</i> 'я- раскалывал-их'	<i>у-с'-н-ау-а-н-тæт</i> 'раскалывай-их'

Класс вещей

<i>д-у-с'-н-а-в-тæт</i> 'я- раскалываю-этих (-это)'	<i>д-у-с'-н-о-в-и-н'-тæт</i> 'я-раскалывал-этих (-это)'	<i>у-с'-н-а-тæт</i> 'рас- калывай-этих (-это)'
---	---	--

Глагол однократного способа действия имеет сложную прерывную основу *у-* — *-тæт*, а глагол многokратного способа действия имеет сложную прерывную основу *у-с'-* — *-тæт*, образованную от сложного инфинитива *у-с'-тæт* 'расколоть'. Первая корневая морфема основы *у-* имеет значение 'резать' (вдоль), 'расколоть' (вдоль). Вторая же корневая морфема основы *-тæт* имеет значение 'бить'. Следовательно, значение современного глагола «раскалывать» в кетском языке сложилось как бы из обозначений двух действий «резать» (вдоль) + «бить». Возможно, что в рассматриваемом сложном глаголе также пережиточно отражено то древнее состояние техники кетов, когда у них еще не было топора и процесс раскалывания дерева на плахи складывался у них не из одного, а из двух действий.

Стволы кедров раскалывались кетами на крупные плахи для изготовления крытых лодок. Ели раскалывались на плахи для изготовления лыж и планок для настила в нарте. О раскалывании крупных стволов кедров и елей на плахи говорят при помощи словоформ мужского класса: *хај дун'дæјтæт* 'кедр раскалываю (пополам)', *тикудын' дус'најтæт* 'плаху из ели для изготовления планок для настила в нарте (букв. планочную ель) раскалываю (на части)'. О раскалывании же более мелких предметов говорят при помощи словоформ класса вещей: *т'э дунæптæт* 'планку для настила в нарте отколю', *тику дус'навтæт* 'планки для настила в нарте откалываю'. О раскалывании чурбаков на дрова также говорят при помощи словоформ класса вещей: *бау дгыæс дунæптæт* 'чурбак пополам расколю', *бау дус'навтæт* 'чурбак раскалываю' (на несколько частей), *бакү дгыүбæс дус'навтæт* 'чурбаки пополам (по срединам, кы 'середина') расколю', *харал'гит б'эн' дæ ал'доуон'до*, *аф дæус'новин'тæт* 'молодые кедрь, оказывается, она рубила, дрова расколола'.

Перейдем теперь к рассмотрению глагола со значением «тесать».

Класс мужской

<i>т-а-ј-до</i> 'обтесываю- его'	<i>т-о-л'-до</i> 'обтесал-его'	<i>т-а-л'-до</i> 'обтеши- его'
-------------------------------------	--------------------------------	-----------------------------------

Класс вещей

<i>т-а-в-ро</i> 'обтесываю- это'	<i>т-о-в-и-л'-до</i> 'обтесал- это'	<i>т-а-ро</i> 'обтеши- это'
-------------------------------------	--	--------------------------------

Класс мужской

<i>т-ау-а-ро</i> 'обтесываю- их'	<i>т-оу-о-л'-до</i> 'обтесал- их'	<i>т-ау-и-л'-до</i> 'обте- сывай-их'
-------------------------------------	--------------------------------------	---

Класс вещей

<i>т-а-в-ро</i> 'обтесываю- этих'	<i>т-о-в-и-л'-до</i> 'обтесал- этих'	<i>т-а-ро</i> 'обтеши- этих'
--------------------------------------	---	---------------------------------

Рассматриваемый глагол имеет корневую основу *-до* ~ *-ро*, образованную от инфинитива *до* 'тесать'. В начале глагола расположен детерминатив *т-*; между ним и корневой морфемой располагается ряд инфиксов, известных уже из предыдущего рассмотрения.

Об обтесывании крупных предметов, например, плах из стволов кедр, плах елей, крупных кольев говорят при помощи словоформ мужского класса: *ат' хај тајдо* 'я кедр буду тесать' (т. е. 'вытесывать одну плаху для крытой лодки'), *ат' ху таңаро* 'я кедрь буду тесать' (т. е. 'я буду вытесывать плахи для крытой лодки'). Об обтесывании более мелких предметов говорят при помощи словоформ класса вещей: *л'ам тавро* 'заготовку для лыжи обтесываю', *хајдауал' ын' дус'л'эс'кавто*, *ын' тавро*, *ын'до бинзут* 'от кедр крень отколю, крень обтесываю, тесание креня (для полова нарты) закончилось'.

Для изучения представления кетов о дереве и изделий из него несомненный интерес представляет также изучение процесса изготовления из осины (ыл') лодки-долбенки (*дил'тиј*). Когда сваливают осину, то прежде всего ее обтесывают топором, чтобы придать ей форму лодки. Для этого обтесывают соответствующим образом ее нос и корму. Этот процесс обозначается глаголом *ха:уатæро* в настояще-будущем времени и *ха:уатон'до* в прошедшем завершнном времени. После этого приступают к выдалбливанию осины. Этот процесс обозначается глаголом *догдабдо* 'я-его-выдалбливаю', *догдавил'до* 'я-его-выдолбил', *ыл' догдабдо* 'осину я-выдалбливаю'. Когда первое предварительное

выдалбливание осины заканчивается, ее волокут домой. В этом случае о ней говорят еще при помощи словоформ мужского класса: *дигдѣтѣху* 'я-к-берегу-его-волоку', *ыл' дигдѣтѣху* 'осину я-к-берегу-волоку'. Когда ее долбят на берегу и называют словом *дил'тиј* (а не *ыл'*), о лодке говорят уже при помощи словоформ класса вещей: *дугдабдо* 'я-это-выдалбливаю', *дугдѣвил'до* 'я-это-выдолбил', *дил'тиј дугдабдо* 'лодку я долблю'. Когда лодка уже выдолблена и ее надо еще немного доскоблить теслом, чтобы стенки были гладкими, о производимом действии говорят уже при помощи другого глагола со значением действия над объектом класса вещей: *давро* 'это-выдалбливаю', *довил'до* 'это-выдолбил', *дил'тиј давро* 'лодку-долбленку выдалбливаю' (теслом). При помощи этого же глагола говорят еще о выдалбливании *с'ык* 'блюда из дерева', *эн* 'деревянной лопаты' — *ат' эн' тос'л'аас' давро* 'я лопату теслом выдалбливаю'.

Всматриваясь в структуру этих глаголов, можно заметить, что глагол *догдабдо* 'я-его-долблю' и т. д., *дугдабдо* 'я-это-долблю' и т. д. сформирован на основе глагола *давро* 'это-выдалбливаю', *довил'до* 'это-выдолбил' при помощи префигирования к последнему субъектно-объектных показателей и детерминатива -к- ~ -г-: *д-о-г-* 'я-его' и т. д., *д-у-г-* 'я-это' и т. д. С подобного рода образованием личных словоформ глагола посредством препозиционного приращения соответствующих показателей к словоформе глагола класса вещей мы еще встретимся ниже.

При помощи рассмотренных фактов мы стремились показать, как в некоторых переходных глаголах кетского языка отражено представление о целостном растительном организме и его части. Это представление с особенной наглядностью выступает при противопоставлении следующих примеров: «распилить (разрезать) дерево» и «распилить чурбак», «срубить дерево» и «разрубить чурбак», «расколоть дерево» и «расколоть чурбак».

Ниже мы приведем несколько переходных глаголов, которые показывают, что представление о целостном организме и его части скрещивается с выражением представления о крупном и мелком однородных предметах, поскольку они передаются в глаголе при помощи одних и тех же грамматических средств.

Рассмотрим в связи с этим глагол со значением «втыкать» (колья).

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

х-а-ј-то 'воткну-его' *х-о-н'-то* 'воткнул-его' *х-а-н'-то* 'воткни-его'

Класс вещей

х-а-в-то 'воткну-это' *х-о-м-то*, *х-о-в-и-н'-то* 'воткнул-это' *х-а-н'-то* 'воткни-это'

Множественный способ действия
при единственном и множественном числе
объекта действия

Класс мужской

х-а-у-с'-ук 'воткну-их' *х-о-у-о-л'-ук* 'воткнул-их' *х-а-у-а-р'-ук* 'воткни-их'

Класс вещей

х-а-в-ук 'втыкаю-этих' *х-о-в-л'-ук* 'втыкал-этих' *х-а-р'-ук* 'втыкай-этих'

Рассматриваемые глаголы имеют две прерывные основы: *х-* — *-то*, *х-* — *-ук*. Первая корневая морфема этих глаголов образована от основы инфинитива *хиј* 'втыкать'. Второе конечное составляющее основы однократного способа действия состоит из двух аффиксальных морфем: *-т-* — глаголообразующего суффикса со значением 'делать', *-о* — суффикса со значением переходности действия. Вторая же корневая морфема прерывной основы глагола многократного способа действия *-ук* произносится некоторыми кетами как *-уу*. Эти морфемные варианты дают повод предполагать, что морфемой *-ук(-у-к)* выражается представление о множественности действия, так как конечный *-у* в морфеме *-уу* может быть сопоставлен с *-у* — показателем множественного числа имен существительных.

Рассматриваемый глагол имеет очень широкое употребление, так как кочевникам кетам постоянно приходится иметь дело с таким действием, как втыкание кольев, из которых, например, состоит каркас их чума.

Жус' — берестяной чум, в котором кеты живут большую часть года — весной, летом и осенью. Название чума, несомненно, является сложным. Первый его компонент сопоставляется со словом *жа* 'жилище', 'внутренность жилища' (*жимн' жа дацабан* 'женщины дома остаются'). Второй же его компонент — *-ус'* может быть сопоставлен со словом *ус'* 'береста'. Каркас чума образуется из жердей. К мужскому классу относятся все его жерди: *лун'* (*оун'*) — одна из жердей каркаса чума; *субуслун'* — одна из двух главных опорных жердей чума, которые ставят под углом друг к другу и укладывают верхний конец одной жерди в специальную выемку (*сагдал*), сделанную на верху другой жерди; *жотанлун'* — жердь, при помощи которой образуют переднюю часть чума, расположенную напротив дверей, эта жердь устанавливается под углом к опорным жердям и верхний ее конец укладывается в развилку, образуемую верхними концами опорных жердей; *жыктиј* — одна из четырех меньших жердей, которые попарно наподобие стропил устанавливаются под углом друг против друга; две из этих жердей опираются своими верхними концами об одну из опорных жердей, а две из них опираются

своими верхними концами о другую опорную жердь; *элать-длун* — одна из двух жердей, которые устанавливаются напротив жерди *хотанлун* и образуют опору для берестяной двери чума; эти жерди устанавливаются под углом к двум опорным жердям, на которые опираются их верхние концы. Поверх этих жердей накладывается большой специальный обруч *тан*, к которому все эти жерди привязываются. Обруч служит опорой для меньших жердей, которые под углом накладываются вокруг чума, чтобы берестяные покрышки, которыми покрывается каркас чума, не проваливались внутрь него и не проламывались. Кроме указанных внутренних жердей поверх берестяных покрышек накладываются наружные жерди, чтобы плотнее придавить покрышки и не дать сорвать их ветру. Наружная жердь называется *ичун*. Кроме того в чуме к мужскому классу относятся: *тынтарокс* (*тынтоокс*) — одна из двух жердей, образующих таган в чуме, *сунлокс* — деревянный крюк для подвески чайников и котлов над костром в чуме; *тапгеллокс* — одна из четырех палок, при помощи которых на земле в чуме образуют квадратный очаг, внутри которого разводят костер.

О втыкании в землю указанных жердей чума говорят при помощи словоформ мужского класса: *субуслун т-хажто* 'опорную жердь воткну', *субуслуну т-хажто* 'опорные жерди воткну' (сразу), *субуслуну т-хажук* 'опорные жерди воткну' (по одной, но обыкновенно их устанавливают обе вместе), *хусдоуну джахуцуу*, ... *алатыноуну джахуцуу* ... *хус бэр* бинбут 'жерди чума она-втыкает ... дверные жерди она втыкает ... чума делание закончилось'. Примечательно, что жерди чума относятся к мужскому классу, но сам чум в целом относится к классу вещей, в связи с чем о его установке говорят при помощи словоформ этого класса: *хус т-хажто* 'чум я-поставлю' (букв. 'воткну'), *хус т-хажто* 'чум я-поставил' (букв. 'воткнул')²³.

Мы не можем здесь останавливаться на описании *баузус* 'землянки' (букв. 'земляного чума') кетов, но отметим, что об установке строил землянки, втыкании жердей для устройства чувала (своеобразного камина над очагом в землянке) и втыкании других крупных жердей в зимнике говорят при помощи тех же словоформ мужского класса: *дэу баузус с'э дугадытн*, *хэу с'а'эраж т-хажууин* ... *соул'даж т-хажууин*, *ламьл'даж т-хажууин* 'люди место для землянки копают, большие строили втыкают ... жерди для чувала (чувальные деревья) втыкают, жерди для двери (дверные деревья) втыкают'.

Кроме того при помощи словоформ мужского класса этого же глагола говорят о втыкании в землю и других крупных жердей,

относимых к этому классу, например: *ауајо'кс т-хажто* 'кол для привязывания лодок воткну', *ауајаж т-хажук* 'колья для привязывания лодки втыкаю', *огород кол жу т-хажук* 'колья для огорода воткну', *доулу дусхажто* 'рогулю воткну', *итн тобижу ис'ау доулуу дусхажук*, *хэр дус'эс'эраж*, *окс'н дитноус'ивит* 'юкалу, чтобы сушить, рогули поставлю, жердь положу [поперек них], из стерлядок юкалу готовить буду'; *хэр дусхажто* 'жердь я-воткну'; *Ила туры динжимна, дурос'сдауа* *р хивил'дил*, *ас'иудолдиуа хон'то* 'Илья бересту для лучения зажег в приспособление для лучения (букв. дымовое дерево) вдел, в нос лодки воткнул' ('воткнул-его').

Теперь обратим внимание на следующий пример, также взятый нами из текста: *дэс'эјэж сасахэс'иу д-бил'эжт*, *баугж т-ховл'ук* 'на своем месте лиственничные гвозди сделал, в землю воткнул'. Деревянный гвоздь, которым сколачивают лодки, называется *ис*, множественное число *эс'иу*, *с'ас'окс' ис* 'гвоздь из лиственницы', *сасахэс'иу* 'гвозди из лиственницы'. Деревянные гвозди, т. е. маленькие колышки, применяемые для сколачивания деревянных предметов, изготавливались кетами из дерева, но поскольку они в сравнении с жердями и с кольями являются мелкими предметами их относят к классу вещей.

Приведенный пример отчетливо показывает, что важнейшим классификационным признаком, на основании которого тот или иной предмет, изготовленный из дерева, относится к мужскому классу или классу вещей, является его величина.

Рассмотрим теперь в этом же плане переходный глагол со значением «сгибать»²⁴:

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

<i>хал'-д-ж-ј-и-т</i> 'согну-его'	<i>хал'-д-о-н-а</i> 'согнул-его'	<i>хал'-д-ж-н-а</i> 'согни-его'
-----------------------------------	----------------------------------	---------------------------------

Класс вещей

<i>хал'-в-и-т</i> 'согну-это'	<i>хал'-и-м-н-а</i> 'согнул-это'	<i>хал'-н-а</i> 'согни-это'
-------------------------------	----------------------------------	-----------------------------

Многократный способ действия
при множественном числе объекта действия

Класс мужской

<i>хал'-д-ау-а-р'а</i> 'сги-баю-их'	<i>хал'-д-оу-о-л'-да</i> 'сги-бал-их'	<i>хал'-д-ау-и-л'-да</i> 'сгибай-их'
-------------------------------------	---------------------------------------	--------------------------------------

²⁴ В произношении О. В. Тыгановой вместо нижеприводимых форм многократного способа действия класса вещей выступают словоформы *хал'-дэвр'а*, *хал'-довил'да*.

²³ В одном из записанных нами текстов встретилось предложение, где с этим словом связывается значение «построить» (о школе): *этнэ јэнуңа кол'а т-хажтун* 'в нашей деревне школу построили' (букв. 'поставили', 'воткнули').

хал'-иу-а-в-р'а 'сги- *хал'-иу-о-в-и-л'-да* 'сги- *хал'-иу-а-л-он* 'сги-
баю-этих' бал-этих' бай-этих'

Рассматриваемые глаголы имеют три простые прерывные основы: *хал'-* — *-т*, *хал'-* — *-а*, *хал'-* — *-да* ~ *-р'а*. Начальная корневая морфема этих прерывных основ образована от основы инфинитива *хал'диј* 'сгибать'. (*Ил'а дэтуроқу хал'диј бинзут* 'Илья свои бересты для лучения сгибать кончил'). Остальные морфемы являются деривационными²⁵.

При помощи словоформ мужского класса говорят о сгибании растущих деревьев: *бал'н т-хал'дэјит* 'черемуху я-согну' (что делают, например, при собирании с нее ягод), *бал'н'иу т-хал'-даңар'а* 'черемухи я-согну (сгибаю)'. При помощи словоформ мужского класса говорят также о сгибании крупных предметов, например обруча, который накладывают поверх установленных колец чума для их скрепления: *тап' т-хал'дэјит* 'обруч (чума) согну'. Для скрепления чувала (трубы над очагом в землянке) изготавливают три обруча, о которых также говорят при помощи словоформ мужского класса: *с'оуыл'тақ д-хал'даңар'ан*, *хытл'-тап' д-хал'дэјитин*, *с'утн'тап' д-хал'дэјитин*, *тојтап' д-хал'-дэјитин*; *хытл'тап' қар'у*, *с'ут'н'тап' хын'ун'а хын'ын'ду*, *тојтап' хај хын'ын'ду* (*хын'ын'до*) 'обручи чувала сгибаем, нижний обруч сгибаем, средний обруч сгибаем, верхний обруч сгибаем; нижний обруч большой, средний обруч немного (маленько) меньше, верхний обруч еще меньше' (приведенные прилагательные согласуются со словом *тап'* 'обруч' при помощи предикативного показателя лица мужского класса *-ду* ~ *-до*).

При помощи словоформ мужского класса говорят также о сгибании обручей для берестяных коробок, обруча для шаманского бубна, а также о сгибании дуг для колыбели, крыши в крытой лодке и дуги в нарте: *бал'тиј тап' т-хал'дэјит* 'обруч для коробки из бересты согну'²⁶, *хас'тап' т-хал'дэјит* 'обод (обруч) бубна согну', *утғаро'кс' т-хал'дэјит* 'дугу для колыбели согну', *тун'уро'кс' (тун'до'кс') т-хал'дэјит* 'дугу для крыши крытой лодки согну'.

²⁵ Объяснение этих показателей см. в работе: Крейнович, 1968.

²⁶ Обруч пришивается к берестяной коробке или туесу при помощи саргы (местное русское название материала, изготавливаемого из верхнего слоя ствола молодой черемухи для сшивания берестяной посуды). Первая корневая морфема глагола со значением этого действия образуется от инфинитива *тиј* 'подшивать подошву к головке обуви', 'обшивать рукавицу', 'пришивать донце к берестяной коробке'. О пришивании обруча к коробке говорят при помощи словоформ мужского класса: *т-а-ј-а* 'пришью-его', *т-о-н'-а* 'пришил-его', *т-а-н'-а* 'пришей-его', *ат' хал'нас' тап' таја* 'я саргыю обруч пришиваю'. О пришивании же доньшка из бересты к этой же коробке говорят при помощи словоформ класса вещей: *т-и-в-а* 'пришью-это', *т-и-м-н-а* 'пришил-это', *т-и-н-а* 'пришей-это', *ат' дуру тива* 'я дно пришиваю'.

О сгибании же мелких колец, крючков для рыбной ловли, а также берест для лучения говорят при помощи словоформ класса вещей: *т'атис' т-хал'вит* 'кольцо для каменного грузила в неводе согну' (камень для грузила вплетается в кольцо, за которое оно привязывается к неводу), *ин' т-хал'имна дувун'бит* 'иглу загнул, крючок из нее сделал', *бу турыј богдија даңавр'а*, *ен' т-хал'вит* 'он бересту для лучения на огне согревает, теперь согнет', *тал'тап' т-хал'вит* 'кольцо для лыжной палки я-согну'.

Если сравнить слова *қус'тап'* 'обруч чума' или *хас'тап'* 'обод бубна' с *тал'тап'* 'кольцом в лыжной палке', то становится совершенно очевидным, что отнесение двух первых предметов к мужскому классу обуславливается не формой имени существительного, но их величиной. Отнесение же последнего предмета к классу вещей объясняется тем, что его величина в сравнении с двумя первыми предметами весьма незначительна.

Можно привести еще много глаголов, которые дополнительно к изложенным фактам могли бы показать, что о крупных изделиях из дерева говорят при помощи глагольных словоформ мужского класса, а о меньших по размеру и объему деревянных изделиях говорят при помощи словоформ класса вещей. Однако и приведенные примеры достаточно отчетливо характеризуют это явление. Рассмотрим теперь, как выражены с этой точки зрения представления кетов о бересте.

Крупные листы бересты относятся к мужскому классу, а небольшие куски бересты относятся к классу вещей. Для подтверждения этого рассмотрим глаголы со значением «сдирать» (шкуру с животного или бересту с березы, кору с дерева). Примечательно, что для обозначения свежевания целого животного или снятия больших листов бересты или коры с дерева употребляются одни глаголы, а для обозначения снятия шкуры с крупного животного (лося, оленя, медведя), либо его камуса (шкура с ног лося или оленя, употребляемая для подклейки лыж), а также для обозначения сдирания с дерева небольшого куса бересты или коры употребляются другие глаголы. Таким образом, в этих глаголах скрещивается выражение двух представлений: во-первых, о целом и его части (освежевание всего животного в целом, либо освежевание шкуры или камуса с ног) и, во вторых, — представление о предмете большой величины и предмете малой величины (снятие большого листа бересты и снятие небольшого листа бересты).

Рассмотрим теперь парадигму спряжения глагола со значением «сдирать шкуру с животного» (т. е. свежевать), «сдирать кору с дерева».

В переводе для краткости будет дано одно только значение «свежевать».

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

К л а с с м у ж с к о й

<i>д-и-у-х-т-с-ах</i> ²⁷ 'я-освежую-его'	<i>д-и-у-х-т-л'-ах</i> ²⁸ 'я-освеживал-его'
<i>к-и-у-х-т-с-ах</i> 'ты-освежаешь-его'	<i>к-и-у-х-т-л'-ах</i> 'ты-освеживал-его'
<i>д-и-у-х-т-с-ах</i> 'он-освежает-его'	<i>д-и-у-х-т-л'-ах</i> 'он-освеживал-его'
<i>дх-й-и-у-х-т-с-ах</i> 'она-освежает-его'	<i>дх-й-и-у-х-т-л'-ах</i> 'она-освеживала-его'
<i>д-и-у-х-т-с-ах-ан</i> 'мы-освежаем-его'	<i>д-и-у-х-т-л'-ах-ан</i> 'мы-освеживали-его'
<i>к-и-у-х-т-с-ах-ан</i> 'вы-освежаете-его'	<i>к-и-у-х-т-л'-ах-ан</i> 'вы-освеживали-его'
<i>д-и-у-х-т-с-ах-ан</i> 'они-освежают-его'	<i>д-и-у-х-т-л'-ах-ан</i> 'они-освеживали-его'

Повелительное наклонение: *и-у-х-т-м-ах* 'освежуй-его'

К л а с с ж е н с к и й

<i>д-и-у-и-т-с-ах</i> 'я-освежую-ее' и т. д.	<i>д-и-у-и-т-л'-ах</i> 'я-освеживал-ее' и т. д.
---	--

Повелительное наклонение: *и-у-и-т-м-ах* 'освежуй-ее'

Многочисленный способ действия
при множественном числе объекта действия

<i>д-и-у-ан-с'-и-й</i> 'я-освежую-их'	<i>д-и-у-ан-л'-и-й</i> 'я-освеживал-их'
<i>к-и-у-ан-с'-и-й</i> 'ты-освежаешь-их'	<i>к-и-у-ан-л'-и-й</i> 'ты-освеживал-их'
<i>д-и-у-ан-с'-и-й</i> 'он-освежает-их'	<i>д-и-у-ан-л'-и-й</i> 'он-освеживал-их'
<i>дх-и-у-ан-с'-и-й</i> 'она-освежает-их'	<i>дх-и-у-ан-л'-и-й</i> 'она-освеживала-их'
<i>д-и-у-ан-с'-и-й-н</i> 'мы-освежаем-их'	<i>д-и-у-ан-л'-и-й-н</i> 'мы-освеживали-их'
<i>к-и-у-ан-с'-и-й-н</i> 'вы-освежаете-их'	<i>к-и-у-ан-л'-и-й-н</i> 'вы-освеживали-их'
<i>д-и-у-ан-с'-и-й-н</i> 'они-освежают-их'	<i>д-и-у-ан-л'-и-й-н</i> 'они-освеживали-их'

²⁷ Этот глагол встречается также в форме *д'-э-у-х-т-с-ах* с корневой морфемой *э-*.

²⁸ Прошедшее завершённое время этого глагола встречается также в форме *д'-и-у-х-т-м-ах* с ассимилированным показателем завершенности действия.

Повелительное наклонение: *и-у-ан-р'-и-й* 'освежуй-их'

Рассматриваемые глаголы имеют две прерывные основы *и-* — *-ах* (или *э-* — *-ах*) и *и-у-* — *-и-й*. Первая корневая морфема этих глаголов, представленная алломорфами *и-/э-*, имеет, по нашему глубокому убеждению, значение «еда» (ср. *и/иу* 'есть', *и:с'* 'еда'). Конечная деривационная морфема *-ах* является показателем однократного способа действия, а конечная деривационная морфема *-и-й* является показателем многократного способа действия. Согласный *-у-*, следующий после корневых морфем в глаголе однократного способа действия, может трактоваться как разграничитель.

Но учитывая, что в глаголе многократного способа действия после корневой морфемы следует *-у-*, являющийся показателем множественности действия, можно рассматривать указанный *-у-* как показатель единичности действия. После *-у-* в глаголе однократного способа действия следует показатель объекта действия *-х-* < *-а-* — мужского класса, *-и-* — женского класса, затем следует детерминатив *-т-*, который, возможно, принимает на себя в данном случае выражение функции единственного числа объекта действия, затем следуют показатели времени и завершенности действия *-с-*, *-л'-* и, наконец, заключает все эти показатели деривационная морфема *-ах*.

В глаголе многократного способа действия после показателя *-у-* следует показатель множественного числа объекта действия *-ан-* < *-ау-*, показатели времени и завершенности действия *-с'-*, *-л'-*, деривационная морфема *-и-й*, а после нее в словоформах множественного числа субъекта действия — показатель *-н*.

Глаголы однократного способа действия употребляются при объекте единственного числа: *эр' диуэтсах* 'соболя я-освежую (свежую)', *сах диуитсах* 'белку я-освежую (свежую)'. Глагол многократного способа действия употребляется при объекте множественного числа: *эт'н диуанс'и-й* 'соболей я-освежую (свежую)', *са:н (са:н) диуанс'и-й* 'белок я-освежую (свежую)'.
О березе (равно и о каждом растущем дереве) кеты говорят как о живом существе, относящемся к мужскому классу. Поэтому о снятии больших пластов бересты с березы говорят при помощи словоформ глагола мужского класса: *ус' диуэтсах* 'березу я обдеру', *ус' диуэттах* 'березу я ободрал'. Приводим еще несколько предложений из записанного нами текста об обработке бересты: . . . *ус' дис'ноуэвэат* . . . *там б'эс'а анэ атын дэкайбо* . . . *кир' ад гайбо* . . . *л'амгэ р бауларун, ус'тэхут' дунгва, доуған' ал'ам диуэтсах* 'березу я-отмечу (букв. я-его-отмечу) . . . чтобы кто-либо не срубил ее (срубил-его) . . . эту я буду рубить (этот я срублю-его) . . . на бок на землю упала, тонкую сторону бересты на березе я-распору, три с половиной сажени (бересты) сдеру с нее (я-освежую-его, я-сдеру-с него)'. Приведенный пример с исключительной отчетливостью свидетельствует о том, что о сдирании больших

пластов бересты с березы кеты говорят как об освеживании животного мужского класса.

Каждая покрывка чума, изготавливаемая из бересты, имеет от трех с половиной до двух с половиной маховых саженей в длину. Поэтому кеты и отыскивают соответствующие березы, с которых можно было бы содрать пласт бересты указанной длины. Одна покрывка чума называется *кыј* (мн. ч. *кыу ~ кдү*). Каждая покрывка сшивается из бересты трех берез. Для устройства большого летнего чума требуется семь берестяных покрывок, для чего необходимо содрать бересту с двадцати одной березы. Кроме того, для такого чума требуется сделать три *кыјатл* (мн. ч. *кдүатлын*) — маты из бересты, при помощи которых в летнем чуме застилают землю. Затем из бересты изготавливается *эла* — дверь и два *элатыј* (мн. ч. *элатын*) — небольшие берестяные покрывки, при помощи которых закрывают в верхней части чума два угла, образующиеся при покрытии каркаса чума большими покрывками. Для зимнего же чума нужны четыре покрывки, два *то:ныј* (мн. ч. *то:ныју*), два *элатыј* и дверь. Для устройства зимнего чума в снегу вырывают яму до самой земли. Ее снежные стены закрывают при помощи щитов из бересты — *то:ныј*, а пол выстилают хвойными ветками. По краям ямы втыкают срубленные в тайге жерди, на которые кладут берестяные покрывки, образуя верхнюю часть зимнего чума.

Приведенные факты показывают, какую огромную роль в жизни кетов играет береста. Ее удельный вес в их жизни можно сравнить с той ролью, какую в жизни северных оленеводов играет оленья шкура, поскольку они изготавливают из них покрывки своих летних и зимних жилищ.

Если с березы сдирается небольшой кусок бересты, то об этом действии говорят при помощи совершенно иного глагола. Небольшие куски бересты нужны в быту кетов не меньше чем большие ее листы, из которых они изготавливают покрывки чумов. Из небольших листов бересты кеты изготавливают различную посуду и коробки, например: *ы:т'* — плоскодонное корытце, в которое складывают ягоды, сырую рыбу, мясо и прочее, *тајол'* — туес, в который сливали *кэлыу* — смазку для обработки кож, которую изготавливали из сваренных прокисших печеней стерляди, *кэкэ-тиј* — туес, в который сливали *бал'гэ* — жирную порсу, которую изготавливали из осетров, для чего их в течение целого дня варили в их собственном жиру, *кэјэс'* — подобие мешков из бересты, в которые складывали юкалу, приготавливаемую в течение лета из рыбы, *кыјуј* — дегские колыбели из бересты, *кытыј* — верхние пеленки из бересты, *ујис'* — нижние пеленки из бересты, *турыј* — специально изготовленные бересты для освещения дна реки при ночной ловле хариусов способом лучения и многое другое.

После этих предварительных замечаний рассмотрим следующий глагол:

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

К л а с с в е щ е й

<i>д'-э-п-к-а-рон'</i> 'я-обдеру-это'	<i>д'-э-п-к-о-л'-дон'</i> 'я-ободрал-это'
<i>к'-э-п-к-а-рон'</i> 'ты-обдерешь-это'	<i>к'-э-п-к-о-л'-дон'</i> 'ты-ободрал-это'
<i>д'-э-п-к-а-рон'</i> 'он-обдерет-это'	<i>д'-э-п-к-о-л'-дон'</i> 'он-ободрал-это'
<i>дэ-ј-э-п-к-а-рон'</i> 'она-обдерет-это'	<i>дэ-ј-э-п-к-о-л'-дон'</i> 'она-ободрала-это'
<i>д'-э-п-к-а-рон'-и-н</i> 'мы-обдерем-это'	<i>д'-э-п-к-о-л'-дон'-и-н</i> 'мы-ободрали-это'
<i>к'-э-п-к-а-рон'-и-н</i> 'вы-обдерете-это'	<i>к'-э-п-к-о-л'-дон'-и-н</i> 'вы-ободрали-это'
<i>д'-э-п-к-а-рон'-и-н</i> 'они-обдерут-это'	<i>д'-э-п-к-о-л'-дон'-и-н</i> 'они-ободрали-это'

Повелительное наклонение: *э-п-к-а-л'-г-он'* (и *эпкэл'дон'*)
'обдери-это'

Многочисленный способ действия
при множественном числе объекта действия

К л а с с в е щ е й

<i>д-и-у-г-э-рон'</i> 'я-обдеру-этих'	<i>д-и-у-г-э-л'-дон'</i> 'я-ободрал-этих'
<i>к-и-у-г-э-рон'</i> 'ты-обдерешь-этих'	<i>к-и-у-г-э-л'-дон'</i> 'ты-ободрал-этих'
<i>д-и-у-г-э-рон'</i> 'он-обдерет-этих'	<i>д-и-у-г-э-л'-дон'</i> 'он-ободрал-этих'
<i>дэ-и-у-г-э-рон'</i> 'она-обдерет-этих'	<i>дэ-и-у-г-э-л'-дон'</i> 'она-ободрала-этих'
<i>д-и-у-г-э-рон'-и-н</i> 'мы-обдерем-этих'	<i>д-и-у-г-э-л'-дон'-и-н</i> 'мы-ободрали-этих'
<i>к-и-у-г-э-рон'-и-н</i> 'вы-обдерете-этих'	<i>к-и-у-г-э-л'-дон'-и-н</i> 'вы-ободрали-этих'
<i>д-и-у-г-э-рон'-и-н</i> 'они-обдерут-этих'	<i>д-и-у-г-э-л'-дон'-и-н</i> 'они-ободрали-этих'

Повелительное наклонение: *и-у-г-э-л'-г-он'*
(и *иугэл'дон'*) 'обдери-этих'

Рассматриваемые глаголы имеют две сложные прерывные основы: *э-п-* — *-рон'* ~ *-дон'*, *и-у-* — *-рон'* ~ *-дон'*. Основа глагола многократного способа действия образована от инфинитива *иудон* 'обдирать', 'свежевать', при помощи раздвижения образующих его компонентов — начального составляющего *иу-* (*и-у-*)

и корневой морфемы *-дон'* ~ *-рон'*. Значение начальных корневых морфем было указано уже выше. Аффиксальная морфема *-п-* указывает на единственное число действия (ср. *кон'* 'бурундуки', *кон'* 'бурундуки'), а морфема *-у-* — на множественное число действия. Компонент *-г-*, следующий после *-п-*, представляет собой фонетически модифицированный детерминатив *-к-* ~ *-г-*, который обнаруживается в глаголе многократного способа действия после *-у-*. Потом следуют показатели времени *-а-*, *-о-* и завершенности действия *-л'*, затем вторая корневая морфема *-рон'* ~ *-дон'* со значением 'обдирать', 'сдирать' (см. стр. 179). В словоформах множественного числа после этой морфемы следует соединительный гласный *-и-* и показатель множественного числа субъекта действия *-н-*.

Нами отмечены следующие случаи употребления глагола однократного способа действия: 1) снимать один камус с одной ноги лося или оленя: *қа́жул' д'эпқарон'* 'камус лося снимаю', *с'ас' д'эпқарон'* 'камус оленя снимаю' (т. е. освежую одну ногу лося или одну ногу оленя); 2) снимать шкуру с оленя, лося, медведя, если речь при этом идет именно о шкуре (*иуол'т*): *с'эл'дэиуол'т д'эпқарон'* 'оленью шкуру освежую'²⁹ (но *с'эл' диуэксақ* 'оленья освежую'); 3) сдирать с березы кусок бересты для чего-либо: *қы́й л'амт ус'тауал' д'эпқарон'* *ы:р'иуэс'ау* 'кусочек бересты с березы я сдеру для посуды *ы:т'*', а *д'эпқол'дон' ус'тауал' қус' туры́* 'я содрал с березы один кусочек бересты для лучения'; 4) снимать с чума одну покрывку: *қус' қы́й д'эпқарон'* 'одну покрывку чума снимаю'; 5) сдирать со старой лыжи подклеенный к ней камус: *асл' д'эпқарон'* 'обдеру лыжу' (т. е. 'сдеру с нее камус'). Глагол многократного способа действия употребляется в тех же случаях, только в отношении множественного числа объекта действия: 1) снимать камусы со всех ног лося или оленя: *қа́жул'иу диуэгарон'* 'камусы лося снимаю', *с'ас'иу диуэгарон'* 'камусы оленя снимаю'; 2) освежевывать шкуры с крупных животных: *с'эннэиуол'тэу диуэгарон'* 'шкуры оленей снимаю' (но *с'эн диуанси́* 'оленья я освежую'); 3) снимать с березы куски бересты: *ар' ус'тауал' доу ту́роқу диуэгал'дон'* 'я с березы три кусочка бересты для лучения снял'; 4) снимать с чума все берестяные покрывки: *қус'тиуил' қы́у диуэгарон'* 'с чума покрывки снимаю', *ен' қуу диуэгарон'иуин'*, *ас'эл'диуа дабару́гэвэтин* 'теперь чумы они обдирают, к крытой лодке перетаскивают'; 5) сдирать со старых лыж подклеенный к ним камус: *асл'иу диуэгарон'* 'лыжи обдеру' (т. е. 'сдеру с них камус').

Приведенные нами факты подтверждают высказанное выше мнение, что во всех рассмотренных нами глаголах со значением «свежевать», «обдирать» скрещивается выражение двух предста-

влений — о целом и его части и о предмете большой и малой величины.

Содранная береста подвергается сложному процессу обработки, прежде чем из нее можно будет изготовить покрывку для чума. После снятия с поваленной березы большого пласта бересты последний свертывают в рулон, а рулоны связывают друг с другом. Связку таких берест уносят из лесу к чуму. Об этих пластах бересты говорят словоформами мужского класса, как о живых существах: *доуған' ал'ам диуэксақ*, *бол'тақоксивит*, *ус'иунаа дикка́сиу*, *қус'тиуа дикка́сиу*, *ен' кам ди́дгэрау́зут'н'*, *с'эл' дэ́иуиуол'витн*, *ынуу́қо да́юуол'вит* '(бересту) в три с половиной ручных сажен сдеру с нее (сдеру-с него), в рулон сверну ее (рулон-из него-сделаю), к берестам ее привяжу (я-его-завяжу), вместе (воедино) свяжем-их, теперь вот к берегу (т. е. к стоянке на берегу) мы пойдем (мы-к берегу-пойдем), достаточно мы берест-надрали, на две полные покрывки я-надрала-их'.

После этого на стоянке бересты разворачивают и приступают к их обработке. Прежде всего с внутренней стороны бересты при помощи ножа соскабливают остатки мягкого слоя берестовой коры (*хил'*), пролегающей между берестой и древесиной. Для обозначения этого процесса имеется следующий глагол:

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

<i>д-а-у-э-п-тэ́т</i> 'я-его-скоблю'	<i>д-а-у-э-в-и-л'-тэ́т</i> 'я-его-скоблил'	<i>а-у-э-тэ́т</i> 'его-скобли'
--------------------------------------	--	--------------------------------

Класс вещей

<i>к-а-в-тэ́т</i> ³⁰ 'скоблю-это'	<i>к-о-в-и-л'-тэ́т</i> 'скоблил-это'	<i>к-а-тэ́т</i> 'скобли-это'
--	--------------------------------------	------------------------------

³⁰ В кетском языке имеются четыре инфинитива для выражения значения «скоблить»: *кит*, *ки*, *қыр*, *лн'ти́*. Инфинитив *кит* связывается кетам с рассматриваемым глаголом *ка́тэ́т* и т. д. От инфинитива *ки* образуется прерывная основа глагола *к-* — *-и-*; класс вещей: *кави* 'скоблю-это', *комн'и* 'скоблил-это', *кан'ди* 'скобли-это', класс мужской: *дауэ́ви* 'я-его-скоблю', *дауомн'и* 'я-его скоблил', *ауэ́нди* 'его-скобли'. При помощи словоформ класса вещей говорят, например, когда скоблят камусы или *тивык* — стружки из мерзлой черемухи или березы, употребляемые для вытирания посуды. Если же при этом упоминают кусок дерева, из которого изготовляют эти стружки *тымо́кс'* (или *тымбо́кс'*), то о его скоблении говорят при помощи словоформ мужского класса, образованных на основе словоформ класса вещей путем префигирования к ним субъектно-объектных показателей. От инфинитива *қыр'* образуется глагол *дивы́т* 'я-это-скоблю', *билы́т* 'это-скоблил', когда речь идет главным образом об обработке деревянных изделий при помощи скобеля *тивы́т*. От инфинитива *лн'ти́* к глаголу отходит только его первая корневая морфема: *длн'гавэ́т* 'я-это-скоблю', *длн'гавилы́т* 'я-это-скоблил', когда речь идет, например, об обработке камуса.

²⁹ О шкурках пушных зверей — соболя, белки, лисы и др. говорят как о живых существах мужского или женского класса.

Класс мужской

д-ау-г-г-п-тэ́т 'я-их-скоблю' *д-ау-г-г-в-и-л'-тэ́т* 'я-их-скоблил' *ау-г-г-тэ́т* 'их-скобли'

Класс вещей

к-а-в-тэ́т 'скоблю-этих' *к-о-в-и-л'-тэ́т* 'скоблил-этих' *к-а-тэ́т* 'скобли-этих'

Рассматриваемые глаголы имеют одну сложную прерывную основу *к-* — *тэ́т*. Начальная корневая морфема этого глагола образована от *к-* — начального компонента инфинитива *кит* 'скоблить при помощи ножа'. Вторая корневая морфема образована от связанной основы *-тэ́т*, в свою очередь образованной от инфинитива *таp'* 'бить'.

Нетрудно заметить, что словоформы глагола мужского класса образованы в этих глаголах на основе словоформ класса вещей посредством префигирования к ним субъектно-объектных показателей *д-а-* 'я-его', *к-а-* 'ты-его' и т. д., *д-ау-* 'я-их', *к-ау-* 'ты-их' и т. д. В середину прерывной основы инфигированы показатели времени *-а-*, *-о-*, завершенности действия *-л'-*, показатель класса вещей *-г-*, соединительный гласный *-и-*. В словоформах мужского класса эти показатели также остаются, но показатель класса вещей в этом случае, несомненно, утрачивает свое значение.

При помощи рассматриваемого глагола говорят об оскабливании ножом внутренней стороны бересты, готовых заготовок для лыж, столика для еды, соскабливании льда с полозьев нарт и др. Об оскабливании больших листов бересты говорят при помощи словоформ мужского класса: *ус' дау́гптэ́т* 'бересту я поскоблю' ('я-его-поскоблю'), *анокс' абу́с'иу дау́гптэ́т* 'завтра свои бересты я поскоблю' ('я-их-поскоблю'). Об оскабливании же небольших листов бересты говорят при помощи словоформ класса вещей: *кы́й д-гавтэ́т* 'бересту я поскоблю' ('я-это-поскоблю'), *кы́у д-гавтэ́т* 'бересты я поскоблю' (показателя множественного числа в этой словоформе нет), *л'ам д-гавтэ́т* 'готовую заготовку лыжи я поскоблю' ('я-это-поскоблю'), *бин'д вс'ул'дын'иу кымæ р гавтэ́т* 'сама полозья своей нарти я поскоблю' и т. д.

После того как с внутренней стороны бересты соскоблены остатки коры — *хил'*, приступают к обработке ее наружной стороны. Этот процесс состоит в том, что с наружной стороны бересты сдирают все отслаивающиеся от нее верхние наружные слои бересты, для обозначения которых в кетском языке имеется специальное слово *дуны́й*. Для изготовления покрывшек чума пригодна не всякая береста, а только такая, которая гибка, имеет *дуны́й* и образует большую ровную гладкую поверхность, лишенную всяких изъянов. Березы с такой берестой специально

отыскиваются кетами: *ус' а тæп' л'оу́л'оу́гæт*, *ус'у диумдо б'н'?* *устæ кур' ул'до*, *ус'у дуны́йæйт?* *дæдуны́й л'л'ам*, *кы́й ус'ис'ау а́тæро* 'березу я пока осмотрю, а береста гибкая или нет? а береста *дуны́й* имеет ли? ее (его) *дуны́й* слабый (букв. шатается, т. е. легко отделяется от остальной бересты), для покрывшки чума хорошая-она (хорош-он)'.

Процесс снятия *дуны́й* с бересты обозначается двумя глаголами. Рассмотрим сперва простой глагол с основой *-дон'* ~ *-рон'* в конце слова:

Класс мужской

д-а-ј-дон' 'я-его-обди-раю' *д-о-л'-дон'* 'я-его-ободрал' *а-л'-г-он'* 'обдери-его'

Класс вещей

д-а-в-рон' 'я-это-обди-раю' *д-о-в-и-л'-дон'* 'я-это-ободрал' *а-л'-г-он'* (и *ал'дон'*) 'обдери-это'

Класс мужской

д-ау-г-рон' 'я-их-обдери' *д-оу-о-л'-дон'* 'я-их-ободрал' *ау-г-л'-г-он'* 'обдери-их'

Класс вещей

д-а-в-рон' 'я-этих-обдираю' *д-о-в-и-л'-дон'* 'я-этих-ободрал' *а-л'-г-он'* (и *ал'дон'*) 'обдери-этих'

Корневая основа рассматриваемого глагола *-дон'* ~ *-рон'* 'обдирать с бересты *дуны́й*', 'сдирать верхний слой с коры для изготовления из нее лыка' находится, возможно, в генетической связи с инфинитивом *до* 'тесать'. Так, кеты говорят *дуны́й до нара* 'верхние слои бересты ободрать надо', но когда этот процесс производится, то о нем говорят при помощи рассмотренного глагола. Обдирание верхних слоев бересты производится руками без каких-либо инструментов. Когда обдираются большие листы бересты, то о них говорят при помощи словоформ мужского класса: *ус' дуны́й да́йдон'* 'с бересты верхние слои бересты обдери' (букв. 'береста верхние слои бересты я-его-обдери'), *ус'иу дуны́й дау́грон'* 'с бересты верхние слои я обдери' ('я-их-обдери'). О маленьких листах бересты говорят при помощи словоформ класса вещей: *кы́й л'амт дуны́й даврон'* *хы́нæ тл'ол'-æс'ау* 'с куска бересты верхние слои обдери для изготовления

маленького туеса' (для изготовления берестяного корыта *ы:т'* верхние слои бересты не сдираются).

Кроме того об обдирании верхних слоев с больших листов бересты говорят еще при помощи следующего сложного инкорпорированного глагола:

Однократный способ действия
при единственном числе объекта действия

Класс мужской

<i>дуныј-а-т-æ-ро</i> 'верх- ние слои бересты обдираю'	<i>дуныј-а-т-о-н'-до</i> 'верхние слои бе- ресты ободрал'	<i>дуныј-а-т-о-н'-до</i> 'верхние слои бе- ресты обдери'
--	---	--

Многократный способ действия
при множественном числе объекта действия

Класс мужской

<i>дуныј-ау-т-æ-ро</i> 'верхние слои бе- рест обдираю'	<i>дуныј-ау-т-о-н'-до</i> 'верхние слои бе- рест ободрал'	<i>дуныј-ау-т-о-н'-до</i> 'верхние пласты берест обдирай'
--	---	---

Начальная корневая морфема рассматриваемого глагола образована от известного уже нам слова *дуныј*, а конечная корневая морфема *-ро ~ -до* образована от инфинитива *до* 'тесать'. Таким образом этот глагол уподобляет действие сдираания коры действию тесания. О. В. Тыганова дала нам также этот глагол в словоформе класса вещей: *хыј л'амт дуныјтавро* 'с куска бересты *дуныј* обдери' (букв. обтешу), *хыј л'амтау дуныјтавро* 'с кусков берест *дуныј* обдери'. Однако, дав мне эти формы, она тут же сказала, что наиболее употребительны в этом случае формы глагола *давро* 'я-это-обдери'. Тем не менее данные ею формы интересны тем, что в них в качестве второго компонента выступает глагол *тавро* 'обтешу-это'. Компонент *-тавро* объясняет происхождение компонента *-тæро < -таро* в словоформах глагола мужского класса. Примечательно, что в словоформе *тајдо* 'обтесываю-его' (см. стр. 165) показатель мужского класса *-а-* инфигирован между детерминативом *т-* и корневой морфемой *-до*. В глаголе же *дуныј-а-тæро* он префигирован к детерминативу, а между последним и корневой основой расположены показатели времени.

Приводим пример употребления этого глагола, встретившийся нам в тексте об обработке бересты: *анокс' абус'иу дауҕаптат, усьиу дауҕавил'тат, дуныјауҕтавро* 'завтра мои бересты скоблить буду, бересты соскоблила (я-скоблила-их), верхние слои бересты с них обдирать буду'.

После такой обработки больших листов бересты каждую бересту свертывают в рулон. Затем эти рулоны ставят в котел, заливают его водой и кипятят. Когда в котле достаточно проварятся нижние стороны берест, то их поворачивают сваренными концами вверх, а несваренные половины погружают в котел и снова варят их. После этого бересты вынимают из котла, разворачивают, остужают и, наконец, приступают к изготовлению из них покрышек чума. Из трех больших листов бересты сшивается одна полная покрышка чума. Однако мы не можем останавливаться на всем процессе изготовления чума и описании всех глаголов, при помощи которых говорят об этих процессах. Весь материал об обработке дерева и бересты был привлечен нами лишь затем, чтобы показать, что о крупных изделиях из дерева и больших листах бересты говорят при помощи словоформ мужского класса, а о мелких изделиях из дерева и небольших листах бересты говорят при помощи словоформ класса вещей. Кроме того при изучении этого материала было установлено, что о целостном организме говорят при помощи глагольных словоформ мужского или женского классов, а о части целого организма говорят, за единичными исключениями, при помощи словоформ класса вещей. Все эти факты, как мы увидим дальше, имеют исключительно важное значение для определения природы именных классов в кетском языке.

Ниже мы приводим переходный глагол со значением «есть что-либо». Он представлен глаголом с корневой основой в конце слова. Примечательно, что когда при этом называют целостный предмет (хариуса, рябчика, налима, белку и т. д.), то употребляется глагол, образованный от корневой морфемы *-дох ~ -рох ~ -д ~ -р-*. Когда же при этом называется часть целостного предмета (рыба, разрезаемая на куски, мясо, хлеб), то употребляется глагол, образованный от корневой морфемы *-а*. В говоре суломайских кетов эта корневая морфема в словоформах единственного числа утрачена, но в словоформах множественного числа она сохраняется. В других же говорах имбацкого диалекта она выступает и в словоформах единственного числа. Приводим парадигму спряжения этого глагола:

Класс мужской

<i>ди-у-æ-рох</i> 'я-его-ем'	<i>д-о-л'-дох</i> 'я-его-ел (съел)'
<i>ку-у-æ-рох</i> 'ты-его-ешь'	<i>к-о-л'-дох</i> 'ты-его-ел (съел)'
<i>ду-у-æ-рох</i> 'он-его-ест'	<i>д-о-л'-дох</i> 'он-его-ел (съел)'
<i>дъ-у-æ-рох</i> 'она-его-ест'	<i>дъ-о-л'-дох</i> 'она-его-ела (съела)'
<i>ди-у-æ-р-и-у-и-н'</i> 'мы-его-едем'	<i>д-о-л'-д-и-у-и-н'</i> 'мы-его-ели (съели)'
<i>ку-у-æ-р-и-у-и-н'</i> 'вы-его-едите'	<i>к-о-л'-д-и-у-и-н'</i> 'вы-его-ели (съели)'
<i>ду-у-æ-р-и-у-и-н'</i> 'они-его-едят'	<i>д-о-л'-д-и-у-и-н'</i> 'они-его-ели (съели)'

Класс женский

ди-рох 'я-ее-ем'	д-и-р-и-л'-дох 'я-ее-ел (съел)'
ку-рох 'ты-ее-ешь'	к-и-р-и-л'-дох 'ты-ее-ел (съел)'
ду-рох 'он-ее-ест'	д-и-р-и-л'-дох 'он-ее-ел (съел)'
дъ-рох 'она-ее-ест'	дж-и-р-и-л'-дох 'она-ее-ела (съела)'
ди-р-и-γ-и-н' 'мы-ее-едим'	д-и-р'-у-л'-д-и-γ-и-н' 'мы-ее-ели (съели)'
ку-р-и-γ-и-н' 'вы-ее-едите'	к-и-р'-у-л'-д-и-γ-и-н' 'вы-ее-ели (съели)'
ду-р-и-γ-и-н' 'они-ее-едят'	д-и-р'-у-л'-д-и-γ-и-н' 'они-ее-ели (съели)'

Класс вещей

ди-н' ³² 'я-это-ем'	д-в-и-л' (б-и-л') ³³ 'я-это-ел (съел)'
ку-н' 'ты-это-ешь'	γ-в-и-л' (б-и-л') 'ты-это-ел (съел)'
ду-н' 'он-это-ест'	д-в-и-л' (б-и-л') 'он-это-ел (съел)'
дъ-н' 'она-это-ест'	дж-в-и-л' (дж-б-и-л') 'она-это-ела (съела)'
ди-в-а-н 'мы-это-едим'	д-в-и-л'-а-н (б-и-л'-а-н) 'мы-это-ели (съели)'
ку-в-а-н 'вы-это-едите'	γ-в-и-л'-а-н (б-и-л'-а-н) 'вы-это-ели (съели)'
ду-в-а-н 'они-это-едят'	д-в-и-л'-а-н (б-и-л'-а-н) 'они-это-ели (съели)'

³¹ В словоформах повелительного наклонения начальный согласный корневой основы -рох ~ -дох ассимилировался в л под влиянием показателя завершенности действия -л-.

³² В словоформах единственного числа этого глагола выпала корневая основа -а, сохранившаяся в других говорах имбацкого диалекта (диба 'я-это-ем', куба 'ты-это-ешь', дуба 'он-это-ест', дъба 'она-это-ест'). В подобных случаях имеет, по-видимому, место «перенесение центра тяжести слова с одного корня на другой, т. е. перенесение роли главного корня на придаточный корень, исполнявший прежде в данном слове второстепенную роль (роль приставки, аффикса и т. п.). (Бодуэн-де-Куртенэ, 1963, стр. 92).

³³ Словоформы с личными показателями записаны нами от Т. Г. Толстых. Перед личным префиксом 2-го лица может располагаться соединительный гласный и-: у ту и-с' убил 'ты сырую рыбу съел'. Словоформы же без личных показателей встречаются в произношении представителей более молодых поколений.

В словоформах мужского и женского классов рассматриваемого глагола затруднительно объяснение словоформ множественного числа, поскольку от корневой морфемы -дох/-рох в них сохраняется один только согласный -р-/-д-. Представляет ли он супплетивную корневую морфему или часть корневой морфемы, сказать трудно³⁴.

Приводим теперь примеры употребления этого глагола: мужской класс — битс'а куухрох? 'кого ты-ешь?', т'от' диухрох 'тай-меня ем', б'эс'а курох? 'кого ты-ешь?', к'эс' дирух 'налима ем', акус' куп' 'что ты-ешь?', кит дин' 'мясо ем'.

Несмотря на то что рассмотренный глагол образован от двух супплетивных основ (подобно глаголу диухтсах 'я-освежую-его', когда говорят о целом животном, и д'эпхарон' 'я-освежую-это', когда речь идет о части животного, его шкуре или камусе), он входит в систему всех рассмотренных выше фактов, поскольку в нем отражено представление о целом и его части, которое отчасти соотносится с представлением о предмете больших или меньших размеров.

На основании изложенных данных можно прийти к выводу, что первоначально в кетском языке было только два класса. Основанием этого мнения служит то, что в составе личных показателей группы Б имеются только два классных показателя: для класса мужчин — а, о, для класса женщин и вещей — и, у. Надо полагать, что в основе этого деления лежит не половой принцип, а признак социальной значимости предмета. Большая жердь и маленькая палочка, большой обруч и маленький обруч (на лыжной палке), большой лист бересты и небольшой лист бересты относятся к мужскому классу и классу вещей не по признаку пола, но по признаку величины и, вероятно, значимости: большое — это нечто значимое, а малое — менее значимое.

Взглянув с этой точки зрения на то, что наряду с крупными предметами в этом же классе находятся и мужчины, а наряду с мелкими предметами в этом же классе находятся женщины, можно понять, что в основе этого деления лежит не половой, а социальный признак.

Примечательно, что в некоторых «африканских языках различие большого и малого, значительного и незначительного связано с выражением естественного рода, то есть пола, причем одушевленные существа мужского рода образуют общую грамматическую категорию с выражением больших, а существа женского рода с выражением малых величин»³⁵.

³⁴ Аналогичное явление отмечается в спряжении непереходного глагола, корневая морфема которого образована от инфинитива дла 'жить', 'жизнь': диухрэх 'я-живу', но диуи-н 'мы-живем', где в словоформах множественного числа, по-видимому, выступает супплетивная основа -и-н.

³⁵ Клингенхейб, 1963, стр. 48.

У всех так называемых культурно отсталых народов, не вышедших еще из условий охотничьего быта, мужчины-охотники занимают привилегированное положение в сравнении с женщинами-собираательницами. Еще резче это различие выступает в условиях патриархального рода.

Приходя к выводу, что в основе деления имен существительных на классы в кетском языке важнейшую роль играл признак социальной значимости предмета, а не его половая принадлежность, мы можем также понять, почему среди личных показателей группы Д отражено деление имен существительных на три класса — класс мужчин с показателями *а, о* (совмещающих в себе во многих случаях и выражение значения времени, чем они отличаются от аналогичных показателей группы Б), класс женщин с показателем *и*, класс вещей с показателем *б ~ п ~ в ~ м*.

Данные кетского языка дают основание полагать, что личные показатели группы Б древнее личных показателей группы Д. Это предположение основывается на том факте, что в составе предложения к глаголам, образованным при помощи показателей группы Б в значении субъекта действия, могут префигироваться еще показатели субъекта действия группы Д ряда *δ-δ-*, словно первые недостаточны для выражения этого значения. В записях фольклора мы неоднократно сталкивались с подобного рода случаями. Ниже мы приводим сокращенную парадигму спряжения глагола со значением «вытащить что-либо, кого-либо». В качестве прямого дополнения к этому глаголу приводится слово женского класса *хал'г* 'ерш'. При двух согласных, которыми заканчивается это слово, к личным показателям ряда *δ-δ-* присоединяется соединительный гласный *и-*, чтобы избежать стечения четырех согласных в потоке речи:

<i>хал'г ир баттаҕ</i> 'ерша я вытащу'	<i>хал'г ир баддитаҕ</i> 'ерша я вытащил'
<i>хал'г иҕ гуттаҕ</i> 'ерша ты вытащишь'	<i>хал'г иҕ гуддитаҕ</i> 'ерша ты вытащил'
<i>хал'г ир буттаҕ</i> 'ерша он вытащит'	<i>хал'г ир буддитаҕ</i> 'ерша он вытащил'
<i>хал'г ирҕ буттаҕ</i> 'ерша она вытащит'	<i>хал'г ирҕ буддитаҕ</i> 'ерша она вытащил'
<i>хал'г ир дьүтираҕин</i> 'ерша мы вытащим'	<i>хал'г ир дьүтиттаҕин</i> 'ерша мы вытащили'
<i>хал'г иҕ дьүтираҕин</i> 'ерша вы вытащите'	<i>хал'г иҕ кьүтиттаҕин</i> 'ерша вы вытащили'
<i>хал'г ир буттаҕин</i> 'ерша они вытащат'	<i>хал'г ир буддитаҕин</i> 'ерша они вытащили'

Наращение личных показателей субъекта действия группы Д на личные показатели субъекта действия группы Б может объясняться только тем, что последними первоначально выражалось

какое-то иное значение отличное от значения субъекта действия. Так, нами высказывалось уже предположение, что личными показателями группы Б в глаголе обозначалась принадлежность действия лицу³⁶. Н. К. Каргер верно отметил, что префикс 1-го лица на *б* в глаголах (он ошибочно только примешивает сюда показатель 3-го лица единственного числа на *б*, который образуется от личного местоимения 3-го лица единственного числа *бу* 'он') мог образоваться от «конечной согласной притяжательного местоимения 1-го лица *ап* 'мой'», а показатель 1-го лица единственного числа *δ-* мог образоваться от конечного согласного личного местоимения *ам* 'я'³⁷. Возможность выражения субъекта действия в глаголах со значением звучания при помощи показателей именной категории принадлежности (*авкутол'иҕэҕа* 'я свищу', букв. 'мое свистание раздастся' и т. д., основа: *кутол'иҕ-* 'свистеть') дает достаточно веское основание для подтверждения высказываемого предположения, что личные показатели группы Б в языке выражали значение субъекта действия в языке посессивными средствами.

Считая личные показатели группы Б более древними, мы должны признать, что первоначально в кетском языке были выражены только два класса. Сказанное объясняет нам также, почему некоторые термины, обозначающие мужчин (см. стр. 139), оканчиваются в кетском языке на *-т*, а некоторые термины, обозначающие женщин, оканчиваются на *-м*, который выступает также в качестве грамматического показателя класса вещей.

Несомненно, на какой-то ступени исторического развития кеты относились к женщинам как к существам, стоявшим на социальной лестнице значительно ниже мужчин, в связи с чем они оказались в одном именном классе с вещами.

Далее мы увидим, что животные, птицы и рыбы в кетском языке расклассифицированы между мужским и женским классами. Пытаясь понять, почему, например, горноста́й, щука и ко́мар относятся к классу мужчин, а заяц, ерш и кузнечик относятся к классу женщин, мы никак не можем объяснить этого деления на основании полового признака. Между тем, если принять во

³⁶ Крейнович, 1964, стр. 140—145. А. П. Дульзон высказывает предположение, что древняя модель центральноазиатской языковой общности, к которой, по его мнению, принадлежал и кетский, представляла собой «язык чисто классного построения, в котором аффиксы лица действия еще не выработались и лицо глагольного действия, по-видимому, обозначалось классным показателем, отмечавшим роль лица в общественном производстве» (Дульзон, 1966, стр. 21—23). Находится ли это положение автора в какой-либо связи с высказанными нами положениями о личных показателях групп Б и Д, покажет соответствующая публикация, которая, вероятно, будет обнародована.

³⁷ Каргер, 1934, стр. 235. На основании публикации Н. К. Каргера И. И. Мещанинов приходит к следующему заключению: «То немногое, что удалось проследить, сводится лишь к особенностям действующей парадигмы склонения имен и вербального построения, в котором частично улавливаются признаки притяжательного строя спряжения» (Мещанинов, 1948, стр. 509).

внимание, что горностаи и щука являются в высшей степени подвижными и сильными хищниками, а что от комаров никто не имеет покоя, чего нельзя сказать о зайце, ерше и кузнечике, то можно понять, что отнесение одних живых существ к классу мужчин, а других живых существ к классу женщин основывается в кетском языке не на половом признаке, но на признаке наибольшей активности одних существ и меньшей активности других. Вместе с тем здесь, вероятно, учитывается и та роль, какую играет в экономике кетов то или иное промысловое животное, птица или рыба. Так, например, «тугун» — это маленькая рыбка, но так как она идет огромными массами и занимает в пищевом рационе кетов большое место, она относится к мужскому классу, а окунь, например, которым кеты мало пользуются, относится к женскому классу. Надо также учитывать и то, что на отнесение предмета к тому или иному классу могут влиять и мифологические представления, как, например, это имеет место в отношении луны, которая относится в кетском языке к классу мужчин, а солнце относится к классу женщин. То же самое, вероятно, можно сказать и о лисе, которая в мифах ряда народов выступает в образе женщины. О кукушке же у кетов имеется предание, передаваемое в виде сказки, что она была женщиной.

Явление дополнительного подключения личных показателей ряда *θ-θ-* к глаголам с личными показателями группы Б свидетельствует, по-видимому, о том, что личные показатели группы Д развились в кетском языке позже личных показателей группы Б. Причем это развитие совпало с какими-то изменениями в общественной жизни кетов, выразившимися также и в изменении их взглядов на женщину. Вследствие этого они стали отделять ее от всего остального класса вещей, что нашло свое отражение в более новой дифференциации имен существительных на три класса и в появлении особого показателя для класса вещей *б ~ в ~ п ~ м*. Примечательно, что этот показатель входит только в систему классных показателей группы Д и отсутствует в системе классных показателей группы Б³⁸. Указанное обстоятельство должно заставить задуматься каждого, кто будет в дальнейшем заниматься изучением классной системы кетского языка.

Высказываемые здесь предположения представляют собой попытку осмысления данных кетского языка на основе социального и исторического подхода к ним, поскольку один только половой признак не в состоянии объяснить классной дифференциации имен существительных в этом языке³⁹.

Исследование словоизменительных показателей, при помощи которых глаголы, предикативные формы прилагательных, наречий места, местного падежа имен существительных и местоимений,

³⁸ Лишь в крайне редких случаях он вторгается в систему показателей этой группы, ср., например, *тобауэтэт* 'схватит-меня', *токууэтэт* 'схватит-тебя', *топэтэт* 'схватит-это'.

³⁹ О новом подходе к именной классификации в цахурском языке см. Мельников и Курбанов, 1964, стр. 157—170.

а также формы пространственных падежей и другие формы слов согласуются с соответствующими именами существительными, дает нам твердое основание для выделения следующих классов имен существительных.

К классу мужскому или классу существ с наибольшей активностью относятся:

Наименования мужчин по различным признакам (возраст, родство, свойство и др.): *хиу* 'мужчина', *к'эт* 'человек', *о'п* 'отец', *ба:т* 'старик', *қил* 'дедушка', также 'дядя' (старший брат отца или матери), *қо'ј* 'дядя' (младший брат отца или матери), *бис'ап* 'брат', *хын* 'сын', *қал* 'внук', *т'эт* 'муж', *б'ап* 'зять' (муж старшей сестры), *иэн* 'зять' (муж младшей сестры). Сюда же относятся и собственные имена мужчин.

Наименования следующих животных: *қој* 'медведь', *қай* 'лось', *с'эл* 'олень', *эр* 'соболь', *кун* 'росомаха', *кул'ап* 'горностаи', *кыт* 'колонок', *қыт* 'волк', *ак* 'кабарга', *тин* 'собака', *ы*: 'самец-олень'.

Наименования следующих рыб: *т'от* 'таймень', *қур* 'щука', *быт'н* 'ленок', *такт* 'чир', *с'ул* 'нельма', *тоттал* 'сиг', *л'ун* 'хариус', *тух* 'тугун', *қақ* 'елец', *бил'гит* 'сорога', *ур'м* 'пескарь'.

Наименования следующих птиц: *ди?* 'орел', *қау* 'коршун', *тиу* 'лебедь', *т'эм* 'гусь', *тау* 'журавль', *хыј* 'филин', *бит* 'гагара', *ыс* 'дятел', *с'энтэл* 'маленький дятел', *дит* 'глухарь', *тыкол'а* 'кедровка', *ассун* 'куропатка', *с'у* 'рябчик', *қун* 'косач', *кыл'ит* 'воробей' (?), *хал*, *тох*, *хоја*, *тамат*, *б'ыт'аэн*, *суза*, *ул'поуол* — разновидности уток, для которых не удалось установить русских названий.

Наименования пресмыкающихся и червей: *тих* 'змея', *утих* 'червь', *урон* 'пиявка' (?).

Наименования насекомых: *с'уј* 'комар', *лв* 'вошь', *бис'т* 'оса', *қиббат* 'пчела', *қајақпун* 'овод', *тыт* 'мошка', *қын'т* 'муравей', *қумл'эј* 'бабочка'.

Наименования деревьев: *о'кс* 'дерево', *ус* 'береза'⁴⁰, *хај* 'кедр', *эј* 'сосна', *ды:н* 'ель', *ыл* 'осина', *с'эс* 'лиственница', *хојо'кс* 'пихта', *с'лндо'кс* 'рябина', *с'ујо'кс* 'ольха', *бал'н* 'черемуха'.

Наименования космических явлений: *қип* 'месяц', *богд'уэс* 'метеор' (*богд'уэс дуруқ* 'метеор летит').

Наименования предметов религиозного культа: *дауол'с* — деревянный идол, в котором, по представлению кетов, живет душа

⁴⁰ В противоположность фактам, сообщаемым нами, А. П. Дульзон пишет, что «названия некоторых (растущих) деревьев, например, березы, относятся либо к женскому классу (если у них имеется крень), либо к мужскому (если крени у дерева нет)». А. П. Дульзон, 1964, стр. 64. По данным, собранным нами на Суломае, кеты ни при каких обстоятельствах не относят березы к женскому классу. Береза, имеющая чрезвычайно важное значение для жизни кетов, относится ими только к мужскому классу. Кроме того, нам никогда не приходилось слышать от кетов, чтобы береза имела крень. Последний имеет только кедр и только лишь тот, который растет наклонно к земле (см. стр. 155).

умершего, возвратившаяся на землю из загробного мира. Душа умершего мужа, по представлениям стариков кетов, может возвратиться к жене. Душа умершего отца может возвратиться к сыновьям или дочерям, но душа умершей матери может возвратиться только к дочерям. Для обитания души изготавливается специальный идол из дерева. Если не сделать его, то душа умершего будет жить на теле того, к кому она возвратилась. Родственники одевают идола в одежду и хранят его у себя. После смерти отца он переходит к сыну и так далее — только по мужской линии.

Наименования предметов материальной культуры. К таковым, как было указано уже выше, относятся наименования: различных жердей для установки каркаса чума; чувала; жердей для установки тагана; а также сушил, на которых сушат юкалу; жердей для запруживания речек, где ловят рыбу; кольев для привязывания лодок, а также для устройства городьбы вокруг огорода и т. д. Кроме того к мужскому классу относятся наименования всех столбов и жердей, при помощи которых устраивается землянка. К этому классу относятся также наименования крупных обручей для чума, шаманского бубна, берестяной посуды, наименования крупных листов бересты для изготовления крышек чума, а также наименования отдельных деталей крытой лодки.

К мужскому классу относятся также не упоминавшиеся нами отдельные детали нарты, например: *эво'кс'* 'дуга нарты', *тиу'окс'* — одна из двух верхних планок, идущих вдоль настила нарты, куда складывается поклажа, усаживаются дети, больные (обе планки называются *тиуақ*), *ин'тэро'кс'* — одна из трех (в мужской нарте) или четырех (в женской нарте) верхних поперечных планок, укладываемых поперек продольных планок для их скрепления (все планки называются *ин'тэрақ*), *тата'кс'* — одна из нижних поперечных планок, подвешиваемых под настилом, чтобы он не проламывался под тяжестью груза. Эти планки подвешиваются на веревочках, концы которых привязываются к верхним продольным планкам (все планки называются *татақ*). Об изготовлении этих деталей нарты, а также о скреплении их и т. д. говорят только при помощи словоформ мужского класса, например: *ен' ин'тэро'кс' хытэ т с'ыуауэвэст бул'диуа* 'теперь верхнюю поперечную планку вниз к ножке привяжу' и т. д. Все остальные детали в нарте относятся к классу вещей.

К классу женскому или классу существ со средней активностью относятся:

Наименования женщин по различным признакам: *қим* 'женщина', *ам* 'мать', *ба:м* 'старуха', *қимэ* 'бабушка', 'тетя' (старшая сестра отца или матери), *қо'ј* 'тетя' (младшая сестра отца или матери), *бис'эп* 'сестра', *қал* 'внучка', *б'эп* 'жена старшего брата', *эным* 'жена младшего брата'. Сюда же относятся и собственные имена женщин.

Наименования следующих животных: *сақ* 'белка', *б'эс'* 'заяц', *кэбу, кэжэ* 'лиса', *коп'* 'бурундук', *ут'* 'мышь', *аут'* 'крыса',

уја 'крот', *п'эст'а* 'песец' ⁴¹, *ондатр* 'ондатра' ⁴², *хол'бэ* — какой-то небольшой зверек, живущий в скалах, *хауэ* 'сука'. Кроме того, к женскому классу могут отходить наименования таких крупных животных, как *қој* 'медведь', *қај* 'лось', *с'эл'* 'олень', когда отмечается женский пол убитого животного. Чаще всего кеты добывали лосих, так как их мясо вкуснее мяса самца-лося.

Наименования следующих птиц: *хаудит* 'глухарь-самка', *дум* (мн. ч. *думн'*) 'птичка' — общее название всех маленьких птичек; *тогдум'т*, *олау*, *хос'эј* — наименования каких-то маленьких птичек, русских названий которых установить не удалось; *с'ау'ил'с'* 'соловей' (?), *қопқун* (*қоқпун*) 'кукушка', *ба* 'кулик', *кауын'т'* 'большой кулик', *қол'эст* 'ворона' (из подвида перелетных), *кыл'* 'ворона' (из подвида остающихся на зиму), *хоуал'* 'чирок', *кэкс'* 'разновидность утки', *бан'* 'утка'. Вопрос о классной принадлежности наименования утки остался нам не вполне ясен, так как при обработке текстов после экспедиции встретились примеры, где это слово согласуется в глаголе с показателем женского класса, например: *там бил' эја бан' дэјјут*. *Ил'а д'эл'иу'лтэст*, *тос'э р қатэју'ла* 'откуда-то утка плывет (под водой), Илья кольнул-ее (остройгой-ее-ударил), вверх выдернул-ее' (ср. *т'от' дујјут* 'таймень плывет', *к'эс'* *дэјјут* 'налим плывет', *л'ун' д'эл'ау'лтэст* 'хариуса кольнул'). В приведенных глаголах слово *бан'* 'утка' согласуется при помощи показателей женского класса *дэ-*, *-и-*, *-у-*. С другой стороны, название деревянной утки, служащей средством приманки уток, согласуется с показателем мужского класса: *о'кс'бан' диуэвэст* (*дол'вэст*) 'деревянную утку сделаю (сделаю)'.

Наименования пресмыкающихся и земноводных: *тул'н* 'ящерица', *лл'* 'лягушка'.

Наименования насекомых: *дансол'эјс* 'кузнечик' (букв. 'травояд', от *да:н* 'травя', *сол'эј* 'шуршать'), *тыуауэс*, *тыуахарос* 'жук-дровосек' (букв. 'волосоруб', от *тыу* 'волосы', *харо* 'рубить'), *ламтолн* 'жук', *элым* 'паук', *лоп* 'клоп' ⁴³.

Наименование объектов растительного мира: *имэ'лт* 'шишка', *сақ имэ'лт дэроқ* 'белка шишку ест' ('она-ее-ест'), *имэ'лт қэр'а* 'шишка большая' (ср. *дон' қэжэ* 'нож большой', слово *дон'* 'нож' относится к классу вещей), *қо* 'сарана', *қо р баттақ* 'сарану я вытащу' ('я-ее-вытащу'), *қо р баддиттақ* 'сарану я вытащил' ('я-это-вытащил'), [ср. *дон' батабдақ* 'нож я вытащу' ('я-это-вытащу'), *дон' батогдақ* 'нож я вытащил' ('я-это-вытащил')], *бол'вэ* 'гриб', *бол'вэ дитпэқ/дитнбэқ* 'гриб я нашел' ('я-ее-на-

⁴¹ Песцов на Подкаменной Тунгуске нет. Однажды там было убито несколько песцов, случайно забредших туда с севера. Их отнесли к женскому классу.

⁴² Ондатра, объясняли мне кеты, отнесена к женскому классу, потому что ее хвост похож на хвост крысы.

⁴³ Это слово проникло в кетский язык из русского. Так как раньше клопы не были известны кетам, то это слово, подобно новым словам «песец» и «ондатра», было отнесено к женскому классу.

шел'), ср. *эл' дивин'гак* 'ягоду я нашел' ('я-это-нашел'), слово *эл'* 'ягода' относится к классу вещей.

Наименования небесных тел и космических явлений: *и* 'солнце', *хот* 'звезда'.

Наименования географических объектов: *хэвол* — река Подкаменная Тунгуска. При весеннем ледоходе женщины кидают хлеб в Подкаменную Тунгуску и обращаются к ней со словами: *химэ*, *хыл'э коу* 'бабушка, иди быстро'. Когда Подкаменная Тунгуска застывает, то говорят, что она уснула: *хэвол' ус'титна*, ср.: *хим ус'титна* 'женщина уснула'; *тыңхэлым*, *тыңхэлым* 'скала' (*тыңхэлым дэс'эста* 'скала стоит', букв. 'сидит', ср.: *хим дэс'эста* 'женщина сидит').

Наименования частей тела и внутренних органов: *ху* 'сердце' (*ху хэр'э* 'сердце большое', *ху с'эл'дэ* 'сердце плохое', *ху дэ-ахтогон* 'сердце поправилось', ср. *кис' ахтогон* 'нога поправилась', слово *кис'* 'нога' относится к классу вещей), *э* 'язык', *байбул'* 'почка', *тыл'* 'пупок', *мам* 'женская грудь', *тал'* 'палец', *хут'* 'хвост'. Все эти слова согласуются, например, с прилагательными в предикативной форме женского класса: *хут' ахтэр'а* 'хвост хороший', *э хэр'а* 'язык большой' (ср. *ит хэум* 'зуб большой'; слово *ит* 'зуб' относится к классу вещей).

К женскому классу относятся также имена существительные *хон'и* 'тень' и *ул'вэ* 'душа'. Так, о тени кеты говорят при помощи словформ женского класса: *хон'и урон' к'эрас'* 'тень пошла вместе с человеком', *хон'и угдир'а* 'тень длинная', *о'кс'тэхон'и хэр'а* 'тень дерева большая'. Душа *ул'вэ* может жить вне человека и бродить самостоятельно. Считается, что с охоты она приходит к чуму раньше охотника. Если же она приходит позже, то это плохая *ул'вэ*, что может грозить охотнику бедствиями. Если шаман узнает, что душа человека плохая, то он поправляет ее и человеку становится после этого лучше. Есть немногие люди, которые могут видеть *ул'вэ*. Если он увидит, что душа человека ходит в одежде и в обуви, которая скрипит, то это значит, что человек, которому принадлежит эта душа, скоро умрет. Чтобы этого не произошло, ставят затемненный чум, и в нем проводится сеанс камлания. Шаман ловит душу *ул'вэ*, и присутствующие слышат, как шаман разрывает на ней одежды, после чего человек, душой которого она является, будет еще долго жить. Когда охотники-кеты вместе со своими семьями направляются на длительную зимнюю охоту в тайгу, то на третий день их продвижения в глубь леса устраивают специальный обряд кормления женского духа *кауроба:м*, после чего производится перевод душ *ул'вэ* с речной стороны на таежную сторону, чтобы, упаси боже, чья-либо душа не застряла на местах летних стоянок. Этот обряд производил шаман, а если такового не было, то старик. Души с речной стороны на таежную переводятся при помощи деревянной лопаты. О душе *ул'вэ* говорят как о женщине: *ул'вэ с'эл'да* 'душа плохая', *ул'вэ дэтајга* 'душа бродит', *ул'вэ ууыт'н* 'душа идет', ср. *хим*

ууыт'н 'женщина идет', но *к'эр' орот'н* 'человек (мужчина) идет'.

Наименования некоторых кожных заболеваний: *сивхэу* 'фурункул', *сивхэу хэр'а* 'фурункул большой', *хын'* 'бородавка' и др.

Наименования предметов религиозного культа: *алал* — идол, который изготавливали из дерева и одевали в одежды. На грудь идола, имевшегося у шамана, надевали маленький шаманский нагрудник. Шубку для него шивали из колонка или из белики, а новые пимы шивали для него каждые два года. Об этих идолах разговаривали как о женщинах и обращались к ним как к женщинам. При их помощи производилось также гадание. Для этого идола брали за ноги и подбрасывали его вверх (*алал д'эс'кија* 'идола брошу', *алал д'эс'кир'ул'а* 'идола бросил', ср. *тыс' д'эс'каврах* 'камень я брошу'). Если идол падал вверх лицом — это было хорошо, если же он падал вниз лицом — это предвещало плохое. Если гадали об отсутствующем охотнике, задержавшемся в тайге на охоте, то обращались к нему с такими словами: *химэ! хлэвт с'ауэл'гит*, *к'эт хан эдбу угуэ ха ус'кэ тал'гурэх*, *хан дуно угуэ хэпкэ тал'гурэх* 'бабушка! хорошенько скажи, человек если живой, навзничь упади, если умер, ничком упади'.

Наименования предметов материальной культуры:

хэл'ам 'поплавок к самолону' (букв. 'большая доска', *ха* 'большой', *л'ам* 'доска'), *хэл'ам диккијсиу* 'поплавок привяжу' ('я-ее-привяжу'), *хэл'ам диккир'ун'сиу* 'поплавок привязал' ('я-ее-привязал'), *хэл'ам дэтобот* 'поплавок плавает' (букв. 'поплавок она-спит', ср. *хим дэтобот* 'женщина спит').

л'ом 'поплавок к крючку самолону', *л'ом дубдија диккијсиу* 'поплавок к крючку (самолону) привяжу', *л'ом дубдија диккир'ун'сиу* 'поплавок к крючку (самолону) привязал', ср. *тыс' хэл'тэдија диккијсиу* 'камень к хребтине (самолону) привяжу', ('я-это-привяжу'), *тыс' хэл'тэдија диккијвинсиу* 'камень к хребтине самолону привязал' ('я-это-привязал').

хыл'им 'веретено': *хыл'им ди:вэ* (также *дус'ивит*) 'веретено сделаю', *хыл'им дитл'ивэ* (также *дус'итливит*) 'веретено сделал', ср. мужской класс: *китиу'окс' дигэвэ* 'держалку для привязывания кудели сделаю', *китиу'окс' дол'вэ* 'держалку для привязывания кудели сделал', ср. класс вещей: *дон' диббэ* 'нож сделаю', *дон' д-бил'вэ* 'нож сделал'; *хыл'им дул'јит* 'веретено (с намотанной на него прядью лыка *ыҗиј*) замочу', ср. *хлэу дул'вит* 'лыковую веревку замочу'.

алал 'кормовая доска крытой лодки': *алал дугдијдо* 'кормовую доску крытой лодки долблю' ('я-ее-долблю'), ср. *эн' давро* 'деревянную лопату долблю' ('я-это-долблю'), слово *эн'* 'лопата' относится к классу вещей.

бок 'огонь'. По представлениям кетов, дух огня — женщина. Так, например, в чувале зимника на глине изображали голову старухи. Когда ели что-либо вкусное, например масло, то кусочек его бросали в огонь и говорили при этом: *химэ*, *кыт' тур'э*

'бабушка, масло это'. Кетское слово «гореть» буквально значит «огонь ест»: *ах бог дън* 'дрова огонь ест' (букв. 'дрова огонь она-это ест'), т. е. 'дрова горят', *ах бог дъбил* 'дрова огонь съел' (букв. 'дрова огонь она-это-съела'), т. е. 'дрова сгорели'. Если в лесу горит дерево, то говорят: *о'кс' бог дъуахрох* 'дерево огонь ест' (букв. 'дерево огонь она-его-ест'), *о'кс' бог джол'дох* 'огонь дерево съел' (букв. 'дерево огонь она-его-съела'), т. е. 'дерево сгорело'. Если же деревья горят, то скажут: *ах бог джауахрох* 'деревья огонь ест' (букв. 'деревья огонь она-их-ест'), *ах бог джауол'дох* 'огонь деревья съел' (букв. 'деревья огонь она-их-съела'), т. е. 'деревья сгорели'.

Кроме указанных к женскому классу относятся еще следующие предметы материальной культуры: *кыл* 'моток ниток', *кыл' хэра* 'моток ниток большой', *кыл' хын'ида* 'моток ниток маленький', *пымыл* 'варган' (музыкальный инструмент), *пымыл' ахтар'а* 'варган хороший', *пымыл' с'эл'да* 'варган плохой', *ат' пымыл' ди:вэт* 'варган я сделаю' ('я-ее сделаю'), ср. *ат' дон' диббэт* 'я нож сделаю' ('я-это-сделаю').

К классу вещей относятся наименования всех остальных предметов. Наиболее отчетливо он выявляется в тех случаях, когда имя существительное этого класса согласуется с глаголом при помощи показателя *-в* (~*-б* ~ *-п* ~ *-м*), например: *ъв таварах* 'сук упадет', *ъв товл'арах* 'сук упал', ср. мужской класс: *о'кс' тајарәх* 'дерево упадет', *о'кс' тол'арәх* 'дерево упало', *тыс' лбавут* 'камень виден', *тыс' лбавилбут* 'камень был виден', ср. класс мужской: *с'эл' длаблбут* 'олень виден', *с'эл' длаблбут* 'олень был виден' и т. д.

Поскольку показатель класса вещей *б* ~ *в* ~ *п* ~ *м* употребляется также для обозначения части целого, то его нельзя не сопоставить с бытующим в языке словом *бин* 'кусок рыбы', *бин'иу* 'куски рыбы'. Вместе с тем этот же показатель может быть сопоставлен с конечным компонентом *-би* в притяжательных местоимениях: *абби* 'мой', *ууби* 'твой', *бурәби* 'его', *будби* 'ее' и т. д. Так как атрибутивные формы притяжательных местоимений префигируются только к именам существительным, например *авдон* 'мой нож', *уудон* 'твой нож' и т. д., то следует признать, что компонент *-би* в притяжательных местоимениях представлял собой имя существительное со значением «вещь», «это». Вероятно, показатель класса вещей *б*-, имя существительное *бин* 'кусок рыбы' и конечный компонент притяжательных местоимений *-би* генетически связаны друг с другом.

Крайне важно отметить еще следующую морфологическую особенность, отличающую мужской и женский классы от класса вещей. В группе Б 3-е лицо единственного числа разделяется на мужской класс с показателями *-а*-, *-о*-, женский класс с показателями *-и*-, *-у*-, при помощи которых может выражаться также и значение класса вещей. В группе Д 3-е лицо единственного числа разделяется на мужской класс с показателями *-а*-/ *-о*-, женский *-и*-,

класс вещей *-б*-. Примечательно, что 3-е лицо множественного числа в обеих группах показателей образуется только от формантов мужского класса *-а*-, *-о*- при помощи присоединения к ним суффикса множественного числа *-у*-. От показателей же женского класса и класса вещей показатели множественного числа не образуются. Таким образом можно полагать, что первоначально один только мужской класс имел форму множественного числа, а классы женский и вещей ее не имели. Впоследствии же в связи с отделением от класса вещей женский класс сблизился с мужским в единой форме выражения множественного числа. Таким образом в классификацию имен существительных просочился новый принцип их дифференциации по признаку одушевленности: мужской и женский класс имеют единый показатель 3-го лица множественного числа *-ау*-, *-оу*-, а класс вещей его не имеет⁴⁴. Приводим пример, подтверждающий сказанное:

Однократный способ действия		
Единственное число объекта		Множественное число объекта
Класс мужской		
<i>д-ы:т'к-а-ј-и-т эр'</i> 'покажу соболя'		<i>д-ы:т'к-ау-и-т эт'н'</i> 'покажу соболей'
<i>д-ы:т'к-о-н-а эр'</i> 'показал соболя'		<i>д-ы:т'к-оу-о-н-а эт'н'</i> 'показал соболей'
Класс женский		
<i>д-ы:т'к-и-ј-и-т сах</i> 'покажу белку'		<i>д-ы:т'к-ау-и-т сахн (са:н)</i> 'покажу белок'
<i>д-ы:т'к-и-т-н-а сах</i> 'показал белку'		<i>д-ы:т'к-оу-о-н-а сахн (са:н)</i> 'показал белок'
Класс вещей		
<i>д-ы:т'к-и-в-и-т дон'</i> 'покажу нож'		<i>д-ы:т'к-и-в-и-т дон'иу</i> 'покажу ножи'
<i>д-ы:т'к-и-м-н-а дон'</i> 'показал нож'		<i>д-ы:т'к-и-м-н-а дон'иу</i> 'показал ножи'

Многократный способ действия		
Единственное число объекта		Множественное число объекта
Класс мужской		
<i>д-ы:т'к-а-ј-да эр'</i> ⁴⁵ 'показываю'		<i>д-ы:т'к-ау-а-р'а эт'н'</i> ⁴⁶ 'пока-

⁴⁴ Отмечаемый факт находит себе следующую типологическую параллель: «В языке тви в личном местоимении 3-го лица единственного числа существует показатель *о* для лиц и *е* для предметов, а во множественном числе — *шэр*, *шэ* для лиц и *е* — для предметов, то есть в отношении предметов различие между единственным и множественным числом не проводится, в то время как в отношении лиц оно проводится очень строго» (Вестерман, 1963, стр. 70).

⁴⁵ Имеет два значения: «показываю соболя сейчас, в данный момент» (см. Дульзон, 1962, стр. 7) и «показываю соболя неоднократно».

⁴⁶ Имеет значение: «показываю соболей всех вместе сейчас и рассредоточенно по одному».

соболя'
д-ы:т'к-о-л'-да эр' 'показывал
соболя'

зываю соболей'
д-ы:т'к-оу-о-л'-да эт'н' 'пока-
зывал соболей'

К л а с с ж е н с к и й

д-ы:т'к-и-ј-да саҕ 'показываю
белку'

д-ы:т'к-ау-а-р'а саҕн (са:н) 'по-
казываю белок'

д-ы:т'к-и-р-у-л'-да саҕ 'показы-
вал белку'

д-ы:т'к-оу-о-л'-да саҕн (са:н)
'показывал белок'

К л а с с в е щ е й

д-ы:т'к-а-в-р'а дон' 'показываю
нож'

д-ы:т'к-а-в-р'а дон'иу 'показы-
ваю ножи'

д-ы:т'к-о-в-и-л'-да дон' 'показы-
вал нож'

д-ы:т'к-о-в-и-л'-да дон'иу 'по-
казывал ножи'

Изложенные материалы показывают, что если по признаку 3-го лица единственного числа имени существительные распадаются на три или на два класса, то по признаку числа они разделяются как бы на две группы — к одной из них отходят одушевленные предметы, а к другой — предметы неодушевленные.

Нельзя не указать, что среди имеющихся у нас записей встречаются единичные глаголы, сквозь морфологическую структуру которых также проглядывает принцип двойственного деления предметов. Так, например, от инфинитива *касҕс* 'взять' образуется следующий переходный глагол однократного способа действия с личными показателями группы Д ряда *-р/-а-*:

ка-с-т-и-ҕ-ус 'меня-возьмет'
ка-с-к-и-ҕ-ус 'тебя-возьмет'
ка-с-а-ҕ-ус 'его-возьмет'
ка-с-ҕ-ус 'ее-возьмет'
ка-ј-в-и-ҕ-ус 'это-возьмет'
ка-с-тау-ҕ-ос 'нас-возьмет'
ка-с-кау-ҕ-ос 'вас-возьмет'
ка-с-ау-ҕ-ос 'их-возьмет'

ка-с-т-и-н-ус 'меня-взял'
ка-с-к-и-н-ус 'тебя-взял'
ка-с'-а-н'-ҕ-эм 'его-взял'
ка-с'-т-и-т-н'-ҕ-эм 'ее-взял'
ка-ј-н'-ҕ-эм 'это-взял'
ка-с-тау-ҕ-ос 'нас-взял'
ка-с-кау-ҕ-ос 'вас-взял'
ка-с'-ау-(н')-ҕ-эм 'их-взял'

В глаголах, образованных при помощи показателей группы Б, детерминатив *-с-* выступает и в словоформе, служащей для обозначения класса вещей и класса женщин (см. стр. 151). Между тем в рассматриваемом глаголе, образованном с помощью показателей группы Д, детерминатив *-с-* выпадает в словоформе класса вещей и заменяется разграничителем *-ј-*. Возможно, в этом глаголе отражено уже новое понимание социальных отношений, когда класс женщин отделился от класса вещей и соединился с мужским клас-

сом по признаку одушевленности или человека, а неодушевленные вещи обособились в отдельный класс⁴⁷.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бодуен-де-Куртене, 1963 — И. А. Бодуен-де-Куртене, *Избранные труды по общему языкознанию*, М., 1963.
Боуда, 1957 — К. Bouda, *Die Sprache der Jenissejer*, — «Anthropos», Bd 52, № 1—2.
Вестерман, 1963 — Д. Вестерман, *Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках*, — «Африканское языкознание», М., 1963.
Дульзон, 1959 — А. П. Дульзон, *Термины родства и свойства енисейских кетов*, — СЭ, 1959, № 6.
Дульзон, 1962 — А. П. Дульзон, *Аффиксация как метод передачи грамматических значений*, Томск, 1962.
Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, Томск, 1964.
Дульзон, 1966 — А. П. Дульзон, *О древней центральноазиатской языковой общности*, — «Тезисы. Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка», ч. 1, Самарканд, 1966.
Каргер, 1934 — Н. К. Каргер, *Кетский язык*, — «Языки и письменность народов Севера», ч. III, 1934.
Кастрен, 1858 — М. А. Castrén, *Versuch einer jenisset-ostjakischen und kottischen Sprachlehre*, SPb., 1858.
Клингхебеген, 1963 — А. Клингхебеген, *К возникновению типов языков с именными классами в Африке*, — «Африканское языкознание», М., 1963.
Крейнович, 1961 — Е. А. Крейнович, *Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке*, — ВЯ, 1961, № 2.
Крейнович, 1964 — Е. А. Крейнович, *О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова*, — «Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского», М.—Л., 1964.
Крейнович, 1968 — Е. А. Крейнович, *Глагол кетского языка*, Л., 1968.
Мельников и Курбанов, 1964 — Г. П. Мельников, А. И. Курбанов, *Логические основания именной классификации в цахурском языке*, — «Вопросы структуры языка», М., 1964.
Мещанинов, 1948 — И. И. Мещанинов, *Палеазиатские языки*, — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1948, т. VII, вып. 6.

⁴⁷ Эта статья, как и предыдущая — «Способы действия в глаголе кетского языка», представляет собой главы, написанные для книги: Е. А. Крейнович. «Глагол кетского языка», Л., 1968, но не вошедшие в нее. Пользуемся случаем и исправляем несколько опечаток в указанной книге, незамеченных нами ранее: стр. 4, строка 19 (сверху) — Samitosemitische, должно быть: Samitosemitiche; стр. 4, строка 19 (снизу) — XII, должно быть: XXII; стр. 5, строки 16, 17 (сверху) — *аматаң, амад'эаң*, должно быть: *хаматаң, хамад'эаң*; стр. 15, строка 5 (снизу) — *ҕо'ј айҕа маҕсэ (ҕо'ј айҕа маҕсэ)*, должно быть: *ҕо'ј айҕа маҕсэ (ҕо'ј айҕа маҕсэ)*; стр. 36, строка 15 (снизу) — *д-у-с'-у-г-и-б-и-т*, должно быть: *д-у-с'-у-г-б-и-т*; стр. 39, строка 13 (сверху) — *диуаҕан*, должно быть: *дијаҕан*; стр. 40, строки 10, 11 (снизу) — *диур'о*, должно быть: *даур'о, дауер'о*; стр. 74, строка 18 (снизу) — *ду-у-а-раҕн*, должно быть: *ди-у-а-раҕн*; стр. 76, строка 9 (сверху) — *к-р-н'-гәң-тәң*, должно быть: *к-о-н'-гәң-тәң*; стр. 122, строки 6, 25 (снизу) — *сал'эн*, должно быть: *с'ал'эн*; стр. 138, строки 13, 14, 15 (сверху) — *сал'эн*, должно быть: *с'ал'эн, с'ал'*; стр. 148, строки 25, 26 (сверху) — *контанҕн*, должно быть: *кыктаҕн*; стр. 158, строка 7 (снизу) — *ән-ән-ан-сэ*, должно быть: *ән-ән-ай-сэ*; стр. 163, строка 13 (снизу) — *дон'-тоноҕ*, должно быть: *дон'-таноҕ*; стр. 164, строка 7 (сверху) — *д-галаң-т-а-в-гит*, должно быть: *д-валаң-т-а-в-гит*; стр. 165, строка 10 (сверху) — *хит-а-гит*, должно быть: *хит-т-а-гит*; стр. 202, строка 4 (сверху) — *ди-у-аң-и-т*, должно быть: *ди-ј-аң-и-т*.

Б. А. УСПЕНСКИЙ

О СИСТЕМЕ КЕТСКОГО ГЛАГОЛА

Глагол, без сомнения, является наиболее загадочной областью кетского языка; и в то же время кетский глагол правомерно рассматривать как ключ ко всему языку, поскольку, как можно думать, именно с него начинается как синтез, так и анализ кетского предложения. Речь идет о том, что в речевом процессе, по всей вероятности, кетское предложение начинает строиться (говорящим) именно с глагола¹, и с глагола же, по-видимому, начинается анализ предложения (слушающим). (Между тем нет оснований а priori предполагать, что так должно происходить во всех языках.)

Настоящая статья содержит обзор и систематизацию имеющихся материалов по кетскому глаголу (главным образом материалов последнего времени, так как именно они открывают новые перспективы в изучении кетского языка), а также и некоторые оригинальные выводы². Необходимо оговориться, что мы стараемся приводить и мнение других исследователей всякий раз, когда наше собственное с ним расходится.

В первой части работы рассматривается *п л а н с о д е р ж а н и я* кетского глагола, т. е. инвентарь грамматических категорий, которые вообще могут выражаться в глаголе кетского языка. При этом сначала даются более или менее очевидные категории, а в конце раздела приведены менее ясные случаи.

Анализ *п л а н а в ы р а ж е н и я*, т. е. способов выражения грамматических категорий в кетском глаголе, должен складываться, в свою очередь, из двух разделов: анализа синтагматической структуры плана выражения, т. е. анализа структуры выражения грамматических значений в составе кетской глагольной словоформы, и анализа инвентаря самих элементов плана

¹ В минимальном виде предложение кетского языка состоит из одной глагольной формы, в которую включены местоименные субъектно-объектные показатели; все же остальные слова выступают как факультативные уточнения к форме глагола.

² Помимо опубликованных работ, в статье использованы наши записки по имбацкому диалекту кетского языка, сделанные в экспедиции 1962 г.

выражения, т. е. конкретных грамматических показателей кетского глагола. За недостатком места нами рассматривается лишь первая проблема, вторая же проблема опущена³; можно сказать, таким образом, что настоящая статья рассматривает кетский глагол в *а л г е б р а и ч е с к о м* виде, т. е. в отвлечении от конкретного выражения тех или иных значений.

Итак, во второй части работы, посвященной плану выражения, рассматривается структура кетской глагольной словоформы (или, иначе говоря, сочетаемость грамматических показателей в возможных моделях кетской глагольной словоформы). Здесь описываются некоторые продуктивные модели глагольной словоформы кетского языка (можно думать, наиболее распространенные в языке) и делается ряд выводов о принципах построения парадигмы кетского глагола.

Часть первая

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ КЕТСКОГО ГЛАГОЛА

1. Кетские глаголы формально делятся на *переходные* и *непереходные*, которые оформляются по специальным парадигмам (т. е. имеется переходное и непереходное спряжение). Имеется также особая парадигма *возвратных* глаголов.

2. Для переходного глагола кетского языка характерно *субъектно-объектное спряжение*, т. е. включение в глагольную форму показателей субъекта и объекта. Кетский глагол согласуется с субъектом и объектом по одним и тем же категориям⁴, а именно:

А. Категория *л и ц а*. В глагольной форме может различаться 1-е, 2-е и 3-е лицо (как субъекта, так и объекта).

Б. Категория *ч и с л а*. В глагольной форме может различаться единственное и множественное число (как субъекта, так и объекта). Противопоставления по числу имеются только в мужском и женском, но не в среднем роде (субъекта или объекта); в среднем роде противопоставление по числу внутри глагола нейтрализуется [в этом случае глагол, согласуясь с объектом в роде

³ Читатель может найти перечень глагольных показателей в работах А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича (см. Крейнович, 1961; Дульзон, 1962; Крейнович, 1963; Крейнович, 1964; Крейнович, 1965а; Крейнович, 1965б).

⁴ При этом субъектные показатели в переходном глаголе формально отличаются от объектных показателей соответствующих категорий: они могут оформляться различными морфемами, а также различаться по позиции в структуре глагольной словоформы.

В то же время показатели субъекта непереходного глагола и объекта глагола переходного очень часто совпадают между собой материально, хотя и могут различаться по позиции (см. об этом: Успенский, 1964, стр. 149—153).

(см. ниже), независимо от числа объекта ведет себя так, как если бы объект был в единственном числе ⁶].

В. Категория р о д а ⁶. В глагольной форме может различаться мужской, женский и средний ⁷ род (как субъекта, так и объекта). При этом противопоставления по роду в глаголе имеются только в 3-м лице единственного числа (субъекта или объекта); во всех других формах противопоставления по роду нейтрализованы.

Показатели среднего рода нередко совпадают по своему выражению с показателями женского рода, т. е. противопоставление этих двух родов может нейтрализоваться в глаголе кетского языка (эта нейтрализация характерна и для кетского имени, в парадигме которого противопоставляются собственно лишь формы мужского рода и немужского рода; последний объединяет женский и средний роды) ⁸; это совпадение дает основание Е. А. Крейновичу считать, что первоначально в кетском языке было всего два рода (мужской и немужской), противопоставленные не столько по половому признаку, сколько по признаку социальной значимости (активности) ⁹.

Вообще, как показывает Е. А. Крейнович, противопоставление среднего рода другим родам в кетском языке основывается на некоем общем семантическом признаке, которое можно интерпретировать как признак активности (или жизненной энергии) ¹⁰.

В одних случаях это противопоставление может реализоваться как противопоставление живого и неживого (в частности, одушевленного и неодушевленного ¹¹, но и растущее дерево рассматривается как живой организм ¹²).

В других случаях данное противопоставление проявляется как противопоставление целого и расчлененного ¹³. В частности,

⁶ См. об этом: Крейнович, 1961, стр. 112.

Типологически аналогичное явление (глагол не согласуется в числе с именем среднего рода, принимая во всех случаях форму единственного числа) можно обнаружить в древних индоевропейских языках: так в древнегреческом, в хеттском, в языке Авесты (особенно более древних ее частей — см., например, «Гаты»).

⁷ В работах Е. А. Крейновича вместо термина «род» употребляется термин «именные классы».

Мы употребляем здесь термин «род» в качестве общего термина, покрывающего значение «именного класса», но не противопоставленного ему.

⁸ По Е. А. Крейновичу — «класс вещей».

⁹ См. Крейнович, 1968б, стр. 145—148. — Данное совпадение показателей может происходить в личных показателях так называемой группы «b» (см. о ней ниже, стр. 210).

¹⁰ Крейнович, 1968б, стр. 183.

¹¹ См. исчерпывающий анализ проблемы в работе: Крейнович, 1968б.

¹² См. примеры, иллюстрирующие противопоставление одушевленного и неодушевленного субъекта и объекта в глагольной форме, в работах: Каргер, 1934, стр. 236; Успенский, 1964, стр. 154.

¹³ Крейнович, 1968б, стр. 155, 157.

Крейнович, 1961, стр. 114; Крейнович, 1968б, стр. 163. — При этом характерно, что поваленное, но неразделанное дерево осмысливается по мужскому роду, тогда как разделанное дерево — по среднему роду (Крейнович, 1968б, стр. 155, 166). Вообще одни и те же слова (*aq* 'дерево', *is* 'рыба') могут

форма непереходного глагола меняется в зависимости от того, выступает ли в роли субъекта целостный организм или его часть, или же аналогично — живой или неживой организм; точно так же меняется и форма переходного глагола в зависимости от того, выступает ли в роли объекта целый или расчлененный (или соответственно живой или неживой) организм. При этом в случае расчлененности или неодушевленности организма личный показатель субъекта или объекта отсутствует в глагольной форме; вместо него может появляться показатель среднего рода («класса вещей»), так как в случае расчлененности на части речь, видимо, может идти, согласно кетскому языковому сознанию, не о живом организме, а о вещи ¹⁴.

Указанное противопоставление может проявляться и как противопоставление большого и малого, причем однородные предметы могут требовать глагольную форму среднего рода в случае их малого размера, но форму мужского или женского рода в случае большого размера ¹⁵. Наконец, в определенных случаях данное противопоставление может непосредственно реализоваться как противопоставление более активного и менее активного ¹⁶.

Понятно, что противопоставления живого и неживого, целого и расчлененного, большого и малого, семантически близкие друг другу, могут естественно сливаться в языковом сознании ¹⁷; эти противопоставления тем самым должны рассматриваться как случаи специфической интерпретации некоторого общего противопоставления по признаку активности — интерпретации, обусловленной системой конкретных мифологических представлений о мире.

3. Вид ¹⁸.

А. Противопоставление по о д н о к р а т н о с т и — м н о г о к р а т н о с т и действия. С полной определенностью можно

согласовываться с глаголом в форме мужского рода в случае, если имеется в виду предмет, не расчлененный на части, или же с глаголом в форме среднего рода — если имеется в виду предмет, разделанный на куски (см. там же, стр. 158).

¹⁴ Здесь уместно отметить, что в кетском языке опущение личных показателей субъекта в форме переходного глагола вообще может придавать глаголу характер пассивного действия; переходный глагол выступает тогда как непереходный, причем связанный с *Patiens* действия, а не с его *Agens*. Подробнее об этом см. ниже, в разделе, где обсуждается проблема залога в кетском языке (стр. 205).

¹⁵ См. Крейнович, 1968б, стр. 165, 166, 169—171. (Ср. противопоставление *qis tar* 'кольцо чума', относящегося к мужскому роду, и *taf tar* 'кольцо лыжной палки', относящегося к среднему роду).

¹⁶ Ср. Крейнович, 1968б, стр. 185—186.

¹⁷ Ср. Крейнович, 1968б, стр. 154—158, 171, 176—177, 181.

¹⁸ По мнению Е. А. Крейновича, в кетском глаголе представлены не «виды» в собственном смысле слова, но «способы действия» (см. Крейнович, 1968а, *passim*). Не вдаваясь в этот вопрос, мы будем употреблять термин «вид» как общий термин, не противопоставленный «способу действия», но обобщающий как вид в узком смысле этого слова (*Aspekt*), так и способ действия (*Aktionsart*).

констатировать в кетском противопоставление лишь однократного и многократного видов. Эти виды различаются во всех временах и наклонениях кетского глагола; можно сказать вообще, что их противопоставление пронизывает всю систему кетского глагольного спряжения.

В многократном виде выражается не столько длительность действия, сколько его равномерная повторяемость; «значение многократности связано со значением рассредоточенного и прерывного действия»¹⁹. В то же время в однократном виде (во всяком случае, в глаголах движения), могут различаться разные степени длительности (см. ниже). Конкретно же семантические основания противопоставленности однократного и многократного видов показаны на следующей ниже таблице²⁰ (табл. 1).

Таблица 1

Однократный вид	Разовое непрерывное действие	Разовое переходное действие в отношении одного объекта	Разовое (одновременное) действие в отношении нескольких объектов
Многократный вид	Повторение однородных непрерывных действий	Многократное действие в отношении одного объекта	Действие, последовательно рассредоточенное на несколько объектов ^{20а}

На основании анализа образования и употребления глагольного вида можно попытаться исследовать его происхождение. Соображения этимологического характера (возможность сопоставления некоторых показателей многократного вида с показателями множественного числа) позволяют предположить, что первоначально многократный вид выражал только количественный момент действия и затем лишь стал выражать его временную протяженность или обычность²¹. Действительно, во многих случаях показатель многократного вида может совпадать с показателем множественного числа имени, и, вероятно, возможны случаи, когда один и тот же элемент может трактоваться одновременно и как показатель многократного вида и как показатель множественного числа.

Ср: *don-ba-tæt* 'он-меня-кольнет ножом' (однокр. вид)

don-an-ba-tæro 'он-меня-колет ножом' (многокр. вид)²²,

¹⁹ Крейнович, 1965б, стр. 305; ср. также Крейнович, 1968а, стр. 110. Иное мнение см. у А. П. Дульзона (Дульзон, 1962, стр. 7).

²⁰ По Е. А. Крейновичу, см.: Крейнович, 1964б, стр. 197; а также Крейнович, 1968а, стр. 84—85.

^{20а} Различие случаев, представленных в последнем вертикальном ряду, наглядно видно на следующем примере (см. Крейнович, 1964б, стр. 197). Однокр. вид: *tarelkaŋ dujvit* 'тарелки я поставлю' (имеется в виду, что тарелки поставлены одна на другую). Многокр. вид: *tarelkaŋ duŋnavra* 'тарелки я поставлю' (по одной, а не все сразу вместе). См. также многочисленные примеры и детальный анализ проблемы в работе: Крейнович, 1968а.

²¹ Ср. Крейнович, 1965б, стр. 121; Крейнович, 1968а, *passim*.

²² Пример взят из работы: Крейнович, 1965б, стр. 119—120.

где показатель многократности *-an* может, вообще говоря, рассматриваться как показатель множественного числа основы *donan* 'ножи'²³, инкорпорированной в глагольную форму²⁴. Однако приведенная глагольная форма значит не 'он меня ножом колет', а 'он меня ножом колет (много раз)' или даже 'он меня ножом-колет (много раз)'; при инкорпорации в глагольную форму значение множественности инкорпорированной именной основы переносится на глагол.

Соответственно, вероятно, можно было бы заключить, что в подобных случаях в кетском языковом сознании первоначально могла отождествляться множественность предмета и множественность действия. Действительно, значение глагола в многократном виде складывается из значений нескольких однократных действий. Так, 'он меня колот ножом' означает: 'он меня кольнул ножом' + 'он меня кольнул ножом'... и т. д.²⁵. Но, с другой стороны, предложения 'он меня кольнул ножом' + 'он меня кольнул ножом'... дают при объединении как 'он меня колот ножом', так и 'он меня колот ножами' (так и некоторые другие значения). На этом основании может считаться, что значения фраз 'он меня кольнул ножом' и 'он меня кольнул ножами' с определенной точки зрения равны, так как разлагаются на одни и те же составляющие ('он меня кольнул ножом' + 'он меня кольнул ножом'... и т. д.). Иными словами, первоначально могло быть нерелевантным при многократности действия, связывается ли данное действие с одним орудием или с несколькими; число орудий действия могло нейтрализоваться в этом случае, и, соответственно, множественное число предмета могло выражать множественность действия. (В дальнейшем же значение многократного вида глагола конкретизировалось в языке, и произошла дифференциация множественности действия глагола и множественности числа имени.)

Б. Противопоставление по длительности действия. Противопоставление по длительности действия отмечено Е. А. Крейновичем у глаголов движения, а также у некоторых других глаголов²⁶.

Степени длительности различаются в кетском в обоих временах, но только в однократном виде; каждая степень длительности имеет особую форму повелительного наклонения (так же, как и каждый вид).

²³ Единственное число — *don* 'нож'; множественное число от *don* — *donan*, причем *-n* и *-ŋ* могут варьироваться при образовании множественного числа. Во всяком случае можно с уверенностью предположить происхождение глагольного компонента *donan* (в глагольной словоформе многократного вида) от формы множественного числа имени *donan* 'ножи'. Ср. также другие примеры аналогичного порядка в работе: Крейнович, 1968а.

²⁴ Вообще об инкорпорации в кетском глаголе см.: Крейнович, 1965б; Крейнович, 1965в.

О возможности глагольной инкорпорации в кетском не только основ, но и целых словоформ (например, множественного числа или падежных форм) см.: Крейнович, 1965б, стр. 122.

²⁵ Ср. рассмотрение Е. А. Крейновичем многократного вида как восходящего к множественному числу действия, которое аналогично образованию множественного числа имен (Крейнович, 1968а, стр. 79, 83, 89; ср. также Крейнович, 1965а, стр. 198; там же типологическая аналогия с американскими индейскими языками). Иначе говоря, как пишет Е. А. Крейнович, некогда «число действия у кетов считывалось как бы так же, как и число предметов» (Крейнович, 1968а, стр. 83).

²⁶ См. об этом: Крейнович, 1965б, стр. 122—123.

В глаголах движения различается три степени длительности; значение глагола в различных степенях длительности может быть выражено таблицей (табл. 2).

Таблица 2

Степени длительности	Время		
	Настояще-будущее время	Прошедшее время	Примечание: примерная оценка длительности
I степень	субъект направится к месту назначения на короткий отрезок времени (и возвратится)	субъект был на месте назначения короткий отрезок времени (и возвратился)	отрезок времени от получаса до нескольких часов
II степень	субъект направится к месту назначения на относительно долгий отрезок времени (и возвратится)	субъект был на месте назначения относительно долгий отрезок времени (и возвратился)	отрезок времени от дня до нескольких недель
III степень	субъект находится в процессе движения к месту назначения или пойдет к месту назначения (причем не подразумевается его возвращение на исходное место)	субъект достиг места назначения	отрезок времени не предполагается ограниченным

Таким образом, первые две степени длительности подразумевают возвращение к исходной точке движения и противопоставлены лишь по относительной величине отрезка времени, в которое совершается действие; действие в этом случае имеет начало и конец. Между тем третья степень длительности не подразумевает возвращения к исходной точке движения; соответственно отрезок времени, в которое протекает действие, имеет лишь один релевантный предел: начало действия (в настояще-будущем времени) или его конец (в прошедшем времени).

В глаголах со значением звучания (вообще действия, сопровождаемого некоторым шумом) различаются две степени длительности: мгновенного звучания и длительного звучания; выражение мгновенности действия возможно, кажется, и в некоторых других случаях (имеющих, по-видимому, единичный характер)²⁷.

²⁷ См. об этом: Крейнович, 1968а, стр. 136.

4. Время.

В кетском глаголе выражаются два времени²⁸: настоящее-будущее и прошедшее. В каждом времени глаголы могут иметь видовые различия (в частности, могут различаться по многократности — однократности и по длительности).

По мнению Е. А. Крейновича, формы прошедшего времени в кетском выражают идею завершенности действия, а в определенных случаях — и его результативности²⁹.

В настояще-будущем времени глаголы, выражающие первую или вторую степень длительности (однократного вида), всегда имеют значение действия в будущем, что обусловлено самой семантикой данных степеней длительности; действительно, если действие, о котором идет речь, происходит в настоящий момент, то оно может быть выражено лишь формой третьей степени длительности (см. табл. 2) — или же формой многократного вида³⁰. Между тем остальные глагольные формы (т. е. формы третьей степени длительности однократного вида и формы многократного вида) в настояще-будущем времени могут выражать как действие в настоящем, так и действие в будущем. При необходимости уточнения к форме настоящего-будущего времени может присоединяться факультативная частица *aş/aşn* (*iş/*işn*) со значением будущего времени. Такое образование при желании может рассматриваться как форма «аналитического будущего» времени (при этом факультативного: отсутствие его показателя не значимо); возможно, впрочем, что образование «аналитического будущего» по отношению к настояще-

²⁸ А. П. Дульзон различает шесть глагольных времен за счет того, что не выделяет специально видовые категории: «1) настоящее длительное или многократное, 2) будущее (настояще-будущее) однократное, 3) сложное будущее, образованное посредством вспомогательного глагола '-ет', 4) прошедшее длительное или многократное (соответствует настоящему длительному), 5) прошедшее однократное (соответствует настояще-будущему однократного действия) и 6) сложное прошедшее, образованное посредством вспомогательного глагола '-ет' (соответствует сложному будущему, образованному посредством вспомогательного глагола '-ет')». См. Дульзон, 1962, стр. 6.

Е. А. Крейнович в своей первой работе говорит не о настояще-будущем и прошедшем временах, а о совершенном и несовершенном видах (см. Крейнович, 1961, стр. 108 и прим. 16; ср. Крейнович, 1963, прим. 4, 2; Крейнович, 1964, стр. 142, прим. 6).

²⁹ Крейнович, 1965б, стр. 122—123.

³⁰ Поэтому Е. А. Крейнович по отношению к первой и второй степени длительности говорит не о «настояще-будущем», но просто о «будущем» времени, а о «настояще-будущем» говорит лишь по отношению к формам третьей степени длительности однократного вида и формам многократного вида (см. Крейнович, 1965б, стр. 123). Представляется, между тем, что здесь имеется в виду одно и то же время, которое в одних случаях может иметь значение будущего, а в других — настоящего (причем бывают случаи, когда оно может иметь значение только будущего), поскольку глагольные формы в кетском не могут быть, видимо, противопоставлены по трем временам — прошедшему, настоящему (или «настояще-будущему») и будущему, не будучи одновременно при этом противопоставлены по какой-то другой категории (категории вида: многократного—однократного или длительного—недлительного).

будущему времени следует рассматривать, как относящееся к лексике (или к словообразованию), а не к собственно грамматическому уровню. (Подробнее об «аналитическом будущем» см. ниже в разделе «Аналитические формы глагола», стр. 207).

5. Наклонение.

Помимо изъявительного наклонения в кетском языке отчетливо выделяются лишь формы повелительного наклонения. Формы повелительного наклонения кетского глагола различают вместе с субъектно-объектными категориями (число субъекта; род, лицо и число объекта) также и категории вида (однократный и многократный вид; различные степени длительности). Вообще, каждой паре глагольных форм, противопоставленных только по времени (в определенном виде), соответствует специальная форма повелительного наклонения.

По своему образованию форма повелительного наклонения очень часто бывает связана с формой прошедшего времени³¹. В то же время, по мнению А. П. Дульзона, форма инфинитива бывает связана с формой настоящего времени³² (об инфинитиве вообще см. ниже).

Значение сослагательного наклонения (ирреальности, условия) может выражаться в кетском личной формой глагола, к которой прибавлена (факультативно) модифицирующая аналитическая частица *šit*; думается, однако, что образования с этой частицей нельзя рассматривать как специальные формы наклонения (см. подробнее ниже, в разделе «Аналитические формы глагола»). Точно так же могут образовываться формы с оптативным значением и т. п.

6. Залог.

Вопрос о залоге в кетском языке остается спорным. А. П. Дульзон выделяет в кетском каузативный залог (выражаемый показателем *-q-*)³³. По мнению Е. А. Крейновича, каузативного залога в кетском нет³⁴, но зато он выделяет страдательный залог³⁵. Нам, однако, казалось бы, что пока нет достаточных оснований для того, чтобы с уверенностью выделять действительный и страдательный залогов в кетском языке; в примерах, приводимых

³¹ Точнее: 2-го лица прошедшего времени.

Это обстоятельство, а также и то, что прошедшее время в кетском дополнительно выражает идею завершенности действия (см. об этом выше), побудило Е. А. Крейновича считать прошедшее время в кетском «совершенным видом» (а настоящее-будущее, соответственно, — «несовершенным видом»); см. Крейнович, 1961, стр. 109, прим. 16. Ср. в этой связи: Крейнович, 1968б, стр. 159—160, прим. 20.

³² Дульзон, 1962, стр. 20.

³³ Дульзон, 1962, стр. 6.

³⁴ Крейнович, 1964, стр. 160; Крейнович, 1965а, стр. 193, прим. 3; Е. А. Крейнович, по-видимому, склонен рассматривать показатель *-q-* в одних случаях как разграничительный элемент (о разграничительных элементах см. ниже в настоящей работе) и в других случаях как деривационный основообразующий элемент (см. ниже).

³⁵ Крейнович, 1965а, стр. 193, 196.

в подтверждение наличия в языке страдательного залога, переходный глагол часто получает пассивное значение за счет опущения имени субъекта в предложении и, соответственно, личных субъектных показателей в глагольной форме³⁶. Опущение личных показателей субъекта в форме переходного глагола может придавать глаголу характер пассивного действия: переходный глагол, в котором опущены показатели субъекта (*Agens*), но остаются объектные показатели (показатели *Patiens*), выступает тогда как непереходный, причем связанный именно с *Patiens*. (Можно сказать, что глагол в этом случае меняет свое оформление, становясь оформленным по непереходной парадигме³⁷.) Напомним, что аналогичное опущение субъектных показателей может происходить в кетском при неодушевленном (в частности, расчлененном) субъекте³⁸; можно думать, что это явление — того же порядка (неодушевленный субъект выступает тогда как *Patiens* действия, выраженного в глаголе).

7. Именные формы глагола.

Вопрос об именных формах глагола, их образовании и семантике остается, пожалуй, наименее разработанным во всем, что касается кетского глагола. Пока неясно, в частности, имеется ли в языке всего одна именная форма глагола или следовало бы выделять (по значению и синтаксической функции) несколько именных форм. Мы будем далее условно говорить об «инфинитиве» в кетском (объединяя под этим названием все возможные в языке именные формы глагола).

Согласно А. П. Дульзону, формы инфинитива по своему образованию могут быть противопоставлены в языке формам императива: если формы императива могут соотноситься с формами прошедшего времени³⁹, то формы инфинитива могут соотноситься (у одних и тех же глаголов) с формами настоящего времени⁴⁰.

В то же время, как отмечает А. П. Дульзон, опущение в личной глагольной форме как субъектных, так и объектных показателей «придает глагольному действию значение неопределенности, близкое значению инфинитива»⁴¹. С этим интересно сопоставить отмеченную выше особенность кетского глагола, по которой опущение в нем только субъектных показателей связывается с неодуше-

³⁶ Иногда значение пассивности (resp. непереходности) действия подкрепляется еще частицей *bin* 'сам'.

³⁷ Аналогичное явление можно наблюдать в языках с эргативным строем предложения. Вообще о типологических аналогиях с эргативной конструкцией в строении кетского глагола см. в работе: Успенский, 1964.

³⁸ См. выше, стр. 198—199.

³⁹ См. выше, в разделе, посвященном наклонению (стр. 204).

⁴⁰ Дульзон, 1962, стр. 20.

⁴¹ Дульзон, 1962, стр. 14.

Глагольные показатели субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола могут заменяться в инфинитиве на префиксальные элементы посессивного склонения (ср. Крейнович, 1964, стр. 141).

ленным (в частности, расчлененным) субъектом, а только объектных показателей — с неодушевленным (нерасчлененным) объектом.

Формы инфинитива от одних глаголов могут быть непроезводными, т. е. представлять собой чистый (неоформленный) корень; от других же глаголов формы инфинитива — производные, т. е. представляют собой корень, оформленный определенным служебным элементом ⁴² (-*t*, -*tæt*/-*tit* ⁴³, -*vit*, -*kit*/-*git*/-*γit* ⁴⁴, -*bæt*/-*væt*, -*aq*, -*ij*, -*tij*, -*q*, -*o*, -*do* и др.).

Инфинитив может склоняться в кетском; в частности, от него может регулярно образовываться форма назначительного падежа на -*işen* ⁴⁵ (например: *at bedişen doŋ ditobıq* 'я хочу нож сделать' ⁴⁶).

Синтаксические свойства именных форм глагола определяются следующими функциями.

а) Функции собственно инфинитива (супина) в выражениях цели, желания и т. п.

Ср.: *at boyet ıŋa* 'я пойду грести';
at boon iŋ eja (= *at boon iŋ ejāsen*) 'я пошел рыбу убивать';
belāŋ kuŋon? Iŋ eja 'куда пошел? Рыбу убивать';
iŋ eja nado 'рыбу убивать надо'.

б) Атрибутивная функция: как и всякое имя в кетском, инфинитив может определять другое имя в предложении, находясь к нему в препозиции.

Ср.: *eja iŋ* 'убитая рыба';
ıŋa ket 'гребец', букв. 'гребной человек' (*ıŋa* — 'грести');
ıŋa haj 'гребное весло'.

в) По-видимому, от инфинитива, так же как и вообще от имен в кетском, могут образовываться предикативные формы, и инфинитив может выступать тогда в предикативной функции:
seŋ ejši 'олень убит'.

Причастий в кетском языке, по всей видимости, нет. Функции причастия передаются формами глагола, употребленными в атрибутивной функции: помимо форм инфинитива, о которых только что говорилось, в атрибутивной функции могут употребляться и личные формы глагола, которые ставятся перед именем, определяя его ⁴⁷.

Аналогично нет в кетском и деепричастий. Функции деепричастий передаются в кетском языке прибавлением к некоторым глагольным формам определенных падежных окончаний ⁴⁸.

⁴² См. Крейнович, 1963, стр. 255.

⁴³ О значении инфинитива на -*tæt*/-*tit* см.: Крейнович, 1965б, стр. 119.

⁴⁴ О значении инфинитива на -*kit*/-*git*/-*γit* см.: Крейнович, 1965б, стр. 125.

⁴⁵ Ср. формы данного падежа, образованного от непроезводной основы имени существительного и от производной основы инфинитива: *iŋeŋen* (основа *iŋ* 'рыба') и *iŋqoeŋen* (основа *iŋqo* 'рыбачить', образованная от *iŋ* 'рыба').

⁴⁶ Формы инфинитива на -*iŋen* регулярно употребляются с глаголом *ditobıq*, основное значение которого 'лезть' и вторичное — 'хотеть'.

⁴⁷ См. об этом: Дульзон, 1962, стр. 23.

⁴⁸ См. об этом: Крейнович, 1963, стр. 255.

8. Аналитические формы глагола.

А. Факультативные аналитические частицы, модифицирующие действие.

В кетском языке выделяется целый ряд приглагольных частиц, уточняющих действие, выраженное в глаголе. Эти частицы — аналитические, т. е. они не входят в состав глагольной формы, но прибавляются к уже оформленной словоформе (в некоторых случаях можно, видимо, констатировать происхождение этих частиц из самостоятельных слов). Они факультативны, т. е. могут быть опущены в предложении (без ущерба для правильности предложения), и их отсутствие незначимо (немаркировано). К таким приглагольным частицам относятся:

а) *aŋ*, *aŋn* ⁴⁹/*iŋ*, **iŋn* — со значением будущего времени.

О данной частице говорилось уже в разделе, посвященном времени. Она присоединяется к личной форме глагола в настояще-будущем времени, уточняя его значение; в этом случае можно было бы говорить об «аналитическом будущем» времени (если, впрочем, относить данное образование к собственно грамматике, а не к лексике и не к словообразованию, что, вообще говоря, проблематично) ⁵⁰.

При этом «аналитическое будущее» время не противопоставлено настояще-будущему, но маркировано внутри него.

Ср.: *at didoq* 'я лечу, полечу';

at iŋ didoq 'я полечу'.

Иначе говоря, показатель «аналитического будущего» факультативен, и отсутствие его немаркировано, т. е. оно не значит, что действие происходит в небудущем времени; данный показатель имеет лишь уточняющее, конкретизирующее значение.

б) *bat* — со значением итеративности.

Ср.: *at diloq* 'я ходил';

at badlloq 'я много ходил' (с ассимиляцией *td > d*);

в) *ŋim* — со значением нереальности, условия (присоединяется, возможно, только к форме прошедшего времени):

at ŋimdiloq 'я бы ходил';

at ŋimboŋonen 'я бы ушел';

г) *kan/kam* — с оппозитивно-юссивным значением (присоединяется, возможно, только к форме настояще-будущего времени).

⁴⁹ Окончание -*n* в более полной форме данной частицы позволяет предположить, что частица эта — глагольного происхождения (-*n* часто встречается как окончание глагола; Е. А. Крейнович склонен трактовать этот элемент как показатель непереходности — см. Крейнович, 1964, стр. 149, прим. 10; Крейнович, 1965а, стр. 185; Крейнович, 1968а, стр. 117, прим. 24), т. е. что когда-то она выступала в роли вспомогательного глагола. Возможно, то же можно предположить и в отношении некоторых других частиц, рассматриваемых в данном разделе.

⁵⁰ Заметим, что частица *aŋ/iŋ* может сочетаться не только с глаголами, но и с прилагательными в предикативной форме (см. об этом Крейнович, 1965б, стр. 123).

Ср. *tip deşij* 'собака лает' (букв. 'кричит');
tip at kan deşij 'собака пусть не лает'⁵¹;

д) *tam* — со значением неопределенности⁵².

Б. Аналитические формы, связанные со вспомогательными глаголами.

В кетском языке имеется целый ряд модифицирующих глагольных форм со значениями начинательности, оканчиваяния, хотения и т. п. По своему происхождению эти формы в основном представляют собой сращение инфинитива с бывшим (аналитическим) вспомогательным глаголом, который сейчас уже, вероятно, грамматикализовался и может не восприниматься как таковой.

Приводим некоторые из этих форм:

Начинательные формы образуются прибавлением к инфинитиву следующих окончаний (в скобках приводится окончание множественного числа субъекта: *-in*, *-en*, *-n*):

Таблица 3

	Настояще-будущее время	Прошедшее время
Объект мужского рода	<i>-qajet(in)</i>	<i>-qo'n(en)</i>
Объект женского рода	<i>-qijet(in)</i>	<i>-qitnə(n)</i>
Объект среднего рода	<i>-qibet(in)</i>	<i>-qimnə(n)</i>

Например (инфинитив *beda-* «делать»): *bedaqibet* 'начну (начнешь, начнет) делать — это'; *bedaqimnə* 'начал делать — это'.

Начинательные формы могут образовываться также прибавлением к инфинитиву форм вспомогательного глагола: *-baɣaRan* (в настояще-будущем времени), *-baɣoRon* (в прошедшем времени) (приведены формы 1-го лица ед. числа; глагол спрягается по лицам и числам)⁵³.

Кончателные формы могут образовываться прибавлением к инфинитиву окончаний (форм вспомогательного глагола): в настояще-будущем времени — *-binɣuyut* и в прошедшем — *-binɣuyut*. Например: *bedobinɣuyut* 'кончу (кончишь, кончит) делать'; *bedobinɣuyut* 'кончил делать'.

Желательные формы образуются, в частности, соединением с инфинитивом личных форм глагола *boɣet* 'идти', выступающего здесь в качестве вспомогательного глагола. Кроме того,

⁵¹ Любопытно, что частицы *sim* и *kat* отмечены Кастреном, однако с противоположным значением: *sim* со значением оптиматива и *kat* со значением сослагательности (Konjunktiv). См. Кастрен, 1858, § 123.

Приведенные выше значения частиц *sim* и *kat* даются на основании наших записей 1962 г. и относятся к имбацкому диалекту кетского языка.

⁵² См. Крейнович, 1964, стр. 141, прим. 5.

⁵³ См. парадигму у Крейновича, 1968а, стр. 136. Другие способы образования начинательных форм рассматриваются также в работе: Крейнович, 1965в.

формы желания образуются при помощи личных форм глаголов: *di-t-tuş* '(я) собираюсь', *-ba-ɣ-vintşm* '(я) очень хочу', *-qas-ti-tn* '(я) хочу'⁵⁴, а также глагола *ditobɣyq* (основное значение которого 'лезть'), сочетающегося с формой инфинитива в падеже на *-işen* (назначительном).

Аналогичным образом в языке существуют формы, выражающие и другие модификации глагольного действия⁵⁵.

Часть вторая

СТРУКТУРА КЕТСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

1. Составные части кетской глагольной словоформы

Глагольная форма кетского языка представляет собой цепочку морфем, располагающихся в сложном порядке. В зависимости от вида той или иной морфемы порядок компонентов может существенно меняться; таким образом, по различной модели могут строиться не только разные слова, но и разные формы одного и того же слова⁵⁶. Некоторые морфемы могут быть прерывными (discontinuous) или же могут плеонастически повторять одно значение; в то же время одна морфема может выражать несколько грамматических значений. Одни и те же показатели могут (в определенных случаях) префигироваться, суффиксироваться и инфигироваться⁵⁷.

Составными частями кетской глагольной формы являются следующие компоненты.

1. Основа.

По признакам образования исследователи подразделяют глагольные основы кетского языка следующим образом:

а) Производные и непроизводные. Производные основы образуются непосредственно от корневых элементов (именных, глагольных, адвербиальных и т. п.) или же от некоторых уже оформленных в языке слов (глаголов, имен и т. п.)⁵⁸. Непроизводные основы равны глагольному корню. Заметим, что глагольный корень в кетском языке, так же как и в некоторых кавказских и индийских языках, часто бывает представлен всего одной фонемой.

б) Свободные и связанные. В первом случае основа может употребляться самостоятельно в языке (т. е. совпадает с каким-то словом кетского языка), во втором же случае

⁵⁴ См. Крейнович, 1964, стр. 141, прим. 5.

⁵⁵ См. о них в работе: Крейнович, 1965б.

⁵⁶ Соответственно некоторая глагольная категория (так, в частности, категория вида) может наряду с определенным грамматическим показателем выражаться и изменением порядка глагольных компонентов.

⁵⁷ Леви, 1933, стр. 303—305; Крейнович, 1961, стр. 109.

⁵⁸ Крейнович, 1961, стр. 108; Дульзон, 1962, стр. 4.

основа без связанных с нею глагольных аффиксов не выступает в языке в роли слов ⁵⁹. Все связанные основы являются производными ⁶⁰.

в) Простые и сложные. Последние состоят из двух и более основ. Все сложные основы являются производными.

По признакам строения глагольные основы подразделяются следующим образом:

а) Монолитные и прерывные. Все прерывные основы производны; прерывная основа может быть как сложной, так и простой. В первом случае в ее состав входит несколько корневых морфем (две или три), во втором случае она состоит из корневой морфемы и деривационной (основообразующей) морфемы (последняя в свою очередь тоже может быть простой или составной) ⁶¹.

Прерывная основа отличается от свободной производной основой тем, что последняя остается целостной при изменении слова, а первая раздвигается на границе морфем, которые ее образуют ⁶².

б) Стандартные и нестандартные; последние допускают чередование фонем, опущение их, а иногда даже опущение самой основы ⁶³.

2. Субъектные и объектные показатели (показатели лица, числа, рода).

В кетском языке выделяются две группы личных субъектно-объектных показателей, которые можно обозначить по показателю 1-го лица единственного числа как группа «d» и группа «b» ⁶⁴.

Аффиксы группы «d» восходят к личным местоимениям, аффиксы группы «b» — к притяжательным местоимениям ⁶⁵.

Аффиксы группы «d» характерны для субъекта переходных глаголов. В то же время аффиксы группы «b» характерны для субъекта непереходных глаголов. Вместе с тем аффиксы обеих групп могут также служить объектными показателями.

При этом показатели субъекта и показатели объекта внутри каждой группы («d» и «b») могут в определенных случаях отличаться друг от друга по своей форме. Такие отличия особенно характерны для формы 3-го лица ⁶⁶.

Все переходные глаголы в кетском языке, как правило, начи-

⁵⁹ Крейнович, 1963, стр. 253—254.

⁶⁰ Крейнович, 1965б, стр. 118.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Крейнович, 1965а, стр. 176.

⁶⁴ См. об этом делении: Боуда, 1957, стр. 98 сл.; Крейнович, 1964, стр. 139 сл.; Успенский, 1964, *passim*; Крейнович, 1965а; Крейнович, 1965б, стр. 121, прим. 10; Крейнович, 1968б, стр. 142, прим. 6, стр. 184—186.

⁶⁵ Каргер, 1934, стр. 235; Крейнович, 1963, стр. 257, прим. 12; Крейнович, 1964, стр. 140—141; Успенский, 1964, стр. 155; Крейнович, 1965а, стр. 179—180; Крейнович, 1968б, стр. 185.

⁶⁶ См. таблицы личных глагольных показателей в работах: Крейнович, 1964, стр. 140; Крейнович, 1965а, стр. 180; Крейнович, 1968б, стр. 142.

наются с показателями лица/рода субъекта и оканчиваются показателями числа субъекта. В то же время показатели объекта располагаются внутри глагольной формы. Таким образом, можно, видимо, констатировать общую тенденцию кетского переходного глагола выражать связь с субъектом на периферии, а связь с объектом — внутри глагола; в то же время у непереходных глаголов связь с субъектом может быть выражена как на периферии, так и внутри глагола ⁶⁷.

При этом следует учитывать одну важную особенность кетского языка, касающуюся субъектных показателей лица и рода (группы «d»). Дело в том, что личные префиксы субъекта могут выступать в кратком виде *d-*, *k-*, *d-*, *da-* ⁶⁸ или в полном виде — в виде личных местоимений (к которым восходят соответствующие краткие формы).

При этом в кратком виде они выступают обычно, если основная часть глагольного слова начинается гласным звуком; перед начальным же согласным краткие формы обычно отсутствуют, заменяясь на формы полных местоимений. Однако в потоке речи личные префиксы могут появляться и перед формами, начинающимися с согласного, причем они как энклитики фонетически сливаются не с самим глаголом, а с предшествующим ему словом (глагольным дополнением, наречием и т. д.) ⁶⁹. В этом случае фонетическое и грамматическое деления синтагматической цепи не совпадают.

Таким образом показатели субъекта могут выступать в кетском языке:

а) в виде глагольных префиксов,

б) в виде местоименных энклитик, фонетически с глаголом не

⁶⁷ Ср. Успенский, 1964, стр. 153. Можно думать, что отмеченная общая тенденция характерна не только для кетского, но и вообще для енисейских языков. Так, аналогичное явление (перенесение личных окончаний субъекта в середину глагольной формы, причем эти элементы становятся показателями лица объекта) отмечено Кастреном в коттском языке (см. Кастрен, 1858, § 176).

Здесь возможны определенные типологические аналогии с шумерским языком, где местоименные показатели объекта инфигируются в глаголе, а показатели субъекта могут префигироваться.

⁶⁸ Личные префиксы *d-*, *k-*, *d-* имели когда-то более полную форму: *di-*, *ku-*, *du-*, что может давать некоторые ассимиляционные рефлексy — в частности, отражаться на разграничительных гласных (см. о них ниже): гласный *a*, обозначающий настоящее-будущее время, может появляться либо в виде *-i* после первоначального личного префикса *di-*, либо в виде *-u* (после первоначальных личных префиксов *ku-*, *du-*). См. Дульзон, 1962, стр. 15.

В ряде глаголов эти более полные формы личных субъектных префиксов сохранились (например, в глаголе *dibbet* 'делаю'). См. Дульзон, 1962, стр. 17; ср. Крейнович, 1965а, стр. 186.

⁶⁹ Дульзон, 1962, стр. 7; Крейнович, 1963, стр. 260; ср. также: Крейнович, 1964, стр. 147; Крейнович, 1965б, стр. 119, прим. 5. Это явление становится понятным в свете общих закономерностей кетской фонетики, согласно которым стык согласных в начальной позиции (иначе говоря, после потенциальной паузы) запрещается (ср. Каргер, 1934, стр. 226; Дульзон, 1964, стр. 51).

связанных, причем, по мнению Е. А. Крейновича, «в этом случае они, в сущности, не образуют с глаголом морфологического единства»⁷⁰;

в) в виде полных местоимений⁷¹.

Понятно, что это очень затрудняет решение вопроса о границах кетского глагольного слова. В описаниях кетского языка аналогичные глагольные формы приводятся иногда с показателями субъекта, иногда — без них; обычно же глагольное слово приводится в виде фонетического (а не грамматического) единства, т. е. личные показатели субъекта относятся к глагольной форме лишь в том случае, когда фонетически они примыкают к ней (иначе говоря, перед формами на гласный)⁷².

Нам думается, с чисто грамматической точки зрения последовательно было бы считать, что во всех указанных случаях показатель субъекта относится к глаголу (хотя фонетическое единство с глагольной основой представлено лишь в первом случае); это относится и к полным местоименным словам, которые следует считать тогда принадлежащими к глагольной форме. При этом можно указать правила чередований различных видов субъектных показателей (см. выше; в частности — если глагольная основа начинается с гласного, субъектный показатель выступает в виде глагольного префикса). Существенно отметить тогда, что в зависимости от конкретных условий, личные показатели субъекта в кетском могут обладать большей или меньшей степенью свободы (связанности в предложении), а также различной степенью обязательности в предложении⁷³.

Указанная особенность — общая для всех моделей кетского глагола. Поэтому, рассматривая специфику различных моделей кетского глагола, мы не будем специально говорить о месте субъектных показателей. (В частности, когда далее говорится о глаголах с основой в начале или в конце слова, имеется в виду отношение глагольной основы ко всем показателям глагола, кроме начальных и конечных показателей субъекта).

3. Показатели времени и вида

Показатели времени обычно четко выделяются в составе глагольной словоформы. Прошедшее время выражается в большинстве случаев показателем в виде сонорной согласной (например, *-l-*,

⁷⁰ Крейнович, 1964, стр. 147.

⁷¹ Возможно, различие кратких и полных местоименных показателей может быть сведено к различию неполного и полного стилей?

⁷² В примерах к настоящей статье глагольные формы также часто приводятся без личных показателей субъекта, поскольку, заимствуя пример из какого-либо описания, мы приводим его в том виде, в котором он дается там. Но необходимо иметь в виду в этих случаях, что имеются некоторые субъектные показатели, не представленные в данных примерах.

⁷³ Так, будучи выражен полной местоименной формой, личный показатель субъекта может быть как угодно удален от основной части глагольной формы и, видимо, может быть при желании опущен в потоке речи.

*-n-*⁷⁴), настоящее-будущее время часто выражается нулевым показателем, но может выражаться и специальным элементом⁷⁵.

В то же время показатель вида, напротив, трудно вычленим из состава словоформы. Очень часто вид выражается лексически, т. е. заменой основы (или одной из основ) глагола на другую основу⁷⁶. В других случаях вид может выражаться изменением модели слова, т. е. изменением порядка компонентов, составляющих глагольные слова.

Иными словами, если в плане грамматических значений (в плане содержания) противопоставление по виду носит совершенно регулярный характер, в плане образования слов (в плане выражения) оно выражается скорее не грамматическими, а лексическими средствами⁷⁷. В связи с этим с чисто формальной точки зрения (образования глагольных форм кетского языка), может быть, следует считать, что формы, противопоставленные по виду, представляют собой самостоятельные слова, а не словоформы одного и того же слова (это означает, в частности, что в словаре кетского языка

⁷⁴ А. П. Дульзон считает, что элементы *-n-* и *-l-* отличаются по значению: «аффикс *-n-* обычно выражает однократность действия, а *-l-* — неоднократность». При этом с показателем прошедшего времени *-n-* связывается разграничительный гласный элемент *-i-* (*-e-*), а с показателем *-l-* — элемент *-o-* (*-e-*), которые тоже соответственно могут выражать значение прошедшего времени (Дульзон, 1962, стр. 18; о разграничительных элементах см. ниже). Соответственно возможно образование параллельных форм прошедшего времени (от одного и того же глагола) — с аффиксом *-n-* и с аффиксом *-l-* (см. там же, стр. 18, 22, 11).

По мнению Е. А. Крейновича, форманты *-n-*, *-l-* являются не показателями времени, а показателями завершенности действия (Е. А. Крейнович обосновывает это мнение тем, что эти форманты участвуют в формах повелительного наклонения); собственно же временное значение он приписывает гласным элементам (*o-* для прошедшего времени и *a-* для настоящего-будущего), которые при ином подходе могли бы рассматриваться в качестве разграничительных элементов. См.: Крейнович, 1968б, стр. 159—160, прим. 20.

Укажем что инфлексия сонанта — не единственный способ образования прошедшего времени в кетском (хотя, по-видимому, и самый распространенный). В то же время сонорный показатель прошедшего времени часто вызывает дополнительные ассимиляционные изменения, которые также несут информацию о прошедшем времени.

⁷⁵ В частности, показателем настоящего-будущего времени может быть элемент *-ʃ-* (выступающий в сочетании с различными гласными: *-ʃi-*, *-ʃa-*, *-ʃu-*), который Е. А. Крейнович связывает с основой *ʃi-* глагола *ʃitaq* 'станет', 'сделается', 'будет' (см. Крейнович, 1964, стр. 142, прим. 6; Крейнович, 1965в, стр. 292); возможно, также элемент *-l-*.

Не всегда ясно, впрочем, когда подобные элементы следует относить к самостоятельным грамматическим показателям, а когда — к разграничительным элементам (см. о последних несколько ниже).

⁷⁶ В частности, как уже отмечалось, в некоторых случаях показатель многократного вида может трактоваться как показатель множественного числа основы, инкорпорированной в глагольную форму (см. выше, стр. 200); в других случаях вид может выражаться противопоставлением супплетивных форм. Вообще часто легче говорить об основе глагола того или иного вида, чем вычленивать показатель последнего.

Об образовании видовых форм см. детальное исследование Е. А. Крейновича (Крейнович, 1968а).

⁷⁷ Ср. отчасти ситуацию с русским видом.

необходимо в таком случае давать все формы вида к каждому глагольному слову).

В дальнейшем, когда мы говорим о парадигме глагола, мы имеем в виду парадигму глагола какого-то определенного вида. Соответственно, говоря о спряжении глагола, мы не имеем в виду изменения глагола по виду [но изменение глагола в некотором виде по времени, лицу, числу, роду (субъекта и объекта)].

4. Разграничительные элементы⁷⁸

От показателей грамматических категорий в собственном смысле слова целесообразно отличать разнообразные разграничительные элементы, которые могут появляться на морфемных стыках⁷⁹. Те или другие разграничительные элементы могут появляться в разных местах слова, не имея — в отличие от грамматических показателей — какой-либо определенной позиции в словоформе. Их появление подчиняется, видимо, каким-то особым правилам (вероятно, связанным с общими фонетическими закономерностями кетского слова, в том числе и с его просодией).

Разграничительные элементы могут представлять собой согласные, которые появляются при стечении гласных, или гласные, появляющиеся при стыке согласных.

К согласным разграничительным элементам относятся, например, элементы *-γ-, -R-, -k-, -j-* и др.⁸⁰.

К гласным разграничительным элементам можно отнести, в частности, элементы *-æ-, -i-*⁸¹.

Необходимо оговориться, что в разных категориальных формах (так же как и вообще — в окружении различных морфем) в роли разграничительных элементов могут выступать разные элементы. Таким образом, можно считать, что разграничительные элементы могут, помимо чисто синтаксической функции, нести еще и определенную грамматическую информацию (о той или иной категории); очевидно, именно этим и определяется выбор конкретного разграничительного элемента в некоторой форме⁸². Но сущест-

венно отметить, что появление разграничительных элементов обусловливается не необходимостью выразить ту или иную категорию — она всегда бывает выражена как-то иначе в глагольной форме и может лишь дублироваться разграничительным элементом⁸³, — а имеет чисто синтаксический характер; этим же объясняется, по-видимому, и отсутствие четко определенного места этих элементов в структуре глагольного слова.

Относительная свобода позиции разграничительного элемента в слове, как и варьирование самих разграничительных элементов (в определенной позиции), могут объясняться и тем, что разграничительные элементы часто восходят к самостоятельным словам (обыкновенно, местоименным) и, вероятно, в известных случаях могут восприниматься как имеющие относительно самостоятельное значение⁸⁴.

Разграничительные элементы могут совпадать с показателями грамматических категорий, а также с деривационными основообразующими элементами (в глаголах с простой прерывной основой); их не всегда легко отличить от таковых. Возможно, следовало бы даже считать, что один и тот же элемент может выступать в одних случаях как определенный грамматический показатель, а в других — как разграничительный элемент. Можно сформулировать, в частности, следующие условия, достаточные для того, чтобы некоторый конкретный элемент не был признан разграничительным: 1) если этот элемент выражает некоторую категорию, которая ничем больше не выражается в данной глагольной форме; 2) если этот элемент имеет четко определенное место в структуре глагольной словоформы, которое можно определить, исходя из одних грамматических (но не фонетических или семантических) характеристик данной словоформы; 3) если такой элемент присутствует (в данной категориальной форме) во всех глаголах, строящихся по данной схеме (иначе говоря: если во всех глаголах, которые отличаются от данного отсутствием такого элемента, имеется еще и другое какое-то формальное отличие).

нителей, несущих определенную грамматическую информацию), которое проводится в последних работах Е. А. Крейновича. (См. Крейнович, 1968а, стр. 75; Крейнович, 1968б, стр. 150—153).

К детерминативам относятся, например, элементы *k, q, t, d, n, b, h*; к интерфиксам — элементы *i, n, a* (соединительные гласные), *j, γ, R* (разграничительные согласные).

⁸³ В противном случае данный элемент не может быть признан разграничительным.

⁸⁴ Так, разграничительный элемент *-γ/-g/-k-* рассматривается Е. А. Крейновичем как модифицированный корень указательного местоимения *kidæ* 'эта', 'это' (иное толкование см.: Дульзон, 1962, стр. 15); аналогично элемент *-i-* связывается с местоимением *tudæ* 'та', 'то', элемент *-q-* — с местоимением *qadæ* 'та (дальняя)', 'то (дальнее)'. См. Крейнович, 1965в, стр. 287, прим. 6.

Элементы *-a-* и *-o-*, часто выражающие значение настоящего-будущего и прошедшего времен, образовались, по мнению Е. А. Крейновича, от форм соответствующего времени глагола со значением 'быть', 'сделаться'. См. Крейнович, 1963, стр. 262.

⁷⁸ Идея разграничительных элементов принадлежит Е. А. Крейновичу. Автор благодарен Е. А. Крейновичу, любезно поделившемуся своими мыслями о проблеме разграничительных элементов.

⁷⁹ Особенно большое значение имеют разграничительные элементы в глагольной словоформе кетского языка, так как именно здесь происходит скопление большого количества морфем.

⁸⁰ См. Крейнович, 1964, стр. 144, прим. 7. Ср. также Крейнович, 1965в, стр. 287, прим. 6; Крейнович, 1968а, стр. 75.

⁸¹ См. примеры на таблицах 2, 3 и 5 в работе: Крейнович, 1964. Заметим, что Е. А. Крейнович в этой работе рассматривает данные элементы как видо-временные показатели (в другой работе элемент *-æ-* рассматривается им как показатель непереходности и пассивности — см. Крейнович, 1968б, стр. 149, стр. 140, прим. 3); нам же кажется, что в приводимых примерах их целесообразно трактовать как разграничительные элементы.

⁸² В этой связи, по-видимому, можно интерпретировать различие «интерфиксов» или собственно разграничительных элементов, имеющих исключительно синтаксическую функцию, и «детерминативов» (т. е. разгра-

Иными словами, предполагается, что если элемент является показателем некоторой категории (точнее, категориальной формы), он должен всегда появляться при выражении этой категории или же заменяться на какой-то другой элемент, находящийся в отношении дополнительной дистрибуции к первому. Если же этого не происходит, т. е. если в одном случае элемент выражает данную категорию, в другом — может отсутствовать, в третьем — он дублирует выражение этой категории, то можно предполагать, что данный элемент (по крайней мере, в некоторых своих функциях) — разграничительный⁸⁵.

Уже из сказанного видно, что разграничительные элементы рассматриваются здесь как некоторое добавочное наложение на структуру грамматических показателей в кетской глагольной словоформе. Предполагается, что появление разграничительных элементов подчиняется каким-то особым правилам, не зависящим в общем от конкретной грамматической характеристики данной словоформы и имеющим в большей или меньшей степени синтаксический характер. Предполагается далее, что эти правила в принципе могут быть формально заданы (и, соответственно, может быть предсказано появление разграничительных элементов в том или ином окружении)⁸⁶.

Поэтому разграничительные элементы не принимаются во внимание при дальнейшем рассмотрении структуры кетской глагольной формы. Когда далее обсуждаются различные схемы построения кетского глагола, возможность появления разграничительного элемента в той или иной позиции (хотя бы и несущего какую-то грамматическую информацию) не учитывается.

II. Принципы строения кетской глагольной словоформы

Исследователи выделяют три основные модели глагольных слов (в зависимости от места основы в составе глагольной словоформы)⁸⁷:

⁸⁵ В терминах современной лингвистики можно сказать, что на уровне анализа мы можем опознать определенную грамматическую категорию по наличию некоторого разграничительного элемента (так же, как мы можем ее опознать и по собственно грамматическому показателю); в то же время на уровне синтеза мы не можем с определенностью предсказать появление разграничительного элемента при выражении некоторой категории, если руководствоваться исключительно грамматической информацией (так, как мы могли бы предсказать выражение этой категории тем или другим грамматическим показателем).

⁸⁶ Пока, разумеется, эта задача далека от выполнения.

⁸⁷ См.: Крейнович, 1963; Дульзон, 1962.

Распределение данных моделей ставится в определенную зависимость от типа глагольной основы в том или ином глаголе. См. конкретно об этой зависимости: Дульзон, 1962, стр. 4—5; Крейнович, 1963, стр. 254; Крейнович, 1964, стр. 159; Крейнович, 1965а, стр. 179.

А. «Модель с основой в начале слова», когда основа располагается в начале слова, а после нее следуют грамматические элементы. (В число этих грамматических элементов не включаются личные показатели субъекта переходного глагола, которые, как говорилось, могут стоять перед основой в глаголах «с основой в начале слова»⁸⁸).

Б. «Модель с основой в конце слова», когда основа располагается в конце слова и ей предшествуют грамматические элементы. (В число этих грамматических элементов не включаются показатели числа субъекта переходного глагола, которые, как говорилось, могут следовать за основой в глаголах «с основой в конце слова»⁸⁹).

В. «Модель с прерывной основой», когда основа состоит из нескольких компонентов, находящихся в начале и в конце слова, а между ними расположены грамматические элементы. (В число этих грамматических элементов опять-таки не включаются субъектные показатели переходного глагола.)

Каждой из этих моделей посвящена специальная работа Е. А. Крейновича⁹⁰.

Представляется, что указанные модели, отличаясь местом основы в составе глагольной словоформы, в остальном строятся в общем по одним и тем же принципам. Рассмотрим эти общие принципы построения.

1. Общая схема построения парадигмы глагола зависит от того, является ли этот глагол непереходным, возвратным или переходным. В случае непереходных и возвратных глаголов модель глагольной словоформы не меняется при спряжении глагола (иначе говоря: схема относительного расположения различных грамматических показателей в глаголе остается одною и той же при изменении значений показателей рода, лица, числа субъекта и показателей времени). Между тем в случае переходных глаголов модель глагольной словоформы может меняться при спряжении.

2. Общая схема построения парадигмы переходного глагола зависит от того, принадлежат ли личные показатели объекта в этом глаголе к группе «b» или к группе «d». Если показатели принадлежат к группе «b», модель глагольной словоформы не изменяется при спряжении. Если же показатели прямого объекта переходного глагола принадлежат к группе «d», модель глагольной словоформы изменяется в 3-м лице.

Таким образом, переходные глаголы с объектными показателями группы «b» — стабильны по своей структуре; глаголы же

⁸⁸ См. выше, стр. 212.

⁸⁹ См. выше, стр. 212.

⁹⁰ См.: Крейнович, 1964 (важные уточнения к этой работе см.: Крейнович, 1965б, стр. 127, прим. 20); Крейнович, 1965а; Крейнович, 1965б.

с объективными показателями группы «d» — нестабильны: они имеют две модели глагольной словоформы — одну модель для 1-го и 2-го лица и другую модель — для 3-го лица ⁹¹. (Конкретно различие этих моделей выражается, как будет видно ниже, в относительном расположении показателей объекта и показателей времени.) ⁹²

Итак, выделяются следующие возможные структуры глагольной словоформы:

- 1) структура глаголов с показателями группы «b».
- 2) основная структура глаголов с показателями группы «d»;
- 3) структура переходных глаголов с показателями прямого объекта группы «d» в 3-м лице ⁹³.

Рассмотрим построение этих структур. Ниже даются принципиальные схемы сочетаемости основных компонентов глагольной структуры (без учета разграничительных элементов).

1) Глаголы с показателями группы «b» имеют следующую принципиальную схему:

⁹¹ Заметим еще, что показатели группы «b» остаются одними и теми же при изменении глагола во времени; в то же время объектные показатели группы «d» могут различаться в настояще-будущем и прошедшем временах (см. Крейнович, 1964, стр. 146). Думается, что это можно объяснить фонетическими изменениями, вызванными различной сочетаемостью этих показателей с показателями времени.

⁹² Е. А. Крейнович считает, что все глаголы с объективными показателями группы «d» изменяют свою модель в прошедшем времени (т. е. во всех лицах этого времени) (см.: Крейнович, 1964, стр. 146; Крейнович, 1965а, стр. 186). Иначе говоря, по его мнению, настояще-будущее и прошедшее времена переходных глаголов с объективными показателями группы «d» строятся по различным моделям.

Представляется, что такой вывод не обязателен: можно считать, что формы обоих времен, совпадающие по прочим показателям, строятся по одной и той же модели (указанной ниже), но показатели настоящего-будущего времени выражаются нулевым элементом. В 3-м лице обоих чисел показатель настоящего-будущего времени может выражаться не нулевым элементом, а элементом -s-, причем последний располагается там же, где и показатель прошедшего времени [см. иллюстрацию в работе: Крейнович, 1964, стр. 143, табл. 3; Е. А. Крейнович относит здесь -s- к личным показателям группы «d»; ср., однако, частое использование элемента -s- в значении настоящего-будущего времени в других глаголах нетского языка (в то же время элемент -s-, который Е. А. Крейнович рассматривает в данной работе как видо-временной показатель, может трактоваться как разграничительный элемент)].

⁹³ Необходимо подчеркнуть, что все сказанное об изменении порядка компонентов у глаголов с показателями группы «d» в 3-м лице относится только к тем случаям, когда элемент группы «d» является показателем прямого объекта переходного глагола, но не показателем возвратного объекта (см. ниже) и не показателем субъекта глагола непереходного. В последних случаях никакого изменения схемы в 3-м лице не происходит.

Указанная выше особенность переходных глаголов с объективными показателями группы «d» сохраняется и в формах повелительного наклонения: формы повелительного наклонения с объективными показателями 3-го лица отличаются по структуре от форм (тех же глаголов) с объективными показателями 1-го или 2-го лица.

Схема 1

[показатель лица/ рода субъекта]	[основа]	показатель лица/рода, числа группы «b»	показатель времени	[основа]	[показатель числа субъекта]
---	----------	---	-----------------------	----------	-----------------------------------

Данная схема может быть осложнена определенным деривационным элементом основы (аффиксом известного вида, относящимся к прерывной основе), который может появляться между объективными показателями группы «b» и показателями времени; с учетом этого случая схема имеет следующий вид:

Схема 1а

[показатель лица/ рода субъекта]	[основа]	показатель лица/ рода, числа группы «b»	[деривационный элемент основы]	показатель времени	[основа]	[показатель числа субъекта]
---	----------	--	--------------------------------------	-----------------------	----------	-----------------------------------

2) Глаголы с показателями группы «d» имеют следующую основную схему — во всех формах, кроме 3-го лица прямого объекта:

Схема 2

[показатель лица/ рода субъекта]	[основа]	показатель времени	показатель лица/рода, числа группы «d»	[основа]	[показатель числа субъекта]
---	----------	-----------------------	---	----------	-----------------------------------

3) В 3-м лице переходные глаголы с показателями прямого объекта группы «d» изменяют только что приведенную («основную») схему на следующую:

Схема 3

[показатель лица/ рода субъекта]	[основа]	показатель лица/рода, числа группы «d»	показатель времени	[основа]	[показатель числа субъекта]
---	----------	---	-----------------------	----------	-----------------------------------

К приведенным схемам необходимо сделать следующие замечания:

а) Показатели лица/рода субъекта и показатели числа субъекта переходного глагола даны в скобках. Если они отсутствуют, мы имеем структуру непереходного глагола; тогда показатели группы «d» или «b» в середине схемы выражают характеристики с у б т а этого непереходного глагола. Если же показатели субъекта переходного глагола присутствуют в составе глагольной словоформы (причем, как было обусловлено выше, они могут фонетически относиться к предшествующему слову или быть выраженными полными местоименными формами), то показатели групп «d» или «b» выражают характеристики о б ъ е к т а переходного глагола ⁹⁴.

б) Основы глагола также даны в скобках, так как любая из них может отсутствовать; однако они не могут отсутствовать обе одновременно, т. е. одна из основ должна обязательно наличествовать в составе глагольной словоформы.

Если отсутствует первая основа и остается вторая, мы имеем так называемую «модель глаголов с основой в конце слова».

Если отсутствует вторая основа и остается первая, мы имеем так называемую «модель глаголов с основой в начале слова».

Если же обе основы наличествуют в слове, мы имеем так называемую «модель глаголов с прерывной основой».

У глаголов со «сложной прерывной основой» каждая основа (точнее: каждый компонент прерывной основы) представлена корневой морфемой или сочетанием корневых морфем ⁹⁵. При этом конечная корневая морфема у таких глаголов может иметь уже стершееся лексическое значение и выступать как полуграмматикализованный элемент (например, обозначать видовую категорию) ⁹⁶; но с чисто формальной точки зрения эти морфемы ведут себя так же, как и обычные элементы основы в конце слова ⁹⁷.

⁹⁴ В возвратных глаголах могут наличествовать показатели лица/рода субъекта в начале глагольной формы, но отсутствовать показатели числа субъекта в конце (так как число здесь может выражаться в личных показателях возвратного объекта). О возвратных глаголах вообще см. ниже, стр. 223—224.

⁹⁵ Если глагольная основа состоит более чем из двух корневых морфем, то одна из них располагается в конце слова, а остальные смыкаются в начале слова, образуя сложный монолитный (т. е. не прерывный) компонент глагольной основы.

⁹⁶ К элементам «прерывной основы», имеющим сейчас уже полуслужебный характер, относятся, в частности: *tat/tæt/tit* (основное значение 'бить') и часто противопоставленный ему в многократном виде элемент *to/do* (с основным значением 'тесать'); *bæt/væt/vit* (с основным значением 'делать'; по А. П. Дульзону, этот показатель имеет значение законченности действия); *-aq* (связанная основа, т. е. не встречающаяся в виде неоформленного корневого элемента; значение 'ходить') — в однократном виде у глаголов движения;

(См. Крейнович, 1965б, стр. 119, 122, 124; Крейнович, 1968а, стр. 89, 94 и сл.; Дульзон, 1962, стр. 9, 12).

⁹⁷ Заметим, что во многих случаях глаголы со «сложной прерывной основой» могут трактоваться как глаголы с «основой в конце слова», в которую

У глаголов с «простой прерывной основой» один из компонентов глагольной основы представлен основообразующим (деривационным) аффиксом. Основообразующий аффикс может находиться как в начальной, так и в конечной позиции, т. е. как в позиции «основы в начале слова», так и в позиции «основы в конце слова» ⁹⁸, помимо того, в глаголах с объектными показателями группы «b» деривационный элемент, принадлежащий основе, может находиться в срединной позиции — между показателем объекта (группы «b») и показателем времени. Специально глаголы с «простой прерывной основой» рассматриваются ниже ⁹⁹; но существенно осознавать, что в структурном отношении их построение в общем почти не отличается от построения других глаголов (точнее, отличается всего лишь в одном случае ¹⁰⁰).

Как у глаголов со «сложной прерывной основой», так и у глаголов с «простой прерывной основой» корневой элемент основы может быть оформлен примыкающими к нему деривационными элементами, которые составляют с ним монолитную (не прерывную) часть прерывной глагольной основы.

Сравнивая приведенные схемы, можно обнаружить следующее. В 3-м лице переходные глаголы с объектными показателями группы «d» строятся по той же общей схеме (имеют ту же последовательность грамматических показателей), что и глаголы с объектными показателями группы «b». Таким образом, если в других формах глаголы с объектными показателями группы «d» строятся по иной модели, чем глаголы с объектными показателями группы «b», то в 3-м лице глаголы меняют схему на аналогичную этой последней.

Думается, что это явление отнюдь не случайно и может быть связано с некоторыми общими особенностями построения кетского глагола, в частности, — с явлениями, близкими к эргативной конструкции в системе кетского глагола ¹⁰¹.

Действительно, именно эта схема характерна в основном для непереходных глаголов, для которых вообще, как уже говорилось, характерны показатели (субъекта) группы «b». Если учесть еще, что субъектные показатели переходного глагола могут опускаться,

инкорпорирована какая-то другая основа (поскольку место инкорпорированной основы в кетском глаголе — всегда в начале слова, обычно после личных субъектных показателей). Думается, что это должно быть верно и с исторической точки зрения, т. е. можно предположить, что многие глаголы со «сложной прерывной основой» образовались от глаголов с «основой в конце слова» путем инкорпорирования начальной основы.

⁹⁸ Следует отметить, что так же, как определенные корневые элементы в «сложных прерывных основах», деривационный основообразующий элемент в конечной позиции может служить для различения вида. См. конкретно: Крейнович, 1965б, стр. 127.

⁹⁹ См. стр. 224 и сл.

¹⁰⁰ Имеется в виду возможность срединной позиции элемента основы у таких глаголов.

¹⁰¹ См. о таких явлениях: Успенский, 1964.

придавая глаголу пассивное значение [говоря иначе, изменяя глагол из переходного в непереходный, причем показатели объекта (Patiens) становятся тогда субъектными показателями; особенно часто такое опущение происходит при неодушевленном субъекте ¹⁰²], становятся очевидными аналогии с эргативной конструкцией. Понятно, что такое сближение переходных и непереходных глаголов естественнее всего происходит именно в 3-м лице. Действительно, если считать, что формы непереходного глагола (в частности, формы с пассивным значением) могут образовываться от переходных путем отбрасывания показателей субъекта и превращения объектных показателей в субъектные, то очевидно, что чаще всего это должно происходить в глаголах с объектными показателями 3-го лица, так как именно 3-е лицо может в равной степени осмысляться и как форма субъекта (Agens) и как форма объекта действия (Patiens) ¹⁰³.

Примеры ¹⁰⁴

Основа в конце слова

Непереходный глагол:

d|o-n|təʃ 'он-замерз'
показатель группы «d» | показатель времени | основа
aʃ|is|sæʃ 'они-ночуют'
показатель группы «b» | показатель времени | основа

Переходный глагол с объектом гр. «d» не в 3-м лице:

d|i-ʃ|di|ʃ 'он-меня-одел'
показатель субъекта | показатель времени | показатель группы «d» (прямого объекта) | основа

Переходный глагол с объектом гр. «d» в 3-м лице:

d|o|ʃ|ʃ 'он-его-одел'
показатель субъекта | показатель гр. «d» (прямого объекта) | показатель времени | основа

Основа в начале слова

Непереходный глагол

ku|gæʃ|bo|ʃa 'я-скатился'
основа | показатель группы «b» | показатель времени

¹⁰² См. выше, стр. 205, 220.
¹⁰³ Характерна вообще формальная обособленность 3-го лица в кетском глаголе. Например, показатель настоящего-будущего времени -ʃ- появляется только в форме 3-го лица, так же как и определенные разграничительные элементы; субъектные и объектные показатели часто совпадают в формах 1-го и 2-го лица, но различаются обычно в форме 3-го лица (что может быть отчасти связано с ассимиляционными изменениями, обусловленными особым местом показателя 3-го лица в структуре глагольной словоформы) и т. п. Можно сказать, что 3-е лицо в значительной степени определяет своеобразие кетского глагола.

¹⁰⁴ Примеры взяты в основном из работ Е. А. Крейновича.

Переходный глагол с объектом группы «d» в 3-м лице:

ha-d|dit|ʃæ 'резал-ее'
основа (корень + основообразующий показатель) | показатель объекта группы «d» | показатель времени
d|ʃi: tk|o|næ 'он-показал-его'
показатель субъекта | основа | показатель гр. «d» | показатель времени

Прерывная основа

Непереходный глагол:

en|b|on|sək 'я забыл'
основа | показатель группы «b» | показатель времени | основа
to|ʃ|gu|raq 'ты-упал'
основа | показатель времени | показатель гр. «d» | основа

Переходный глагол с объектом группы «b»:

t|doŋ|bo|u|tæt 'он-меня-кольвул-ножом'
показатель субъекта | основа | показатель группы «b» (прямого объекта) | показатель времени | основа

Переходный глагол с объектом группы «d» не в 3-м лице:

sira-q|in|de|t 'он-меня-научил'
основа (корень + деривационный показатель q) | показатель времени | показатель группы «d» | основа (основообразующий показатель)

Переходный глагол с объектом группы «d» в 3-м лице:

d|ət|dir|uŋ|tæŋ 'я-вытащил-ее'
показатель субъекта | основа | показатель группы «d» | показатель времени | основа

Особо следует остановиться на возвратных глаголах. Эти глаголы, отличающиеся от непереходных глаголов наличием специальных показателей как субъекта, так и объекта (возвратного), напоминают по своей структуре глаголы переходные, но отличаются от них по формальным признакам. Действительно, так же как и переходные глаголы, они имеют в своем составе два ряда личных показателей — один в начале глагольной формы, другой — в ее середине; семантически оба ряда относятся к субъекту действия, формально же можно было бы сопоставить первый ряд с показателями субъекта, а второй — с показателями прямого объекта переходного глагола.

Отличие возвратных глаголов от соответствующих переходных состоит прежде всего в том, что, имея внутри глагольной формы показатели возвратного объекта группы «d», в 3-м лице они не меняют порядка компонентов. Иначе говоря, их схема стабильна, как стабильна она у непереходных глаголов; она не отличается по построению от основной схемы переходных глаголов с показателями группы «d» (т. е. схемы для всех лиц объекта, кроме 3-го).

Ср. разницу в структуре, с одной стороны, переходного глагола и, с другой стороны, возвратного и непереходного глаголов (все глаголы — с показателями группы «d» в 3-м лице) ¹⁰⁵.

Переходный глагол (выделенный показатель группы «d» относится к прямому объекту):

d|o|l|s 'он-его-одел' [показатель субъекта — показатель группы «d» — показатель времени — основа].

Возвратный глагол (выделенный показатель группы «d» относится к возвратному объекту):

d|i-l|æ|s 'он-себя-одел' [показатель субъекта — показатель времени (-i — разграничительный элемент) — показатель группы «d» — основа].

Непереходный глагол (выделенный показатель группы «d» относится к субъекту действия):

dæ|t|o-l|æ|raq 'она-упала' [показатель субъекта — основообразующий деривационный элемент — показатель времени (-o — разграничительный элемент) — показатель группы «d» — основа].

Таким образом, возвратные глаголы могут отличаться от соответствующих переходных только неизменяемостью порядка компонентов (как в приведенных примерах). Укажем также, что в возвратных глаголах может отсутствовать, по крайней мере в определенных случаях, показатель числа субъекта действия в конце глагольной формы, так как число субъекта может выражаться в показателе возвратного объекта (в этом случае возвратные глаголы приближаются по форме к непереходным) ¹⁰⁶.

В заключение мы рассмотрим специфику глаголов с «простой прерывной основой», т. е. глаголов, основа которых состоит из корневого элемента и некоторых основообразующих аффиксов.

Во многих случаях «простая прерывная основа» у таких глаголов представляет собой форму инфинитива ¹⁰⁷, составные части которого (корневой элемент и деривационный глаголообразующий элемент) раздвигаются, включая в себя глагольные грамматические показатели, и выступают в позициях, соответствующих позиции «основы в начале слова» и позиции «основы в конце слова» (см. приведенные выше схемы) ¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Примеры взяты из работы: Крейнович, 1965а, стр. 184, 185.

¹⁰⁶ С точки зрения образования все непереходные глаголы, по-видимому, можно представить как возвратные, у которых отсутствуют показатели субъекта или показатели возвратного объекта. Возможно также, что непереходные глаголы определенного вида (формально аналогичные возвратным) вообще могут рассматриваться как возвратные.

¹⁰⁷ Здесь имеется в виду производная форма инфинитива, т. е. не совпадающая с глагольным корнем, но образуемая от последнего при помощи деривационных аффиксов (-t-, -i- и др.). См. стр. 206.

¹⁰⁸ Составные части инфинитива могут в определенных случаях и не разрываться, представляя собой тогда не прерывную, но монолитную основу. В частности, это происходит, когда в конце слова стоит основа -bæt/-væt

При этом порядок компонентов инфинитива часто сохраняется в личной глагольной форме. Так, если форма инфинитива представляет собой корневой элемент плюс суффиксальный глаголообразующий (деривационный) элемент, то в личной форме глагола корневой элемент выступает в качестве первого компонента глагольной основы (т. е. в позиции «основы в начале слова» ¹⁰⁹), а глаголообразующий элемент — в качестве второго компонента основы (т. е. в позиции «основы в конце слова»).

Ср., например: *tam-t* 'сосать' (из: *tam* 'женская грудь' + глаголообразующий элемент -t).

Отсюда: *tam-s-u-t* 'сосет'

tam-l-u-t 'сосал' ¹¹⁰.

Если же инфинитив оформлен префиксальным глаголообразующим элементом, то имеет место противоположный порядок: глаголообразующий элемент выступает в качестве первого компонента основы (находясь в позиции «основы в начале слова»), а корневой элемент — в качестве второго компонента (т. е. в позиции «основы в конце слова»).

Ср.: *q-i-l* 'надеть', 'нанизать' (с глаголообразующим префиксом q-).

Отсюда: *q-iv-d-i-l* 'надену-это' ¹¹¹.

По данным моделям образуются и другие глаголы. Ср., например ¹¹²:

(глаголообразующий элемент в конце слова)

di-ŋ-d-i-t 'спрятал-меня'

d-igdæ-vat-l-aq 'сбегал на берег' и т. д.

(глаголообразующий элемент в начале слова)

t-av-do 'тешу-это'

t-ov-i-l-do 'тесал-это'

k-av-do 'расчищаю-это'

k-ov-i-l-do 'расчищал-это'

(см. выше, прим. 96): в этих случаях в начале слова образуется монолитная основа, часто совпадающая с формой инфинитива, а все слово в целом соответствует модели со «сложной прерывной основой». Ср. аналогичное явление в глаголах со «сложной прерывной основой», основа которых состоит более чем из двух корневых морфем: если в конце слова имеется корневая морфема, то остальные части основы смыкаются в начальной позиции (см. стр. 220, прим. 95).

Ср. *kyŋj-æ-væt* 'я бую' (инфинитив *kyŋj* состоит из корня *kyŋ* 'рвота' и глаголообразующего показателя -i-).

d-imtad-æ-væt 'я колю кедровые орехи' (инфинитив *imtæt* состоит из корня *im* 'кедровый орех' и сложной основы *tæt* 'бить', распадающейся, в свою очередь, на корень *tæ* и глаголообразующий показатель -t).

См.: Крейнович, 1965б, стр. 119, 122, 125, прим. 19 и стр. 127—128.

¹⁰⁹ См. приведенные выше схемы, стр. 219.

¹¹⁰ Крейнович, 1965б, стр. 125.

¹¹¹ Крейнович, 1965б, стр. 128; в личных формах этого глагола появляется еще и деривационный аффикс -d-.

¹¹² Примеры здесь и далее взяты из работы: Крейнович, 1965б.

d-av-do 'долблю-это' *d-ov-ij-do* 'долбил-это'
d-ol-gu-dun 'ты-крикнул'
n-a-d-dij 'я-пошевелюсь'
h-a-t-tæš 'я-встану' и т. д.

Во многих случаях, вероятно, можно предположить, что в том или ином глаголе отсутствует форма инфинитива, образованная при помощи соответствующего деривационного элемента, и что данный глагол образовался по аналогии с другими (т. е. просто по установившейся грамматической модели)¹¹³.

Как можно видеть, в приведенных примерах позиция компонентов «прерывной основы» целиком укладывается в данные выше схемы. Глаголы с «простой прерывной основой» в этих случаях не отличаются по структуре от глаголов со «сложной прерывной основой»; вообще, отличие состоит лишь в том, что один из компонентов глагольной основы выражается не корнем, а глаголообразующим служебным элементом, причем этот элемент может находиться как в начальной, так и в конечной позиции.

Помимо того, определенные глаголообразующие элементы (в частности, *t* и *k*) могут находиться в середине слова — за личными показателями объекта (по всей видимости, исключительно показателями группы «b») и перед показателями времени — у глаголов с основой в конце слова¹¹⁴.

При этом характерно, что глаголы с показателями *t* и *k* в этой позиции могут в прошедшем времени опускать личные показатели субъекта и начинаться с глаголообразующих показателей¹¹⁵.

Ср.: *di-t-ur* 'вижу', *t-ol-ur* 'видел'.

Процесс образования глагольных форм такой структуры (с основообразующим показателем в середине слова) становится ясным из сравнения следующих ниже форм.

Представляется, что форма с основообразующим показателем в начале слова — первична. К ней могут добавляться личные показатели — как субъекта (Agens), так и объекта (Patens) действия¹¹⁶.

Ср.: *q-iv-d-il* 'надену это'
ba-q-iv-d-il 'я надену это'¹¹⁷
t-ol-ur 'видел'
ba-t-ol-ur 'меня видел, я был видим'.

¹¹³ Это видно уже из того, что в глагольной форме может появляться несколько деривационных элементов, причем какие-то из них могут примыкать к корню, составляя с ним монолитную основу, другие же относятся к окончанию, осмысляясь, видимо, как глаголообразующие показатели. См.: Крейнович, 1965б; Крейнович, 1963, стр. 260, прим. 17.

¹¹⁴ А. П. Дульзон считает, что в этом случае показатель (прошедшего) времени инфигируется в основу (см. Дульзон, 1962, стр. 16).

¹¹⁵ См. Крейнович, 1963, стр. 260.

¹¹⁶ О глаголах, у которых начальные согласные *t*-, *k*-, *n*- относятся к корню, а не являются деривационными элементами, см. Крейнович, 1965б, стр. 128, прим. 22 (ср. также Крейнович, 1963, стр. 265).

¹¹⁷ Пример из работы: Крейнович, 1965б, стр. 128.

Ср. с этим форму непереходного глагола:

ba-γ-is-sæl 'я переночую'
ba-γ-in-sæl 'я переночевал'¹¹⁸.

Наконец, в случае необходимости к такой форме спереди могут быть добавлены показатели субъекта действия. В других случаях спереди может прибавляться инкорпорированная основа (ср. *at aγuγ-ba-γ-on-tij* 'я обовшивел', *am-ba-t-on-aq* 'я стала матерью', *konæš-ba-t-on-oq* 'я потерялся'; здесь сочетания *bayonti* и *batonoq* могли бы, вообще говоря, формально рассматриваться как самостоятельные глагольные слова и, несомненно, во всяком случае восходят к таковым¹¹⁹).

Таким образом, можно констатировать следующие возможные позиции основообразующего показателя в глагольном слове: а) н а ч а л ь н у ю (позиция «основы в начале слова»), б) к о н е ч н у ю (позиция «основы в конце слова»), в) с р е д и н н у ю [за показателями объекта (группы «b») и перед показателями времени].

При этом в начальной и в конечной позиции (но не в срединной) компоненты глагольной основы могут, в свою очередь, состоять из нескольких морфем, т. е. представлять собой монолитное (не прерывное) морфемное сочетание. Это может быть как сочетание нескольких корневых морфем, так и сочетание одних глаголообразующих аффиксов или, наконец, сочетание корневых и глаголообразующих элементов.

Можно, видимо, постулировать следующую закономерность. Если один из компонентов глагольной основы (начальный или конечный) представляет собою монолитное сочетание корневого и деривационного элементов, то в начальной позиции деривационный элемент следует за корневым, а в конечной — предшествует ему¹²⁰.

Ср.: *huš-k-on-tij* 'заплесневел'¹²¹
q-iv-ij-d-il 'надел-это'.

Помимо того в конечной позиции (в позиции «основы в конце слова») компонент глагольной основы может представлять собой сочетание нескольких деривационных элементов (т. е. представлять собой сложный глаголообразующий показатель, состоящий из нескольких простых глаголообразующих показателей). Так образуются сложные окончания *tij* (= *t+ij*), *git/kit* (= *g/k+t*) и др.

¹¹⁸ Примеры из работы: Крейнович, 1965а.

¹¹⁹ Ср.: Крейнович, 1965б, стр. 129; Крейнович, 1963, стр. 265.

¹²⁰ Исключения к последнему случаю представляют собой лишь грамматикализовавшиеся сочетания. Например, глагольная основа *-tæt* (с исконным значением 'бить, толочь'), которая этимологически распадается на корень *tæ-* и деривационный элемент *-t*, сама выступает в роли деривационного элемента при образовании форм инфинитива и соответственно может выступать в виде окончания в личных глагольных формах, образованных от этих инфинитивов (см. об этой основе: Крейнович, 1965б, стр. 118—119).

¹²¹ Крейнович, 1965б, стр. 126.

- Боуда, 1957 — К. Bouda, *Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und Morphologische Untersuchungen*, — «Anthropos», vol. 52, 1957, N 1—2.
- Дульзон, 1962 — А. П. Дульзон, *Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Лекция по общему языковедению*, Томск, 1962.
- Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, ч. I, Томск, 1964.
- Каргер, 1934 — Н. К. Каргер, *Кетский (енисейско-остяцкий) язык*, — «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.
- Кастрен, 1858 — М. А. Castrén, *Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, SPb., 1858.
- Крейнович, 1961 — Е. А. Крейнович, *Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке*, — ВЯ, 1961, № 2.
- Крейнович, 1963 — Е. А. Крейнович, *О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке*, — сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
- Крейнович, 1964 — Е. А. Крейнович, *О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова*, — «Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского», М.—Л., 1964.
- Крейнович, 1965а — Е. А. Крейнович, *О модели глагола в кетском языке с основой в конце слова*, — сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965.
- Крейнович, 1965б — Е. А. Крейнович, *О прерывных глагольных основах в кетском языке*, — ВЯ, 1965, № 3.
- Крейнович, 1965в — Е. А. Крейнович, *О явлениях развития кетского языка от форм аналитических к формам синтетическим*, — сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М.—Л., 1965.
- Крейнович, 1968а — Е. А. Крейнович, *Способы действия в глаголе кетского языка*, — наст. изд., стр. 75—138.
- Крейнович, 1968б — Е. А. Крейнович, *О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка*, — наст. изд., стр. 139—195.
- Леви, 1933 — E. Lewy, *Zum Jenissei-Ostjakischen (Ketischen)*, — UJb, Bd 13, Hf. 3—4, 1933. Перепечатано в сб.: E. Lewy, *Kleine Schriften*, Berlin, 1961.
- Успенский, 1964 — Б. А. Успенский, *Замечания по типологии кетского языка*, — сб. «Вопросы структуры языка», М., 1964.

В. Н. ТОПОРОВ, Т. В. ЦИВЬЯН

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ В КЕТСКОМ

(НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

Имени в кетском языке повезло гораздо больше, чем глаголу. Уже М. А. Кастрен дал достаточно подробное и полное описание имени в кетском и коттском, пользуясь которым можно вполне удовлетворительно анализировать тексты в той их части, которая касается имени; при этом некоторые разделы морфологии имени (например, образование множественного числа) были исследованы с такой степенью детализации, которая не достигалась ни в одной из последующих работ. Труды К. Доннера и Н. К. Каргера прояснили ряд деталей, относящихся к кетскому имени; в частности, существенно иначе, чем у М. А. Кастрена, был поставлен вопрос о категории рода и об отражении в имени одушевленности—неодушевленности. В исследованиях А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича эти же проблемы — на более обширном материале и с гораздо большей обстоятельностью — стали предметом дискуссии, вызвавшей попутно ряд важных соображений относительно структуры других частей кетского имени. Наконец, А. П. Дульзону принадлежит наиболее полное описание падежей с указанием их семантики, подтверждаемой значительным количеством примеров.

Вместе с тем, особенно учитывая разницу между именем и глаголом в степени изученности, приходится констатировать, что в области изучения имени сделано гораздо меньше того, на что можно было бы рассчитывать. К числу desiderata, исполнение которых уже в самое ближайшее время не было бы неожиданным, относятся, по нашему мнению, следующие задачи:

1. Описание правил с и н т е з а всех форм имени (накопленный экспедициями последнего десятилетия материал достаточен для того, чтобы были сделаны более решительные попытки построения правил порождения, которые позволили бы преодолеть удручающую дробность эмпирических «правил», например, образования множественного числа).

2. Синтетическое описание всей системы имени (с указанием связей между категориями, во-первых, и определением иерархии граммем в морфологическом пространстве имени, во-вторых) и установление границ между именем и н е и м е н е м (прежде всего глаголом) — с решением вопроса о сте-

пени «самодостаточности» имени, о распределении морфологической информации об имени по всему предложению, о переходе имени в глагол и глагола в имя и т. п.

3. Предварительный набросок истории имени в кетском и — шире — в других енисейских языках, основанный прежде всего на данных, к которым может привести внутренняя реконструкция системы имени, — с тем, чтобы полученные таким образом результаты были сопоставлены с другими сведениями по типологии имени в языках сходного типа.

Ниже следует краткий обзор основных результатов исследований в области имени, с преимущественным подчеркиванием тех положений, которые в той или иной степени способствуют хотя бы частичному решению перечисленных выше задач.

* * *

До сих пор в связи с кетским именем речь шла о категориях рода (в другой терминологии — именных классов), числа, падежа, одушевленности, целостности, притяжательности и о способах их выражения как в самом имени, так и за его пределами.

Если обратиться к категории р о д а, то здесь наиболее отчетливо противостоят две точки зрения. Одна из них состоит в том, что «в кетском языке род существительного — категория непостоянная и выражает только пол», другая же, напротив, исходит из того, что эта категория постоянна. Несмотря на остроту дискуссии по этому вопросу, действительное положение дел представляется более или менее ясным, если учесть к тому же, что жестко формулируемая разница во взглядах в значительной степени объясняется разными принципами описания (исходя из содержательных или формальных критериев) и, по крайней мере, при изложении одной из точек зрения, существенной неточностью языка описания. Как бы то ни было, внимательный читатель в состоянии переформулировать описанные (удачно или не вполне удачно) результаты таким образом, чтобы различия между обеими точками зрения — в самом основном — оказались иллюзорными.

При определении именных классов в кетском языке более целесообразным кажется выбор такого пути, при котором классификация имени осуществляется сначала чисто формальным образом, а в дальнейшем каждый из полученных классов интерпретируется с содержательной точки зрения. Поскольку вначале результаты содержательной интерпретации неясны, термин «именной класс» предпочтительнее термина «род». Как можно думать, значительная часть именной лексики кетского языка допускает в принципе два разных описания — в терминах рода в его классическом виде (как, например, в индоевропейских языках) и в терминах именных классов в том смысле, который общеупотребителен, когда говорят о кавказских или африканских языках (особенно когда речь идет о небольшом количестве классов, близком или

равном числу именных классов в кетском). Поэтому для кетского языка выбор терминов, возможно, особенно сложен (и в этом случае также, видимо, лучше пользоваться более нейтральным понятием *класса*).

При решении задачи классификации кетского имени по формальным признакам приходится различать два рода привлекаемых в связи с этим фактов: во-первых, формальные средства классификации, содержащиеся в с а м о м имени (в пределах данной словоформы) и, во-вторых, такие же классификационные признаки имени, содержащиеся з а е г о п р е д е л а м и, а именно — в согласуемых с ним словах (в местоимениях, числительных, предикативных формах прилагательного, числительного, различных падежей имени, в целом ряде глагольных форм, а иногда, видимо, и в отдельных лексемах, ср. разные слова для глагола «говорить» в зависимости от рода). Впрочем, для более раннего времени в развитии енисейской именной системы допустимо восстановление такого этапа, когда все теперешние формальные признаки классификации имени могли находиться вне данного имени. Помимо аргументов типологического характера об этом состоянии могли бы свидетельствовать некоторые факты, сохраняющиеся и в современном кетском языке (ср., например, возможность отделения от имени и дистантного расположения некоторых формантов имени, содержащих, между прочим, и показатели принадлежности к тому или иному классу; допустимость употребления этих же формантов в чисто местоименной функции; и в случае их двусложности, т. е. именно тогда, когда они содержат в себе классные показатели, наличие у них ударения, равного по силе ударению основы или вообще самостоятельного слова, и т. д.). Если бы для некоей древней эпохи удалось восстановить такую картину именных классов, когда все классные показатели находились вне данного слова, уместно было бы говорить о чисто согласовательных (синтаксических) классах, типологически сходных с согласовательными классами ряда дагестанских языков (ср. лакский, табасаранский, цезско-дидойские и т. д.).

Вместе с тем некоторые реликтовые явления, видимо, допускают возможность реконструкции картины иного характера, когда классные показатели могли быть тесно связаны с самим словом. Ср. пары типа *boat* 'старик' — *boam* 'старуха', *h̄ip* 'сын' — *h̄ip* 'дочь', *q̄ir* 'дядя', 'дед' — *q̄im* 'женщина', 'жена', 'тетка', *or* 'отец' — *am*, *æt* 'мать' и др. Ср., между прочим, тибетские форманты для обозначения мужского и женского пола — *rho* и *to*, означающие в качестве самостоятельных слов соответственно 'самец' и 'самка', ср. *bya-rho* 'петух', *bya-to* 'курица' или совр. тиб. *rgyal-po* 'царь' — *rgyal-to* 'царица'. Подобные кетским предположительные реликты классных показателей в пределах самого слова при современной согласовательной системе классов вскрываются, в частности, в ряде кавказских языков, ср., например, бацбийский.

Пользуясь формальными признаками классификации имен, с установкой на минимум дифференцирующих средств, для диалекта Пакулихи и Сургутихи удалось разделить все имена существительные на четыре класса в зависимости от разных возможностей сочетания числительного «один» (в одном из двух вариантов — *quş* и *qoq*) с показателями косвенных падежей [в одном из двух вариантов — *-dınə* и *-danta*, или *-dinta* и *-danta*, или *-dina* и *-danta*; или, наконец, *-da* (*-də*) и *-t* (*-di*)]. Естественно, что при этом получаются четыре класса, порожденные сочетанием двух элементов по два. Более неожиданным оказалось то, что эта теоретическая возможность нашла полное подтверждение в материале лексики указанного диалекта; ср.

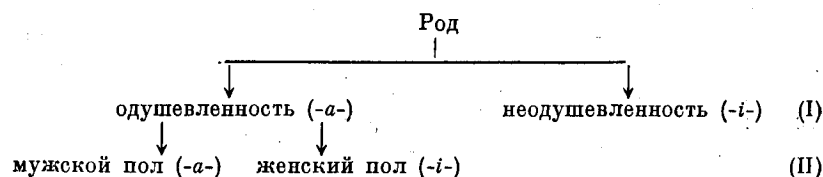
I (*quş* ... *-dinta*): *quş tōk* 'один топор', *tōk-dinta* 'на топоре';

II (*quş* ... *-danta*): *quş bōlbə* 'один гриб', *bōlbə-danta* 'на грибе';

III (*qoq* ... *-danta*): *qoq kuŋer* 'один горноста́й', *kuŋer-danta* 'на горноста́е';

IV (*qoq* ... *-dinta*): *qoq ūtə* 'одна крыса', *ūtə-dinta* 'на крысе'.

Для диалекта Суломая (Подкаменная Тунгуска) были выделены три класса (I, III, IV) на основании трех форм числительного «один» [*qogd* 'один', *qogde* 'одна', *quşem* 'один' (о вещах)] или с помощью предикативных образований (некоторые из них распространены в кетском языке не повсеместно). Если отвлечься от возможных частных различий между диалектами, разница между этими двумя классификациями кетского имени будет заключаться в том, что в первом случае для классификации используются минимально достаточные и связанные между собой признаки, тогда как во втором — оба ряда признаков дублируют друг друга и поэтому один из них, строго говоря, избыточен. Вместе с тем если учесть число оснований для классификации внутри каждого ряда признаков, при втором подходе обнаружится, как нам кажется, некоторая его ограниченность, заключающаяся в том, что выделение более чем трех классов оказывается невозможным (поэтому существование в диалекте Суломая класса, соответствующего классу II в говоре Пакулихи и Сургутихи, остается неясным). При попытке описания проблемы рода или классов на семантических основаниях и к тому же, если ограничиться информацией чисто морфологического характера (т. е. не выходя за пределы слова), получится примерно следующая схема:

Иначе говоря, ядром проблемы является вопрос о способе выражения женского пола. Дело в том, что на первом шаге (I),

когда существенным оказывается противопоставление одушевленности—неодушевленности, слова, обозначающие существа женского пола, характеризуются показателем *-a-* (ср. *-danta*, *-danta*, *-danta*); на втором же шаге (II), когда подчеркивается противопоставление мужского пола женскому, слова, обозначающие существа женского пола, характеризуются уже показателем *-i-* (ср. *-dina*, *-dinta*, *-dinta*), т. е. так же, как неодушевленность. В связи с таким подходом оказывается возможным выделение «переменного» класса имен (то *-a-*, то *-i-*), что весьма существенно для характеристики кетских имен, но тем не менее не позволяет выделить класс, соответствующий классу II. Что же касается «переменного» класса, то применительно к кетскому языку особенно важны не такие случаи, как *qojdanta* 'медведю' при *qojdina* 'медведице' (на основании чего едва ли обоснованно говорят иногда о непостоянстве категории рода в кетском, хотя такие утверждения отсутствуют в случае франц. *le lièvre* 'заяц' при *la lièvre* 'зайчиха'), — а такие, когда мена классных показателей мотивируется специфическими особенностями именно кетской модели мира. Последнее наблюдается, например, при различении активного и пассивного начала, переданного одним и тем же словом, или в случаях идентификации понятий, неодушевленных с «европейской» точки зрения, с мужским и женским классом, ср. слова для обозначения луны, с одной стороны, и солнца, огня, земли и т. п., с другой [такого рода примеры хорошо известны из дагестанских языков, ср. дарг. *вях* 'лицо (мужчины)', I класс; *рях* 'лицо (женщины)', II класс; *бях* 'лицо (животного)', III класс; или лакск. *бак* 'голова', принадлежащее то к III, то к IV классу, и т. п.].

Естественно, что по выделении на основании формальных признаков классов имен сразу же встает вопрос о возможности семантической интерпретации этих классов. Относительно подробно состав каждой из трех групп описан на материале суломайского диалекта.

Из приведенных примеров вытекает, что целесообразно говорить о классах слов, характеризующихся как «мужской» (названия мужчин по различным признакам, самцов животных, ряда деревьев, в частности, мужских особей, луны, которая в кетском фольклоре персонифицирована и включена в мотивы, где она выступает как мужчина), как «женский» (названия женщин по различным признакам, самок животных, растений, особенно женских экземпляров, ряда гидронимов, предметов, допускающих в пределах кетской модели мира истолкование их как связанных с женским началом, и т. п.) и как «вещный» (все остальное).

Весьма любопытно определение семантики класса II, выделенного на материале говора Пакулихи и Сургутихи (правда, общее число примеров не превышает двух десятков) и, возможно, существующего и в ряде других кетских говоров. В состав этого класса,

формально определяемого признаками, общими отчасти с «мужским», отчасти с «вещным» классами, входят, насколько можно об этом судить, слова, которые обозначают предметы, играющие особую роль. К ним относятся наименования месяцев, креста (*bał-biś*), прообразующего шаманское дерево, слова для жира (*kyʔt*), гриба (*bōlba*) (некогда грибы, по представлениям кетов, были связаны с мужским началом, о чем есть фольклорные свидетельства), шашек (*tobaś*) (шашки, в частности, символизируют членение коллектива на две группы по половому принципу), жерди (*apnəp*) и т. п. Иначе говоря, к этому классу относятся слова, обозначающие нечто сакральное или связанное с человеком или коллективом в том их аспекте, который имеет отношение к идее жизни. По-видимому, эти особенности выделяют предметы такого рода среди других, что находит соответствие и в грамматической маркированности слов, обозначающих эти предметы.

Семантическая интерпретация именных классов в кетском может существенно выиграть при учете типологически сходных систем классификации имени в других языках, прежде всего в тех, где есть четырехклассная система. В этой связи особую пользу может принести анализ именных классов в дагестанских языках. Если обратиться к даргинскому, цахурскому, некоторым цезско-дидойским языкам (цезский, гинухский), то общая схема распределения имен по классам оказывается более или менее единой и в всяком случае сводимой к относительно единой системе:

- А. Класс имен, обозначающих мужчин;
- В. Класс имен, преимущественно обозначающих женщин;
- С. Класс имен, в основном связанный с обозначением животных;

Д. Класс имен, обозначающих неодушевленные предметы.

Нарушения семантических критериев этого рода обычно невелики и, видимо, поддаются разумному истолкованию при принятии более абстрактной системы семантических различительных признаков. Возможно, что в основе такой системы лежат семантические признаки «разумности» и «активности», как это было недавно предложено в связи с анализом именных классов в цахурском. Разное сочетание этих признаков, примененное к кетской четырехклассной системе, могло бы описать ядро каждого из классов:

I — неразумный, неактивный;

II — неразумный, активный;

III — разумный, активный;

IV — разумный, неактивный.

Распространенное в ряде языков смешение классов С и D и образование единого «вещного» класса (и, следовательно, создание трехклассной системы, ср. абхазский, аварский, кубачинский и др.) намечают некоторые возможные направления в развитии системы именных классов и в языках, подобных кетскому. Вместе с тем анализ еще более богатых в отношении числа именных клас-

сов систем (типа вейнахских, а в отдельных случаях — и банту) может привести к постановке задачи реконструкции некоторых классов более специализированного характера и применительно к енисейским языкам, причем результаты такой реконструкции заранее не очевидны.

Дальнейшие исследования в области классификации имени в кетском должны, по нашему мнению, концентрироваться вокруг двух задач: п р а к т и ч е с к о й — гораздо более полное собрание сведений относительно принадлежности данного имени к тому или иному классу в разных кетских говорах, и т е о р е т и ч е с к о й — выяснение с возможной определенностью места кетского языка на пути от классной системы к родовой. Последнюю из этих задач нельзя считать праздной или чисто терминологической, поскольку от ее решения, в частности, зависит истолкование ряда других проблем и прежде всего характера множественного числа (как известно, в языках с именными классами категория множественного числа отличается особым характером по сравнению с этой же категорией в языках с наличием категории рода: разное отношение между единственным и множественным числами, возможность интерпретации форм множественного числа как особого именного класса, характер согласования и т. д.).

* * *

Относительно категории числа в кетском языке сделано меньше, чем в отношении других категорий имени, во-первых, и чем можно было бы сделать, во-вторых. Итоги сделанного в этой области лишь очень немногим превышают то, что было описано еще Кастреном. Новое по сравнению с фактами, описанными Кастреном, сводится к указанию ряда неизвестных ранее примеров образования множественного числа, к приведению некоторых статистических данных, относящихся к распределению флексий множественного числа и к предварительной попытке определения оснований для распределения флексий. К сожалению, все эти итоги выражены в предельно эмпирическом виде.

В настоящее время можно, видимо, поставить вопрос о специфичности категории числа в кетском языке. Позволительно выдвинуть гипотезу, суть которой заключается в том, что в прошлом кетское имя существительное в его, так сказать, словарной форме могло не выражать ни единичности, ни множественности (как, например, в ряде языков Юго-Восточной Азии или во многих африканских языках, где это явление было специально описано Д. Вестерманом). В пользу подобной гипотезы можно привести несколько аргументов.

Во-первых, наличие целого ряда слов, для которых единственное число не отличается от множественного в пределах данного слова (различия выражаются в этом случае лишь в глаголе, см. примеры в статье Е. А. Крейновича в настоящем сборнике, а также случаи, подобные употреблению форм на *-dat*,

-dit независимо от числа; из параллелей см. в языке тви: *wətə aban* 'они строят каменный дом' при *wətətə aban* 'они строят каменные дома', а также — более подробно — бурушаски, где есть и ряд других удивительных совпадений с кетским, ср. формы «двойного» множественного, «сверхмножественного», распределение флексий множественного числа в зависимости от семантических групп и т. д.). При этом, строго говоря, нет оснований считать эти слова *singularia tantum*. В суломайском говоре отмечено лишь пять слов такого рода, обозначающих утку, тайменя, хариуса, ельца, рыбу; в говоре Пакулихи и Сургутихи кроме этих слов сюда следует отнести слова для бубна, огня, алэла, месяца, языка / слова, жира, змеи, осетра, бабочки, овода, мошки и некоторые другие (всего 20), для которых не удалось получить формы множественного числа, хотя в материалах Кастрена и Доннера некоторые из них знают особые формы множественного числа (ср. *xip* — *xifen* 'месяц', *fəs* — *fās* 'бубен', *alləl* — *alləln*, *allələp* 'алэл', *kajpok* — *kajpokp* 'овод', ср. у Дульзона *qájqoq* — *qajpók*, *tyt* — *tytēp*, *titn* 'мошка' и др.), а в материалах по пакулихинскому и сургутихинскому имени показатели множественности этих имен иногда обнаруживались в глаголе.

Во-вторых, наличие немалого количества примеров в том же говоре, когда при слове «много» существительное появлялось в единственном числе (*oŋ seŋ* 'много оленей': собств. 'много' + 'олень' вместо *oŋ seŋ*; *oŋ qim* 'много жен', *oŋ palatka* 'много палаток'), хотя, разумеется, чаще появляется в таких случаях множественное число. Такого же рода примеры известны при числительных и при слове «все» (например, *a solkovo* 'шесть рублей', этот тип часто встречается в заимствованиях). Ср. аналогичные примеры в языках Юго-Восточной Азии.

В-третьих, наличие значительного количества разнообразнейших нерегулярного образования форм множественного числа (*seš* — *saš* 'река', *tip* — *tap* 'собака'; *xaj* — *xāj* 'весло'; *uŋdiš* — *uŋdiš* 'капля', *okš* — *aq* 'дерево'; *seš* — *sej* 'лиственница'; *qən* — *qyn* 'лиса' и др.), что также весьма характерно для языков, где слово в принципе нейтрально по отношению к выражению единичности или множественности (в частности, этот случай нередко отмечается в языках, обладающих именными классами, ср. факты, приводимые Д. Вестерманом).

Что же касается кетских типов нерегулярного образования множественного числа, то они, несомненно, принадлежат к числу наиболее архаичных и, нужно думать, для более древнего периода допускают иную их интерпретацию (не непременно в плане выражения множественности; ср. аналогичные истолкования форм *pluralis fractus* в ряде семито-хамитских языков или «внутреннего» множественного в нилотских языках, причем эти типы множественного числа во многом весьма сходны с некоторыми из приведенных выше кетских примеров).

В-четвертых, наличие особых случаев образования множественного числа, когда формы последнего усечены по сравнению с формами единственного числа (ср. *atəp* — *atā* 'клеши', *ulop* — *ulā* 'прорубь', *hušdiš* — *huš* 'черника', *imdiš* — *im* 'орех', *tuŋtidiš* — *tuŋit* 'ягода' и др.; то же отмечено и в бурушаски). В этих и подобных им случаях исчезновения (нефонетического) во множественном числе последнего согласного звука формы единственного числа (ср. хорошо известные примеры с исходом на -j, -p, -l, -s, -t, -q и т. п.: *xyj* — *xykn*, *qoj* — *qun*, *tāp* — *taq*, *bišəp* — *bišnimn*, *seŋ* — *sen*, *tiŋ* — *tikn*, *tyš* — *tyŋ*, *təp* и т. д.) можно видеть указание на особые показатели единичности (отсутствующие, естественно, во множественном числе), которые для более раннего периода могли истолковываться, видимо, иначе (например, как показатели определенных семантических классов слов, ср. следы старой многоклассной системы в семитских языках, для которых, между прочим, реконструируется ряд классов, обозначающих разные группы животных. В связи с этим обращает на себя внимание обилие в кетском названий животных с исходом на -j, -p и -l, т. е. как раз на те согласные, которые гораздо чаще других исчезают при образовании множественного числа). Вместе с тем и во множественном числе есть показатели, которые допускают их интерпретацию не в плане выражения множественности (ср. примеры на -gət, связанные в основном с названиями людей или животных). Это формальное размежевание, в той или иной степени восстанавливаемое для разных семантических групп (например, люди, животные, вещи), в принципе может быть описано подробнее. (Ср., например, предпочтительное употребление множественного числа регулярного типа на -n у названий одушевленных предметов в связи с соответствующими фактами в ряде африканских языков, дающих основание для реконструкции стадии, когда форму множественного числа получали только существительные, обозначающие человека или вообще одушевленные предметы; ср. формы множественного числа среднего рода в индоевропейском.) Видимо, можно было бы привести и еще некоторые соображения в пользу особого характера категории числа в кетском языке (или, точнее, в енисейских языках более ранних периодов). Эти соображения позволяют считать, что для известной эпохи формы множественного числа могли быть истолкованы как формы класса множественности, собирательности и т. п.

До сих пор говорилось преимущественно о разнообразии способов образования форм множественного числа (ср. 28 типов у Е. А. Крейновича). Это разнообразие пока не позволяет вскрыть механизм порождения форм множественного числа и вынуждает к эмпирическим наблюдениям. Суть проблемы, однако, как нам кажется, не в том, чтобы дать синтезирующее описание правил образования форм множественного числа применительно к редким типам, являющимся несомненными исключениями и архаизмами

(значение которых чрезвычайно важно для целей внутренней реконструкции), сколько в том, чтобы изложить правила синтеза форм множественного числа «регулярного» типа (на *-n* и *-ŋ*), выступающего, по подсчетам А. П. Дульзона, в 93% всех случаев образования множественного числа существительных. Оказывается, что до сих пор исследователи не могут предложить удовлетворительного описания правил образования множественного числа даже для «регулярного» типа, которые бы обладали высокой статистической вероятностью. Сложность заключается прежде всего в следующем: во-первых, неясность в том, когда нужно выбирать *-n*, а когда *-ŋ*; во-вторых, неясность в том, когда *-n* или *-ŋ* присоединяется непосредственно к форме единственного числа, когда — к форме единственного числа, расширенной соединительным гласным, и, наконец, когда — к форме единственного числа без конечного согласного; в-третьих, неясность в вопросе о качестве соединительного гласного.

Попытка решить первый вопрос путями фонетического объяснения бесполезна сама по себе, но, к сожалению, получаемые результаты далеки от определенности и производят впечатление зависимых от какого-то иного распределения флексий *-n* и *-ŋ*. А. П. Дульзон указывает, что *-ŋ* присоединяется во множественном числе большей частью к словам с исходом на *-q*, *-m*, *-n*, *-t*, *-p* и на *-ʔ*. На материале пакулихинского и сургутинского говоров вырисовывается картина, при которой *-n* встречается чаще, чем *-ŋ*, в словах с исходом на гласный звук, на задненёбный, на увулярный (резкое преобладание), на сибилянты; напротив, *-ŋ* предпочтительнее, чем *-n*, в словах с исходом на зубные *-t*, *-d*, на сонорные (особенно на *-l*, *-n*, *-ŋ*). На основании четкого контраста между обилием примеров на *-n* после задненёбных и увулярных, с одной стороны, и обилием примеров на *-ŋ* после зубных, с другой, напрашивается (применительно к данному говору) предварительный вывод о диссимилиационном характере распределения *-n* и *-ŋ* в этих случаях. Вместе с тем было бы ошибочным остановиться только на этой стадии выяснения принципов распределения *-n* и *-ŋ* во множественном числе. Гораздо более значительные результаты могут быть, видимо, достигнуты на пути семантического объяснения выбора той или иной флексии во множественном числе. Не предпреляя будущих результатов во всей их полноте, уже сейчас можно, кажется, утверждать с высокой достоверностью следующее: флексия *-n* появляется, как правило, в словах, обозначающих одушевленные предметы: люди (с исключением, о котором см. ниже), животные, птицы, рыбы, насекомые; флексия *-ŋ* появляется обычно в словах, обозначающих родство (хотя есть примеры и с *-n*), в заимствованной лексике, относящейся к обозначению людей (см. у Н. К. Каргера: *pioneraŋ*, *kapitalistaŋ*, *kulakaŋ*, *bedŋakaŋ* и т. д., но *krestjaninen*, если только эти примеры отражают действительное положение вещей).

В словах, являющихся названиями вещей, *-ŋ* встречается чаще, чем *-n*, но не настолько, чтобы придавать этому факту слишком большое значение (ср. регулярное употребление *-ŋ* в вещном классе в кетском); может быть, важнее в этой связи обратить внимание на наличие *-n* во множественном числе у таких слов, как «крест», «гриб», «пашки», «жизнь», «сердце», названий времен года и т. д., т. е. как раз у тех имен, которые обладают особой значимостью в кетской модели мира и могут даже выделяться в особый именной класс (см. выше). В связи с распределением флексий *-n* и *-ŋ* в кетском уместно напомнить о близком явлении в бурушаски, где одна серия флексий обслуживает именные классы *h* и *x* (т. е. классы людей, животных и некоторые неодушевленные предметы с особым значением, ср. кетский именной класс II), а другая выступает при словах класса *y* (все остальные неодушевленные предметы); любопытно, что в словах класса *y* флексия множественного числа — *-ŋ* (при флексии *-n* в целом ряде слов, обозначающих женщин в вершикомском наречии).

Можно думать, что некоторые другие флексии множественного числа также сводятся к *-n*, *-ŋ*; прежде всего это могло бы оказаться реальным для флексии *-kŋ*, в частности, в случаях, где *-k* допустимо рассматривать как результат «отверждения» старого звука типа ларингального или фарингального (*H*) и, следовательно, как соответствие другим рефлексам этого звука (*ʔ*, *j*, долгота гласного, зияние и т. п.); ср. *iʔ* 'день' — *ekŋ* (**i/eH-ŋ*), ср. кур. *ʔiʔ*, *ekŋ*; *xyj* 'филин' — *xykŋ* (**xyH-ŋ*), ср. кур. *hyʔ*, *huj*, эд. *hujaŋu* (Мессершмидт, Клапрот; об этих источниках см. далее, стр. 278—281); *taʔ* 'выдра' — *takŋ* [**taHl-ŋ* (?)], ср. кур. *tāl*, кет. *taar* (Костров); *qudʔ*, *qurʔ* 'щука' — *qukŋ* (**quHd-ŋ* > **qud-* или **quj-ʔ*) или же **quHʔ-ŋ*; к превращению *H* в *dʔ* или *j* см. многочисленные параллели в других языках), ср. ар. *quj*, асс. *huja*, кот. *xuja*, имб. *quinde* и т. п.; *dit* 'глухарь' — *dekŋ* [**di/eHt-ŋ* (?)] и т. д.

Устранение второй неясности, связанной со способами присоединения *-n* или *-ŋ* к форме единственного числа (непосредственно, с помощью соединительного гласного или к усеченной форме слова), должно быть в принципе связано с задачей установления фонологической формы слова (прежде всего — исходного согласного) и выяснения поведения групп согласных (на фонетическом уровне), из которых первый является исходом слова, а второй — *-n* или *-ŋ*. Пока допустимо предполагать следующее:

флексии *-n* и *-ŋ* присоединяются непосредственно к слову в том случае, когда оно оканчивается на гласный звук (*hyŋgə* — *hyŋgəŋ*, *qə* — *qəŋ*, *jinə* — *jinəŋ* и т. д.);

флексии *-n* и *-ŋ* присоединяются к слову с помощью соединительного гласного, когда оно оканчивается на звонкую согласную фонему [ср. *op* (фонологически — *ob*) — *obəŋ*, *yt* (фонологически — *yd*) — *ydəŋ*, *qat* (фонологически —

qad) — *qadaŋ* и т. п.] или на глухую согласную фонему — кроме тех случаев, которые будут оговорены ниже [ср. *qupt* (фонологически — *qupt*) — *quptaŋ*, *it* (фонологически — *it*) — *itiŋ*, *tot* (фонологически — *tot*) — *totəŋ* и т. п.]; особый случай — колебания в словах с исходом на *-s* (то *ɣɪdəs* — *ɣɪdəsəŋ*, *uʃ* — *uʃiŋ*, то *bəs* — *bəsŋ*, *tobəs* — *tobəsŋ*, что, впрочем, в ряде случаев может быть отнесено за счет неточности в записях);

флексии *-n* и *-ŋ* присоединяются к слову в усеченной форме, во-первых, когда наложен запрет на сочетание последнего согласного основы и *-n* или *-ŋ* (и, следовательно, группа согласных упрощается в *-n* или *-ŋ*); условия подобных упрощений групп согласных еще предстоит установить; и, во-вторых, когда последняя согласная фонема слова может быть в принципе истолкована как показатель определенной семантической группы (и, следовательно, выпадает при образовании множественного числа).

Третье препятствие на пути синтеза форм множественного числа актуально лишь в части случаев, которая, однако, составляет значительный процент всех примеров. Как можно вывести из сказанного выше, соединительный гласный появляется во множественном числе только в словах, оканчивающихся на согласную фонему, при условии, что она не является показателем принадлежности к какой-либо семантической группе. Что же касается качества соединительного гласного, то наиболее распространенным и в принципе универсальным его вариантом, отмеченным во всех без исключения позициях, следует считать *-ə* (по крайней мере в говоре Пакулихи и Сургутихи). Другие соединительные гласные могут рассматриваться, видимо, как фонетические варианты *-ə*, выступающие при известных условиях. Так, подмечено, что вариант *-a-* выбирается, как правило, после твердых взрывных согласных (*boʃban*, *hybaŋ*, *hudan*, *ogdan*, *qontaŋ*, *tigaŋ*, *donan*, *hyraŋ* и т. п.); исключений очень мало (ср., с одной стороны, *kančan*, где *-a-* после *-č-*, а с другой, — *dootetep*, где *-e-* после *-t-*, которому, правда, предшествует *e*). Вариант *-e-* (*-i-*) выбирается обычно после палатальных согласных (*ejen*, *qɣɪŋen*, *kiʃin*, *bupliʃin*, *əmbəliŋ*, *baruʃliŋ* и т. п.); исключения, кажется, отмечены лишь в тех случаях, когда *-e-* (*-i-*) появляется после *d* (чаще всего) и sporadически после *t*, *b*, *m*, которым непременно предшествует гласный переднего ряда или изредка *-ə* (ср. *kəʃidiŋ*, *itiŋ*, *qibiŋ*, *qimin*, *qoʃadiŋ* и т. д.).

Таким образом, предварительный план синтеза форм множественного числа (по крайней мере для подавляющего большинства случаев) мог бы выглядеть примерно следующим образом:

1) информация о принадлежности существительного к тому или иному именному классу позволяет выбрать флексию *-n* для II, III и IV классов (за исключением имен родства и ряда заимствованных слов, обозначающих людей, в III и IV классах) и флек-

сию *-n* или *-ŋ* в словах I класса в зависимости от некоторых (описанных выше) фонетических условий;

2) информация об исходной фонеме слова позволяет во множественном числе синтезировать последний согласный основы в виде звонкого или глухого; последний согласный основы исключается вообще в форме множественного числа при наличии сведений о его роли в семантической идентификации слова или при существовании запрета на фонетическое сочетание данного согласного с *-n* или *-ŋ* [иначе говоря, условная форма **tep* во множественном числе может явиться в трех разных видах: во-первых, *tep(ə)n*, если *tep* записывается фонологически (*tep*), во-вторых *teb(ə)n*, если *tep* записывается фонологически (*teb*), и, в-третьих, *ten*, если в *tep* согласный *-p* является или являлся показателем принадлежности к той или иной семантической группе];

3) информация об исходном согласном слова позволяет для большинства случаев определить качество соединительного гласного (в ряде примеров приходится обращаться к сведениям о качестве гласного, предшествующего исходному согласному основы).

* * *

В области изучения категории падежа основные результаты сводятся к установлению состава падежной парадигмы (с учетом некоторых диалектных различий, ср., например, отсутствие местно-личного падежа в сымском диалекте), к определению способов выражения каждой граммы падежа и к ряду более или менее частных наблюдений над характером флексий. Круг значений, передаваемых каждым падежом, можно считать в основном установленным.

По-видимому, систему падежей в кетском языке целесообразно представлять в виде следующей схемы (см. табл. I, стр. 243), причем дерево порождения падежей в кетском выглядело бы несколько иначе (см. табл. II, стр. 243). Эти схемы нуждаются в ряде пояснений разного характера.

Исходной формой для всех падежных форм, как и для звательной формы, следует считать основной падеж (*Casus generalis*), снабженный нулевой флексией. Характер этого падежа, стоящего в основе всей падежной системы, определяет теоретическую универсальность его функций. Для относительно недавнего периода в развитии енисейских языков это доказывалось без особого труда. Существеннее, что эта универсальность может быть во многих случаях обнаружена и в настоящее время. Основной падеж служит не только для выражения субъекта и прямого объекта (в этой функции основной падеж занимает монопольное положение); он может также выступать в тех ситуациях, где передаются отношения притяжательности (ср. *seŋɣɣ tɕʰs* 'шаманский камень', т. е. 'шаман-камень', *iRos bokə* 'стена дома' и даже *ɣara deŋ* 'люди в шляпах'), времени

(ср. *qogd ʔyʔn* 'осенью' и т. п.), места (ср. *qus semja ... ʔol'daq* 'в одной семье жила', ср. *alləq tabəp* 'живи в лесу' при *tabəp̄tə* 'в лесу'), изъяснительности (ср. *ad tabəp̄əj qypboat* 'я рассказываю о медведе', *bu tabəp̄əj quš* 'он рассказывает про чум' и т. п.) и т. д. Хорошо известные теперь примеры дистантного расположения других флексий (в частности, относящихся к группе *Cas. -daŋ-, -diŋ-*) или отнесения одной флексии к нескольким словам, стоящим в данном падеже, позволяют для более ранней эпохи еще более расширить круг синтаксических значений основного падежа.

Все остальные падежи делятся на две группы, в зависимости от ряда формальных и содержательных характеристик.

К первой группе принадлежат падежи, во-первых, основанные непосредственно на *Casus generalis*, во-вторых, неспособные различать принадлежность к тому или иному классу, и, в-третьих, не вполне втянутые в парадигму и в значительной степени сохраняющие наречный характер. В этой группе выделяются два падежа с флексией, начинающейся с *-a*: инструментальный (*-aš*) и лишительный (*Caritivus, -an*); сравнение с соответствующими смыскими формами (ср. *opfāš* 'с отцом', *opfan* 'без отца') позволяет восстановить более ранний вид флексий (*-has, -han*) и с вероятностью предположить их связь с самостоятельными словами (причем не-местоименного типа); ср. *haše, hašə* 'снова', 'опять'. Кроме этих двух падежей к первой группе относится продольный падеж (*Prosecutivus, -bəš*), употребительность которого ограничена, кажется, относительно малым числом слов, и непарадигматическое локативно-адвербиальное образование на *-kə, -gə*. Иногда встречается в текстах особая, видимо, окказиональная форма, совмещающая в себе формальные и содержательные черты двух последних падежей (*Loc. adv. — Prosec., -kəbəš, -gəbəš*) (ср. примеры, приводимые А. П. Дульзоном); возможно, как эвентуальное образование можно интерпретировать тесно связанные с глаголом (прежде всего с инфинитивом) транслативные формы (ср. *qip-boat šiḥətanək k'edešən* 'дед-старик стал человеком', *at šebbətak šēlēš'an* 'я стану оленем').

Ко второй группе падежей, организация которой отличается большей иерархичностью и регулярностью, относятся те падежи, которые, во-первых, основаны на форме родительного падежа (*Genitivus*), а не на *Casus generalis* (сам же родительный основан на нем), во-вторых, способны различать, с одной стороны, класс людей и класс вещей и, с другой стороны, мужской класс и женский класс и, в-третьих, полностью втянуты в парадигму.

Родительный падеж в кетском языке (как и в ряде других языков) занимает ключевое место в системе падежей. На основании анализа этого падежа открываются возможности строить гипотезы о ранней истории енисейского склонения периода его формирования и реконструировать этапы создания современной системы

Таблица I

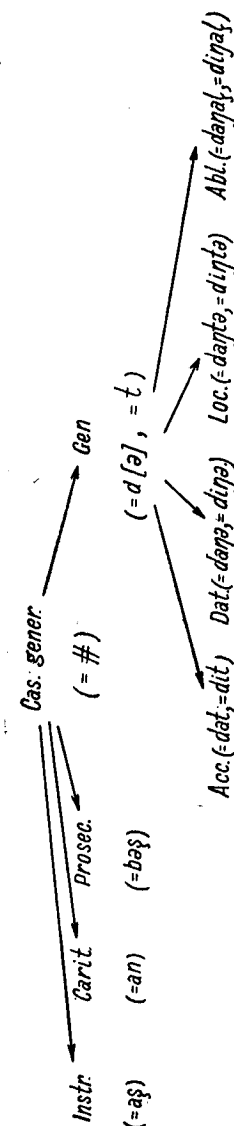
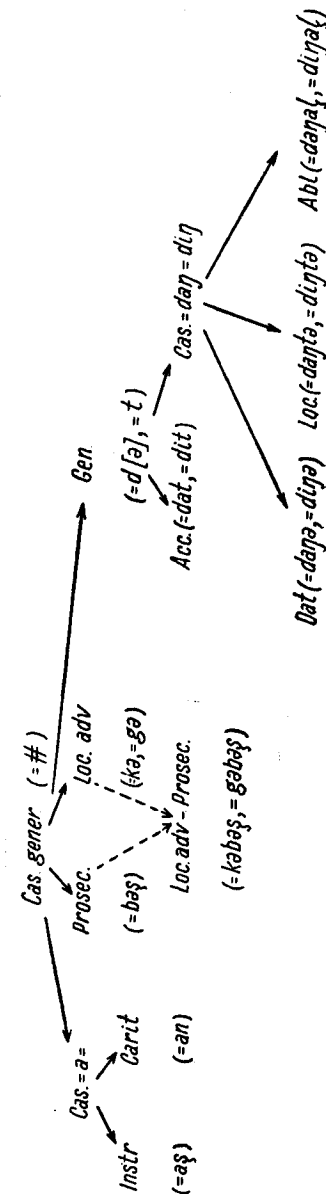

Таблица II

склонения в кетском. Указания на более раннее положение можно извлечь из случаев чередования родительного падежа с основным (примеры выше), из замены родительного падежа сочетанием основного падежа с притяжательной формой другого имени, из весьма частых случаев употребления флексии родительного падежа (чаще, чем в других падежах) в отрыве от слова, к которому она относится (ср. у А. П. Дульзона *deqimdiŋa tobaq bindere āša* 'своей жене он оставил свои перья' и др.), наконец, из анализа самой флексии родительного падежа. Относительно последней важно подчеркнуть возможную и правдоподобную связь ее с предикативным аффиксом *-d-*, выступающим, между прочим, в соответствующих формах прилагательных. Если учесть также данные коттского языка, в котором прилагательные практически могут не отличаться от существительных (ср. *cal* 'холодный' и 'холод', *hō* 'больной' и 'болезнь' и т. д., как в языках типа китайского; ср. сходные факты в кетском, хотя в нем они менее показательны), — то напрашивается мысль об интерпретации для более ранней эпохи кетского сочетания *obdā hyr* 'отца сын' как атрибутивной конструкции, функционально подобной сочетанию *tum edb* 'черный соболя', в отличие от *hyr obdā* 'сын отца', в котором можно видеть предикативную конструкцию ('сын — отцов'), аналогичную *edb tumš* 'соболя черен'; ср. одинаковое выражение родительного падежа и прилагательного при помощи *-d-* в языке ряда носителей сымского диалекта. Следуя далее, нельзя считать исключенной такую картину, когда теперешнее противопоставление основного и родительного падежей должно было интерпретироваться как противопоставление двух форм основного падежа — субъектно-объектной (*-#*) и (атрибутивно-)предикативной (*-d-*, где *-d* является личным показателем). При учете связи этого *-d* с местоименным *d-* (для более раннего периода речь может идти о тождестве) сочетания типа *obdā hyr*, вероятно, нужно объяснять для этого периода как *ob dā hyr* 'отец-его-сын', ср. многочисленные типологические аналогии в самых различных языках [ср. др.-кит. *Яо² чжи¹ гун¹* 'дворец (императора) Яо', где *чжи¹*, оформляющее определение, стоящее перед существительным, совпадает, как и в кетском, с местоимением 3-го лица].

В дальнейшем на основе формы родительного падежа в кетском языке были построены, с одной стороны, формы, условно говоря, «винительного» (или назначительного, по А. П. Дульзону) и, с другой, формы группы падежей на *-dan-*.

Круг значений «винительного» несколько шире, чем это пока описано (ср., например, *seļ dešij oļystat* 'олень зовет теленка', *ad tudā boadēt tæbyāj* 'я расскажу о старике', *ad kedēt danəiļbit* 'я думал о человеке' и т. п.); формирование этого падежа относится, видимо, к относительно недавнему времени, о чем, между прочим, может свидетельствовать неполное включение этой формы в парадигму множественного числа, где она или выступает в том же виде, что и в единственном числе, или

образуется на основе дательного падежа множественного числа, а иногда — с изменением значения — и на основе местного падежа на *-dantə, -dintə* (указанная А. П. Дульзоном связь *-t-* в *-dat, -dit* с *at-* позволяет рассматривать флексию этого падежа как сочетание формы на *-d-* с послелогом, что также говорило бы о недавнем включении падежа в парадигму). Поразительно, что до самого последнего времени этот падеж полностью ускользал от внимания исследователей.

Вторая группа падежей (на *-dan-*), основанная на форме родительного падежа, принадлежит к числу наиболее регулярных парадигматических образований, четче всего позволяющих различать принадлежность к тому или иному числу и к тому или иному классу. Эта группа состоит из дательного (*-danə, -dinə*), местного (*-dantə, -dintə*) и отложительного (*-danəļ, -dinəļ*) падежей. Очевидно, что конкретные значения этих падежей передаются соответственно элементами *-ə, -tə* и *-əļ* [для двух первых различие устанавливается с помощью *-#-(+ə)* и *-t-(+ə)*, ср. нередкую замену этих двух падежей: *ad boyət Verešagindintə* 'я поеду в Верещагино'], для которых, видимо, возможна их реконструкция как послелогов. Похоже, что элемент *-ŋ-* в указанных падежах передает признак периферийности. [Ср. отсутствие его в «винительном» и родительном, с одной стороны, и нерегулярность *-ŋ-* в отложительном (*-daļ, -diļ*), с другой. Последний факт может говорить о меньшей включенности отложительного падежа в группу падежей на *-dan-, -din-* тем более, что признак периферийности в принципе несуществен для этого падежа; не исключено, что *-ŋ-* было введено во флексию отложительного падежа лишь по аналогии.] Противопоставление элементов *-a:-i-* выражает, как уже говорилось, различия между классами (в двух интерпретациях). Об элементе *-d-*, общем у этих падежей с родительным и «винительным» (ср. также формы инструментального на *-daš* вместо *-aš*), также см. выше.

Недавно были указаны типологические параллели к системе падежей в современном кетском языке (прежде всего селькупские). Аналогии к реконструируемой древнекетской системе целесообразнее всего искать в языках Юго-Восточной Азии (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в другой работе).

Завершая рассмотрение результатов и перспектив исследований в области кетской падежной системы, следует подчеркнуть возможность употребления падежных аффиксов при целом ряде глагольных форм (как неличных, так и личных; ср. также присоединение падежных аффиксов к предикативным показателям). Из этих фактов лишний раз можно вывести заключение о недостаточной противопоставленности имени глаголу в ряде важных отношений (ср. их общие формальные приметы для выражения одних и тех же грамматических категорий); вместе с тем подобные факты позволяют лучше расчленить этапы становления морфологии кетского языка.

В заключение следует упомянуть о недавнем открытии категории притяжательности у имени существительного, проявляющейся в особом притяжательном (или «личном») типе склонения; неслучайно совпадение притяжательных префиксов 3-го лица с флексией родительного падежа.

Интересные примеры грамматических различий (правда, вне имени существительного) в зависимости от того, идет ли речь о слове, обозначающем нечто целостное или расчлененное (ср. *is' dil'aq* 'рыба (целая) протухла', но *is' bil'aq* 'рыба (разрезанная на куски) протухла' и т. п.), не дают оснований для постулирования еще одной новой категории и могут быть истолкованы в плане противопоставления активных и пассивных имен или, если говорить об уже рассмотренных категориях, в терминах именных классов (при этом следует, конечно, помнить о возможности перехода данного слова из одного класса в другой).

Нужно надеяться, что дальнейшие разыскания в области кетской морфологии приведут к новым открытиям. Во всяком случае, уже сейчас напрашивается немало гипотез, связанных с именем в кетском языке. Синтетическое исследование имени поможет определить степень обоснованности этих гипотез.

Корректирующее примечание. После того как статья была написана, появились следующие важные исследования, которые не могли быть учтены: Е. А. Крейнович, *Глагол кетского языка*, Л., 1968; Т. И. Поротова, *Формы множественного числа кетских существительных*, — сб. «Языки и топонимия Сибири», 1, Томск, 1966; Т. И. Поротова, *О связи категории одушевленности с формами множественного числа кетских существительных*, — Уч. зап. ТПИ, т. XXIII, Томск, 1968; Т. И. Поротова, *Образование и употребление форм числа существительных кетского языка*, Томск, 1968 (автореф. канд. дисс.).

А. П. ДУЛЬЗОН

КЕТСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ

В кетском языке нет предлогов; их функцию выполняют послелоги. Кетские послелоги представляют собою большей частью существительные с локальным значением, которые в форме различных падежей (дательного, исходного, местно-временного и продольного) детализируют пространственные отношения. Связь послелогов с определяемым существительным выражается посредством посессивных префиксов у послелогов или же посредством формы родительного падежа у определяемого существительного. Кетские послелоги впервые были описаны Кастреном, который не только выявил важнейшие из них, но и перечислил их различные конкретные значения. Мы рассмотрим дальше кетские послелоги с их формальными вариантами в алфавитном порядке.

1) *бал'*, *ыibal'* 'промежуток': пак. *акне ыibal'ге* 'среди деревьев'; *э'тне ыibal'ге* 'между нами'; кур. *э'т'тэ балгэ* 'между нами многими', *э'т'тэ ын'белгэ* 'между нами двоими'; пак. *код бал'енга* 'между льдов'; кур. *ке:с'т ыibal'динга* 'между ног туда'; *дынбал'дингел дбу:талут* 'он вылез из середины ее (этого)'; пак. *денгна бал'бес* 'между людьми'.

2) **ерах*, **ерох*¹ 'подле', 'возле': сым. *богд ерохкей* 'возле огня'; *д'енгнерахкей*, *д'енгна ерахкей* 'подле людей'; *москвад е'рохкей* 'около Москвы'; *керохкей* 'около тебя'; *с'езд ерахкей* 'у реки'; *ерохбес* 'мимо', 'вдоль', 'около': *д'енгн ерохбес* 'мимо людей', *л'езд ерохбес* 'вдоль около леса', *бейд ерохбес* 'против ветра'.

3) *ны* 'живот', 'нутро': сур. *ны:дингэ* 'внутри туда', *ас'линт ны:дингэ де'сомдак* 'он положил это во внутрь лодки'; кур. *иРуст ыYá*, сур. *и:Руст и:Yá (нига)* 'в избе', *и:Руст и:динга* 'в избу'; ел. *коjoRот ы'ja* 'в берлоге'; *ад куст ны'jиде* 'я — в чуме'; ел. *коjoRот ы'bас кауjoRин* 'они зашли во внутрь берлоги'; пак. *тэ'нгит нийга* 'внутри печки'; сур. *ул'т нуYэ* 'в воде внутри'; сым. *ха:бд'ах еYозди фыйдинг* 'заходи во внутрь дома'; *айда фы:д'анг д'а:рде* 'положи внутрь мешка'.

¹ Слова, отмеченные звездочкой, в данной форме не засвидетельствованы.

4) *и:п 'вплоть до': сым. д'енгн ы:пкей 'до людей'; уг'лад и:пкей 'до угла' (дошел); с'езд ыпкей 'до речки'; л'езд и:пкей 'до леса'; а:нгеит оксы бангд и:пкей 'наклони дерево до земли'; фыл'д ипкей 'донизу'.

5) *нит 'позади': сур. ба:мда Үитке 'позади старухи'; толд нитка тс'ес'та 'он за столом сидит'.

6) ныта 'под': сур. дыл'де нытаҮа 'под низ ребенка', 'под ребенком'; кур. аб дыр' нытыҮъ 'под моей шапкой', л'емт ытерил' 'из-под стола'; сым. кидат фыч'и 'под этим'; ч'ызди фыч'ыт 'под камнем', хойда фыч'ыт 'под медведем'; и:столд' фыч'иддингы:р 'из-под стола'.

7) нис 'нижний край': сур. елт ныстил' о'ле каснем 'возьми это из-под двери наружу'.

8) *итил' 'возле', 'рядом': сур. аб ител'ка 'рядом со мной'; кур. бунгна ы:тил'га 'возле них'; сур. кусд и:тил'га 'возле чума'; кур. тур'ерд ы:тил'га 'тут возле'; сым. д'енгн итылгей 'возле людей'; кур. кан'ген оҮа аб ытлдингъ 'садись сюда ко мне, возле меня'; сур. бу аб ител'бес оҮон 'он шел около меня'.

9) *кал' 'перед', 'возле': кур. кидъ ку'с'т кал'ге 'перед этим чумом'; сур. балнада кал'ге с'ес'ол'те 'он сидел за Бальной'; кур. уг кал'динга 'возле тебя'; бу оҮон иРуст кал'динге 'он ушел за дом'; тка:лбес' 'возле нее'.

10) кате 'край': пак. сест ка:тиҮъ 'на краю речки'; кур. дес'т' ка:тыҮе 'около глаза'.

11) ко: 'рот': кур. тип то'л'ет еллар ко'Үа 'собака лежала возле двери, у входа'.

12) ко:жти 'среда', 'внутренность'; кур. бунгна ко:жтыҮа 'в середине их'; сур. д'а'л'итна ко:жтыҮа 'среди тальника'; сым. д'енгн кохтыгей 'внутри у людей'; ч'ызди кохтыгей 'в камне внутри'; л'езди кохтыгей 'внутри леса'; пак. кайдъ коктедингте толүҮот имденг'ул'с' 'внутри лося лежал карлик'; кур. балтит коктингъ 'в ящик во внутрь', коктил' 'из середины'; сур. тамне кохтыҮа 'среди собак'; кур. кохт'Үъ да:нинги:левет 'внутри себя он подумал'.

13) кон', мн. ч. от куп, коп (см. дальше) 'край', 'конец': кур. де денга ко:н'динга 'перед людьми', 'перед каждым'.

14) ко:не 'к', 'до': кур. аб ко:не 'до меня'; бунгна ко:не 'до них', кире бангт ко:не 'до этого места', с'ибанге ко:не 'до ночи', 'до ночного времени', кире ир ко:не 'до сегодняшнего дня', дал'амт кунъ 'вполовину'; пак. к'кт'ът ко:не 'до шеи'; сым. л'езди ху:н' 'вплоть до леса'.

15) куп, коп 'край', 'губа', 'конец': пак. ап купка 'передо мной', сур. бок копка 'над огнем'; кур. ул'т копке 'на поверхности воды', ул'ес'да купка 'перед дождем'; сым. к'б'иди купкей бу тси:р 'перед охотой он поел'; кур. ткубдинга 'перед ней'; ди:ент куббес 'перед зарей'; сур. тудит кубдет 'из-за этого', 'с этой целью'.

16) кыж, кы 'середина': сым. д'енгна кы:жкей 'среди людей', с'езди кы:жкей 'по середине реки', хугди к'б'жкей 'по середине Енисея'; пак. иРуст кыRҮа 'посреди избы'.

17) оҮа 'сюда': кур. ейгд (и:гд) оҮа 'с острова сюда'; 'часть острова, расположенная в сторону сюда'.

18) оҮот 'о', 'как', 'над' (über): сым. аб оҮот да тара'ды 'она на меня навалилась'; ел. нара бут оҮат асаний 'надо про нее говорить'; сур. онгнангд о:Үот бим'бежеев 'это как икринки сделано'; кур. бу даҮый дыл'дом 'он смеется как ребенок'; ул'д оҮът 'как вода'; ад и'д оот билевеет 'я это сделал за день (über einen Tag)'; аб обде бис'еп ныбд оҮот да ол'тус' 'сестра моего отца воспитывает его как своего сына'; пак. ид б'Үотдил 'с поверхности валежника'; дейбуҮол'бетин кудд' к'б'Үед б'Үет'ка 'они подрались из-за шучьей головы'.

19) от', е:т' 'спина', 'поверхность' (из еҮет', оҮот', оҮот): сым. елд ейт' 'на кружку', д'енгн ейт' 'на людей'; кур. б'Ү:тке 'наверху', ти:п дутоҮът ти:с'до от'к' 'собака спит на снегу'; бак. аб б'Ү:тдинга 'на меня'; кур. д'б'тдинге 'вдобавок'; кур. бе:с'те б'Ү:динга 'на спину зайца' (сели); ел. т'игд б'Ү:динга д'е'создак 'он тебя на снег положил'; сур. акн'б' б'Ү:тбес' 'по валежнику'; сым. д'енгн ейдбес' 'сверху по людям' (ходил); кур. с'ул'д отбес' 'через (по) нарте'; ук отбес' 'через тебя'; ел. ул'бангд е:тбес' 'по берегу'; кур. тур'д б'Ү:тбис' 'из-за этого', ак'с'д б'Ү:тбис' 'из-за чего', аб б'Ү:тбис' 'из-за меня', ук о:дбес' 'из-за тебя', бунгнъ б'Ү:тбис' 'из-за них'.

20) онгтыт' 'позади': сым. б'нн'а онгтыт' 'позади нас'; кур. б'д бур'а онг'тыт'ка токтаролеветин 'мы за ним побежали'.

21) с'ей 'место'; кур. бу донерий обд' с'ейбес' 'он пришел вместо отца'.

22) с'у 'назад', 'задняя сторона': пак. иРуст с'уҮет кол'апке 'у задней стороны дома'.

23) та:н, т'а:н 'цель', 'направление': пак. боҮет ко:не та:н 'пойду к медведям', оп да т'а:не 'по направлению к отцу'; кур. аб т'а:не 'ко мне'; ар ны:п аб т'а:н' дуҮуҮуп 'ее сын ко мне бежит'; ны'нда т'а:не 'на сына, по направлению к сыну'; ад бангулу бе:нда бобд'а т'а:н 'я взглянул на своего отца'; сур. буди т'а:не ек с'ас'те 'он к нему как подсел'.

24) то:с 'верх': кур. ху'нт то:стиҮа 'над Хунь'.

25) угд'а 'длина', 'продолжительность времени': пак. ын акд угд 'на два дня'; сур. хи'сига овылд' кипо дуҮҮа 'в тайге пробыл один месяц'; с'и:д угде 'всю ночь'; нс'у:л' дуббет дугди, с'ен ы:де да:б'Үон 'пока он налаживал свою (их) нарту, весна наступила'; донг а́кнд угд'а 'в продолжение трех дней'; кур. ын ки:енд угдес'а 'в течение двух месяцев'; пак. койд уг'дисе 'вдоль медведя', кайдъ угд'да:с' 'вдоль лося'.

26) хут, хот 'перед': сым. ду:фын еҮост хут'к'ът 'он стоит перед домом'.

27) фыл 'под', 'за': сым. д'енгн фылгыт' 'за людей' (забежал).

28) *ыгл* 'возле', 'рядом': сим. *д'енгн ыгл* 'возле людей', *хузд ыгл* 'возле чума'.

29) **з'л*, *ил* 'около', 'подле': пак. *иРусд и:л'ге* 'подле дома'; *аб и:л'ге* 'возле меня'; *бис'ендъ и:лгä* 'возле брата'; *бис'енд и:лгä* 'возле сестры'; *ху:л'д ыл'ге* 'около молотка'; *läмд и:лге* 'подле стола'; *сес'д ил'ге* 'рядом с рекой'; кур. *ку'с'д ыл'ге* 'подле чума', *бо'кд ыл'ге* 'около огня'; сур. *асл'инд т'о:лге тайг* 'он к лодке подходит'; **з'л+гит* 'снаружи', 'за', 'возле': пак. *банггусд т'о:л'гитка* 'около землянки'; кур. *ас'лин ку'с'д т'л'гиткай'м* 'лодка находится возле чума'.

Кастрен отметил, что сымские послелогои в значении местного падежа часто встречаются с окончанием *-т*, например: сим. *хоткет* 'туда-перед', 'там-перед', *хоткед'дингъ'о:р* 'спереди', *къ'от* 'на той стороне', *агит* 'назад', *агит'дингъ'о:р* 'сзади', *агит'бес* 'сзади вдоль'; *онгтет* 'назад', 'назади'; *онгтет'дингъ'о:р* 'сзади сюда'; *фыч'ът* 'там-под', 'туда-под'; *фыч'иддингъ:р* 'из-под'; *фылгыт* 'под', 'за'. Эта же особенность, хотя и в меньшей степени, свойственна также имбацким говорам, например; пак. кур. *т'о:л'гит* 'снаружи', 'наружу', 'возле'. Очевидно, аффикс *-т* представляет собой древнее окончание местного падежа; о том же свидетельствует и то, что у местно-личного падежа этот аффикс присоединен к окончанию дательного падежа, например: *бис'енд-данг-т* 'у брата'.

Обращает на себя внимание то, что в коттском языке послелогои совершенно неизменяемы, например: *тхи:к ижам* *багат* 'он лежит на снегу', *ше:т не:панг* 'вплоть до реки', *нго:п о:жанг* 'из-за (от) нашего (?) отца'. Послеложное значение здесь передается только посредством позиции: в препозиции существительное является определением, в постпозиции послелогом. Эта особенность согласуется с особенностью образования форм падежей — посессива, дательного, местного и исходного, которые в коттском не имеют в своих окончаниях показателя лица (3-го), в то время как кетский язык такой показатель имеет.

Система послелогов, сходная с кетской, имеется в алтайских языках; в них послелогои могут иметь суффигированный показатель лица (3-го), и, кроме того, их связь с определяемым существительным может быть указана формой родительного падежа этого существительного. Полное типологическое тождество — согласование послелогов в роде, лице (путем префиксации) и в числе с предшествующим существительным, свойственное кетскому языку, встречается в кавказских языках, например в лакском, кабардино-черкесском, табасаранском, чамалинском.

А. П. ДУЛЬЗОН

КЕТСКИЕ НАРЕЧИЯ

Наречием мы называем класс слов, который обозначает признак действия, качества или имени действия, т. е. выполняет функцию обстоятельного определения при глаголе, прилагательном или существительном — имени действия. Кетское наречие никакими специальными формантами среди частей речи не выделено.

Учитывая особенности употребления и образования кетских наречий, целесообразно подразделить их на следующие разряды: качественные, количественные, обстоятельные (времени, места, причины и цели).

Качественные наречия

Функцию качественных наречий могут выполнять все прилагательные в атрибутивной форме, например: ел. *акта*, кур. *актä*, сим. *ахта* 'хорошо'; бак. *с'ел'е*, сур. *с'е:л'ä* 'плохо'; кур. *а:линг* 'сильно', сур., кур. *кы:л'е* 'быстро', сур. *бу ке? дее-с'и* 'он громко кричит' (*ке?* 'громко, сильно'), кур. *анг'те* 'трудно'; сур. *бил'*, *биел'*, сим. *би:р* 'далеко'; сур. *бил'* *о'Уон* 'он далеко ушел'; пак. *с'ä'тий* 'стыдно'.

Функцию качественных наречий очень часто выполняют прилагательные в предикативной форме с безлично-неодушевленным субъектом, например: ел. *актам* 'хорошо', бак. *kä?* *актам* 'очень хорошо', бак. *с'ел'ем*, сур. *с'е:л'äm* 'плохо', сур. *туде с'е:л'äm* 'это — плохо'; сим. *с'ей'л'е* 'плохо', *а:фе* 'жарко', *бате* 'правильно', *беинге* 'легко'; *сейфе* 'достаточно'; сим. *хейл'е* 'широко', *хо:не* 'темно'; *ч'ойе* 'повыше'; сим. *кин'ыр б'ән'би:ре* 'отсюда — недалеко'; пак. *б'ән бил'ам* 'недалеко это', сим. *би:ре* 'далеко'; пак. *енам*, кур. *е:нам* 'давно'; сим. *екаје, екай* 'нельзя'; кур. *кис'енг там акс' бен' татангым* 'тут что-то неладно'; сур. *тынгылам* 'высоко'; сим. *ул'е* 'гладко', *фо:хе* 'глубоко', *фыш'е* 'косо'. Они соответствуют категории состояния русского языка.

Количественные наречия

Количественные наречия обозначают степень или меру качества или действия, например: кур. *анг'тет'ка*, *ангтет'ке* 'едва', 'с трудом'; кур. *арунгу* 'очень'; кур. *бäтте* 'насколько', *бäтте*

he:л'анг 'как сладко это'; сур. бе'токта, бетхохта, бәтохтә 'кое-как', 'насилу'; кур. был'де 'всё'; сым. донгенбес 'по-трое'; сым. е:то 'кое-как'; кур. һонбѣ'н, пак. һѣ'небин 'почти'; сур. һолепс'е, һу'лыпс 'мало-помалу', 'помаленьку'; сур. һокта, бе-токта 'едва'; кур. имде 'часто'; имс'ѣ 'редко'; сур. кад'дек, каддѣ'к, ел. кадде'к, пак. катѣ дѣ'к 'очень'; кур. кобет 'мало'; кур. корангел, коренгил 'скорее'; пак. кы:бас 'пополам'; кур. октѣ, окту, окты 'очень'; сым. о:н, о:не 'много'; сым. н'ефы'н'а-сит 'нисколько'; кур. сур. танга 'только'; кур. тѣ'к 'очень'; сым. у: 'очень'; пак. умат, кур. у:нат, сым. у:на:т 'медленно', 'постепенно', 'потихоньку'; кур. сур. у'тал 'целиком', 'весь'; сым. фас 'опять', фынен'со 'постепенно'; сым. хоксе 'скорее', хуш'инг 'почаще', хы'дыр 'часто'.

Обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия времени обозначают время совершения действия, например: ел. а'нат 'когда-то', кур. 'раньше'; кур. ан'нат 'сначала', 'раньше', 'прежде', 'вначале'; сур. аннад тә'н, кур. а'натап 'сначала', 'сперва'; сым. а'нес 'утро', 'утром'; кур. сур. анукс, сым. ан'боксе 'завтра'; сур. ап-кас, опкас, бак. ъ'кпас 'вдруг', 'сразу'; сур. ел. сым. би:с 'вечер', 'вечером'; пак. енатем, енетам 'теперь'; сур. һас'е, һас'ә 'снова', 'опять'; сур. һис 'до сих пор', 'еще'; пак. инам 'раньше', бѣ'н инам 'недавно'; сым. и:нам 'давно'; сур. тунун и:н ки'ни бѣ'нт'и обыл'дә 'так долго (тебя) здесь не было'; кур. кади'Уа, кари:Уа 'потом', сур. ка'јә 'потом'; кур. кам, пак. ка'м, сур. кам 'скоро'; сур. ел. кур. ки:м, ки'м 'тогда'; сым. ки'сонг бис 'сегодня вечером'; сур. кур. кодѣс 'вчера'; бак. кодесдингал, кур. коресдил 'со вчерашнего дня'; пак. ко'л'ет'ко 'тотчас'; кур. ку:с'инг, ку:с'енг 'часто', 'все время', пак. кусток 'часто'; пак. кур. о'Уай 'прежде', 'раньше'; кур. омбѣ, пак. омпа 'сейчас', 'скоро' (из селькупского); пак. кур. онна 'сейчас', 'только что'; сым. сидди:, сид'дей 'в продолжение ночи'; кур. с'ен, пак. с'е:н 'сейчас', 'уже'; кур. с'енно, с'инно 'сразу'; кур. с'енна һаѣ 'одно-временно', синна'Уо 'вдруг'; пак. си: 'ночь', 'ночью', кур. с'и'Уот 'ночью'; сур. сѣ'м, с'ом 'раньше', сомде 'сразу', кур. с'омс'ит 'раньше'; ел. сур. тул 'потом', 'с тех пор'; сур. тун'дес 'потом'; пак. тун'дан 'тогда', 'в это время'; пак. унг'тел 'потом'; сур. ус' 'уже'; сым. хат'кей 'потом', 'после', кур. ѣ:Уа 'когда-то', сым. ѣ'Уай 'раньше', 'прежде'.

Обстоятельственные наречия места обозначают место или направление действия, например: кур. сур. а'Уа 'там', 'на гору', сым. биры:рсит 'откуда-нибудь'; кур. сур. бил'ил 'откуда', сур. бил'банг 'вдаль', сым. би:рбанг ду:фын 'вдалеке стоит', н'иби'рейсит 'никуда'; пак. сур. бил'ес, бл'ес, сым. бирес 'куда', сур. бу бл'ес кау'јак 'он куда зашел'; пак. бил'тан, сур. бил'тән, ел. бил'тан 'куда'; ел. там мил'тане бѣ'н бо'Уон

'я никуда не поехал'; ел. бо'Уот 'справа'; сур. банг ду'дәптанг 'где-нибудь'; сур. сым. бис'анг 'где'; сур. һиска 'в сторону'; пак. һити:л угдѣ 'внизу вдоль', пак. кур. һытл 'внизу', 'по-ниже'; сым. һа'фи 'внутри'; сым. кан 'там', кан'ду 'он — там'; сур. кәнес 'туда'; кур. канке 'вперед', пак. кәпка 'вниз лицом'; кур. аш һы:п ка:ру ко:с'каиду 'мой сын дома в чуме'; кур. кас'анг пак. кас'енг 'там'; кур. кас'ангседингте 'у той там'; ел. ке'мә 'прочь'; сым. кидагей 'здесь', кидагейду 'он здесь'; сым. ки'нес, кур. кинәс, кинас, сур. кине:с, кинәс 'сюда'; ел. кис а'Уә 'сюда'; кур. пак. сур. кис'анг, кис'енг 'здесь', кур. кис'ангду 'он — здесь', пак. кис'анг ке'т 'здесьний'; кур. ко'тунбес 'низом'; кур. кой 'там напротив'; сур. кокас'анг 'там', 'напротив'; сур. кунгол 'с той стороны', конгтил 'впереди'; пак. коләнди'л 'со стороны'; ел. кунд а'нг кол'ендинга 'налево' (где находятся вожжи у оленей); сур. у ку'синга 'ты — где'; пак. кѣ' 'та сторона', 'на той стороне', сес' кѣ': коләнди'л 'с той стороны реки', кѣ' Уѣ 'на ту сторону', кѣ' нгел 'с той стороны'; пак. кѣ' л'ге 'вниз', 'искоса'; кур. сур. о'Уә 'сюда'; кур. ос'ка 'обратно', 'домой'; кур. о'ле 'наружу', 'на улицу', сым. ѣ'ры; сур. кур. ол'ге 'на улицу', кур. ол'гѣри 'я — на улице'; сур. кур. ол'ингел 'снаружи', сур. ол'нгел 'сверху' (с кожи); сур. онгтә, кур. онгтѣ, онгте, онгт, ел. онгтѣ 'там', 'дома', 'назад', 'позади', кур. онгте 'сзади'; сым. с'игей 'искоса'; сур. с'омда, кур. с'омне 'дальше'; пак. с'у'Уо, сур. кур. с'у'Уә 'назад', 'сзади там'; сым. с'ул'гей 'влево'; кур. с'ут'ка 'посередине'; пак. с'утн, с'ѣ'тн, с'ѣ'т 'среди'; сур. с'унг, кур. с'уунг 'там'; сур. с'б'нг 'тут', ел. се:нгду 'он — здесь'; сым. тигей 'вниз по реке'; ел. тул'е 'сверху' (по реке); бак. ел. сур. тус'анг 'там'; кур. ты'Уә 'вниз' (по реке), кур. сур. у'рил 'сверху' (по реке); кур. ус'ка, ос'ка, сым. уш'кей 'обратно', сур. кур. утл 'вверху' (по реке), 'на юге'; бак. утс, сым. утыс 'вблизи'; сым. фыл 'внизу', фыч'ей 'внизу', 'ниже'; ко'нгыд'о фыч'ей 'смотри ниже'; сым. хафы:р 'изнутри', хепкей 'вперед', хоты 'вперед', хот'ки 'впереди', хытѣ'р 'сверху'; сур. онг-кас'анг, оккас'анг 'сзади там'; кур. пак. тос'а, тос'ә, тос'е 'вверх, наверх'; сым. ѣ'гей 'сюда'; сур. ѣ'л'ә 'вон'; пак. ѣ':л'елс 'с верхней стороны', ѣ'л'енгал 'снаружи'; сур. ѣ'л'абас 'поодаль'; сым. ч'уш'ей 'наверх', 'кверху'; ку:не ч'уш'ей 'неси наверх'.

Обстоятельства образа действия, например: кур. кобет, ковет, пак. ел. ко:бет, бак. кобет, сым. хо:бит 'хорошо', 'внимательно'; кур. кокс'ке, пак. коксинге 'второпях'; кур. коренгтей 'на смерть', коотиндинге 'натошак'; кур. кыл'ә 'скоро', 'быстро'; кур. оконго 'наизусть'; сур. та:тос, бак. та'тус 'сквозь', 'насквозь'; кур. пак. сур. тет'ка, сым. теткей 'поперек'; кур. то'Уојенг 'насухо'; кур. то'Уос'е 'тонко' (прядет); пак. токинго, ток'ке 'косо' (посмотрел); сым. у 'сила', 'сильно', у кы'ясѣгет 'громко говорит'; ел. ул'ка 'нечаянно'; кур. ул'ч'уй'Уе 'вброд'; сым. урбес 'по воде'; кур. бак. сур. ута 'вверх' (по реке); кур. утот 'туго'; сым. фы'ш 'вкось', 'косо'; сым. харин 'всерьез'.

Обстоятельственные наречия причины и цели указывают причину или цель, в силу которой происходит действие, например: сур. *а'Уыванг* 'зачем', кур. *акс'* 'разве'; сур. *бил'е*, пак. *бил'и*, сим. *би'рей* 'почему', 'как'; сур. *ha'jat* (*най ат*) 'зачем'; сим. *ата* 'почему'; бак. *тун'тан*, ел. *тун'т'ан*, кур. сур. *тун-тен* 'поэтому', ел. *унт'ан* 'поэтому'; бак. *андибис* 'зачем мне', 'на что'; ел. *а'р'атн* 'для чего', 'зачем'; кур. *хустей*, *хус'тий*, бак. *хусти* 'напрасно', 'зря'; сур. *хи:студе* 'все равно'; сим. *jo'гар* 'зря'; сур. *каненг* 'зачем', 'с какой целью'; сур. *к'о:мба-денг*, бак. *к'о:н'боданг*, пак. *комб'одонг* 'зря', 'напрасно'; сим. *тудад'ита* 'поэтому'.

ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

По своему морфологическому составу наречия могут быть простыми, производными и сложными.

Простые наречия:

кур. *ал* 'на горе', 'там подальше'; сур. *ал'анг* 'очень', сим. *ата ке:с'* *ал'инг* 'не кричи громко', сур. *бу алинг деес'* 'он громко кричит'; сур. бак. *ан* 'опять', сур. *ас'* 'как'; кур. *ат*, сур. *атн* 'зачем'; кур. бак. пак. *ат*, *а'т* 'скоро', сим. *ат'* 'рано', *бен' ат* 'нескоро'; сур. пак. *бат* 'правильно', 'наверно'; пак. *бел'анг* 'врозь', кур. 'поровну'; кур. *бене*, пак. *бен'а*, ел. *бен'а* 'врозь', 'в сторону'; кур. *бе'на банг* 'на все стороны', пак. *мине* 'разо-'; кур. ел. *бек* 'всегда'; сим. *бет'* 'ведь'; кур. ел. сур. *бин* 'вероятно', 'ведь', 'уже'; сур. пак. кур. *бикс'а* 'по-другому', сим. *бикс'о ат быссеп диббет'* 'по-другому я не могу это сделать'; пак. *ды'н*, *ды'ин* 'тайно'; пак. *д'э'кт'э*, кур. *докта*, сим. *д'э'хты*, *дакт'э* 'скоро'; пак. *д'э'кт'э ейтулут* 'быстро беги'; кур. *ас'л'ин у'Уут докт'э* 'лодка идет быстро'; пак. *д'э'кт'э биндет* 'он быстро прочитал'; пак. *ет'*, кур. *е'т* 'тихо'; пак. кур. *е:н* 'теперь'; сур. *ек* 'как'; пак. *ел* 'потом'; сур. *е'на'Уо* 'наверно' (однако); кур. сур. *ха:* 'как раз', 'равно'; кур. пак. сур. *хай* 'еще', 'снова', 'опять'; сур. *хы* 'пока'; сур. *е:с хы конемга Уеи-л'ак* 'приходи пока еще рано'; кур. ел. *х'ят'а* 'вниз'; кур. пак. сур. *игде* 'вниз', 'под гору'; сим. *и:н*, *и:ен* 'долго', *бен' и:ен* 'недолго', кур. *б'э'н и:н* 'недолго', сур. *и:н ко'л* *комет* 'долго ли, коротко ли'; сур. *ин* 'теперь', кур. пак. *ка:* 'дома', *ка'* 'сильно', 'очень'; сим. *кин* 'здесь'; пак. сур. ел. *кот* 'уже'; кур. *ко'те*, сур. *кот'э* 'вперед'; кур. *ко'ма* 'прочь'; кур. *кут* 'уже'; сур. *та:* 'наверно', кур. пак. *там* 'ли', *там и:н*, *там ко'мат* 'долго ли, коротко ли'; пак. *тап* 'сначала'; кур. *та:тенг*, *та:тынг*, пак. *татенг* 'прямо', 'правильно'; кур. бак. сур. *то:й* 'наверху'; сур. пак. кур. *то'н* 'так'; пак. *тун* 'потом'; сим. *ты'р* 'вниз (по реке)'.

Производные наречия представляют собой оторвавшиеся и получившие самостоятельное значение падежные формы имен, преимущественно падежей, имеющих пространственное и временное значение дательного-направительного, исходного, назначительного, местно-временного, местно-личного, продольного и орудно-совместного. Приведем примеры:

Исходный падеж: пак. *аксдингал* 'отчего'; кур. *акс'дил бу аро'Уолерен* 'отчего он заболел'; кур. *акнгел* 'с горы'; кур. *а'натдил*, *а'надингал* 'сначала', 'с прежнего времени'; сур. *а'наддингал* 'заранее'; сим. *был'абангдингы:р* 'отовсюду'; сим. *би:рдингы:р* 'издалека'; пак. *билингел* 'откуда'; кур. *доодил*, ел. *додингал* 'сверху'; кур. *е:намдингал* 'с давнего времени'; кур. *хы'тил*, имб. *хытел*, кот. *итал* 'снизу', сур. *хытингал* 'то'с'е 'снизу вверх'; сур. *ки'ненгал*, кур. *ки'нингел*, сур. кур. *ки'нил*, сим. *кин'э:р* 'отсюда'; пак. *коктеди:л*, сим. *кохтидингы:р* 'изнутри'; сур. *ко'мал'дингал* 'издалека'; кур. *комтул*, *комка-нингел* 'оттуда'; сур. *ком'ал кани:л* 'оттуда'; сур. кур. *онг'тил*, сур. *онгтенгала* 'сзади', 'из своей местности'; кур. *с'и:рдил* 'сначала' (*с'ири* 'начало'); кур. пак. *то'сил*, *тосел*, сур. *то:с'ынгал* 'сверху'; пак. кур. *ту'нил* 'потом', сим. *тун'ы:р*, сур. *тунингел*; сур. *тынгел*, *т'э:нгел* 'снизу (по реке)', сим. *ты:рдингы:р* (сур. *тынг'ло'Уо*).

Назначительный падеж: сур. *аксдит*, *акс'тит*, *акс'дингтен* 'для чего', 'зачем', кур. *акс'дит* 'почему'; кур. *а'нукстит*, сим. *анбоксыдита* 'назавтра'; кур. *индет* 'надолго'; сим. *бу и:ндита т'э'гей до'над'и* 'он надолго сюда приехал'; пак. *тун'итет*, сур. *тунет* 'поэтому'.

Дательного-направительный падеж: сур. *катнинга* 'в сторону'; *конденга* 'поздно'; кур. *ки'ненг*, *кининга*, ел. *ки'нанга* 'сюда'; *койдинга* 'туда напротив'; кур. *ткуб'динга* 'накопец', 'перед ней'; сур. кур. *тунинг*, *тунинга*, ел. *ту'нанга* 'туда'; кур. *канинга* 'туда', *ки'ра колебдинга* 'по эту сторону'; сур. *анукс бангдинга* 'до завтра', 'до завтрашнего времени'; кур. *биел бангдинге* 'далеко', 'на далекое расстояние'; *татанг колебдинге* 'направо'; кур. *тил колдинге*, ел. *тил кол'епдинг* 'налево'; пак. *ко'мел ту'нинга* 'туда дальше'.

Местно-личный падеж: кур. *кас'ангседингтем* 'это — у той там'; сур. *катедингте* 'напротив', *колебдингте* 'в стороне'.

Местно-временной падеж: кур. ел. пак. *ас'ка* 'когда', 'однажды когда', кур. *ти:б аска* 'как собака'; имб. (Аделунг) *а'сига* 'когда' (*ас + ига* 'в какой-то день'); пак. *а'си'Уа*, сим. *аш'кей* 'когда'; кур. *был'де банген-ге* 'повсеместно', 'везде'; сур. *ка'Уа* 'домой'; ел. *конка* 'впереди'; кур. *ко'тайга* 'перед этим'; пак. *кот'кэ* 'спереди'; сим. *кохтыгей* 'внутри'; пак. *к'э'л'га* 'наоборот', 'наизнанку'; кур. *ко'лонка* 'вбок'; ел. *тур котбиска* 'в конце концов'; кур. *конден'га* 'поздно'; сур. *конгамга* 'пораньше'; сур. *купка*, сим. *купкей* 'сначала', 'вперед'; сим. *к'э'нагей* 'засветло'; сур. *к'э:намга* 'засветло'; *ат ус'ка диембис*

кѣ:намга (кѣн-абѣн-га) 'я пришел домой засветло'; кур. сур. онѣтит'ке 'позади', 'сзади'; кур. с'ин'ге, сур. син'ге, син'ги, сим. син-гей 'враз', 'разом', 'зараз'; сим. син-гей ди'би:р 'я сразу съел это'; пак. токтат'ка, сур. тохтат'ка 'рысью', 'бегом'; кур. пак. тул'гъ 'налево'; сим. утыскей 'поблизости'; сим. ш'ул'гей 'налево'.

Орудно-совместный падеж: пак. акс'а:с' 'как', 'каким образом', сур. код акса:с' 'как-нибудь', сур. би'läас 'как', 'каким образом'; сур. кобедас' 'задом вперед', бу кобедас' кауѣак 'он зашел задом вперед'; кур. сур. котил', сур. котингал' 'впереди', 'раньше'; кур. пак. кында:с' 'по течению', 'вниз'; кур. тонес' 'так', 'и так', сур. тунис, тонис; сур. тунас', кур. сим. ту'нес' 'туда'.

Продольный падеж: сим. ахтабес 'по-хорошему'; пак. дѣ'Уетбес 'поверху'; кур. бу о'Уон бѣн до'Уойбес' 'он пошел неохотно'; сим. етнбес 'по-нашему'; кур. ны:тлбес 'снизу вдоль'; кур. кунголо хытпес' 'смотри по низу'; кур. бѣн итпорамбес' 'незначай', 'не зная'; сур. и:нбал'бес' 'промежду'; сур. пак. ко'мал'бес' 'в сторону', 'стороной'; кур. тойбес', сим. ч'ойбес' 'поверху'; сим. тулымбес' 'по-новому' (тулым 'вновь'); сур. и:нбал'бес' 'между ними туда'.

В некоторых случаях наречия образованы при помощи глагольной морфемы назначения или долженствования, например: кур. акс'енг, акс'ес'анг, бак. аксесанг 'зачем', 'почему', 'для чего', сур. аксеса 'почему', сим. ассенг 'зачем'.

Сложные наречия. В очень многих случаях наречия представляют собой словосочетания, например: сур. а:лсунг 'там', 'подальше от берега'; сим. ан купшин 'зачем'; кур. а'наткот-билä, анат'кобилä (анатко-билä) 'по-прежнему'; кур. а'нат'корес', анат'кореси 'позавчера'; кур. а'нужст ку:нт'ъ 'послезавтра'; сим. ан'боксе ха:т'кејонг 'послезавтра'; кур. акс'нимыт' 'когда-нибудь'; сим. бѣн а:скист, а:ш'кейсит 'никогда'; кур. би'л-бангдил' 'издалека', сур. бил'банг онгонден 'они далеко ушли', сим. би:р бангдингыр 'издалека'; кур. бил'ъ нимыт' 'как-нибудь'; кур. бинил' нимит' 'откуда-нибудь'; ен'нонг (из: ен конг) 'сегодня'; кур. енбис' 'сегодня вечером'; сим. ембис' 'позавчера вечером'; кур. ета ко'ра 'как будто'; пак. хаус'ке 'вверх лицом'; кур. ха:тку:тѣ'Уѣ 'прямо напротив'; сур. хыбѣн 'еще не'; кур. ху'тыл тос'ѣрѣ 'снизу вверх'; кур. хонг'гыт'ко (хонг-к-ет-ка) 'на ощупь'; сур. инконг, енконг 'сегодня'; сим. инса'р 'сегодня ночью'; кур. иты: с'у'Уä 'взад и вперед'; пак. кас'енг там би-с'енг 'там где-то'; кур. кил котä 'отныне'; кур. кин конѣ 'до-сюда'; кур. кин и, сур. киноконг 'сегодня'; сим. ки'сонг 'вчера', у ата кисонг бен' кон-гид'и 'ты почему вчера не пришел'; кур. коол кол'епдинге 'наоборот'; кур. ком кас'анг 'вон там', ком'унг (ком с'унг) 'там'; кур. ко'мал' (ком ал') 'там подальше', пак. ел. ко'mel, комäl 'там где-то', сур. ко'мал'данг 'мы — там далеко'; сур. ко'mолсу (ком ал су) 'там вон подальше'; сур. ко'мал' ка-

с'анг 'там подальше'; сур. комäl кад 'вон там'; кур. ком коро:, ком ка'ро 'вон там (тот)'; кур. компу'с' 'откуда-то', сур. ко'mol тус'анг 'вон там подальше'; сур. коткас'анг 'там дальше'; сур. кыппо: 'в продолжение месяца'; сур. о'Уѣбѣнѣ 'на улицу', 'наружу'; сим. онѣта хутей 'сзади вперед'; сур. онг кади 'там сзади который'; кур. ни там би'läс 'никуда'; кур. с'у'Yуланг коте 'задом наперед'; сур. там ан 'как-нибудь'; пак. кур. там ас'кѣ 'когда-нибудь'; сур. там ас'к а:не 'когда-нибудь'; пак. бу там ас'ка а:нѣ бѣн о'билдѣ кол'етдингте 'он совсем никогда не бывал в городе'; кур. там акс'тит 'ни для чего', 'ни о чем' (не думаю); кур. тамакс'ес'анг 'почему-то'; пак. там аксдингал ап кѣ'й'Уѣ адат 'от чего-то моя голова болит'; сур. там бинил' 'откуда-то'; сур. там бил', сим. там бирее 'куда-то'; кур. там билä, сим. там бирей 'как-то'; сим. там би'ри 'где-то'; кур. тамби'л'ес' 'куда-то'; кур. пак. там бил'ес' (бл'ес') а:нѣ бѣн 'никуда не'; пак. бак. там бил'ингел 'откуда-то'; сур. ту там би'линга а:нä бѣн 'ни на что не'; сур. там бис'енг, сим. там-бис'анг 'где-то'; сим. там бис'анг кидагей 'где-нибудь здесь', там бис'анг кан' 'где-то там'; кур. там бис'анг а:нѣ 'где-то', 'где-нибудь'; пак. там бис'анганѣ ул' бет'т'и 'нигде воды нет'; кур. бу там бисенг ане бен' дѣ бо'Уо конган 'его нигде нельзя найти'; кур. там кис'енг 'где-то здесь'; кур. тат кол'еп 'справа', тат колдингä 'направо'; кур. тат кол'линге, сим. татылынѣ холобдинг 'вправо'; кур. кире банг итпѣрам тет'ка уѣдä 'эту местность я знаю вдоль и поперек'; пак. тос'ет кол'епке 'на верхней стороне'; кур. кус колдил' 'с одной стороны', тос'ил' хытä 'сверху вниз'; пак. тос'ил' ѣ'Уä 'сверху сюда'; имб. тос'ел' не'с' дудодинга 'сверху до низа' (до ее дна); ел. тосел' кол'епдинга, тосел' а'нг кол'епдинга 'направо'; ел. тул' а'Уä 'потом до настоящего времени'; ел. тул' котä 'с тех пор'; кур. тул' колдингä 'на левую сторону', тул'кол'дил' 'с той стороны'; ел. тул' кол'епка 'слева'; пак. ту'нун бил'банг 'так далеко'; пак. ко'mel ту'нинга 'туда дальше'; кур. тузуске 'туда и обратно'; сур. тѣ:Уѣбанг 'внизу (по реке)'; сур. тынгäl' у'тä у'Уо:нден 'она (пароход) снизу вверх ушла'; сим. фыл'дипкей 'донизу'; сим. ч'ойдингы:р фыч'ей 'сверху вниз'.

Качественные наречия кетского языка могут входить в конструкцию, выражающую сравнительную степень, подобно прилагательным; наречие принимает тогда предикативную форму среднего рода, например: кур. бу лобедает абил' актам 'он работает лучше меня'. Чаще, однако, для выражения усиления или уменьшения качества употребляется особая форма на -ла, образуемая от атрибутивной формы прилагательного, например: бак. пак. актала 'получше', кур. а:лингä 'посильнее', кур. билла 'подальше', пак. дѣ'ктälä 'поскорее', хѣ'нилла 'поменьше'; кур. хо'Уälä 'поглубже', холла 'короче', и:нла 'подольше', ке-Уитла 'подороже', ке:ла 'побольше', бак. лонгла: 'проворнее', ко'тила 'подальше вперед', бак. с'ел'ла: 'хуже', кур. тынгела

'повыше', *уддила* 'подлиннее', *комал'ла* 'подальше', пак. *унатла* 'помедленнее'. Уменьшительный аффикс *-ла* вероятно заимствован из селькупского языка.

Будучи сказуемым в предложении, кетское наречие принимает предикативные окончания, например:

- сим. *бис'ангде* 'я — где' (*би-с'а-нг-ди*)
 » *бис'ангжу* 'ты — где'
 » *бис'ангду*, кур. *бис'енгду* 'он — где'
 » *бис'ангда*, кур. *бис'енгда* 'она — где'
 » *бис'ангданг* 'мы — где'
 » *бис'ангжонг* 'вы — где'
 » *бис'ангайнг*, сур. *бис'айганг* 'они — где'

Другие примеры: пак. *ук и:с' би'де* 'где твое мясо'; сур. *аб ай би:'де* 'где моя мать'; пак. *бат би:'до* 'старик — где'; сур. *би'дй ук ас'лен* 'где твоя лодка'; сур. *ко'мол' с'унгам* 'она — вон там'; сур. *ку'с' бис'ангам* 'чум — где'; *комол'с'унгам* 'он (чум) — вон там подальше'; ел. *бат комал'сонгду* 'старик — вон там', *ба:м комал'сунгдй* 'старуха — вон там'.

СРЕДСТВА ОТРИЦАНИЯ

Не входя в принципиальное рассмотрение вопроса о том, какое место занимают в структуре кетского языка средства отрицания, мы рассмотрим здесь их формы и употребление.

Для выражения отрицания употребляются два специальных слова — *ат*, *ата*, *атан* и *бъ'н*. Слово *ат* (ср. манс. *ат*) в качестве отрицания употребляется только при императиве, например: пак. *кин' и ат когдин* 'сегодня не поезжай'; кур. *с'е:нинг а'т ке:сеУой* 'шамана не зови'; кур. *ко'ма а:д ек тай'ж* 'ты не отходи прочь'; кур. *аб богдом ат кайбуУос* 'мое ружье не бери'; ярц. *кидъ а'та еи'атод'онг* 'этого не стреляйте'; бак. сур. *атан (ат кан) кос'кутн* 'не бойся'; кур. *ат куут* 'не ходи', *ат кујуУут* 'не шамань', *о:не ка:н ат ка:скант'ъ* 'ты много слов не говори'; бак. *у ат кан да с'ул'ей ку:кс'й* 'ты не красней'; сур. *у аУъ касак, ат ду'л'етданг* 'ты не заходи, я моюсь'. Ввиду того, что слово *ат* в мансийском языке является универсальным средством отрицания, а в кетском языке его употребление ограничено, можно считать, что оно заимствовано из мансийского языка.

Более сложным является употребление отрицания *бъ'н*, ар. *бон*, асс. *мон*, *бон*. Оно имеет две формы: атрибутивную и предикативную.

Атрибутивная форма *бъ'н* ставится:

1) перед существительным: кур. *бу бъ'н ассо'но:с'а* 'он не охотник', *ту'рй бен' анг'тет* 'это не беда', сим. *бен' бат* 'не правда'; сим. *бен' саУын-гет* 'невиновный'; кур. *бъ'н ап ке'т* 'не мой товарищ' (человек);

2) перед прилагательным: пак. *бу а'рас' бъ'н боУосту* 'он со мной не равный'; *ту а'к бъ'н боУасам* 'эти палки не равные'; кур. *бу бен' бојусс'ъ* 'он не богатый'; *иРус бен' ке:с'* 'дом не большой', *бен' татанг* 'не верно'; *бен' иен* 'не долго'; сим. *бен' т'Уынси* 'не доваренный', *бен' ах'таси* 'не добрый', *бен' би:рси* 'не далекий', *бен' инамси* 'не давний', *бен' тынгылси* 'не высокий', *бен' ул'е* 'не гладкое'; кур. *де? бен' хоУос'ъ* 'озеро не глубокое', *л'ем бен' ул'ч'ъ* 'стол не гладкий'; *бен' идингбетси* 'не грамотный'; кур. *анга бен' быт'т'и* 'веревка не крепкая'; сим. *бен' би:ре* 'не далеко это'; *бен' саренгси* 'не курящий'; кур. *бу бен' тетту* 'она не замужняя';

3) перед глагольными формами: кур. *бъ'н боУот* 'я не поеду', *һы бен' доннари* 'он еще не пришел'; *ад бъ'н с'итанбак* 'я не рассмотрел, не узнал'; *ад туру бен' дасса:нильв'т* 'я этого не говорил'; *бъ'н ду:рен* 'он не плачет', *бъ'н ке:сеУой* 'ты не зовешь его'; сур. *буди и:л'онг бъ'н би:нут* 'она есть не кончила'; кур. *бен' дес'оУолен ке'т* 'незванный (звали его) человек'; *бен' толберавей де?* 'не замерзающее (не замерзает оно) озеро'; пак. *бон доУой* 'не хочет'; сур. *бу бъ'н дасанообет* 'он не охотится'; пак. *там акс анъ бъ'н диббет конганем* 'совсем ничего сделать не могу'; кур. *бъ'н итпорамбес* 'не зная', 'невзначай';

4) перед наречиями: пак. *а бен' бис'анг диУерек* 'мне негде жить'; сим. *бен' беинге* 'не легко', *бен' би:ре* 'не далеко', кур. *бен' и:нам* 'не давно'; *бен' оне, бен' комет* 'ни много, ни мало'; сим. *бен' тудифан* 'не без этого'; кур. *бъ'н би:л* 'не далеко', *ки-с'енг там акс' бен' татангам* 'здесь что-то не ладно'.

Для усиления этого отрицания прибавляется частица *-ус*: кур. *денгнал' бъ'нус' баУавилде* 'я от людей совсем это не слышал'; сур. *бу кол'етдингте бъ'нус' о'билде* 'он в городе совсем не бывал'; *а си:д угдъ бъ'нус' то:лут* 'я всю ночь не спал (лежал)'; *там а:нъ бъ'нус' дейдонгил'гитин* 'никакой ссоры не было' (не ссорились они); пак. *тун'бис' тум ка'т ат һы бъ'нус' да:толунг* 'такого черного человека я никогда еще не видел'; *ус'къ бъ'нус' ди:енбис* 'он обратно не пришел'; *ис' кол'ендинга бъ'н мин (бин) ус' датонгонгутин* 'рыбы в курьи не зашли'.

Встречается предикативная форма среднего рода от этой основы: кур. *бу'ре бъ'нам ни там бис'е бъ'нус' доннари* 'кроме него никто сюда не приходил'.

Предикативная форма отрицания на *-с* встречается в формах обоих чисел, например:

а) единственное число: сур. *у'л'ес' бъ'н'т'а о'бил'да* 'дождя не было'; пак. *т'т'нгт'ъ бъ'н'ч'е овилдъ аслинг* 'у нас не было илимки'; сур. *бунг и'ний бъ'нт'а* 'их тут нет'; *т'тингта бъ'н'т'а обилда ас'лен* 'у нас лодки не было'; *т'к киенусин, ат бин би'ни: бъ'н'ч'а о'былда* 'когда вы приехали, меня здесь не было'; бак. *абингта кимн бъ'н'ч'а* 'у меня женщин нет'; *к'т' нангта бъ'н'ч'а* 'детей у них нет'; кот. *минш'о, монч'а*;

б) множественное число: бак. *абангте ки:мн бѣ'н'ч'анг* 'у меня баб нет'; *ѣ'Уен бенч'инг* 'вшей нет'; бак. *бунгге ки:мна с'ул* бѣ'н'ч'анг 'у их жен крови нет'; бак. *акус бангга бенсинг ки:мн* 'что, на свете разве нет женщин'; сур. *когде а'сѣн'осин ка: бѣ'н'т'анг* 'осенью охотников дома нет'; *ку'с'ем а:нѣ бѣ'нт'инг* 'ни одного (волоса) нет'; сур. *авингта бѣ'нч'анг таУым на'н* 'у меня нет белого хлеба'; вимб. *тик бенч'инг* 'снега нет'; *ко: бенч'инг* 'льда нет'; сур. *анунг бен'т'ангс* 'он — не умный человек'.

Вместо формы бѣ'нс'и часто употребляется ассимилятивно видоизмененная форма бѣ'т'т'и, например:

а) единственное число: кур. *бурянгте там акс бѣ'т'т'и* 'у него ничего нет'; *бу'ре уни бѣ'т'т'и* 'его здесь нет'; *бурянга унг банг бѣ'т'т'и* 'ему негде сидеть'; пак. *абынгта док банг бѣ'т'т'и* 'мне негде жить'; кур. *дусний банг бѣ'т'т'и* 'поставить ее негде'; кур. *нан бѣ'т'т'и* 'хлеба нет'; *аб ке'т кини и бѣ'т'т'и о'билда* 'мой товарищ сегодня еще не был'; *у'л'ес бѣ'т'т'и обилде* 'дождя не было'; *ѣ'ттангта ас'лин бѣ'т'т'а обилде* 'у нас лодки не было'; *абингте то'нгс бѣ'т'т'и обилде* 'у меня денег не было';

б) множественное число: пак. *бик ис бѣ'т'т'инг* 'других рыб нет'; *бунг бѣтч'анг* 'их нет'; кур. *кис'анг асс'ен бѣ'т'т'инг* 'здесь зверей нет'; пак. *бенч'инг авингте обанг* 'нет у меня родителей'; кур. *у'летенг бѣ'тинг с'ы* 'недождливый (нет дождей) год'; ел. *дан кор у бѣтс'анг* 'травы (трав) разве уж нет'; пак. *тумбес са'с бѣтч'инг* 'таких рек нет'; пак. *ап де'нг бѣ'т'инг* 'моих людей (у меня людей) нет'; *де'нг ка бѣтч'инг, де'нг асоно: банггајенг* 'людей дома нет, люди на промысле (месте охоты)'; бак. кур. *у'лес бѣ'т'т'инг* 'дождя нет'; ел. *авингтен итанг бѣт'с'анг* 'у меня зубов нет'; кур. *там акс а:ни бѣ'т'т'инг* 'совсем ничего нет'; *ни там бис'с'ери уни ка: бѣ'т'т'инг* 'никого дома нет'; кур. *то'нгс бѣ'т'инг* 'денег нет'.

Во всех приведенных примерах употребление форм числа является мотивированным. Встречаются, однако, и случаи, в которых употребление числа не мотивировано: ел. *ѣ'тингте ку'с бѣ'танг* 'у нас чума нет'; сур. *ти:п де бѣ'нт'инг* 'собаки нет', *хай бѣ'нт'инг с'ил'еке д и'ний* 'опять Силеке нет здесь'; пак. *авингта тет бенч'анг* 'у меня мужа нет'; сур. *ов а:не бангте бѣ'нт'инг, ам а:нѣ бѣ'нт'инг* 'нет у меня ни отца, нет матери'. Иногда это оговорки, а иногда — формы, свидетельствующие об угасании «чувства языка» у двуязычных людей.

Наряду с указанными выше формами отрицания в сымском диалекте встречается более простая по составу форма бѣ'с'а, которая позволяет выделить корень бѣ' 'не', например: *ат ха:ни'а бѣ'с'а* 'я дома не буду'; *буданг хым бѣ':с* 'у него жены нет'; *бу не бис'ангс бѣ'с'а* 'его нигде нет'; *ѣ'Уан бе:с'а* 'вшей нет'; *буланг бѣ'с'а* 'ног нет'; *ан'ейт бѣ':с'е еннонг* 'кого сегодня нет'; *буенг бѣ':с'инг, беинг бѣ'с'анг* 'их нет'; *буданг н'еаш'ыш'ыт бѣ':с'е* 'у него ничего нет'. Трудно предположить, что эта форма

возникла из бѣ'нс'а, бѣ'т'т'а путем ассимиляции, так как варианты с долгим с не встречаются.

В сочетании с морфемой б, придающей основе пассивное значение, возможны предикативные формы, личные и безличные, например: сым. *бес'еп* 'невозможно', ср. пумп. *бейсем; бес'ебди* 'я не могу', *бес'епку* 'ты не можешь', *бес'ебду* 'он не может', *бес'ебданг* 'мы не можем'.

Рассмотренные формы позволяют предположительно восстановить первоначальную структуру искомого кетского отрицания: бѣ'-с'а 'не есть', 'не будет' — бѣ'-с'а-нг 'не суть', 'не будут', бѣ'-н 'не ставший', бѣ'-н-с'а 'есть не ставший' — бѣ'-н-с'а-нг 'не стали', 'не ставшие суть'. Обращает на себя внимание близкое сходство с тюркским аффиксом отрицания *ба, бе*.

Отметим еще, что в отношении одушевленных предметов часто употребляется отрицательная конструкция со словом *и'ний* 'присутствие' (ср. кот. *уни* 'здесь'), например: сур. *бест и'ний бѣ'нч'анг* 'зайца здесь нет'; кур. *ту'ре дыл'да уни:й ки'с'анг бѣ'т'т'анг* 'этого мальчика тут нет'; сур. *тунун и:н кини:й бѣ'н'т'и обыл'да* 'так долго тебя здесь не было'; *кис'анг буда иней бѣ'н'т'а* 'его здесь нет'; кур. *когде асоно: де:нг ка не иней бѣ'т'т'инг* 'осенью промысляющих людей дома нет'; сур. *дѣ хун ди'ни бѣ'н'т'анг, еУе билибис'анг* 'его дочери здесь нет, не стало ее'; *дѣ ким ди'ни: еУѣ би:лебис* 'его жены нет'; *де денгна иний еУе билебес* 'его людей здесь нет'; пак. *денгна ин дий еУабилвес* 'людей долго здесь нет'.

Отрицание иногда выражается и формой лишительного падежа, например: *бу унг конган доУон* 'он уже сидеть не может' (*конг-ан* 'мочи нет'); *укинга унг конганам* (*конг-ан-аб*) 'тебе не сидится'.

Т. В. ДИВЬЯН

МАТЕРИАЛЫ К СЛОЖНЫМ СЛОВАМ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Эта статья посвящена описанию особого вида существительных кетского языка, которые мы условно назовем «сложными».

Оговорка нужна потому, что пока не вполне ясно, к какой категории причислять эти существительные: считать ли их собственно сложными словами в общепринятом смысле (т. е. словами, заключающими в себе более одной основы), считать ли их словосочетаниями, соответствующими атрибутивной синтагме, или относить просто к свободным синтаксическим конструкциям.

В первом случае интересно выяснить способы сложения основ: наличие особых формантов, фонетические или фonomорфологические изменения; во втором — установить, в частности, что происходит с атрибутивной частью при согласовательных или словозменительных процессах, касающихся всего словосочетания.

Материал взят из кетского словаря К. Доннера¹. Кроме того использованы материалы Комплексной кетской экспедиции 1962 года (далее КЭ 1962), а также ряд других источников, которые будут указаны специально. Из словаря К. Доннера взято около 400 слов, предварительно классифицированных нами как сложные. Эти слова можно разделить на три группы:

I. Слитно написанные существительные, состоящие из двух или более слогов, по крайней мере один из которых опознается в том же словаре, тогда как о втором нельзя с уверенностью сказать, что он является служебным формантом²:

akkat 'молния', букв. 'стрела грома' (*kat* 'стрела', *ēk* 'гром');

akkot 'радуга', букв. 'путь грома' (*kot* 'путь', *ēk* 'гром');

assəl 'дикий олень', букв. 'олень Еся' (*sel* 'олень', *es* 'Есь');

bangus 'землянка' (*baŋ* 'земля');

batkup 'мыс' (*kup* 'выступ', 'кончик');

batpəl 'колено' (*bul* 'нога');

batpuldät 'коленная чашечка' (*batpəl* 'колено', *dät* 'кость');

¹ См.: Доннер, 1955 и Доннер, 1958.

² Здесь взята транскрипция К. Доннера в упрощенном виде, предложенном А. Йоки.

bogdjen — родовое имя, букв. 'огненные люди' (*djen* 'люди', *bok* 'огонь');

bogdom 'ружье' (*bok* 'огонь');

bogdot 'кострище' (*bok* 'огонь');

bogədosun 'пароход'; 'Feuerschiff' — Доннер, 1955 (*bok* 'огонь');

boktys 'кремень' (*tyəs* 'камень', *bok* 'огонь');

bultək 'палец на ноге' (*tə'k* 'палец', *bul* 'нога');

dəkgət 'юрак' (*ket* 'человек', ср.: *ды:ге* 'юраки'³; *duRət* 'юрак' — КЭ 1962);

dəkkim 'юрачка' (*kim* 'женщина');

djeslül 'слеза' (*ul* 'вода', *djes* 'глаз');

duməlgət — мужское имя (*dum* 'птичка');

həptək 'указательный палец', букв. 'женский палец' (*tə'k* 'палец', *həp* 'женщина', 'самка');

jiltək 'мизинец' (*tə'k* 'палец');

kāsāŋ 'печень налима' (*kēs* 'налим', *sjeŋ* 'печень' — Доннер, 1955);

kaləgup 'воины' (*kal* 'война', *gup* [селькуп.] 'человек', 'мужчина' — Доннер, 1955);

qajatl '«простыня» из бересты' (*qaj* 'береста', 'тиска', *gotl* — платок [?]);

qəpəgət — узкий канал между двумя озерами или реками (*qot* 'путь');

qāsēs 'топоним', букв. 'Налимья река' (*kēs* 'налим', *ses* 'река' — Доннер, 1955);

qibat 'Schwieger Vater' (*qip* 'дед');

qimat 'Schwieger Mutter' (*qim* 'женщина', *am* 'мать'; см. также Хоседем, Томем);

qibboat 'медведь' (*qip* 'дед', *boat* 'старик');

qupejas 'музыкальный волчок' («es wird behauptet, daß diese Benennung von der onomatopoetischen Wort *in* her stammt, welches den Laut des Kreisels nachahmt» — Доннер, 1955);

qokkun 'кукушка' (*qok* 'один', *hun* 'дочь');

sutək 'безымянный палец' (*tə'k* 'палец');

təatik 'наст' (*tik* 'снег');

təgol 'кольцо' (*tə'k* 'палец', *ol* 'ящик', 'коробка');

Слова с компонентом *ul* 'вода':

ulan 'роса', 'влага';

ulbəŋ 'мокрая земля' (*baŋ* 'земля');

ulbij 'тень';

uldel 'водяной' (ср. *baŋdl* 'земляной дух');

ulij 'пузырь';

ulyŋ 'нырок';

ulyŋ 'дождь', букв. 'вода Еся';

³ Дульзон, 1964, стр. 194.

ullyp 'промоина';
ulop 'белые облака';
ultygyn 'болото';
ulc 'большая река' (Енисей).

См. также слова со вторым компонентом *ij* (может быть, *aj* 'мешок?'): *sagij* 'беличье гнездо' (*saq* 'белка'); *salij* 'кисет' (*sal* 'табак'); *dagij* 'орлиное гнездо' (*di* 'орел'); *kaltamij* 'мешочек из рыбьей кожи'; *ulij* 'пузырь' ('водяной мешок').

Список примеров можно продолжить. Ср. некоторые существительные, записанные в 1962 году: *baṗul* 'могила' (*baṗ* 'земля'); *bulkeiga* 'ступня' (*bul* 'нога'); *bulolt* 'чулок' (*bul* 'нога'); *embaṗ* 'поляна' (*baṗ* 'земля'); *eṣtholet* 'небо' (*eṣ* 'Есь'); *hiyḍyl* 'парень' (*hiy* 'мужик', *ḍyl* 'ребенок'); *qimḍyl* 'девка' (*qim* 'женщина', *ḍyl* 'ребенок'); *kinətoqoj* 'пчела', букв. 'летающий медведь' (*qoj* 'медведь'); *qutqat* — одежда шамана (*qat* 'парка', *qut* — 'der wichtigste Hilfsgeist des Schamanen', — Доннер, 1955); *ṣeneqeyet* 'оленовод' (*ṣel* — 'олень', *ket* 'человек'); *d'estinkayit* 'бровь', 'ресницы', собств. 'глазные волосы' (*d'eṣ* 'глаз'); *imdiṗoltən* 'скорлупа ореха' (*im* 'орех', *iṗolt* 'кожа'); *imqaə* 'ядро ореха' (*im* 'орех') и т. п.

Определенное число существительных группы I, без сомнения, пропущено, так как, в частности, из-за недостатка материала далеко не все основы удалось отождествить. Кроме того мы намеренно исключали слова, интуитивно кажущиеся сложными, но не поддавшиеся проверке.

II. Сочетание двух или более существительных, каждое из которых соединено с последующим знаком дефиса (-) или лигой (.)

1. Двучленные:

dorob-aj 'мешочек для дробы' (*dorop* 'дробь', *aj* 'мешок');
assij-aj 'кожаный мешочек' (*aj* 'мешок');
bogd-oks — старое название осины, букв. 'огненное дерево' (*oks* 'дерево', *bok* 'огонь');
bokley-baṗ 'пожарище' (*baṗ* 'земля', *bok* 'огонь');
besem-bōm — кличка оленихи, 'Заячья старуха' (*bes* 'заяц', *bōm* 'старуха');
bed-d'es 'снежинка', букв. 'глаз снега' (*djes* 'глаз', *bet* 'снег');
dumgədnə-bok — гнилушка, светящаяся в темноте, 'das Feuer des kleinen Vogels' — Доннер, 1955 (*dum* 'птичка', *bok* 'огонь');
dumgədnə-tulyt — вид ягоды, 'Honigbeere' — Доннер, 1958 (*dum* 'птичка', *tulyt* 'ягода');
dubd-aṗ 'леска' (*aṗ* 'шнур', 'веревка', *dup* 'крючок');
d'əs-ol 'мочевой пузырь' (*ol* 'коробка', *d'əs* 'моча'; «vielleicht Harnwasser?» — Доннер, 1955);
es-bok 'северное сияние', букв. 'огонь Еся' (*bok* 'огонь');
es-qaj 'большая темная туча', букв. 'гора Еся' (*qaj* 'гора');
etl-ul 'lebendes Wasser' (*ul* 'вода');

haṗ-dit 'глухарка' (*dit* 'глухарь', *haṗ* 'самка', 'женщина');
haṗ-saq 'самка белки' (*saq* 'белка', *haṗ* 'самка', 'женщина');
haṗ-tobəs — женская фигура в пашках (*tobəs* 'пашки', *haṗ* 'самка', 'женщина');

həṗnənt-hu 'пульс', букв. 'сердце руки' (*hu* 'сердце', *həṗnənt* 'рука');

ik-kon 'жеребец' (*kon* 'конь', *ik* 'самец');

oltu-k'in 'улитка' (*k'in* 'червяк', *ol* 'коробка');

kysn-ul 'водка', букв. 'вода русских' (*ul* 'вода', *kysn* [Pl.] 'русские');

qābəd-dāt 'позвоночник' (*qābət* 'спина', *dāt* 'кость');

qībədə-kajṗok 'шмель' (*kajṗok* 'насекомое', *qip* 'медведь');

qoks-sel 'жертвенный олень' (*sel* 'олень', *qoks* 'жертва');

lāk-kim 'селькупка' (*kim* 'женщина', *lāk* 'селькуп');

sīl-dum — женское имя, букв. 'летняя птичка' (*dum* 'птичка', *sīl* 'лето');

sīl-dan — женское имя, букв. 'летняя трава' (*dan* 'трава', *sīl* 'лето');

sujəṗ-oks 'ольха' — из ее коры делают краску (*oks* 'дерево', *sujəṗ* 'краска');

teld-ogde — топоним, букв. 'мамонтово ухо' (*ogde* 'ухо', *tel* 'мамонт');

sajdol-l'em 'чайный стол' (*l'em* 'стол', *saj* 'чай') и т. д.

В эту группу входят также названия месяцев, например:

ədə-qip 'весенний месяц' (*ədə* 'весна', *qip* 'месяц');

di-qip 'орлиный месяц' (*di* 'орел', *qip* 'месяц');

kodəbəl-qip 'май';

qubənt-qip 'июль'.

В некоторых случаях название месяца может употребляться и без слова *qip*, например *əṇdok* 'месяц падающих листьев' (*əṇ* 'листья')⁴.

2. Трехчленные:

dedeṗ-oksəd-bolyt — деталь ловушки для горностаев (*dedeṗ-oks* 'ловушка для горностаев', *bolyt* 'дуга');

bunčolt-duodit-l'em 'сидение в санях' (*l'em* 'доска', *duodə* 'пол', *bunčol* 'сани');

diltijət-tat-oks 'сидение в долбленке' (*tat-oks* 'сидение', *dyltij* 'долбленка' ['ветка']);

es-sel-buom — кличка оленя (*bōm* 'старуха', *es-sel* 'дикий олень', букв. 'олень Еся', 'божий олень');

iden-d'es-bogot — кличка оленя (*boot* 'старик', *d'es* 'глаз', *iden* — «die Form bedeutet eigentlich „gezeichnet, geritzt; bunt“», — Доннер, 1958);

⁴ Подробнее о названиях месяцев см.: Доннер, 1933.

ḡnna dogə pora — время спаривания оленей (*ḡ* 'олень-самец', *dajgə* — «Geschlechtsverkehr ausüben, *para*—russ 'пора', — Доннер, 1955);

qōn ugdlj oks 'палка для выкапывания луковиц' (*oks* 'дерево', *ugdlj* 'длинный', *qo* 'лук');

lāgəny-hodb'ej-bangus — географическое название, «die erste od. äusserste ostjaksamojedische Winterjurte», — Доннер, 1955, (*bangus* 'землянка', *lāk* 'селькуп');

sulət qābəd d'oks — деталь саней (*oks* 'дерево', *qābət* 'спина', *sul* 'сани');

teje beslaṇ qak — название маленькой рыбки, букв. 'рыба с серебряными плавниками', 'Silberflossenfisch' (*teje* 'серебро', *qak* 'рыба «момчик»', — Доннер, 1955);

titej-aṇət-qip — железная деталь подпруги (*qip* 'кончик', *āṇ* 'ремень', 'веревка');

tetqi titəj āṇ 'железная цепь в оленьей упряжи' (*āṇ* 'ремень', 'веревка');

til-hagij-don 'нож для обрезания пуповины' (*don* 'нож', *hagij* 'обрезающий', — Доннер, 1955, *tyl* 'пупок').

III. Раздельно написанные существительные, относимые к разряду сложных по семантическим (новое понятие, значение которого отличается от значений составляющих) и формальным (о которых будет сказано специально) признакам, а также по аналогии с группой II:

destiṇ diepolt 'веко', букв. 'глазная кожа' (*diepolt* 'кожа', *d'es* 'глаз');

bəntən qay 'ястреб-утятник' (*qay* 'ястреб', *bən* 'утка'); *ekkənnə kat* 'молния', букв. 'стрела грома' (*kat* 'стрела', *ēkṇ* 'гром'). Ср. *akkat* 'молния';

əmbələnəs so — смесь морозки с рыбьим жиром (*so* 'рыбий жир', *əmbəl* 'морозка');

olyngəst həṇ 'паутина', букв. 'сеть паука' (*həṇ* 'сеть', *olyngəs* 'паук');

anəṇ hiləm 'волчок' (*hiləm* 'веретено');

hangət hyr 'сучка' (*hyr* 'щенок', *haṇ* 'самка'). Ср. *haṇ saq* 'самка белки';

ik tobəs — мужская фигура в шашках (*tobəs* 'шашки', *ik* 'самец'). Ср. *haṇ tobəs* — женская фигура в шашках;

ekenə bok 'молния', букв. 'огонь грома' (*bok* 'огонь', *ēkṇ* 'гром'). *qibd' has* 'луна' букв. 'бубен месяца' (*has* 'бубен', *qip* 'месяц');

olən qik 'ноздри' (*qik* 'отверстие', 'дыра', *olən* 'нос');

boṇd' ol 'гроб' (*ol* 'коробка', *boṇ* 'покойник');

onṇəṇ d'es 'икринка', букв. 'глаз икры' (*djes* 'глаз', *onṇəṇ* 'икра');

suləṇ āṇ — кровеносный сосуд (*āṇ* 'веревка', *sul* 'кровь');

uledəṇ dāt 'ребра' (*uledəṇ* [Pl.] 'ребра', *dāt* 'кость') и т. д.

Все эти сложные слова образованы по одной модели и, как правило, соответствуют атрибутивной (преимущественно двучленной) синтагме, в которой первый член всегда является опреде-

лением, а второй — определяемым, например *bogd-oks* 'огня-дерево' ('осина'), *es-bok* 'Есь огонь' ('огонь Еся' 'северное сияние'), *oks togəṇ* 'дерево-гребень' ('деревянный гребень') и т. д.

Далее нас будут интересовать способы соединения, или 'склейки', слов. К сожалению, недостаток материала не позволил выяснить, как ведут себя обе части сложного слова, подчиненная и подчиняющая, при словоизменении. Мы располагаем лишь отдельными примерами. На их основании можно заключить, что при изменении по числам флексию множественного числа могут принимать обе части сложного слова. При склонении же падежные флексии присоединяются только к последней части, например: N. Sing. *bulkeigə* 'ступня', N. Pl. *buləṇkeigən*, Loc. Sing. *bulkeigedint*; N. Sing. — *ṣeneqeyet* 'оленовод', N. Pl. *ṣeneqend'en* (КЭ, 1962); N. Sing. *kaṇd'as* 'перо на стреле', N. Pl. *qaməṇd asəṇ*, пример интересен тем, что слово *qam* 'стрела' сочетает показатели N. Pl. -əṇ и Gen. Sing. -d; N. Sing. *gotpes dat* 'Brustbein des Vogels', N. Pl. *gotpəsəṇ dadən* (Доннер, 1955); N. Sing. *dyl-ti* 'маленькая лодка', N. Pl. *dyleṇ tyn*, но N. Sing. *juoks* 'полено', N. Pl. — *juak*; N. Sing. *fojoks* 'серебристая ель', N. Pl. *fojak*; N. Sing. *sujeṇoks* 'ольха', N. Pl. *sujeṇak* (последние примеры взяты у М. А. Кастрена)⁵; N. Sing. *djeslül* 'слеза', N. Pl. *djeslüləṇ* (Доннер, 1955) и т. д. По данным КЭ, 1962, отмечен интересный случай образования Pl. от слова *naṇəbukṣ* 'хорей' (*naṇə-oks*, Доннер, 1955): вместо ожидаемого *naṇəb-ak* (*ak* — Pl. от *oks*) — *naṇəbu-ṇ* с обычной для неодушевленных существительных флексией; здесь можно предположить либо переразложение основы, либо отпадение во множественном числе *oks*.

По способу «склейки» сложные слова разделяются на следующие группы (анализируются только двусоставные слова типа $S_1 + S_2$ ⁶; указываются формальные признаки только S_1 ; в S_2 отмечены лишь фонетические изменения в начале слова, более существенных изменений обнаружить не удалось).

1. S_1 N. Sing. + S_2 — конструкция, в которой первое слово стоит в основном падеже единственного числа (N. Sing. — условное обозначение основного падежа единственного числа, или исходной формы существительного).

Этот способ представляет собой простое соположение основ, при котором в ряде случаев (обычно на стыке глухого со звонким или с гласным) могут происходить фонетические изменения ассимилятивного характера. Сложные слова, образованные таким образом, пожалуй, распространены более всего (в примерах начальная форма основы сообщается дополнительно, если при сложении произошли фонетические изменения):

⁵ Кастрен, 1856, стр. 20.

⁶ Заслуживают специального анализа сложные слова, в состав которых входят числительные. В данной статье этот вопрос не рассматривается.

olən quk 'нос-дыра' ('ноздря');
onəŋ-d'es 'икра-глаз' ('икринка'), если только *onəŋ* — не Pl.;
ul_tuolin 'вода-мох' ('водяной мох');
tyl-am 'север-мать' ('мать севера');
sil_dan 'лето-трава' ('летняя трава', женское имя);
onəŋ-na'n 'икра-хлеб' ('икорная паста?');
es_sel 'Есь-олень' ('олень Еся');
es_qaj 'Есь-гора' ('гора Еся', 'туча');
bed_d'es 'снег-глаз' ('снежинка'; *bet* 'снег');
ulbən 'вода-земля' ('мокрая земля');
boktys 'огонь-камень' ('кремень');
qoj_ogə 'медведь-нора' ('берлога');
bultək 'нога-палец' ('палец на ноге');
oks_kanč 'дерево-трубка' ('деревянная трубка');
qābəd_dāt 'спина-кость' ('позвоночник'; *qābət* 'спина');
batpul_dāt 'колени-кость' ('коленная чашечка') и т. д.

Эти существительные, как уже было сказано, соответствуют атрибутивной синтагме, преимущественно со значением посевности (гора Еся — гора, принадлежащая Есю). В этой группе интересно выделить слова, один из компонентов которых выражает пол животного существа⁷:

ik tobəs 'самец-шашка' (мужская фигура в шашках);
haŋ_tobəs 'женщина-шашка' (женская фигура в шашках);
qib-boat 'дед-старик' ('медведь'; *qip* 'дед');
es-sel-boom 'Есь-олень-старуха' (кличка оленя);
syn-boat/boom 'дятел-старик/старуха' (кличка оленя или оленихи);
ollyn-boom 'сойка-старуха' (кличка оленихи, ср. также *qapil-bogot*, *qorəkəl-bot*, *idəŋ-d'es-bogot* и др.);
dəkqət 'юрак-мужчина';
dəkqim 'юрак-женщина' ('юрочка');
lāk_kim 'селькуп-женщина' ('селькупка');
ydad-boat 'Ыдад-старик' (имя легендарного героя);
haŋ-saq 'самка-белка';
haŋ-dit 'самка-глухарь' ('глухариха');
ik-kon 'самец-конь' ('жеребец');
haŋ-sel 'самка-олень';
qimdył 'женщина-ребенок' ('девка', КЭ 1962);
hiydył 'мужчина-ребенок' ('парень', КЭ 1962) и т. д.

Собственное семантическое значение слов, обозначающих пол (самец — самка, мужчина — женщина, старик — старуха), здесь явно ослабевает, и они приближаются скорее к своему рода продуктивному форманту для образования таких понятий, или слов, в которых существенно выражение пола (например, клички животных, разделение особей на самок и самцов и т. п.; инте-

ресен пример с дублированным выражением пола — *ik_ket* 'мужчина', собств. 'самец-мужчина').

2. S_1 N. Pl. + S_2 — конструкция, в которой первое слово стоит в основном падеже множественного числа [N. Pl. — основной падеж множественного числа, флексии (*ə*)n, (*ə*)p]. Группа небольшая:

ak_kassəts 'kleines grünes geflügeltes Insekt', — Доннер, 1955 (*ak* — Pl. от *oks* 'дерево');
kys-n-ul 'русские-вода' ('водка');
buol-əŋ dan 'ноги-травы' ('Fussheu', — Доннер, 1955);
uled-əŋ dād 'рёбра-кость' ('рёбра');
bystin-əŋ ol 'осы-ящик' ('осиное гнездо');
ta-n ak 'палки (Pl.)-деревья' ('лыжные палки') и т. д.

3. S_1 Gen. Sing. + S_2 — конструкция, в которой S_1 стоит в притяжательном падеже единственного числа [Gen. Sing. — условное обозначение притяжательного падежа единственного числа, флексии *d(ə)*, *t(ə)*]. Эта группа менее многочисленна, чем 1-я:

olyngəs-t' haŋ 'паука-сеть' ('паутина');
boŋ-d' ol 'покойника-ящик' ('гроб');
dil-d' ol 'ребенка-ящик' ('послед');
tyl-d_āŋ 'пупка-веревка' ('пуповина');
haŋnəŋ-t_hu 'руки-сердце' ('пульс');
haŋ-t_tys 'сети (Gen.)-камень' ('грузило');
loz-d_ej 'vulvae uvula' ('clitoris');
holtyn-t quk 'пуговицы (Gen.)-дыра' ('петля');
has-t_qulitn 'бубна-украшения' (ритуальные предметы на бубне);

es-t_hallo 'Еся-небо' ('небо', 'небосвод');
kan-t-oks 'лисы-дерево' ('лисий капкан');
dub-d_āŋ 'крючка-веревка' ('леска', *dip* 'крючок') и т. д.

4. S_1 Gen. Pl. + S_2 — конструкция, в которой первое слово стоит в притяжательном падеже множественного числа [Gen. Pl. — притяжательный падеж множественного числа, флексия *n(ə)*]. Группа небольшая;

tägən-nə_tulit 'журавлей-ягода' ('голубика');
dumgəd-nə_tulyt 'птиц-ягода' ('Honigbeere', — Доннер, 1958).
 Ср. *dumnə-tulit* (КЭ 1962);

dumgəd-nə-bok 'птиц-огонь' (гнилушка, светящаяся в темноте);
sen-nə-saq 'олений-ремень' ('лассо');
sen-nə_qaj 'олений-стадо';
is-nə_ky't 'рыб-жир' ('рыбий жир');
ekkən-nə-bok 'громов-огонь' ('молния') и т. д.

Отнести существительное к группе 2 или 4 довольно сложно, поскольку у многих существительных Gen. Pl. совпадает с N. Pl.⁸

5. Прочие случаи.

⁷ Такой способ выражения рода отмечен уже М. А. Кастреном. См.: Кастрен, 1858, стр. 15.

⁸ См. об этом: Дульзон, 1962, стр. 66.

У К. Доннера встретилось несколько сложных слов, в которых первый компонент оканчивается на *-as* (орудийно-совместный падеж), *-ən* (каритив) и *-tu* (может быть, флексия прилагательного, образованного от существительного и означающего 'имеющий это', 'снабженный этим')⁹:

əmbələn-as so 'с морошкой-жир' (морошка, перемешанная с особым образом приготовленным рыбьим жиром);

ol-tu-k'in 'имеющий ящик-червяк' ('улитка');

ol-tu bunčol 'имеющие ящик-сани' ('походная кухня');

oləs-tu sel hangis 'имеющая олененка-олень-самка';

kim-tu-ket 'имеющий жену-человек' ('женатый');

kimm-ən ket 'без жены-человек' ('холостой[?]', — Доннер, 1955).

Кроме того есть ряд слов, в которых способ соединения фонетические изменения, новые форманты) остались неясными, например *deslül* 'слеза' (*d'es* 'глаз', *ul* 'вода', *l(?)*); в записях КЭ, 1962 это же слово встречается в форме *d'estul*, где ясно выделяется *-t* — формант Gen. Sing.), *həntin həp* 'невод' (*həp* 'сеть') и т. п.

Итак, двучленные сложные слова в кетском языке по формальному признаку делятся на четыре основные группы:

1) S_1 N. Sing. + S_2 ;

2) S_1 N. Pl. + S_2 ;

3) S_1 Gen. Sing. + S_2 ;

4) S_1 Gen. Pl. + S_2 .

Однако это всего лишь предварительные результаты, классификация, скорее, «для удобства», чем для разрешения проблемы, сформулированной в начале статьи: есть ли в кетском языке сложные слова *sensu stricto*, существует ли в нем способ образования новых понятий путем сочетания основ, более или менее свободного?

Уже сам подход к отбору материала, здесь примененный, предполагает обоснованные возражения: возможно ли выбирать в качестве критерия форму записи диалектного материала, к тому же записи весьма непоследовательной. Действительно данные К. Доннера разноречивы (тем более, что он, очевидно, не задавался вопросом существования в кетском языке сложных слов), в частности, слова, обозначающие понятия, логически тождественные, в одних случаях пишутся слитно, в других раздельно *diltid duodə* 'дно долбленки', но *aslən duodə* 'дно лодки'; *Isə-kudər* 'рыбья стая', *sennə-qaj* 'стадо оленей', но *tētən l'uody* 'стая диких гусей'; *təgol* 'кольцо', *dild ol* 'послед', но *bonđ ol* 'гроб', *holaq ol* 'ящик для пороха'; *Isnə-kyt* 'рыбий жир', но *bənnə ky't* 'утинный жир'; *tild ān* 'пуповина', но *sulən ān* 'кровеносный сосуд'; *həp tobəs* — женская фигура в шашках, но *ik tobəs* — мужская фигура в шашках и т. п.); знаком лиги (◌) соединяются

слова в целых фразах, что заставляет предполагать просто фонетическую передачу слитно произносимого текста (*ab op* 'мой отец'; *ubdaŋ dabax* 'я даю отцу'; *ük sel* 'два оленя'; *tud aks* 'что это такое'; *ad bogut usin* 'я иду спать'; *at qossadad ul* 'я беру воду'; *tib ōgət* 'собака идет' и т. п.). Правда с такой «механической» выборкой у нас сочеталась семантическая классификация: отбирались сложные слова, образующие новое понятие, отличающееся от значения составляющих. Однако и здесь найдутся возражения. Во многих случаях, например, *dogadə kot* 'дорога Доха' (Млечный путь), *band lutəs* 'земляной черт', *sest qop* 'верховые реки', *kuossej sjej* — «der Standort der Jurte wo die Zeltstangen noch stehen» — Доннер, 1955, *kogd-oks* 'палка, которой долбят прорубь', *hup-lem* 'шпангоут лодки', *has talpa* 'обод бубна', *bogdom pis* 'ружейный пыж', *bunčolən kot* 'санный путь' ('Winterweg' — Доннер, 1955) и т. п., затруднительно решить, являются в восприятии кета приведенные слова единичными понятиями или сочетаниями двух самостоятельных слов? При таком подходе можно сомневаться и в словах, записанных К. Доннером слитно.

Нам кажется тем не менее, что существуют и достаточно сильные доводы про, основанные на некоторых общих соображениях и подкрепленные кроме того данными истории языка.

Обратимся к лексике кетских наречий XVIII в.¹⁰ Здесь процент сложных слов достаточно велик; сложные слова характерны не только для сымского и имбацкого диалектов кетского языка: аналогичные образования засвидетельствованы в аринском, асанском, коттском, пумпокольском и др.

Приведем несколько примеров: «Бирюса» — кот. *hug-yl* ('широкая вода'); «борода» — имб. *кулгунг-хаде* ('хаде' — волосы); «бура» — имб. *кебей* ('большой ветер'); ар. *бырки-пай*, асс. *тай-бей*, ост. *тугул-бей*, пумп. *чибай*; «город» — асс. *пача тура* ('большие дома'); «Енисей» — асс. *пача-ул*, кот. *пача-ул* ('большая вода'), имб. *ха-сес* ('большая река'); «летучая мышь» — имб. *сак доос* ('летучая белка'), ар. *сайнич*, пумп. *даго-уте* ('уте' — 'мышь'); «кот» — имб. *ик кошка* ('мужик-кошка'); «курица» — имб. *ганко-куриц* ('самка-курица'); «птица» — кур. *кенгорок ассел* ('летучий зверь'); «сапоги» — имб. *сасинг те:с* ('обувь из камыса'); «шаманка» — имб. *ким-сененг* ('женщина-шаман'); «остяцкий язык» — пумп. *гебенг-ай* и др.

Эти примеры легко умножить. Не менее убедительны и данные топонимики¹¹. Так, громадное большинство названий рек — сложные слова, в которых вторым компонентом служит существительное «река» (имб. и сым. *сес*, кот. *шет*, ар. **сет*, пумп. **тет*, асс. *ил*), например: *Эссес* 'Божья река' ('Есь-река'), *Кассес* 'песчаная река', *Тангсес* 'каменная река', *Луньтес* 'хариусовая река',

⁹ См. Дульзон, 1964, стр. 90—91.

¹⁰ Дульзон, 1961.

¹¹ Дульзон, 1962а.

Хагденсес — 'пеляжья река', Ассес 'куропачья река', Сестэс 'лиственничная река' и др. (пумп. Айдат, Албадат, Алчедат, Бетат, Кайдат, Тебдет, Тютет, Чегодат, Шардат, Эдет и т. п.; ар. Алсет, Ингузет, Исеть, Маузет, Тамырсет и т. п.; кот. Акушет, Бакшет, Камышет, Пинчет, Танчет, Ужет, Фаначет, Черчет и т. п.; асс. Абагур, Барнаул, Ижуль, Мудур, Угул, Тонгул, Урсул, Чагур, Чичеул, Шушул и т. п.).

Сопшемся и на более общие основания. Естественно, что в кетском языке, как и в любом другом, должен существовать инвентарь для образования новых понятий или новых слов (здесь мы касаемся только существительных). Обычно в такой инвентарь входит определенный набор деривационных элементов (префиксы, аффиксы, инфиксы и т. п. — всё, чем в таком разнообразии обладает кетский глагол). С другой стороны, новые слова могут быть образованы и «корневым» способом, т. е. свободным сочетанием основ, без каких бы то ни было специальных формальных показателей. Для кетского существительного в общем не известны сколько-нибудь определенные словообразовательные элементы (мы не рассматриваем здесь способов выражения экспрессивности)¹². Пожалуй, единственно, что удалось обнаружить, — это ослабление собственного значения существительных, обозначающих пол (см. выше)¹³. Следовательно для того, чтобы выразить любое новое понятие, надо подбирать сочетание полнзначных

¹² Можно предположить, что своего рода словообразовательным элементом служит *-gət/yət* (существующее и как отдельное слово); он присоединяется только к одушевленным существительным в Sing. или в Pl., например: Sing. *lamygət* 'сорога', *kułgət* 'язь', *koŋgıt* 'жеребенок'; Pl. *byngıt* 'утята', *dungyt* 'птички', *bıstılgət* 'братиски', *dylgət* 'дети', *hydyłgət* 'парни', *qımdylgət* 'девки', *totalgət* 'сиги' (КЭ 1962); ср. у К. Доннера: *dılget* 'дети', *dumalget* — мужское имя. См. также по данным КЭ 1962 формант *dıŋ*: Sing. *tulıtdıŋ* 'ягода', Pl. *tulıt*; Sing. *ēldıŋ* 'брусника', Pl. *ēl*; Sing. *huşdıŋ* 'черника', Pl. *huş*; Sing. *ımdıŋ* 'орех', Pl. *ım*.

¹³ К этому можно, пожалуй, прибавить и универсальное употребление существительного *oks* 'дерево', входящего в состав многих сложных слов. Например: *lām-oks* 'монгольский', *oks kanč* 'деревянная трубка', *tjeŋ-oks* 'сидение в оленьих нартах', *tent-oks* 'палка, на которой подвешивают котелок', *tat-oks* 'сидение в лодке', *sol-oks* 'деревянный крючок, на котором подвешивают котелок', *sol-oks-bōm* — кличка старой оленихи ('крючок-старуха'), *suŋeŋ-oks* 'ольха, из коры которой делают краску', *sjedıj-oks* 'стойка для очага' ('*Čuwal Ofen*' — Доннер, 1955), *sedej-ak* 'жерди для чума', *narab-oks* 'хорей', *k'ige-oks* — деталь прялки, *hatal-oks* 'Kotholz', *hjen-oks* 'прожилка дерева', *daltad-oks* — приспособление для резки сушеной рыбы, *ak-kassats* 'маленькое насекомое', *dongal sol-oks* 'развилка стойки для сушки рыбы и сетей', *ādāl-oks* — «Baum, der gegen einen anderen gefallen ist und im Winde knarrt» (Доннер, 1955), *tan ak* 'лыжные палки', *oks togən* 'деревянный гребень', *matnad-oks* 'свая, на которой развешивают сети', *kogd-oks* 'палка, которой долбят прорубь', *kant-oks* 'лисий капкан', *dedeŋ-oks* 'капкан для горностаев', *dedeŋ-oksad-sagdol* 'деревянная рама в ловушке для горностаев', *dedeŋ-oksad-bolyt* 'деталь ловушки для горностаев', *duobd-oks* 'удилище', *bogd-oks* 'осина', *sideŋ-oks* 'палочка для очистки шкур' и др.

слов, т. е. находить описательное определение (вроде «дырки носа», «огня Еся», «ящичка ребенка» и т. п.).

Не отмечено и никаких специальных формантов для «склейки» стыка основ. Естественно предположить существование каких-то иных показателей или средств такой склейки. Этими средствами могут быть, например, порядок слов (первое слово всегда подчинено второму) и более или менее фиксированный набор падежных флексий, которые может принимать первый компонент сложного слова (N. Sing., N. Pl., Gen. Sing., Gen. Pl.).

С определенной степенью достоверности можно утверждать, что основным (если не единственным) способом образования новых существительных в кетском языке является сложение или соположение основ.

Далее встает все тот же вопрос: чем являются конструкции, образующие новые понятия: словами или словосочетаниями?

На основании некоторых данных можно предполагать, что исторически кетские существительные по преимуществу восходят к односложным (существующие сейчас двух- и трехсложные слова чаще всего заимствованы). Тогда вопрос делается еще более интересным: наблюдается ли (или наблюдалась ли в недавнем прошлом, учитывая теперешнее угасающее состояние языка) в кетском тенденция к «укрупнению» слов, к развитию многосложности, или в нем актуален корневой способ выражения новых понятий? При этом нас больше интересуют конструкции вида $S_1 N. + S_2$, чем $S_1 Gen. + S_2$. Вторые, в конце концов, можно классифицировать как атрибутивные синтагмы, типичные, например, для тюркских языков; в этих конструкциях грамматическое значение S_1 не меняется. Между тем основной (N.) падеж существительного в положении перед другим существительным приобретает новое грамматическое значение: он выражает притяжательность, т. е. выполняет функции Gen., например:

batat-kon 'лицо-рог' (передняя ветвь оленьих рогов);
karandaš his 'карандаш-конец' ('конец карандаша');
karandaš dalam 'карандаш-острие' ('острие карандаша');
ımdjeŋ ulčy 'карлики-земля' ('земля карликов');
bogdom kontij 'ружье-ствол' ('ружейный ствол');
qo dūl 'лук-побег' ('стрела зеленого лука');
at ku 'колчан-крышка' ('крышка колчана') и др.

А. П. Дульзон также выделяет два основных подтипа сложных слов: «... непосредственное слово (осново-)сложение и опосредствованное словосложение. При непосредственном словосложении соединяются в одно слово несколько слов в форме основы единственного или множественного числа...» (соответствует конструкции $S_1 N. + S_2$); «... при опосредствованном словосложении подчиненное существительное выступает в форме родительного падежа единственного или множественного числа...» (соответствует конструкции $S_1 Gen. + S_2$); «... от лексических сочетаний

подобные образования формально можно отличить только по отсутствию паузы между составными частями и наличию объединяющего ударения»¹⁴.

Можно предположить, что расширенное употребление основного падежа (в значении родительного и некоторых других) вообще характерно для кетского языка. Обратимся к загадкам, опубликованным К. Доннером¹⁵:

*kil issaŋo did*ōq* 'ворона летит с рыбой во рту' (клещи); букв. 'ворона рыба-рот летит' ('Rabe Fisch-Mund fliegt');

bandepnə qä altšik ket 'здесь (земной) человек в больших штанах' (надувной мех); букв. 'земной большие штаны человек';

bandepnə bid battat ket 'здесь (земной) человек с сильным лицом' (молоток); букв. 'земной сильное лицо человек';

hisigə duokken suoləm qotlin d'ien 'в лесу стоят люди в красных платках' (березы с ободранной корой); букв. 'красные платки люди';

bandepnə in itən ket 'здесь (земной) человек с двумя зубами' (вилы); букв. 'земной два зуба человек';

hup baq qus oŋsij 'девушка, покрытая жердями чума' (чум); букв. 'девушка жерди-чум покрытая';

bandepnə euundə ket 'здесь (земной) вшивый человек' (дверь чума); букв. 'земной вшей-человек';

Ср. у А. П. Дульзона:

s'est kon kайгус 'Кайгусь верховья реки'; букв. 'реки верховья Кайгусь';

s'enŋt inŋol'te ku:nə 'чумы из оленьей шкуры', букв. 'оленьей шкура чумы';

ka:l as'ket 'военная сказка'; букв. 'война сказка'.

sa:n am 'беличья мать'; букв. 'белки (Pl.) мать' и др.¹⁶.

Из-за недостатка материала, имеющегося в нашем распоряжении, мы не решаемся делать сколько-нибудь категорические выводы, выскажем только свое мнение. Оно вкратце сводится к следующему: атрибутивность и ряд других значений могут в кетском языке выражаться основным падежом, который в таком случае дублирует существующие падежные конструкции. Этот способ достаточно распространен и, очевидно, продуктивен. С его помощью образуются словосочетания разного рода или, если можно так выразиться, «разной степени слияния»: одни слились настолько, что их можно считать сложными словами (например: *akkot* 'радуга', *bogdom* 'ружье', *qibboat* 'медведь', *ulyš* 'дождь', *kipətoŋoj* 'пчела', *olən quk* — 'ноздря' и др.); другие находятся как бы в промежуточной стадии между сложными словами и словосочетаниями (например: *ik kon* 'жеребец', *bogd-*

oks 'осина', *bed d'es* 'снежинка', *es qaj* 'туча', *sennə-saŋ* 'лассо', *uldi lutəs* 'водяной' и др.); наконец, третьи представляют собой просто атрибутивные синтагмы (например: *ejdysəŋ aj* 'мешочек для пуль', *oks kanč* 'деревянная трубка', *bogdom hyj* 'внутренность ружья' и др.).

В письменном тексте эту классификацию можно пока производить только по семантическим, т. е. достаточно субъективным, основаниям. Возможность построения конструкций такого рода (аппозиция) — единственные словообразовательные ресурсы кетского языка, которые удалось обнаружить. Эти конструкции, как уже было сказано, применяются широко и обслуживают не только словообразовательную, но и синтаксическую сферу. Отмеченное явление можно интерпретировать и по-другому: кетский язык (подчеркиваем, что в данном случае речь идет только о существительных) по типу словообразования приближается к корневому, новые слова на основании существующего лексического материала в нем не образуются, все новые понятия суть достаточно свободные синтаксические конструкции. (Мы считаем более соответствующим действительности первый вариант объяснения этого явления.) Наконец возможно, что в кетском языке сосуществуют два синонимичных способа образования новых понятий (слов) или построения синтагм: «корневой», очевидно восходящий к древнейшему состоянию языка, и флективный, появившийся вместе с образованием склонения. В каких случаях и почему отдается предпочтение тому или другому способу, пока решить трудно.

В ходе дальнейших исследований, охватывающих более широкий материал (к сожалению, громадный кетский словарь, составленный А. П. Дульзоном, существует только в рукописи), высказанные здесь догадки могут быть подтверждены или опровергнуты более убедительными соображениями. Как бы то ни было, ясно одно: в кетском языке есть весьма интересное явление, которое до сих пор специально не изучалось и не описывалось. Оно весьма существенно для выяснения структуры кетского языка, его типологических, а затем, может быть, и генетических особенностей. Известно, какую важную роль в типологической классификации языков играет способ именного словообразования. Здесь же это особенно важно, потому что определение типологической структуры кетского языка есть шаг к раскрытию его происхождения.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Доннер, 1933 — К. Donner, *Ethnological Notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk Region)*, — MSFOu, vol. 66, 1933.

Доннер, 1955 — К. Donner, *Ketika. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen*. Hrsg. von A. J. Joki, — MSFOu, vol. 108, 1955.

Доннер, 1958 — К. Donner, *Ketika II. Supplement*. Hrsg. von A. J. Joki, — MSFOu, vol. 108/2, 1958.

¹⁴ Дульзон, 1962а, стр. 66.

¹⁵ Доннер, 1958, стр. 27 и сл.

¹⁶ Дульзон, 1964; Дульзон, 1962б.

Дульзон, 1961 — А. П. Дульзон, *Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям*, — Уч. Зап. ТПИ, т. 19, вып. II, 1961.

Дульзон, 1962а — А. П. Дульзон, *Былое расселение кетов, по данным топонимики*, — «Географические названия. Вопросы географии», М., 1962.

Дульзон, 1962б — А. П. Дульзон, *Кетские сказки и другие тексты*, — Уч. Зап. ТПИ, т. 20, вып. II, 1962.

Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, ч. I, Томск, 1964.

Кастрен, 1858 — M. A. Castrén, *Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, SPb., 1858.

Корректурное примечание. Важные сведения о структуре сложных слов содержатся в работе: Т. И. Поротова, *Образование и употребление форм числа существительных кетского языка*, Томск, 1968 (автореф. канд. дисс.). К сожалению, эта работа не могла быть учтена нами.

В. Н. ТОПОРОВ

МАТЕРИАЛЫ К СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ.

1. АРИНСКО-ЕНИСЕЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Благодаря ценной публикации данных XVIII в. по словарю енисейских наречий¹ возникла возможность с достаточной широтой и последовательностью начать сравнительно-историческое изучение енисейской группы языков (прежде всего в области фонетики). Само понятие «енисейская» (менее удачно «кетская») группа языков, пожалуй, впервые получило надежные лингвистические основания именно с публикацией словарных материалов по енисейским языкам. Имевшиеся ранее кетские и коттские факты, за редкими исключениями, к сожалению, не стали предметом сравнительного анализа, в частности этимологического. Без надежного запаса этимологических сопоставлений, естественно, не могло быть и речи о создании сравнительно-исторической фонетики енисейских языков, хотя бы в отдельных ее частях.

В настоящее время возможность начать сравнительно-исторические исследования в области енисейских языков, несмотря на небольшое количество материала, вполне реальна, поскольку слова, записанные исследователями XVIII в. среди енисейцев, входят в состав немецко-енисейских или латинско-енисейских словариков, первая часть которых в принципе более или менее одинакова. Поэтому сейчас в распоряжении исследователей существует материал в виде более чем 400 семантических единиц (по материалам XVIII в.), переданных на аринском, ассанском, коттском, пумпокольском, сымском, кетском и некоторых других енисейских языках и наречиях. Естественно, что весьма часто внутри каждой из этих семантических единиц группируются генетически связанные слова, которые и составляют основу для сравнительно-исторического исследования енисейских языков. Словарные материалы XIX—XX вв., относящиеся к коттскому, сымскому и целому ряду собственно кетских говоров, позволяют существенно расширить исходный круг сопоставимых друг с другом енисейских фактов.

Первые опыты в области сравнительно-исторического исследования енисейских языков, если не считать некоторых соображе-

¹ См. Дульзон, 1961, стр. 152—189.

ний, содержащихся в работах К. Боуда² и имеющих скорее сопоставительный характер, нежели сравнительно-исторический, принадлежат А. П. Дульзону³ и О. Тайёру⁴, но они носят по необходимости предварительный характер, и результаты, излагаемые в этих работах, даны в суммарной форме. В упомянутой статье А. П. Дульзона⁵ содержится перечень основных звуковых соответствий между енисейскими наречиями XVIII в., исходящих прежде всего из данных имбацкого наречия. Эти соответствия касаются как гласных звуков, так и согласных; в заключение приводятся некоторые наблюдения, относящиеся к сравнению отдельных фактов морфологии енисейских языков. В своей книге А. П. Дульзон приводит сведения, относящиеся к сравнению ряда фонетических, морфологических и лексических единиц на материале современных диалектов — имбацкого и сымского. О. Тайёр поставил перед собой более специализированную задачу — описание фонетических соответствий между диалектом «денка»⁶ и имбацким диалектом, анализ структуры числительных, некоторые наблюдения в той же области над пумпокольским языком⁷ и, наконец, исправление ряда ошибок у Клапрота в «Asia polyglotta».

Необходимость дальнейшего и более обстоятельного изучения енисейских языков диктуется как внутренними задачами реконструкции сравнительно-исторической фонетики и (гораздо в меньшей степени) грамматики енисейских языков и их истории, так и соображениями, относящимися к происхождению и древнейшим историческим связям енисейских языков с языками разных генетических групп Юго-Восточной и Центральной Азии, Восточного Казахстана, Алтая и Саян, а также более северных частей Сибири. Следует подчеркнуть, что до сих пор все подобные исследования обычно исходили из непосредственного сравнения кетского (реже коттского) с данными других языков, часто разделенных не только в пространстве, но и во времени (причем в ряде сопоставлений разница между фиксацией сравниваемых фактов достигала тысячи или даже полутора тысяч лет). Поэтому большая часть таких сравнений и построенных на их основании этимологических объяснений при всей привлекательности, а иногда и правдоподобности остается не вполне убедительной и, главное, доказательной, поскольку пропускается общенисейский этап сравнения. В настоящее время благодаря вновь открытым и опубликованным старым материалам XVIII в., собранным великими

тружениками, немецкими учеными, работавшими в России, можно утверждать, что сравнительно-историческое изучение енисейских языков откроет новый этап в истории этой группы языков, о которой в целом до сих пор практически не было конкретных лингвистических сведений (исключая кетские и, в меньшей степени, коттские).

Публикуемая здесь работа представляет собой начало целой серии статей. Цель ее — собрание, первоначальная обработка и сравнительно-историческая классификация материалов по фонетике аринского языка. В первой части приводятся материалы, относящиеся к выявлению енисейских соответствий смычным согласным аринского языка; выбор именно этого фрагмента аринской фонетики объясняется как соображениями внешнего характера (ограниченный объем статьи), так и внутренней ценностью именно этой группы аринских звуков с точки зрения общей картины сравнительно-исторической фонетики енисейских языков — как раз в этой части результаты сравнения оказываются наименее тривиальными и наиболее поучительными.

Топонимические и антропонимические данные об аринском языке очень невелики. Они практически или повторяют уже имеющиеся данные, или (как в случае собственных личных имен), строго говоря, не принадлежат аринскому языку. Поэтому основными и вместе с тем единственными источниками наших сведений являются следующие:

1. Словарные материалы по языку красноярских аринцев, собранные и опубликованные П. И. Страленбергом, см.: P. J. Strahlenberg, *Das nord- und östliche Teil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730;

2. Около трехсот латинских слов, переведенных на разные енисейские языки (в том числе — на аринский) и записанных Г. Ф. Миллером в 1731 г. (аринские слова включены в латинско-татарский словарь); рукопись — в ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера 529, ч. II;

3. Словарь пяти аринских наречий на латинском языке; рукопись — в ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера 513, № 12;

4. Словарь пяти аринских наречий на латинском языке, являющийся копией предыдущего словаря; рукопись — в Архиве Академии наук (Ленинград), ф. 94, оп. 2, № 7;

5. Две таблицы из двадцати четырех слов на разных енисейских языках, в том числе — на аринском; опубликованы в 1768 и 1774 гг. И. Е. Фишером; см.: J. E. Fischer, *Sibirische Geschichte*, SPb., 1768, Bd 1, S. 139, 170; И. Е. Фишер, *Сибирская история*, СПб., 1774, стр. 85, 103;

6. Сравнительные словари П. С. Палласа, в которых почти полностью приводится упоминавшийся выше словарь пяти аринских наречий; см. П. С. Паллас, *Сравнительные словари всех языков и наречий*, СПб., 1787, ч. 1; 1789, ч. 2; ср. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa*, SPb., 1786, 1789;

² Итоги исследований на этом этапе можно найти в работе: Боуда, 1957, стр. 65—134.

³ См. Дульзон, 1963, стр. 38—44; Дульзон, 1964, стр. 56—61.

⁴ См. Тайёр, 1964, стр. 218—232.

⁵ Дульзон, 1963.

⁶ Речь идет о так называемом эд-диалекте — диалекте «соболиных» остьков, обитавших в начале XVIII в. на Подкаменной Тунгуске и обследованных Д. Мессершмидтом. Немецкая рукопись Д. Мессершмидта была опубликована И. Клапротом в 1823 г.

⁷ В связи с этим языком ср. также: Топоров, 1967.

7. Материалы по аринскому языку, заимствованные из словаря пяти аринских наречий и у Миллера, в книге И. Клапрота; см.: J. Klapproth, *Asia polyglotta*, Paris, 1823.

Как видно, одни источники являются вторичными и зависимыми, что определяет их меньшую ценность по сравнению с другими — независимыми (ср. 1, 2, 3, 5). Характеристика особенностей транскрипции и транслитерации, используемой в этих источниках, как и некоторые данные относительно фонетической основы тех или иных графем, содержится в названной статье А. П. Дульзона о словарных материалах XVIII в.

Аринские слова, извлеченные А. П. Дульзоном из перечисленных источников XVIII в., собраны для наглядности и удобства читателя в прилагаемом аринском словарики. В нем слова даны в латинской транслитерации (иногда, впрочем, видимо, совпадающей с транскрипцией); возможные попытки восстановления фонетической формы аринских слов пока не предпринимались, во-первых, из соображений осторожности и, во-вторых, поскольку преследовались в основном источниковедческие задачи. То же относится к источникам XVIII в. по другим енисейским наречиям⁸.

При сопоставлении аринских данных с фактами других енисейских языков не ставилась специальная задача этимологического объяснения сопоставляемых слов, поскольку этому будет посвящена особая работа. Однако этимологические моменты явно или тайно присутствуют во многих приводимых примерах; без указаний такого рода сами сопоставления оказались бы весьма гадательными. Учитывая предварительный характер работы, не делалась также попытка отделить заимствованные слова в аринском от исконно енисейской лексики. Между прочим, отказ от решения этой задачи объясняется и другими соображениями: во-первых, легкостью выделения подавляющего большинства заимствований (как правило, из тюркских наречий Южной Сибири), а во-вторых, трудностью хронологической стратификации древнейшего слоя заимствований в аринском, как и в других енисейских языках — вплоть до того, что в ряде случаев нет никакой уверенности в том, что слова, обычно интерпретируемые как заимствования, действительно являются таковыми (ср. слово, обозначающее «камень»).

Далее используются следующие сокращения (помимо принятых во всем сборнике)⁹:

Стр. — см. источники, 1.
М. — см. источники, 2.
Сл. — см. источники, 3, 4.
Ф. — см. источники, 5.
Срсл. — см. источники, 6.
Кл. — см. источники, 7.

П. — Паллас.
Ад. — рукописи Аделунга.
Мес. — рукопись Мессершмидта.
Мидд. — A. Th. Middendorff, *Reise in den äusseren Norden und Osten Sibiriens während der Jahre*

1843 und 1844, Bd 1—4, SPb., 1847—1875. (ср. *Путешествие на север и восток Сибири*, т. 1—2, СПб., 1860—1878).
Castr. — M. A. Castrén, *Versuch einer jensei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre*, SPb., 1858.

Donn. — K. Donner, *Ketische Materialien aus dem Ketischen oder Jensei-Ostjakischen*, I—II, 1955—1958, Helsinki.

Д. — примеры из современных кетских говоров, приводимые в работах А. П. Дульзона¹⁰.

* * *

Прежде чем перейти к непосредственному изложению материалов, следует сказать несколько слов об аринцах и их языке — главным образом о фонетике.

Исторические сведения об аринцах немногочисленны и не всегда надежны, поскольку в ряде случаев не вполне ясно, идет ли в источниках XVIII в. речь об аринцах-енисейцах или об аринских татарах; к тому же есть основания полагать, что имеющиеся в исторических источниках сведения касаются лишь части аринцев. Наконец, не ясна языковая принадлежность енисейскоязычных ястынцев, яринцев, бохтинцев и населения верховьев Кети, если говорить о тех группах енисейцев, которые жили в более или менее тесном соседстве с безусловными аринцами. В результате анализа фактов, сообщаемых Г. Ф. Миллером в его «Истории Сибири»¹¹, и целого ряда деловых документов XVIII в. (грамоты, челобитные, отписки, «сказки» и т. д.)¹² стало возможным более или менее детальное определение территории расселения аринцев к началу XVIII в., когда с ними столкнулись передовые волны русского колониального потока.

Эта территория простиралась по обоим берегам Енисея от устья Качи на юге до устья Сплошной (примерно на границе бывшего Енисейского уезда); в нее входили бассейны Бузима и Подъемной и, вероятно, верховья Кеми, Кети и Малого Кемчуга¹³. Особенно следует отметить, что следы пребывания аринцев в верховьях Кети и вообще в Обско-Енисейском междуречье подтверждаются и анализом гидронимов¹⁴. Если речные названия на *-set*, *-sat* были исключительной принадлежностью аринцев, то нужно напомнить, что ареал этих названий, помимо территории по Енисею в районе Красноярска, охватывает также низовья Кети и Чулыма и переходит на левобережье Оби, немного не доходя низовьев Васюгана. При предположении, что этот ареал был этнически аринским (хотя бы отчасти), окажется, что «западных» аринцев от «восточных» по крайней мере в какой-то период отделяли пумпокольцы

¹⁰ О характеристике ряда из этих источников см.: Дульзон, 1961, стр. 152—157.

¹¹ См.: Миллер, 1937; Миллер, 1941.

¹² Они собраны, в частности, в этой же книге Г. Ф. Миллера.

¹³ Ср.: Бахрушин, 1941, стр. 563; Долгих, 1960, стр. 229.

¹⁴ См. Дульзон, 1962.

⁸ Об этих источниках см.: Дульзон, 1961, стр. 152—157.
⁹ Подробнее о том, что имеется в виду под этими названиями, см. в работах А. П. Дульзона.

(гидронимический ареал *-tet*), сидевшие по верховьям Кети и Чулыма. Некоторая регулярность аринско-пумпокольских соответствий (о ней можно судить по приведенным ниже примерам, истолкование которых будет дано в продолжении этой работы) могла бы подкрепить напрашивающуюся мысль о возможности более или менее регулярных контактов этих двух языков.

К востоку от Енисея соседями аринцев были котты и ассаны, языковые характеристики которых во многом совпадали (даже исключая случаи, когда источники XVIII в. смешивали слова этих языков). Соседями аринцев с севера были северноенисейские (в лингвистическом смысле) племена, очевидно, близкие кетам. О западных соседях отчасти уже говорилось; остается лишь добавить, что наиболее грозными из них были енисейские кыргызы (и, возможно, чулымские татары). На юге самодоязычные камасинцы и кашинцы отделяли аринцев от родственных им енисейских племен¹⁵. Это промежуточное положение аринцев, в частности, между северноенисейскими народами и остальными южноенисейцами, жившими существенно восточнее или южнее, чем аринцы, определило первую тему из серии сравнительно-исторических очерков по енисейским языкам — аринский язык. В XVII в. аринская земля делилась на пять улусов — Татушев, Абытаев, Канбирев, Тетюгин и Шербаков. Занятия аринцев едва ли отличались от занятий, характерных для народов лесостепи¹⁶. Самоназвание аринцев было, видимо, *ар* или *ара*; о значении и лингвистической принадлежности этого слова уже Миллер спорил со Страленбергом¹⁷. Оба эти вопроса едва ли могут быть надежно решены и сейчас.

Русские узнали об аринцах, по-видимому, от кетских остяков, которые могли быть их проводниками на пути с Оби по Кети на Енисей. К этому времени аринцы как самостоятельный народ с особым языком вступили в последнее столетие своего существования. Миллер застал не более десятка аринских семей, уже говоривших по-татарски, исключая одного старика, помнившего еще аринский язык и рассказавшего трагическое предание о гибели аринцев от змей. История аринцев в XVII в. напоминала агонию. В 1608 г. Владимир Молчанов из Кетского острога послал служилых людей к аринцам в Тюлькину землицу с целью их объясачения, и уже в следующем году был уплачен первый ясак аринцев русским. Деловые документы и далее продолжают со-

¹⁵ См. Бахрушин, 1959, стр. 36—37, где говорится о следах монгольской грамотности на берегах Качи у качинских и аринских татар. Не исключено, что то же самое в известной степени могло относиться и к аринцам.

¹⁶ См.: С. В. Бахрушин, 1959, стр. 32 и сл.; Долгих, 1960, стр. 229.

¹⁷ См. Миллер, 1937, стр. 186. Ср. также «Отписку енисейского приказного человека Матвея Трубочанинова томскому воеводе Федору Воборыкину о Киргизском волоке от 1620 г.»: ... а к ним прилегли землицы, качи, милиси, ары, браты, маты. ... (Миллер, 1941, стр. 251).

общать о ясаке¹⁸, его характере, численности плательщиков ясака Аринской землицы и т. д.¹⁹ В то же время постоянные нападения со стороны енисейских кыргызов, кызыльских татар с угоном людей и скота, а иногда и с убийствами, приближали конец аринской самостоятельности²⁰. Доведенные до крайности аринцы не раз поднимались и вместе с качинцами и аринскими татарами приходили к Красноярскому острогу, построенному в 1628 г., а потом вынуждены были «покрывать вину» перед подданными государя²¹. После набега кыргызов в сентябре 1678 г. положение аринцев стало безнадежным, о чем, между прочим, можно судить по неуклонному сокращению числа ясачных аринцев (1679 г. — 95, 1689 г. — 70, 1712 г. — 48, 1735 г. — 44)²². Вскоре упоминания об аринцах исчезают вообще; их следы сохраняются в топонимике и этнонимике (ср. «кости» *Ара* у теперешних хакасов, в которых видят потомков аринцев)²³.

В заключение вводной части — несколько замечаний о звуковом составе согласных аринского языка. Скучность, а иногда и просто недостаточность данных не позволяют настаивать на том, что предлагаемая ниже сугубо предварительная попытка составления инвентаря аринских согласных учитывает весь состав аринских согласных звуков, что все графемы правильно интерпретированы в звуковом отношении; тем более, пока не может быть и речи о реконструкции фонологической системы согласных. И тем не менее данная ниже пробная классификация согласных,

¹⁸ В документах постоянно встречаются сообщения такого характера, как: ... прислал из Енисейского острогу Василий Аргамаков толмача Богданку Туметкова к аринским мужикам, а велел с аринских людей ясак брать сверх нашего ясаку (из «Отписки Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому о вторичном сборе ясака с аринцев» — см. Миллер, 1937, стр. 356).

¹⁹ Ср. интересные данные демографического характера об аринцах в указанном исследовании Б. О. Долгих (Долгих, 1960, стр. 226—227), из которых следует, что количество ясачных аринцев никогда в течение XVII в. не превышало 120—130 человек; Б. О. Долгих указывает, что ко времени основания Красноярска число аринских мужчин составляло 159, что соответствует примерно 640 человекам всего аринского населения.

²⁰ Ср.: «... приходили изгоном те ж государевы изменники кызыльские мужики вниз по Енисею реке, и у государевых ясачных аринских людей стада конские отогнали и ясачных людей побили, а иных поимали живых с женами и с детьми» (из «Отписки Красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкасскому» — см. Миллер, 1941, стр. 414 и др.). В ряде случаев аринцы сами уходили к кыргызам и татарам.

²¹ Ср.: «... Татуш (речь идет об аринском князе. — В. Т.) вину свою покрыв и в оманаты сына своего дал и лутчева мужика Кубеянова сына же своего в оманаты дал. ... И впредь качинские и аринские люди ходят государю ясак давать по вся годы полна и без недобору. ...» (из «Отписки Андрея Дубенского тобольским воеводам от 1628—1629 гг.» — см. Миллер, 1937, стр. 342).

²² См. Долгих, 1960, стр. 226. При этом следует помнить, что ясачные аринцы начала XVIII в. говорили уже на татарском языке.

²³ К этимологии названия хакасов, связывающей их в прошлом с енисейцами, ср. идею М. Рясанена, см. Йоки, 1952, стр. 34—35 (ср. кот. *рѣк* 'кыргызы' > **rak* > *hak*, ср. старо-кит. *b'ak* из архаичного китайского **b'ak* 'белый', а также кет. *boat*, *bayat* 'старик' и т. п.).

Таблица согласных звуков аринского языка

		Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные		Увулярные		Фарингальные
		твердые	мягкие	твердые	мягкие		твердые	мягкие	твердые	мягкие	
Глухие	Смычные	<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>t</i>	<i>t'</i>		<i>k</i>	<i>k'</i>	<i>q</i>	<i>q'</i>	
	Щелевые	(<i>f</i>)		<i>s</i>	<i>š</i>				(<i>x</i>)		(<i>x</i>)
	Аффрикаты					(<i>c</i>) <i>č</i>					
Звонкие	Смычные	<i>b</i>	<i>b'</i>	<i>d</i>	(<i>d'</i>)		<i>g</i>				
	Щелевые	(<i>v</i>)		(<i>z</i>)	(<i>ž</i>)				(<i>h</i>)		(<i>h</i>)
	Аффрикаты					(<i>dž</i>)					
Сонорные	Носовые	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>n</i>	<i>n'</i>		<i>ŋ</i>				
	Узкощелевые					<i>j</i>					
	Боковые			<i>l</i>	<i>l'</i>						
	Дрожащие			<i>r</i>	<i>r'</i>						

вероятно, бесполезна, во-первых, для ориентации в сопоставлениях, приводимых далее, и, во-вторых, для будущей реконструкции фонологической системы аринского и других енисейских языков.

Приведенная выше таблица согласных звуков аринского языка требует ряда пояснений. Прежде всего сами наименования граф в их совокупности могут рассматриваться лишь как приблизительная сетка, позволяющая предварительно, с известной вероятностью, расклассифицировать согласные звуки аринского языка. Однако высокие качества записей немецких исследователей XVIII в., как и анализ ряда фонетических соответствий аринским согласным в других енисейских языках, прежде всего — в современных кетских и симских говорах, позволяют утверждать, что в большей части звеньев названия граф (характеристики по месту и способу образования) соответствуют буквенным символам аринских согласных звуков. Неясности относятся к звукам, отсутствующим в родном языке тех, кто производил записи. Так, можно сомневаться, являются *x* и *h* увулярными или фарингальными, либо существовали как увулярные, так и фарингальные *x* и *h*.

Большинство символов, взятых в скобки, обозначает согласные звуки, встречающиеся или очень редко, или только в заимствованных словах (что фактически совпадает с редкой встречаемостью). Так *f* может быть проиллюстрировано лишь одним словом — *finn'an*; *v* — двумя словами — *kuvul* и *sava* (кстати, чередование в *sava* — **šoqa* показатель для звуковой характеристики *v*); *d'* — одним словом — *p'hajd'a*; *ž* — одним словом (впрочем, далеко от надежности) — *žoua*; *c* — тоже одним словом и тоже мало достоверным — *ыuc*; *r'* — одним словом — *t'embir'an*; *h* — *hioga*, *hu*; *z* — *khuzej*, *kazak*, *kazan*; *dž* — *korgoldžin*, *pindžal*, *džipka*; *x* — *xan*, *xatu*, *xala*, *xaspa*, *xinan* и т. д. Особый случай, может быть, представляет *p'*, в котором следует, возможно, различать собственно *p'* — мягкий губной смычный, подтверждаемый двумя словами — *šulp'a* и *itp'ak*, и *p'h*, допускающий интерпретацию его как спирантизованного звука (или даже как сильного глухого с придыханием, если предположить более древнюю картину с заменой противопоставления глухой — звонкий противопоставлением сильный — слабый, или напряженный — ненапряженный, которое можно реконструировать для древнеенисейского периода на основании ряда соображений). Похоже, что противопоставление по твердости — мягкости не было существенным для аринского языка на фонологическом уровне; впрочем, неустойчивость в трактовке многих согласных — то как твердых, то как мягких в одних и тех же словах сама по себе характерна (ср. появление фонологической оппозиции твердость — мягкость в североенисейских говорах, более втянутых в евразийскую фонологическую зону с наличием этого противопоставления). Обращает внимание наличие звуков более заднего образования, чем заднеязычные; поэтому заднеязычные могли противопоставляться увулярным (и фарингальным) как непериферийные периферийным.

С типологической точки зрения напрашивается сравнение аринских согласных звуков и предположительно реконструируемой на их основе фонологической системы согласных с консонантизмом, восстанавливаемым для восточнотуркестанских тюркских текстов X—XIII вв.²⁴ Внутренняя реконструкция применительно к языку этих текстов, с одной стороны, и к аринскому и прочим енисейским языкам, с другой, приводит к не менее сходному состоянию систем согласных в этих двух языках. Из современных языков, распространенных в относительной близости к аринской территории, много общего с аринским консонантизмом в языке тувинцев, тофаларов и некоторых других тюркских народностей этого района²⁵. Едва ли приходится удивляться этой близости, учитывая вхождение всех этих языков в один более или менее однородный ареал.

²⁴ См. Щербак, 1961, стр. 51.

²⁵ См. Исхаков, 1957; Исхаков и Пальмбах, 1961; Дыренкова, 1963, стр. 8—10 и др.

Что касается дистрибуции звуков в известных нам аринских словах, то пока достаточно ограничиться следующими предварительными выводами (помня при этом, что часть их относится и к словам, являющимся заимствованными) ²⁶:

1. Слово может начинаться с любого гласного звука и с одного согласного (практически, видимо, любого, так как отсутствие, например, слов, начинающихся с *g*, едва ли доказательно; единственное значимое исключение — запрет на *r* в начале слова); графемы *ḏḏ-*, *kh-*, *l'h-*, *l'hj-*, *l'g-*, *p'h-*, *ph-*, *ph'j-*, *sh-*, *shj-*, *sh'j-*, *t'g-*, *t's-* должны интерпретироваться однофонебно.

2. Слова в аринском оканчиваются на любой гласный звук, а из согласных на: *-j*, *-g*, *-k*, *-l*, *-n*, *-ṇ*, *-p*, *-r*, *-s*, *-t*, *-č*, *-c*; как интерпретировать единственное сочетание двух согласных в конце слова *-nk*, не вполне ясно.

3. Лишь в середине слова есть надежные примеры сочетания согласных (причем только двух и не более; случаи типа *mpt* и некоторые другие ненадежны и могут быть оспорены; примеры сочетаний согласных на стыке слов, даже в пределах сложного слова, здесь не рассматриваются, как не учитываются далее и геминаты, являющиеся средством обозначения краткости предшествующего гласного). Наиболее характерны сочетания типа: *-jn-*, *-jp-*, *-jt-*, *-jṇ-*, *-jn-*, *-jś-*; *-nt-*, *-nd-*, *-nk-*, *-nč-*, *-ndḏ-*, *-nś-*; *-mb-*, *-mś-*, *-mk-*, *-mr-*, *-mp-*; *-lt-*, *-lp-*, *-lk-*, *-lg-*, *-lč-*, *-lb-*; *-rq-*, *-rk-*, *-rb-*, *-rg-*, *-rs-*, *-rt-*; *-pk-*, *-pt-*; *-sp-*, *-sb-*, *-sk-*, *-st-*; *-tp-*; *-gb-*, *-gt-* и подобные им; при этом значительная часть этих сочетаний относится исключительно к заимствованным словам.

АРИНСКИЙ СЛОВАРЬ

А

aiṇ (М., Сл., Кл.) 'мы'; *aiṇ æt'antay* (М., Сл.)
aj (М., Сл., Кл.) 'я', см. *æ*; *aj æt'ay* 'я стою' (М., Сл.)
aja (М., Сл., Кл.) 'сосна'; ср., возможно, название реки Ай-Юл (см. Дульзон, 1962а, стр. 72)
ajna (М., Кл.) 'дьявол'
āqodon (М., Сл., Кл.) 'сплю', см. *kus*
āl'ar (М., Сл., Кл., Срсл.) 'язык'
alpolāt (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дитя', см. *ol-polat*
ālte (М., см. *biqamal*, *biqamālte*, *biqam ālte*)
altyn (М., Сл., Кл., Срсл.) 'золото'
amagel (Стр.) 'брат', см. *bamagāl*
amæ (Стр.) 'мать', см. *b'am'a*
ay (М., Сл., Кл.) 'яйцо'

ay (М., Сл., Кл.) 'вы', *ay azoren-t'ay* 'вы стоите' (М., Сл.)
ayaije (М., Сл., Кл.) 'полдень'
ar (М.) 'арины', см. *ara*; ср., может быть, хант. *ār-яx* 'народ ар' (см. Дульзон, 1962а, стр. 72)
ara (М., Мес.) 'арины'
aragā (М., Сл., Кл., Срсл.) 'вино'
arbā (М., Сл., Кл.) 'ячмень'
arguj (М., Сл., Кл., Срсл.) 'нос'
askyr (М., Сл., Кл.) 'жеребец'
assan (М., Кл.) 'котты'
atie (М., Сл.) 'живой', см. *atje*, *ætje*
atje (Срсл.) 'жизнь', см. *atie*, *ætje*
atékul (М., Сл., Кл.) 'источник', см. *kul*, *kūl*
at'ay (Кл.) 'стою', см. *æt'ay*
au (М., Кл.) 'козуля' (Reh), 'самец'

au (М., Сл.) 'он', см. *xatu*; *au āxunku* 'он стоит'
au (М., Сл.) 'ты', *au āxunku* 'ты стоишь'
axorent'ay (М., Сл.) 'стоите', *ay axorent'ay* 'вы стоите'
āxunku (М., Сл.) 'стоишь', 'стоит', *au āxunku* 'ты стоишь, он стоит'

Æ

æ (Кл.) 'я', см. *aj*
æšin'ay (М., Сл., Кл.) 'плачу'
ætje (Кл.) 'живой', см. *atie*, *atje*
æt'ay (М., Сл.) 'стою', *aj æt'ay* 'я стою', см. *at'ay*
æt'antay (М., Сл.) 'стоим', 'стоят', *aiṇ (itay) æt'antay* 'мы (они) стоим (стоят)'

В

bagur (Кл.) 'медь', см. *bagūr*
bagūr (М., Сл.) 'медь', см. *bagur*, а также *tām-bagūr*
balāta (М., Сл., Кл.) 'мукá'
balto (М., Сл., Кл., Срсл.) 'топор'
bamagāl (М., Сл., Кл., Срсл.) 'брат', см. *amagel*, а также *bamagal'a*, *bamagel*; *b* — показ. притяж. местоим. 1-го лица
bamagal'a (М., Сл., Кл., Срсл.) 'сестра', см. *bamagel*, а также *amagel*, *bamagāl*; *b* — показ. притяж. местоим. 1-го лица
bamagel (Стр.) 'сестра', см. *bamagal'a*, а также *amagel*, *bamagāl*
biqamal (Срсл.) 'жена', см. *biqamālte*, *biqam ālte*, *ālte*
biqamālte (Сл.) 'жена', см. *biqamal*, *biqam ālte*, *ālte*
bikhej (М., Сл., Кл.) 'господин', см. *birkej*
bik'al (М., Сл., Кл., Срсл.) 'мальчик', см. *bik'āl*, а также *bik'al'a*
bik'āl (М., Сл., Кл., Срсл.) 'сын', см. *bik'al*, а также *bik'al'a*
bik'al'a (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дочь', 'дева', см. *bik'āl*, *bik'āl*
biq'ar'at (М., Сл., Кл., Срсл.) 'муж'
bipās (М., Сл., Кл.) 'слуга', см. *bipassa*, *bipassa*
bipassa (Кл.) 'служанка', см. *bipassa*, а также *bipās*
bipassa (М., Сл.) 'служанка', см. *bipassa*, а также *bipās*
bírka (М., Сл., Кл., Срсл.) 'большой' ('великий')
birka-kul (Стр.) 'озеро', см. *birka*, *kul* и проч.
birkej (Стр.) 'господин' («König»), см. *bikhej*

bis (М., Кл.) 'голубой', (Сл.) 'синий'
bon (Кл.) 'нет', *bon perāul'ay* 'не вижу' (М., Сл.)
bugá (М., Сл., Кл.) 'бык'
bugdāj (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пшеница'
biqam ālte (М.) 'жена', см. *biqamal*, *biqamālte*, а также *ilpæ*
biqol'ay (М., Сл., Кл.) 'щеки', см. *biqol'ay*
biqol'ay (Срсл.) 'щеки', см. *biqol'ay*
byri-paj (Кл.) 'буря', см. *byrki paj*
byrki paj (М., Сл., Срсл.) 'буря', см. *byri-paj*

В'

b'am'a (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'мать', см. *amæ*
b'ar (М., Сл., Кл., Срсл.) 'отец', см. *ip'a*, *ypæ*
b'at'antū (М., Сл., Кл.), см. *es*
b'at'antū, *esb'athianta*
b'uqon (Сл.) 'лицо', см. *b'ūqon*, *b'ukyon*, *qon*
b'ūqon (М., Сл., Кл.) 'рот', см. *b'ukyon*, *qon*, а также *b'uqon*
b'ukyon (Срсл.) 'рот', см. *b'ūqon*, *qon*, а также *b'uqon*.

Č

čau, см. *mančau*
čit (Кл.) 'лиственница', см. *t'šit*.

Д

dalāj (М., Сл., Кл., Срсл.) 'море', см. *pačā-ul*
džipká (М., Кл.) 'куница'

Е

éga (Кл.) 'солнце', см. *éja*, а также *xagalys*
éja (М., Сл., Срсл.) 'солнце', см. *éga*, а также *xagalys*
ejš paray (Стр.) 'небо', см. *es*, *eš*, *esperay*
ejtol (Срсл.) 'дверь', см. *éjtöl*, *éjt'öl*, *éjt'ol* (=эйт'ол)
éjtöl (Сл. 2) 'дверь', см. *ejtol*, *éjt'öl*, *éjt'ol* (=эйт'ол)
éjt'ol (Ф.: =эйт'ол) 'дверь', см. *ejtol*, *éjtöl*, *éjt'öl*
éjt'öl (М., Кл., Ф., Сл. 1) 'дверь', см. *ejtol*, *éjtöl*, *éjt'ol* (=эйт'ол)
eol (М., Сл., Кл., Срсл.) 'поле' (campus), см. *qiahi*
es (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'бог', см. *eš*
es (М., Сл., Кл., Срсл.) 'небо', см. *ejš paray*

²⁶ Мягкие варианты звуков специально здесь не обозначаются.

es b'at'antū (М., Сл., Кл.) 'гром', см. esb'athianta, es, eš, а также b'atantū
esb'athianta (Срсл.) 'гром', см. es b'at'antū, es, eš, а также b'atantū
esperaŋ (М.) 'облако', см. es, eš, ejš paraŋ

eš (Стр.) 'бог', см. es ešhuj (Кл.) 'зима'
ešhuj (М., Сл.) 'месяц' (Monat)
ešuj (Т) 'луна', см. išuŋ

F

finn'ay (Ф) 'песок', см. fin'ay, а также phin'ay
fin'ay (Ф., Срсл.) 'песок', см. fin-n'ay, а также phin'ay

H

hioga (Стр.) 'десять', см. qoa hu (Кл.) 'дом', см. kus, а также turá

I

igé (М), см. paj-igé
il, см. kalgun-il-sat
ilčar (М., Сл., Кл.) 'собака', см. ittu ilkoj (М., Сл., Кл.) 'звезда', см. il'koj
il'koj (Срсл.) 'звезда', см. ilkoj
ilpə (Стр.) 'жена', см. biqamal, bi-qamalte
ilti (М., Сл., Кл.) 'рыба', см. ilti
ilti (Срсл.) 'рыба', см. ilti
imp'haj (М., Сл., Кл.) 'кедр'
ipni (М., Сл., Кл.) 'сегодня'
ingo (М., Сл., Кл.) 'мертвый'
ipóŋ (М., Кл.) 'деньги', см. jus-ipóŋ
ipóŋ (М., Сл., Кл.) 'лист'
ip'a (Срсл.) 'отец', см. b'ar, ырæ
is (М., Сл., Кл., Срсл.) 'мясо'
išuj (Стр.) 'луна', см. ešuj
itay (М., Сл., Кл.) 'они', itay æt'ay-tay (М., Сл.) 'они стоят'
itrák (Кл.) 'хлеб', см. itr'ák
itr'ák (М., Сл., Срсл.) 'хлеб', см. itr'ák
ittima (М., Сл., Кл.) 'желтый', 'зеленый', см. ittýma
ittýma (Срсл.) 'зеленый', см. ittýma
izir (М.) 'Кача', Нрг. 'реки'

J

jat, см. kalgun-il-jat (j описки)
ji (М., Сл., Кл.) 'волос' ('pilus')
ji (М., Сл., Кл., Срсл.) 'день'
jikhuj (М.) 'Енисей'
jij, см. un-jij
jink, см. un-jink

jújuŋ (М., Сл., Кл.) 'трава'
jus (М., Сл., Ф., Срсл.) 'сто', см. kin-jus, ыс (=yuz), а также ko-jus, kog-jus, jus-ipóŋ
jus-ipóŋ (М.) 'рубль'

K

kaják (М., Сл., Кл.) 'масло' ('But-ter', 'Öl')
kalgun-il-jat (Кл.; j описки в. s), см. kalgun-il-sat
kalgun-il-sat (М., Сл.) 'река' (amnis 'Bach')
kalgun-kar (М., Сл., Кл., Срсл.) 'холм'
kalthona (Срсл.) 'маленький', см. kalqóna
kalqóna (М., Сл., Кл.) 'маленький', см. kalthona
kándži (М., Сл., Кл.) 'вчера'
kaptы (М., Сл., Кл.) 'ножницы'
kar (М., Сл., Срсл.) 'гора'
kargott (М., Сл., Кл.) 'пьяный'
kasán (М., Сл., Кл.) 'котел'
kat (Сл.) 'дорога', см. kut
kazak (М.) 'русский'
kedýlči (М., Сл., Кл.) 'говорить'
ken (М., Сл., Кл.) 'куннус'
kerep (М., Сл.) 'лодка'
kerép (Сл., Срсл., Кл.) 'судно' ('Schiff'), см. l'ular
kes (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'ка-мень'
khuzej (Ф., Срсл.) 'один', см. qusej, kuisa
kibæ (Стр.) 'медведь', см. qip
kina (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'два', см. kinæ
kinamančau (М., Ф.) 'восемь', см. kinat mančau, kinaman-čau, kina-minšau, kina-mančau t'ūŋ, kina-minšau-tuŋ, qoa-kinaman-čau, qoa-kinaman-čau, kin-jus
kinamančau (Срсл., Кл.) 'восемь', см. kinamančau и проч.
kina-mančau t'ūŋ (М., Сл., Кл.) 'восемьдесят', см. kina-minšau-tuŋ, kinamančau и проч.
kina-minšau (Стр.) 'восемь', см. kina-mančau и проч.
kinat mančau (Сл.) 'восемь', см. kinamančau и проч.
kinæ (Стр.) 'два', см. kina, kina-mančau и проч.
kin-jus (М., Сл., Кл.) 'двести', см. kina, kinæ, kinamančau и проч.
kin-jus (Кл.) 'сто' (?), ср. jus

kinuŋ (Стр.) 'двадцать', см. qinthsūŋ и проч.

kin'tūŋ-jus (М., Сл.) 'две тысячи', см. kina, kinæ, qinthsūŋ и проч.
kog-jus (Стр.) 'тысяча', см. qo-jus, qoa, jus
koqáj (М., Сл.) 'жито' ('рожь')
koqaj (Сл.) 'рожь'
kólk'a (М., Сл., Кл., Срсл.) 'го-лова', см. olkæ
korgoldžin (М., Сл., Кл.) 'олово', 'свинец'
koróler (М., Сл., Кл., Срсл.) 'бо-рода'
kōt (Стр.) 'огонь', см. qot, qott
kusamančau (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'девять', см. kuisa minšau
kusa-mančau-t'ūŋ (М., Сл., Кл.) 'девятисто', см. kuisa-minšau-tuŋ
kūši (М., Сл., Кл., Срсл.) 'жаркий' ('calidus')
kut (М., Кл., Ф.) 'дорога', см. kat
kut (М., Сл., Кл.) 'волк', см. kūt
kūl (Стр.) 'вода', см. kul, ср. также наваания рек Куль, Юнкуль, Берикюль и др. (см. Дульзон, 1962а, стр. 72).
kūt (Стр.) 'волк', см. kut
kuvul (Стр.) 'пятьдесят', см. qal-t'ūŋ
kylph'an (М., Сл., Кл.) 'ложка'
kuburgān (М., Сл., Кл.) 'лук' (расте-ние)
kuburuŋ (Кл.) 'жар'
kuburuŋ (М., Сл.) 'уголь' (горящий)
kuisa (Стр.) 'один', см. qusej, khuzej
kuisa minšau (Стр.) 'девять', см. ku-samančau, kuisa и проч.
kuisa-minšau-tuŋ (Стр.) 'девятисто', см. kusa-mančau-t'ūŋ, kuisa min-šau, kuisa и проч.
kul (М., Сл., Кл., Срсл.) 'вода', см. kūl, birka-kul
kuler (Стр.) 'горностай'
kultēj (М., Кл.) 'сосуд (из бересты или кожи)'
kulūn (М., Сл., Кл.) 'жеребенок'
kut (М.) 'татары'
kutūš (М., Сл., Кл., Срсл.) 'серебро'
kur (М., Сл., Кл., Срсл.) 'влажно' ('сыро'); 'дождь'
kurt'á (М., Сл., Кл.) 'озеро', см. birka-kul
kus (М., Сл., Кл.) 'береза'
kus (М., Сл., Кл., Срсл.) 'спать'
kus (Стр.) 'конь', см. qus
kus (Стр.) 'дом', см. hu, а также turá
kus-ošče (М., Сл., Кл., Срсл.) 'де-рево', см. ošče

K

k'aba (Срсл.) 'поле' ('desertum'), см. q'ābi, qabi
k'it (Срсл.) 'человек', см. qit

L

lānt'ūŋ (М., Кл.) 'крыло'
larāntajap (М., Сл., Кл., Срсл.) 'молния'
lu næ (Стр.) 'ноги', см. pil

L

l'hiágut (Сл. 2) 'жаждущий', см. l'hjágut, t'águt
l'hjágut (Сл. 1) 'жаждущий', см. l'hiágut, t'águt
l'gembir'ay (Срсл.) 'корень', см. t'em-bir'ay, t'embirgay
l'ulap (Срсл.) 'судно' ('Schiff'), см. kerép
l'ul'ap (М., Сл.) 'веревка', ср. t'ul'ap

M

mančau, см. kinamančau, kinat man-čau, kina-mančau t'ūŋ и проч.
minšau, см. kina-minšau, kina-min-šau-tuŋ
molát (М., Сл., Кл.) 'сталь'

N

næ, см. lu næ

O

ogóš (М., Сл., Кл.) 'назад'
okæši (Стр.) 'лось', см. oq'ajši
olkæ (Стр.) 'голова', см. kólk'a
ol-polat (Стр.) 'дитя', см. alpolát (М., Сл., Кл., Срсл.)
olúta (М., Сл., Кл.) 'светло'
ól'au (М., Сл., Кл.) 'пузырь'
oq'ajši (М., Сл., Кл.) 'лось', см. okæši
ošče (М., Сл., Кл., Срсл.) 'лес', см. kus-ošče
ott (М., Сл., Кл.) 'сено'

OE

ægga (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'шесть', см. yga, qoa-ægga
ægt'ūŋ (М., Сл., Кл.) 'шестьдесят', см. uj-tuŋ

P

pačá-ul (Кл.) 'море', см. dalaj
raj (М., Сл., Кл., Срсл., Стр.) 'ветер', см. býrki raj, býri-paj 'буря'
raj-igé (М.) 'пихта' ('abies alba'), см. p'hajd'a
paraŋ, см. ejš paraŋ, а также espe-raj

per (М., Сл., Кл., Срсл.) 'земля', см. *piep*
 perául'or (М., Кл.) 'вижу', *bon perául'or* (М., Сл.) 'не вижу', см. *porául'or*
 perar, см. *esperar, es piep* (Стр.) 'земля', см. *per pil* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'ноги', см. *lu næ*
 pindžal (М., Сл., Кл.) 'подбородок'
 piráin (М., Сл., Кл.) 'губа'
 pis (М., Сл., Кл., Срсл.) 'вечер'
 pis (М., Кл.) 'поздно'
 pis (Сл.) 'свят'
 pogetši (Стр.) 'соболь', см. *p'húgajši polat*, см. *ol-polat*
 polpién (М., Сл., Кл., Срсл.) 'град'
 pon'a (М., Сл., Кл., Срсл.) 'утка', см. *pinæ*
 porául'or (Сл.) 'вижу', см. *perául'or*
 poš (М., Сл., Кл.) 'penis'
 proro (М., Сл., Кл.) 'чулки'
 pinæ (Стр.) 'утка', см. *pon'a*

PH

phin'ay (М., Сл., Кл.) 'песок', см. *fin'ay, finn'ay*

P'H

p'haid'a (М., Кл.) 'пихта' ('abies alba'), см. *raj-igé*
 p'híán (М., Сл., Кл.) 'грудь'
 p'hie (М., Сл., Кл.) 'сова'
 p'hjaga (М., Сл., Кл., Срсл.) 'рука' ('manus')
 p'hjástap (М., Сл., Кл.) 'росомаха'
 p'horga (М., Сл., Кл., Срсл.) 'брюхо'
 p'hugáj (М., Кл.) 'хвост'
 p'húgajši (М., Сл., Кл.) 'соболь', см. *pogetši*

Q

qága (Ф.) 'пять', см. *qala, xala*
 qaj (М., Сл., Кл.) 'платье' ('vestis')
 qaj (Сл.) 'шуба'
 qala (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пять', см. *qaga, xala*
 qálbín (М., Сл., Кл.) 'молчи'
 qalt'úr (М., Сл., Кл.) 'пятьдесят', см. *kuvul*
 qáspra (М., Сл.) 'утро', см. *xasprá*
 qaspa (Кл.) 'рано (утро)', см. *xasprá*
 qíabi (Кл.) 'поле' ('campus'), см. *q'ábi, k'ába*, а также *eol*
 qíagay (Сл. 2) 'волос', см. *q'ágay*
 qínar (М., Сл., Кл.) 'рука' ('brachium'), см. *xinar*
 qínthjún (Сл., Кл.), *qínthjun* (М.) 'двадцать', см. *kintun*

qir (М., Сл., Кл.) 'медведь', см. *kibæ*
 qíswy (М., Сл., Кл.) 'сапоги'
 qit (М., Сл., Кл.) 'человек', см. *k'it*
 qoa (М., Сл., Срсл., Кл., Ф.) 'десять', см. *hioga*
 qoa-kala (М.) 'пятнадцать', см. *qba-qala*
 qba-qala (Сл.) 'пятнадцать', см. *qoa-kala*
 qba-kina (М., Сл., Кл.) 'двенадцать', см. *qog-inæ, qoa*
 qba-kina (Сл. 2) 'одиннадцать' (?), см. *qoa-kina, qoa*, а также *qba-qúsa, qog-kuisa*
 qba-qúsa (М., Кл., Сл. 1) 'одиннадцать', см. *qog-kuisa, qba-kina, qoa*
 qoa-kusaman-čau (М., Сл.) 'девятинадцать', см. *qoa, kusamančau* и проч.
 qoa-kinaman-čau (М.) 'восемнадцать', см. *qoa-kinaman-čau* и проч.; *qoa* и пр.
 qba-kinaman-čau (Сл.) 'восемнадцать', *qoa-kinaman-čau* и проч.
 qoa (Сл.) 'шестнадцать', см. *qoa, čegga*
 qoa-šaja (М., Сл.) 'четырнадцать', см. *qoa, šaja*
 qoa-t'oya (М., Сл.) 'тринадцать', см. *qoa, t'oya*
 qba-ún'a (Сл.) 'семнадцать', см. *qoa-yn'a, qoa, una*
 qoa-yn'a (М.) 'семнадцать', см. *qba-yn'a, qoa, yn'a*
 qog-inæ (Стр.) 'двенадцать', см. *qba-kina, qoa, kina, kinæ*
 qog-kuisa (Стр.) 'одиннадцать', см. *qba-kúsa, qba-kina, qoa, qúsej* и проч. (ошибочно *qod kuisa*)
 qoj (М., Сл., Кл., Ф.) 'лук' (оружие)
 qoija (М., Сл., Кл.) 'сухой'
 qo-jus (М., Сл., Кл., Ф.) 'тысяча', см. *kog-jus, qoa, jus*
 qólpas (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пальцы'
 qóna (М., Сл., Кл.) 'узда'
 qor (М., Сл., Кл., Срсл.) 'спина'
 qoskor (М., Сл., Кл.) 'постель'
 qot (М., Сл., Кл.) 'брюки'
 qot (Срсл.) 'огонь', см. *qott, kót*
 qott (М., Сл., Кл.) 'огонь', см. *qot, kót*
 qubursaj (М., Сл.) 'полночь', см. *qurbursaj*
 quj (М., Сл., Кл.) 'щука'
 qurbursaj (Кл.) 'полночь', см. *qubursaj*

qus (М., Сл., Кл.) 'конь', см. *kus*
 qus (М., Сл., Кл.) 'мерин'
 qúsej (М., Сл., Кл., Ф.) 'один', см. *khuzej, kuisa*
 qusip (М., Кл.) 'копейка'
 qúše (М., Сл., Кл.) 'кобыла'

Q'

q'ábi (М., Сл.) 'поле' ('desertum'), см. *qíabi, k'aba*
 q'agay (М., Сл., Кл., Сл. 1) 'волос' ('capillus'), см. *qíagay*
 qit (М., Сл., Кл.) 'человек', см. *k'it*
 q'ogat (М., Сл., Кл.) 'голодный'

S

saj (М., Сл., Кл., Срсл.) 'ночь'
 sájbela (М., Сл., Кл.) 'послезавтра'
 sájbí (М., Сл., Кл.) 'завтра'
 sájpič (М., Сл., Кл.) 'летучая мышь'
 sam (М., Сл., Кл., Срсл.) 'гусь', см. *samran*
 samran (Стр.) 'гусь', см. *sam*
 sat (М., Сл., Кл., Срсл.) 'река' ('fluvius'), см. *kalgun-il-sat*; ср. также названия рек типа Алсет, Уксат, Тамырса, Сульзат, Пельзат и др. (см. Дульзон, 1962а, стр. 71—72)
 sava (Стр.) 'белка', см. *žoua*
 sin (М., Сл., Кл.) 'олень' ('cervus')
 sájakear (М., Сл., Кл.) 'смеюсь'
 sólopa (М., Сл., Кл., Срсл.) 'холодный' ('frigidus'); [в Срсл. приводится под словом «стужа»]
 sýnde (М., Сл., Кл.) 'мышь'
 sulú (М., Сл., Кл.) 'овес', см. *sulu*
 sulu (Срсл.) 'овес', см. *sulú*
 sussaj (М., Ист. Сиб.) 'шершень' (ср. тюркск. *ara*)
 syra (М., Сл., Кл.) 'пиво'

S

šaga (Срсл.) 'четыре', см. *šaja, šeja, qoa-šaja*
 šaja (М., Сл., Кл., Ф.) 'четыре', см. *šaga, šeja, qoa-šaja*
 šajt'úr (М., Сл., Кл.) 'сорок', см. *šejg-tun, šaja, šeja, šaga*
 šal (М., Сл., Кл.) 'нарта'
 šan (Кл.) 'есть', см. *šau*
 šau (М., Сл., Срсл.) 'есть', см. *šan*
 šeja (Стр.) 'четыре', см. *šaja, šaga, qoa-šaja*
 šejg-tun (Стр.) 'сорок', см. *šajt'úr, šaja, šaga, šeja*
 šenóugbu (М., Сл., Кл., Срсл.) 'сердце'
 shej (М., Сл., Срсл.) 'год'

šhjamtu (Сл. 2, Срсл.) 'высокий', см. *šh'jampu*
 šh'jampu (М., Кл., Сл. 1) 'высокий', см. *šhjamtu*
 šódoror (М., Сл., Кл.) 'внутренности'
 šoua, см. *žoua, sava*

T

tādap (Кл.) 'кольцо', см. *t'ādap*
 tām-bagyr (М., Сл., Кл.) 'латунь'
 tāma (М., Кл.) 'белый', см. *t'āma*
 tāmouši (М., Сл., Кл.) 'олень' ('capifer')
 tāmše (М., Сл., Кл.) 'заяц'
 tebé (М., Сл., Кл.) 'верблюд'
 tépul (М., Сл., Кл., Срсл.) 'молоко'
 ter (Стр.) 'железо', см. *tēr*
 tē (М., Сл., Кл.) 'снег', см. *t'e*
 tēr (М., Сл.) 'железо', см. *ter*
 teu (М., Сл., Кл.) 'шапка'
 tien (М., Сл., Кл., Срсл.) 'глаз', см. *tiep*
 tim (М., Сл., Кл.) 'стрела'
 tímquj (М., Сл., Кл.) 'окно'
 tin (М., Сл., Кл.) 'пихта'
 tiep (Стр.) 'глаз', см. *tiep*
 titu (Стр.) 'собака', см. *ilčar*
 tok (М., Сл., Кл.) 'сыт'
 ton (М., Сл., Кл.) 'нож'
 toj-tun (Стр.) 'тридцать'
 tun, см. *un-tun, u-tun, šejg-tun*
 turá (М., Сл., Кл., Срсл.) 'город'
 turá (М., Сл., Кл.) 'село'
 turá (Сл., Срсл.) 'дом', см. *kus, hu*
 tus (М., Сл., Кл., Срсл.) 'соль'
 tūja (Стр.) 'три', см. *t'oya, t'uja*

T'

t'ādap (М., Сл.) 'кольцо', см. *tādap*
 t'āgur (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пить'
 t'āgut (М., Кл.) 'жаждущий', см. *l'hjāgut, l'hjāgut*
 t'āma (Сл., Срсл.) 'белый', см. *tāma*
 t'e (Срсл.) 'снег', см. *tē*
 t'ēmbirgay (Кл.) 'корень', см. *t'ēmbir'ay, l'gembir'ay*
 t'ēmbir'ay (М., Сл.) 'корень', см. *t'ēmbirgay, l'gembir'ay*
 t'gura (Срсл.) 'красный', см. *t'ūra*
 t'on-jus (М., Сл.) 'триста', см. *jus*
 t'oya (М., Сл., Кл., Ф.) 'три', см. *t'uja, tūja, qoa-t'oya, t'oyt'ūr* и проч.
 t'oyt'ūr (М., Сл., Кл.) 'тридцать', см. *toj-tun, t'oya, t'ūr* и проч.
 t'oybaiji (М., Сл., Кл.) 'позавчера'
 t'šit (М., Сл.) 'лиственница', см. *čit*
 t'u (М., Сл., Кл.) 'дым'
 t'uburun (Кл.) 'глина', см. *t'uburun*

t'uburuj (М., Сл., Срсл.) 'глина', см. *t'uburun*
t'ugal (М., Сл., Кл.) 'теленос'
t'ura (Срсл.) 'три', см. *t'ora*, *tūra*
t'ūja (М., Сл., Кл.) 'корова'
t'ul'ar (Кл.) 'веревка', см. *l'ul'ar*
t'ūma (М., Сл., Кл., Срсл.) 'черно'
t'ūma (М., Сл., Кл.) 'темно'
t'ūj, см. *kina-mančau t'ūj*, *kusa-mančau-t'ūj* и проч.
t'ūra (М., Сл., Кл.) 'красный', см. *t'gura*

U

ujnūn (М., Кл.) 'икра'
uj-tur (Стр.) 'шестьдесят'
ul, см. *pačá-ul*
ulát (М., Сл., Кл.) 'овца', 'ягненок'
un, см. *un-tur*
una (Стр.) 'семь', см. *yn'a*, *un-tur* и проч.
un-jij (М., Сл. 1) 'неделя', см. *un-jink*
un-jink (Кл., Сл. 2) 'неделя', см. *un-jij*
únkut (М., Сл., Кл.) 'вперед'
únkut (М., Сл., Кл.) 'ехать'
únkut (М., Сл.) 'идти'

Аринско-енисейские соответствия

(смычные согласные)

О енисейских соответствиях аринскому t

При передаче аринских слов, содержащих *t*, в источниках встречаются (относительно *t*) два рода вариантов. Первый из них несуществен для звуковой и фонологической характеристики *t*, но существен для просодической характеристики сложного гласного звука; речь идет о вариантах написания *t/tt* и *t/th*, ср. ар. *qot* (Срсл.), *kōt* (Стр.) при *gott* (М., Сл., Кл.) (= *qōt*) 'огонь' или ар. *kintur* (Стр.) при *qinthjur* (Сл., Кл., М.) (= *qint'ūr*) 'двадцать', ср. ар. *kint'ūr-jus* (М., Сл.) 'две тысячи'. Второй вариант представлен случаями мены *t/t'* в одном и том же слове или в этимологически связанных словах (хотя бы в части слова); ср. ар. *tāma* (М., Кл.) при ар. *t'āma* (Сл., Срсл.) 'белый', ср. ар. *tādap* (Кл.) при *t'ādap* (М., Сл.) 'кольцо', ар. *eitōl* (Сл. 2), *eitōl* (Срсл.) при ар. *eit'ōl* (М., Кл., Ф., Сл. 1) 'дверь' (ср. в русской передаче *эйтол* Ф.), ар. *tūna* (Стр.) при ар. *t'ōna* (М., Сл., Кл., Ф.), *t'ura* (Срсл.) 'три', ар. *uj-tur* (Стр.) при ар. *ægt'ūr* (М., Сл., Кл.) 'шестьдесят', ар. *kina-minšau tur* (Стр.) при ар. *kina-mančau t'ūr* (М., Сл., Кл.) 'восемьдесят'²⁷, ар. *kuisa-min-*

²⁷ Следует заметить, что *tur* (Стр.) не раз противостоит *t'ūr* других источников.

un'a, см. *qōa-ūn'a*, *una*, *yn'a*
utk'enōj (Срсл.) 'ухо' ('aures'), см. *utq'ēnoj*
utq'ēnoj (М., Сл., Кл.) 'ухо' ('aures'), см. *utk'enōj*

X

xagalj (Стр.) 'солнце', см. *éja*, *éga*
xala (Стр.) 'пять', см. *qala*, *qāga*
xāmartu (М., Сл., Кл., Срсл.) 'нижний'
xar (М.) 'Кан' (Nrg. 'реки')
xarṁašé (М.) 'камасинцы'
xaspa (Кл.) 'рано' (утро), см. *qaspa*
xatu (Кл.) 'он', см. *au*
xinay (Срсл.) 'плечо', 'рука' ('bra-chium'), см. *qinay*

Ы

ыga (Стр.) 'шесть', см. *éggā*
ýnt'ur (М., Сл., Кл.) 'семьдесят', см. *un-tur*, *yn'a*, *una*
yn'a (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'семь', см. *una*
ыuc (Стр. = *yuzz*), см. *jus*

Ž

žoua (М., Сл., Кл.), см. *sava* (= *šoua*)

šau-tur (Стр.) при ар. *qusa-mančau-t'ūr* (М., Сл., Кл.) 'девьяносто', ар. *æt'antur* (М., Сл.), 1 и 3. pl. praes. от 'стоять' при ар. *axorent'ūr* (М., Сл.), 2. pl. praes. от 'стоять' (?) ²⁸ и др.

I. Случаи соответствия t в аринском t в других енисейских языках

1. Ар. *tur* (в *kina-minšau-tur*, *kintur*, *uj-tur* и т. п.) — асс., кот. *tukn*, кам. *tur*, койб. *tugu*.
2. Ар. *tiej*, *tiej* 'глаз' — асс. *teš* (М., Сл., Кл., Срсл.), *tiš* (Кл.), кот. *tiej* (Срсл.), *tečagan* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *īš* (Castr.).
3. Ар. *kut*, *kat* 'дорога' — пумп. *kōāt* (Сл.), имб. *xōt* (М.), *xot* (Сл.); ср. кет. *qot*, *qo't*, *ku't* (Donn.), *qo't* (Д., кур.).
4. Ар. *atie*, *ætie* 'жизнь' — асс. *etutu* (Кл.), пумп. *atodu* (Сл., Срсл.), *emēegē* (Срсл.), имб. *eetedu* (Кл.), ост. *eetedu* (М.) 'живой'; ср. кот. *ēti* (Castr.), кет. *eāt*; *eāte* (Castr.), *ʔētʔsʔ* (Д., кур.).
5. Ар. *ton* 'нож' — асс. *ton* (М., Сл., Кл.), *tol* (Кл.?), кот. *ton* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *ton* (Castr.).
6. Ар. *kaptj* 'ножницы' — кот. *kaptu* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *kaptu* (Castr.).
7. Ар. *qot*, *gott*, *kōt* 'огонь' — асс. *hat* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *xott* (М., Сл., Кл.), *xot* (Срсл.), койб. *ōt* (П., Мес.); ср. кот. *hat* (Castr.).
8. Ар. *timquj* 'окно' — асс. *tamu* (М., Сл., Кл.), *tamuk* (Кл.), кот. *tamhuk* (М., Сл., Кл.)²⁹; ср. кот. *tamuk* (Castr.).
9. Ар. *xatu* 'он' — кот. *xatu* (М., Кл.), *hatu* (Сл.).
10. Ар. *tin* 'пихта' — асс. *tin* (М., Сл., Кл.), *tunu* (Кл.?), кот. *tini* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *tīni* (Castr.).
11. Ар. *sat* 'река', ср. *kalgun-il-sat* (М., Сл.), *kalgun-il-jat* (Кл., описка; нужно — *s*) — асс. *šet* (Срсл.), *šetagaj*, *šeto* (Кл.), кот. *šet* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *tataj* (Кл., Срсл., Сл.), кам. *satij* (Стр.); ср. кот. *šēt* (Castr.), а также многочисленные гидронимы на *-šem*, *-cam*, *-tam* и т. д.
12. Ар. *utq'ēnoj*, *utk'enōj* 'уши' — пумп. *atkin* (Сл., Срсл.)³⁰.
13. Ар. *teu* 'шапка' — кот. *tī* (М., Сл., Кл.), асс. *kolty* (М., Сл., Кл.), *kolte* (Кл.)³¹; ср. кот. *te*; *tī* (Castr.).
14. Ар. *tebe* 'верблюды' — асс. *tabat* (М., Сл., Кл.), *tapat* (Кл.), кот. *tabat* (М., Сл., Кл.).

²⁸ Если ар. *au* (М., Сл.) 'он' сопоставимо с ар. *xatu* (Кл.) 'он' (ср. кот. *xatu*, *hatu*), то можно было бы думать о *t*: #; видимо, через стадию *d*, засвидетельствованную в пумп. *adu* (Сл.), и дальнейшее ослабление смычности: *xatu* > **adu* > **au* (?).

²⁹ Восстановление кот. *tamhuk* (а не **tamūk*) основано на сопоставлении с пумп. *damkuk* (Сл.) и ар. *timquj*, а также на возможной этимологии этого слова; о ней см. ниже.

³⁰ Сюда же, нужно полагать, относятся имб. *hokten* (Кл.), ост. *hokten* (М.), кет. *ok'tej* (Castr., сым.) и т. д. (-*kt*:-*tk*-).!

³¹ Пумп. *tajs* (Сл.)?

15. Ар. *molat* 'сталь' — асс. *balat* (М., Сл., Кл.), кот. *bolat* (М., Сл., Кл.).

16. Ар. *tim* 'стрела' — асс. *tem* (М., Сл., Кл.), *тым* (Кл.), кот. *tem* (М., Сл., Кл.)³².

II. Случаи соответствия *t* в аринском *d* в других енисейских языках

1. Ар. *tien*, *tien* 'глаз' — пумп. *dat* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *dees* (М., Сл., Кл., Срсл.), *dēs* (Кл.), ост. *dēs*; ср. *dīs*, *djēs* (Donn.).

2. Ар. *kut*, *kat* 'дорога' — енис. *xod* (Ф.), имб. *xod* (Кл.), ост. *xod* (М.); сравнение не принадлежит к числу показательных из-за положения *-t* (соответственно *-d*) в конце слова.

3. Ар. *atie*, *ætie* 'жизнь' — асс. *editu* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *editu* (М., Сл., Кл., Срсл.), имб. *eddi* (М., Сл., Срсл.; *ēdi?*), *eddu* (Ад.; **ēdu?*) 'живой'³³.

4. Ар. *tepul* 'молоко' — пумп. *den* (Сл., Кл., Срсл.); в аринском слове — *ul* 'вода'.

5. Ар. *ton* 'нож' — имб. *don* (Кл.)³⁴, ост. *don* (М.); ср. кет. *dōan* (Castr., сым.), *don*, *doʔn* (Donn.), *don'* (Д., кур.).

6. Ар. *timquj* 'окно' — пумп. *damkuk* (Сл.), имб. *dæmbok* (М., Сл.).

7. Ар. *xatu* 'он' — пумп. *adu* (Сл.).

8. Ар. *tin* 'пихта' — пумп. *дын'e* (Сл.), имб. *дын* (М., Сл., Кл.), ост. *дын* (М.); ср. кет. *dyn*, *dīn* (Donn.), *dun'* (Д., кур.).

9. *utq'ænon*, *utk'enon* 'уши' — имб. *okden* (М., Сл., Срсл.), *okd* (Ад.); ср. кет. *ʔogden* (Д., кур.); сравнение — в отношении *t/d* — не вполне убедительно из-за положения *d* в слове.

10. Ар. *teu* 'шапка' — имб. *ды* (М., Сл.), *дыг* (Кл.), ост. *дыг* (М.); ср. кет. *dy*, *dyʔ*, *dyʔə*, *di*, *diʔ*, сым. *dī* (Donn.), кур. *duʔ*, *дыʔ*, ел. *дыʔ* (Д.).

11. Ар. *tim* 'стрела' — пумп. *damon* (Сл.), имб. *uul d'ætəp* 'боевки' (Д.).

III. Другие случаи соответствий аринскому *t* в енисейских языках

Следует подчеркнуть, что иных соответствий аринскому *t* в енисейских языках, чем приведенные (*t* и *d*), очень мало,

³² Интересна возможность связи с кот. *k'em*, *xem* (Castr.), *xam*, *k'am*, *k'ām* (Castr.), имб. *kām* (М., Сл.), *xam* (Кл.), ост. *xam* (М.) и др.

³³ Не исключено, что формы типа *editu* следует рассматривать как результат перестановки из *etidu*, где *-d* может толковаться как соответствующий показатель в кетском (*eddi*, *eddu* объяснялись бы в таком случае из *et[ɬ]du > eddu*). В качестве подтверждения ср. пумп. *atodu*, имб. *eetedu* и др., см. о них выше; вместе с тем, если исходить из *editu* как исходной формы, *-ti* может быть объяснено как суффикс производных прилагательных, ср. *apuntu* 'умный' при *aput* 'ум' и т. д. (см. Дульзон, 1964, стр. 90—91).

³⁴ Ср. имб. *dooden* (М., Сл.).

они малодоказательны и чаще всего должны, видимо, объясняться причинами частного характера. Единственное исключение, пожалуй, отмечено в енисейском названии реки, где ар. *sat* (М., Сл., Кл., Срсл.)³⁵ сопоставляется с асс. *šet* (Срсл.), *šetagaɪ* (Кл.)³⁶, кот. *šet* (Срсл., Кл.)³⁷, пумп. *tatan* (Срсл., Кл.)³⁸, кам. *satip* (Стр.), т. е. ар. *t*: енис. *t*, и, что гораздо существеннее в данном случае, с имб. *ses* (М., Сл., Кл., Срсл.), *xə-sēs* (Кл.), *sis'* (Ад.), ост. *sēs*, *xə-sēs* (М.), ср. также названия ручья — имб. *pəpa-sēs*, *dūldžes* (Кл.), ост. *pəpa-sēs*, *dūldžes* (М.), ад. *šəš* (Мес.) 'маленькая река', кет. *ses*, *sēs*, сым. *sīs* (Donn.), кур., ел. *s'es'* (Д.); иначе говоря, по приведенным данным устанавливаются соответствия ар. *t*: кет. *s*, *s'*, *š*, где *s*, *s'*, *š*, скорее всего, варианты фонемы *s*.

Помимо отмеченных выше соответствий ар. *t*/енис. *t* и ар. *t*/енис. *d*, подтверждаемых сопоставлениями ар. *timquj* — асс. *tamuk*, кот. *tamhuk* и т. д. и ар. *timquj* — пумп. *damkuk*, имб. *dæmbok*, можно указать изолированное сопоставление этого же аринского слова с имб. *xam'uk* (Кл.), ост. *xam'uk* (М.); поскольку кет. *tamhuk*, *tamuk* (Castr.) и т. д. связывают с **tamguk* (ср. кет. *qamgok* 'окно'), рассматриваемым как словосложение из двух слов, из которых первое (*tam* или *qam*) — из **iqam* (ср. кит. *t'ʃi]am*, *t'ʃi]am* 'смотреть', 'видеть'³⁹), а второе сопоставимо с кет. *qik*, кот. *huk* 'отверстие', 'дыра' (ср. кит. *k'ap*, *k'ʃi]og*, *k'up*⁴⁰, тиб. *k'up*)⁴¹, то не исключено, что в *x-* в слове *xam'uk* следует видеть или старое *q-(*[t]qam)* или результат ассимиляции последующему *x* (**tamxuk > *xamxuk > xamuk*); кетское *qamgok* также может быть истолковано двояко.

Другие сопоставления еще менее очевидны из-за неясностей этимологического характера; следует, в частности, обратить внимание на возможные связи между ар. *ton* 'нож' и пумп. *kein* (Сл.).

* * *

Из приведенных выше материалов уже на этой предварительной стадии исследования можно сделать следующие выводы:

1. Как правило, независимо от позиции в слове аринскому *t* соответствует *t* в ассанском, коттском, а также, видимо, в диа-

³⁵ Ср. название ручья *kalgun-il-sat* (М., Сл., Кл. с опиской) и гидронимы *Алсет*, *Мауэст*, *Пельэст*, *Сульэст* и т. п. (см. Дульзон, 1962, стр. 71—72), главным образом, по Кети; ср., однако, *Уксат* на Енисее, севернее Красноярска.

³⁶ Ср. асс. *šet* (М., Сл., Кл.), *šeto* (Кл.) 'ручей'.

³⁷ Ср. кот. *šet* (М., Сл., Кл., Ф.) 'ручей'.

³⁸ Ср. пумп. *tatan* (Сл.) 'ручей'.

³⁹ См. Карлгрен, 1933, стр. 49, 97.

⁴⁰ См. Карлгрен, 1933, стр. 63, 206 и сл.

⁴¹ См. Боуда, 1957, стр. 85, 90.

лектах енисейскоязычных камасинцев на р. Мане и койбалов; ср. I, 1, 2, 5—10, 13—16 (*t*-, *-t*-, *-t*), а также 4, 11. К числу исключений следует отнести случаи, где ар. *t* соответствует асс. или кот. *d* (II, 3: *-d*-), ср. ар. *atie*, *ætie* — асс. *editu*, кот. *editu*; возможно, что это исключение снимается, если принять предложенное выше объяснение последних форм метатезой (тем более, что отмечены и «правильные» формы — кот. *ēti*, асс. *etutu*).

2. Обычно (и также, кажется, независимо от положения в слове) аринскому *t* соответствует *d* в имбацком, остяцком (диалекты, по которым есть словарные материалы XVIII века), а также во всех диалектах современного кетского языка, включая сымский; ср. II, 1, 2, 5, 9, 10 (*-d*-, *-d*-, *d*-), а также 3, 6, 8. К числу исключений относятся сопоставления I, 3, 4, 12, где ар. *t*/имб., ост., кет. *t*; однако I, 3 нельзя считать показательным примером (*-t* в конце слова с естественной нейтрализацией противопоставления по звонкости — глухости); приблизительно то же можно сказать об I, 12, где *-t* в кетском находится в положении нейтрализации только что названного противопоставления — после *k* (имб. *okden*, разумеется, лишь графическая передача слова). Сложнее объяснить I, 4, хотя и здесь, видимо, есть возможность такого истолкования кетских форм, при котором и это противопоставление является исключением.

3. Особое положение в связи с соответствиями аринскому *t* занимает пумпокольский диалект. В одних случаях — ар. *t*/пумп. *t* (I, 3, 4, 11, 12); в других — ар. *t*/пумп. *d* (II, 4, 6, 7, 8, 11); и в том и в другом случаях ар. *t* засвидетельствовано в начале, середине и конце слова. Тем не менее второй вариант (ар. *t*/пумп. *d*) кажется более доказательным (начало или середина слова между гласными); в первом же варианте не отличаются убедительностью (из-за положения в слове) три примера из четырех; исключением остается пумп. *atodu* при ар. *atie*, *ætie*.

О енисейских соответствиях аринскому *t*

Прежде всего уместно перечислить случаи, когда в источниках в одних и тех же словах или в этимологически связанных словах или в их частях наблюдаются колебания в отношении *t'*. Выше отмечались случаи мены *t/t'* (ар. *t'āma* — ар. *tāma*, ар. *eit'ōl* — ар. *eitōl* и т. п.); поэтому нет нужды повторять их. Видимо, исключительно графический характер имеют варианты *t'/th'* [ср. ар. *es b'at'āntu* (М., Сл., Кл.) — ар. *esb'athianta* (Срсл.) (= **b'at'anta*?)] и *t'/t'g* [ср. ар. *t'ūra* (М., Сл., Кл.) — ар. *t'gura* (Срсл.: «*тыгура*») 'красный' (= **t'ūra*?)]. Гораздо существеннее такие случаи колебания, которые имеют звуковую основу; речь идет о *t'/l'* и *t'/l'h(l'g)*, ср. ар. *t'ul'ap* (Кл.) — ар. *l'ul'ap* (М.,

Сл.) 'веревка', ар. *t'āgut* (М., Кл.) — ар. *l'hjagut* (Сл. 1), *l'hiagut* (Сл. 2) 'жаждущий', ар. *t'ēmbir'an* (М., Сл.), *t'ēmbirgang* (Кл.) — ар. *l'gembir'an* (Срсл., т. е. «*льгембирьян*») 'корень'.

I. Случаи соответствия *t'* в аринском *t'* в других енисейских языках

1. Ар. *t'ūma* 'черно' — кот. *t'ūma* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *t'um* (Castr.).
2. Ар. *t'uburun*, *t'uburun* 'глина' — асс. *t'ū* (М., Сл., Кл.), *t'ū* (Срсл. «*тыху*»).
3. Ар. *t'ēmbir'an*, *t'ēmbirgan* 'корень' — кот. *t'ēmbulan* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *l'giembulan* (Срсл.); ср. также кот. *t'empul*, *t'ēmpul* (Castr.).
4. Ар. *t'e* 'снег' — кот. *t'ik* (Castr.), кет. *t'ik* (Donn.), *t'ik* (Д., ел.).
5. Ар. *eit'ōl* 'дверь' — кот. *at'ol*, *at'ol* (Castr.).
6. Ар. *t'ūja* 'корова' — кот. *t'igæ*, *t'iæ* (Castr.).

II. Случаи соответствия *t'* в аринском *t* (перед гласным переднего ряда) в других енисейских языках

1. Ар. *t'āma* 'белый' — асс. *tegama* (М., Сл., Кл., Срсл.), *tiekama* (Кл.), кот. *tegama* (М., Сл., Кл., Срсл.), имб. *tegana* (Кл.); ср. кот. *t'ēgam*, *t'ēkam* (Castr.), ел. *täYəm* (Д.).
2. Ар. *kurt'u* 'озеро' — асс. *urteg* (М., Сл., Кл.), *oltegan* (Кл.), кот. *urteg* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *ūr-tēg*, *ūr-tēx* (Castr.)⁴².
3. Ар. *t'e* 'снег' — асс. *tik* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *tik* (М., Сл., Кл., Срсл.), имб. *tik* (Ад.); ср. кет. *tik* (Castr.); кур. *tik* (Д.), сым. *tig* (Donn.).
4. Ар. *ap axorent'ān*, 2. pl. praes. от 'стоять' — имб. *ækn alin-tehenen* (М.), *ækn alin-tehenen* (Сл.)⁴³.

III. Случаи соответствия *t'* в аринском *t* (перед гласным непреднего ряда) в других енисейских языках

1. Ар. *t'āma* 'белый' — пумп. *tamxo* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *tagum*, *tagum* (Ад.); ср. сым. *taum* (Castr.), кет. *tāgams*, *tagum*, *tāams*, *taim* (Donn.), кур. *taYəm* (Д., ср. ел. *tæYəm*).

⁴² Ср. кот. *tig*, *tēg*, *tēx* 'рыба', асс. *tyg*, *tyk* и даже пумп. *hite* (видимо, из **tih*).

⁴³ Другие примеры менее надежны. Так, если ар. *atje* толковать как **at'e*, то ср. имб. *eetedu* (Кл.), ост. *eetedu* (М.) (кстати, к I: при ар. **at'e* ср. пумп. *etygey* = **et'ē*?); ар. *ap axorent'ān* — имб. *ækn alin-tehenen* (если ар. ...*t'ān* из **...t'ehaŋ*?).

2. Ар. *t'ūp* в числительных (ср. *t'opt'ūp*, *šait'ūp*, *kalt'ūp*, *ægt'ūp*, *yn't'ūp*, *kina-mančau t'ūp*, *kusa-mančau-t'ūp*, *kin-t'ūp-jus*) — асс. *tukn*, кот. *tukn*, кам. *tu*, койб. *tu* в целом ряде источников в тех же числительных.

3. Ар. *t'uburup*, *t'uburun* 'глина' — пумп. *tu* (Сл., Кл., Срсл.), эд. *tū* (Мес.), имб. *tu* (Кл.), ост. *tu* (М.); ср. сым. *tu'o* (Castr.).

4. Ар. *ei't'ol* 'дверь' — асс. *atōl* (М., Сл., Кл., Ф.), *atūl* (Кл.), *atol* (Срсл.), койб. *atōl* (Ф.); ср. кот. *at'ol*, *at'ol* (Castr.).

5. Ар. *t'u* 'дым' — асс. *tu* (М., Сл., Кл.), кот. *tug* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *tu* (Castr.).

6. Ар. *t'ūja* 'корова' — асс. *tyg* (М., Сл., Кл.), *tyk* (Кл.).

7. Ар. *t'ūra* 'красный' — пумп. *tulsi* (Сл., Кл.), *tulzi* (Срсл.).

8. Ар. *t'opa*, *t'upa* 'три' — асс. *toṗ'æ* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), кот. *toṗa* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *toṗa* (Стр.), койб. *toṗa* (Ф.), *tonga* (Мес., П.); ср. кот. *tōṗa* (Castr.)⁴⁴.

9. Ар. *t'ugal* 'теленки' — асс. *tygbu* (М., Сл., Кл.)⁴⁵.

10. Ар. *æt'aṗ* *at'aṗ*, 1. sg. praes от 'стоять' — асс. *jatyken* (М., Сл., Кл.), кот. *jatyk* (М., С.), *jætyk* (Кл.); ср. кот. *ḍāteky* (Castr.)⁴⁶.

11. Ар. *t'ūma* 'черно' — асс. *tuma* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *tuma* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *tuemat* (М., Сл., Кл., Срсл.), ост. *tuums'a* (М.); ср. сым. *tum*, *tuom* (Castr.), *tu'm* (Donn.), ел. кур. *tums'*, *tu'm* (Д.)⁴⁷.

IV. Случаи соответствия *t'* в аринском *d* в других енисейских языках

1. Ар. *t'opa*, *t'upa* 'три' — пумп. *doṗa* (Сл., Кл., Срсл.), енис. *doṗem* (Ф.), имб. *doṗam* (М., Сл., Срсл.), *doṗem* (Кл.), *dotom* (Ад.), ост. *doṗem* (М.), эд. *dogom* (Мес., Кл.), бахт. *dogom*

⁴⁴ Те же соотношения см. ар. *t'opt'ūp* 'тридцать' — асс. *toontukn* (М., Сл., Кл.), *tontaguo* (Кл.), кот. *tontukn* (М., Сл., Кл.), кам. *toṗa-tu* (Стр.), койб. *toṗ-tugu* (Мес.), *taṗtugu* (П.); ар. *qoa-t'opa* 'тринадцать' — асс. *hagal-toṗiaṗ* (М.), кот. *hagal-toṗa* (Сл., М.); ар. *t'on-jus* 'триста' — асс. *toṗ palč'in-tamšu* (М., Сл.), кот. *toṗ palč'in-tamši* (М., Сл.).

⁴⁵ Ср. монг. *tugal* 'теленки'. С асс. *tygbu* ср. другие енисейские (из тюркских языков) названия теленка: асс. *byšol* (Кл.), кот. *byšou* (М., Кл.), *byšol* (Сл.), *bus'ou* (Castr.); о тюркских названиях теленка от этого корня см.: Шербаков, 1961, стр. 100.

⁴⁶ Те же соотношения см. в 1. pl. praes — ар. *æt'aṗtaṗ* — асс. *jatykendon* (М., Сл.), кот. *jatykantōn* (М., Сл.), в 3. pl. praes — ар. *æt'aṗtaṗ* — асс. *jatyken* (М., Сл.), кот. *jatykan* (М., Сл.).

⁴⁷ Возможно, этот список можно несколько увеличить при принятии ряда новых этимологий. Так, если ар. *t'opbaiji* 'позавчера' сопоставимо с имб. *tuṗusemizōṗ* (Кл.), ост. *tuṗusemizōṗ* (М.), сым. *doṗamas xōṗ* (Castr.) [где первая часть слова — 'седьмой', ср. сым. *dōṗamas*, *doṗmṗas*, кот. *dōṗamas* (см. Дульзон, 1964, стр. 134), а вторая — 'день', ср. сым. *xōṗ* (Castr.)], — то ар. *t'* / имб., ост. *t*.

(Мес.)⁴⁸; ср. сым. *dōṗām*, *dōṗ*, *doṗ* (Castr.), *dūṗe* (Donn.), кет. *doṗ*, *doṗ* (Donn.).

2. Ар. *t'u* 'дым' — пумп. *dukar* (Сл.), имб. *du* (М., Сл., Кл.), ост. *du* (М.); ср. сым. *du'o* (Castr.), кет. *du'ə*, *du'ə* (Donn.), кур. *du'* (Д.).

3. Ар. *kurt'u* 'озеро' — пумп. *danniy* (Сл.), имб. *de* (М., Сл., Кл.), ост. *de* (М.); ср. сым. *deä* (Castr.), *dje* (Donn.), кет. *dē*, *de*, *djē* (Donn.), *de'* (Д., кур., ел.).

4. Ар. *aj æt'aṗ*, *at'aṗ*, 1. sg. praes от 'стоять' — пумп. *iča-diṗdi* (Сл.), имб. *ade dihin* (М., Сл.), *dyjuhin* (Кл.), ост. *dyjuhin* (М.)⁴⁹; ср. сым. *dyfen*, *dy'äfen*, *dī'in* (Castr.), кет. *dikkən*, *dikkən* (Donn.)⁵⁰.

V. Другие соответствия аринскому *t'* в енисейских языках

Среди других соответствий надежнее всего пример ар. *t'* / асс., кот. *š* (кет. *s*, ср. ар. *t'ūra* 'красный' — асс. *šurama* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *šurama* (М., Сл., Кл., Срсл.) — имб. *sule-tam* (М., Сл.), *suleman* (Кл., Срсл.), *surbes* (Кл.), *s'ul'uma* (Ад.), ост. *surbes* (М.); ср. сым. *surbes*, *sülem* (Castr.), кет. *süləm(se)*, *surbēš* (Donn.), *sülem* (Д., кур.). В ряде примеров настораживает некоторая возможность соотнесения ар. *t'* с енис. *k* (хотя, разумеется, что-либо определенное пока утверждать рано), ср. ар. *t'āma* 'белый' — имб. *kæenam* (М., Сл., Срсл.)⁵¹; ар. *t'ēmbir'aṗ*, *t'ēmbirgaṗ* 'корень' — асс. *kempala* (Кл.)⁵². В одном случае — явная описка: ар. *t'ūma* 'черно' — асс. *puma* (Кл.) при правильном асс. *tuma* (М., Сл., Кл., Срсл.).

⁴⁸ Те же соотношения в других числительных с элементом 'три': см. ар. *qoa-t'opa* 'тринадцать' — имб. *doṗam æget* (М., Сл.), эд. *dotem-goṗum* (Мес.); ар. *t'opt'ūp* 'тридцать' — пумп. *doṗbakšyṗ* (Сл.), имб. *doṗhā* (М., Сл.), *doṗbes* (Кл.), ост. *doṗbes* (М.), эд. *doṗgaša* (Мес., Кл.); ар. *t'on-jus* 'триста' — пумп. *doṗ-utamsa* (Сл.), ост. *doṗ-kise* (М.), эд. *dogom-kışax* (Мес.), имб. *goṗha-kihæ* (М., Сл.) — описка: из **doṗha-kihæ* (см. Дульзон, 1961, стр. 157).

⁴⁹ Ср. факты, облегчающие установление подобной связи: с одной стороны, 1. sg. praes. *dī'in*, 2. sg. imper. *algutīn* (*al-gu-tīn*), 2. pl. imper. *algapteän* (*al-gap-teän*), кот. *tīni* 'стояние', *tīm-het* 'стоящий человек' (см. Castr., стр. 80—81; Боудя, 1957, стр. 101), а с другой стороны, асс. *aj jatyken*, кот. *aj jatyk*, *jætyk*. Следует помнить, что подобные отношения засвидетельствованы и в 1 и 3 pl. praes. этого глагола.

⁵⁰ Если исходить из ар. **at'e* 'жизнь', то обнаруживается еще один пример, где ар. *t'* / енис. *d* (асс., кот. *editu*, имб. *eddi*, *eddu*).

⁵¹ Ср. асс., кот. *tegama*, имб. *tegana*, ел. *tāY'm*, позволяющие реконструировать что-то подобное **te'am*, из которого можно бы было вывести и имб. *kæenam* (**kæ'e[na]m < *te'e/am?*).

⁵² Ср. кот. *t'ēmbulay* (**t'ēm-bul-*) асс. *kem-pala*, ср. асс. *pulan*, *pulay*, кот. *pulay* 'нога'. К мене *t/k* перед гласным переднего ряда в енисейских языках ср. еще имб. *tīd* (Ад.), *tīdyṗ* (М., Сл., Срсл.), *tīdiṗ*, *tydžin* (Кл.), ост. *tydžin* (М.), пумп. *tyči* (Срсл.), *tyčy* (Кл.), кур. *tīri* (Д.) 'корень' — пумп. *kediy* (Сл., Срсл., Кл.).

На основании приведенных выше сопоставлений можно формулировать ряд заключений предварительного характера:

1. Аринскому *t'* может соответствовать *t'* в коттском (ср. I, 1, 3—6), — примеры I, 3, 4, 6 при этом недостаточно показательны, так как в коттском (и, возможно, в ассанском — всего один пример: I, 2) в них после *t* следует гласный переднего ряда. Существенно, что ни один из других енисейских языков не знает *t'* в соответствии с аринским *t'* перед гласным переднего ряда (сравнение ар. *t'e* 'снег' с кет. *t'ik* по указанной причине в расчет не принимается).

2. Примеры, в которых ар. *t'* находится перед гласным переднего ряда, по-видимому, несущественны с фонологической точки зрения; обозначение мягкости *t* в таких случаях избыточно (I, 3, I, 4=II, 3).

3. В трех случаях аринскому *t'* перед гласным переднего ряда соответствует в других енисейских языках *t* перед гласным переднего ряда (II, 1, 2, 4). Если учесть, что в аринском в двух примерах из трех после *t'* находится долгий гласный переднего ряда (*t'āma*, *axorent'ān*), то напрашивается догадка об источнике последовательности *t'ā* ... в аринском в виде *te'V* ..., где *V* — любой гласный, *a'* — источник *q*, *k*, *x* или их звонких вариантов, долготы гласного или просто нуля в разных енисейских языках; таким образом, ар. *t'āma* из **te'am-*, которое в свою очередь дало кур. *taŸm*, ел. *tæŸm*, кет. *tā'ams* (при *taŸim* и т. д.), сим. *taum* и т. п. формы.

4. В большей части сопоставимых друг с другом примеров аринскому *t'* перед гласным переднего ряда соответствует *t* в других енисейских языках. Наиболее очевидные сопоставления относятся к ассанскому, коттскому, камасинскому и кой-бальскому (III, 2, 4—6, 8—10). К этой же группе, видимо, следует отнести и пумпокольский (III, 1, 3, 7, 11): особенно показателен пример I, 7, где пумпокольский противостоит кетскому; остальные факты, относящиеся к пумпокольскому, менее надежны, в частности, из-за того, что они в данном отношении одинаковы с кетскими примерами, которые могут объясняться и иначе, ср. кет. *tāgams* и под. Следует обратить внимание на три случая, когда ар. *t'*/кет. *t* (III, 1, 3, 11); это соответствие приобретает особый интерес ввиду отсутствия надежных примеров соответствия ар. *t*/кет. *t* (обычно — ар. *t*/кет. *d*). Об этом см. выше.

5. Когда аринскому *t'* соответствует *d* в других енисейских языках, то речь идет о кетских диалектах XVIII в. (имб., ост., бахт., эд.) и нынешнего времени, сымском и пумпокольском (IV, 1—4); исключений нет. Это соответствие может быть сопоставлено с другим — ар. *t*/имб., ост., сим. *d*.

6. В одном вполне надежном случае ар. *t'*/асс., кот. *š*/имб., ост., кет., сим. *s(s')*, ср. выше об ар. *t*/кет. *s*, *s'*, *š*.

О енисейских соответствиях аринскому *d*

Общее количество слов, содержащих *d* (не считая нескольких примеров с *dž*, о котором см. особо), в аринском крайне невелико — менее десятка. При этом среди таких слов — ряд несомненных заимствований, ср. *gedylči* (М., Сл., Кл.) 'говорить', *dalaj* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'море', *bugdaj* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пшеница' и др. Другая причина, препятствующая выявлению енисейских соответствий аринскому *d* в том, что более половины случаев, когда встречается *d*, относится к изолированным (внутри енисейской семьи) аринским (в том числе и заимствованным) словам: так, не имеют, видимо, соответствий ар. *šodoron* (М., Сл., Кл.) 'внутренности'⁵³, *gedylči* (М., Сл., Кл.) 'говорить', *t'ādap* (М., Сл.), *tādap* (Кл.) 'кольцо', *dalaj* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'море'; *sonde* (М., Сл., Кл.) 'мышь'⁵⁴. Таким образом, остается практически лишь одно слово, позволяющее судить о соответствиях ар. *d*, — ар. *aqodon* (М., Сл., Кл.) 'сплю' при асс. *jahatan* (М., Сл., Кл.), кот. *d'agat* (М., Сл., Кл.), возможно, сюда же кот. *d'ātan* из *d'a-atan*, как предполагает К. Боуда⁵⁵, и далее из **d'a-atan*. Ср. также имб. *ade ditogot* (М., Сл.)⁵⁶, кет. *dītōgāt* (Donn.), *dī-to-ŷoat*, сим. *dittog'oat*, *dītog'oat* (Castr.) и, возможно, императивы сим. *tarroat* из **ta-r-ŷoat*, кет. *tallat* при претеритах — соответственно *tōroŷoat*, *tōloŷoat*. Отсюда вытекает, что ар. *d*/асс., кот., кет., сим. *t*, если только верна предложенная этимология.

Показательно, что в аринском нет примеров, в которых встречалось бы *d'*, хотя в других енисейских языках оно известно (ср. коттский).

О енисейских соответствиях аринскому *p*

В источниках XVIII в. аринскому *p* в словах того же самого корня или просто в тех же словах могут соответствовать три разных способа написания: во-первых, ар. *p*/ар. *p'* [ар. *itpak* (Кл.) 'хлеб' — ар. *itp'ak* (М., Сл., Срсл.)], во-вторых, ар. *p*/ар. *p'h* [ар. *paj-ige* (М.) 'пихта' — ар. *p'hajd'a* (М., Кл.); ар. *pogejši* (Стр.) 'соболь' — ар. *p'hugajši* (М., Сл., Кл.)], в-третьих, ар.

⁵³ Ср., впрочем, кур. *tōlŷn* (Д.), имб. *ptuulen* (М., Сл.), асс. *tululan* (М., Сл., Кл.), *tutula* (Кл.) [?].

⁵⁴ Возможно, сюда же следует отнести ар. *gonda* (М., Сл., Кл.) 'узда'; ср., однако, асс. *xiŷan* (М., Сл., Кл.), *hiŷanu* (Кл.), кот. *hiŷan* (М., Сл., Кл.) [?].

⁵⁵ См. Боуда, 1957, стр. 121.

⁵⁶ Ср. также ар. *bon aqodon* (М., Сл.) 'не сплю' при асс. *mon jahatan* (М., Сл.), кот. *mon d'agat* (М., Сл.).

p/ар. # [ар. *šhjamptu* (М., Кл., Сл. 1) 'высокий' — ар. *šhjamtu* (Сл. 2, Срсл.). С фонетической и фонологической точек зрения эти случаи (при наличии ряда неясностей) различны, ср. последний случай, где появление *p*, кажется, обязано исключительно графическому приему, и второй случай (*p* — *p'h*), в котором различия в письменной передаче надежно подкрепляются различиями на звуковом уровне.

I. Случаи соответствия *p* в аринском *p* в других енисейских языках

1. Ар. *paj* 'ветер' — асс. *pej* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *pej* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *jarej* (Стр.), койб. *jarej* (Мес., П.); ср. кот. *pēi* (Castr.).
2. Ар. *pis* 'вечер' — асс. *pidžiga* (М., Сл., Кл., Срсл.), *pičiga* (Кл.), кот. *pičiga* (М., Сл., Кл., Срсл.)⁵⁷; ср. кот. *pīš* (Castr.).
3. Ар. *peṇ*, *pieṇ* 'земля' — асс. *paṇ* (М., Сл., Кл., Срсл.), *paṇ* (Кл.), кот. *paṇ* (М., Сл., Кл., Срсл.), койб. *paṇ* (Мес., П.); ср. кот. *paṇ* (Castr.).
4. Ар. *pil* 'нога' — асс. *pulaṇ* (М., Сл., Кл., Срсл.), *pulan* (Кл.), кот. *pulaṇ* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *pul* (Castr.; но *bulaṇ*!).
5. Ар. *ipon* 'листья' — асс. *jiṇan* (М., Сл., Кл.), *giṇan* (Кл.), пумп. *xogon-dyṇin* (Сл.); ср. кот. *d'ipi* (Castr.)⁵⁸.
6. Ар. *poš* 'penis' — асс. *piš* (М., Сл., Кл.), кот. *piš* (М., Сл., Кл.).
7. Ар. *ejš paraṇ* 'небо' — асс. *ašparaṇ* (Сл.)⁵⁹.
8. Ар. *paša-ul* 'море' — кот. *peša-ul* (М., Сл., Срсл.), *paša-ul* (Кл.).
9. Ар. *ip'a*, *ырæ*, *b'ar* 'отец' — асс. *op* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), кот. *op* (М., Сл., Кл., Срсл.), койб. *op* (Ф.), имб. *op* (Ад.); ср. кот. *ōp*, а также *ōpaše*, *ōpananše* (Castr.).
10. Ар. *pindžal* 'подбородок' — асс. *pindžolan* (М., Сл., Кл.), кот. *pundžol* (М.), *pinčol* (Сл., Кл.), пумп. *pinet* (Сл.).
11. Ар. *pis* 'сеять' — асс. *pičiga* (Сл.), кот. *pičaga* (Сл.).
12. Ар. *pon'a*, *pinæ* 'утка' — асс. *pin* (М., Сл., Кл., Срсл.), *ryn* (Кл.), кот. *pin* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *pin* (Castr.).
13. Ар. *itpak* 'хлеб' — асс. *itpak* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *itpan* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *itpak* (Castr.; **iptak*).
14. Ар. *kerep* 'судно' — асс. *kerep* (Кл., Срсл.), кот. *kerep* (Сл., Кл., Срсл.)⁶⁰.
15. Ар. *al'ar* 'язык' — асс. *alūr* (М., Сл., Кл.), *alup* (Срсл.), кот. *alup* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *alup*, *alūr* (Castr.).

⁵⁷ Сюда же ар. *pis* (М., Кл.) 'поздно' — асс. *pičiga* (М., Кл.), кот. *pičaga* (М., Кл.).

⁵⁸ К этимологии см. Боуда, 1957, стр. 82.

⁵⁹ Сюда же ар. *esperaṇ* 'облако' — асс. *ašparaṇ*, кот. *ašparaṇ* (М.); ср. кот. *ašpar*, *ašpor* (Castr.). К этимологии см. Боуда, 1957, стр. 93.

⁶⁰ Сюда же ар. *kerep* 'лодка' — асс. *kerep* (М., Сл.), кот. *kerep* (М., Сл.).

16. Ар. *kaptu* 'ножницы' — кот. *kaptu* (М., Сл., Кл.); ср. *kaptu* (Castr.).

17. Ар. *tēp*, *ter* 'железо' — асс. *tīp* (М., Сл.), кот. *tīp* (М., Сл.); ср. кот. *t'ip* (Castr.)⁶¹.

18. Ар. *kulep* 'горностай' — имб. *kulep* (М., Сл.), бахт. *kulep* (Мес.), ад. *kulep* (Мес., Кл.); ср. кот. *hulup* (Castr.), кет. *kular*, *kulār* (Castr.), кур. *kul'æp* (Д.).

19. Ар. *ilčar* 'собака' — асс. *alčip* (М., Сл., Кл.), *alsip* (Кл.), кот. *alčip* (М., Сл., Кл.), пумп. *čyp* (Кл.), имб. *tīp* (М., Сл.), *čip*, *tīp* (Кл.), *тыр*, *иктыр* (Ад.), ост. *čip* (М.), ад. *тыр* (Мес.); ср. кот. *alsip*, *ig alsip*, кет. *tīp*, *tīp*, *t'ip* (Castr.), *t'ip*, *t'ip*, *t'ib* (Donn.), кур. *tīp* (Д.).

20. Ар. *qor* 'спина' — кот. *hapar* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *kolpar* (Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *hapar* (Castr.)⁶².

21. Ар. *paj-ige* 'пихта' — имб. *proje* (Кл.), ост. *proje* (М.).

22. Ар. *korolep* 'борода' — асс. *xulūr* (М., Сл., Кл.), *xlup* (Кл.), *xulup* (Срсл.), кот. *hulup* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *xlepuk* (Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *hulup* (Castr.; **halūr*).

II. Случаи соответствия *p* в аринском # в других енисейских языках

1. Ар. *korolep* 'борода' — имб. *kul'e* (Кл.), *kull'u* (Ад. 1), *kullu* (Ад. 2), ост. *ku'e* (М.); ср. кур. *kūl'e*, *kūl* (Д.).
2. Ар. *ilčar* 'собака' — пумп. *ci* (Сл., Кл.)⁶³.

III. Случаи соответствия *p* в аринском *b* в других енисейских языках

1. Ар. *peṇ*, *pieṇ* 'земля' — пумп. *biṇ* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *bāṇ* (М., Сл.), *baṇ*, *baḥ* (Кл., Срсл.), *bak* (Ад.), ост. *baṇ* (М.), ад. *baṇ* (Мес.); ср. сим. *baṇ* (Castr.), кет. *baṇ*, *bāṇ*, *ba'ṇ* (Donn.), кур. *baṇ* (Д.).
2. Ар. *pil* 'нога' — имб. *bul* (Ад.); ср. сим. *bul* (Castr.), кет. *bul* (Donn.), кур. *bul* (Д.).
3. Ар. *poš* 'penis' — имб. *buis* (М., Сл., Кл.), ост. *dabuis* (М.); ср. кет. *bəʔs*, *bys* (Donn.), кур. *byʔs* (Д.).
4. Ар. *pis* 'вечер' — пумп. *bičidin* (Сл., Кл., Срсл.), *bis* (Кл., Срсл.), имб. *bis* (М., Сл., Кл.), *bis* (Срсл., Ад.), ост. *bis* (М.)⁶⁴.
5. Ар. *pon'a*, *pinæ* 'утка' — пумп. *ban* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *bæṇ* (М., Сл., Срсл.), *byn*, *ben* (Кл.), *byn* (Ад.), ост. *byn*

⁶¹ К этимологии см. Доннер, 1920.

⁶² К этимологии см. Боуда, 1957, стр. 90.

⁶³ Не вполне ясно отношение ар. *kerep* 'судно' к асс. *kura* (Срсл.) и кот. *kura* (Срсл.) при асс., кот. *kerep* и асс. *kep* (Кл.).

⁶⁴ Сюда же ар. *pis* 'поздно' — имб. *bis* (Кл. и, может быть, М., где *bis* зачеркнуто), ост. *bis* (М.), кур. *bis* (Д.).

(М.); ср. сым. *bän, beän, ben* (Castr.), кет. *baʔən, bəʔən* (Donn.), кур. *baʔn, ben* (Д.).

6. Ар. *ip'a, ырæ, b'ap* 'отец' — асс. *æb* (Кл.), пумп. *ab* (Сл., Кл., Срсл.), енис. *obo* (Ф.), имб. *ob* (М., Сл., Кл., Срсл.), *obo* (Кл.), ост. *obo* (М.); ср. сым. *ūB*, кет. *ob* (Donn.), кур. *ob, obo* (Д.).

7. Ар. *raj* 'ветер' — асс. *bej* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *baj* (Сл., Срсл.), *boi* (Кл.), эд. *beegh* (Мес.), имб. *bej* (М., Сл., Кл., Срсл., Ад.), ост. *bej* (М.); ср. сым. *bei* (Castr.), кет. *b'ej* (Donn.)⁶⁵.

8. Ар. *polpieŋ* 'град' — имб. *balbedeŋ* (М., Кл., Срсл.), *ban-bel* (Ад.), эд. *balvetig* (Кл.); ср. сым. *balbedeŋ* (Castr.), кур. *bal-bereŋ* (Д.).

9. Ар. *peŋaul'on, poŋaul'or* 'вижу' — пумп. *ad banlagon* (Кл.), ост. *ad banlagon* (М.); ср. сым. *bapsuoga* (Castr.), кет. *bapsəgat, bupsogət* (Donn.) 'он смотрит' и др.⁶⁶; пумп. *bup jaxaldi* (Сл.) [?].

10. Ар. *qor* 'спина' — имб. *xobet, bgebet* (Кл.), *bgæbet* (М., Сл., Срсл.), ост. *daɬobet* (М.); ср. сым. *k'ābet* (Castr.), кет. *qābət* (Donn.), кур. *qobət* (Д.).

11. Ар. *ipor* 'листья' — кот. *diban* (М., Сл., Кл.)⁶⁷.

IV. Другие случаи соответствий аринскому *p* в енисейских языках

Помимо указанных уже типов соответствий (ар. *p* / енис. *p*, ар. *p* / енис. \neq , ар. *p* / енис. *b*) можно говорить еще о двух-трех типах, каждый из которых представлен, к сожалению, единичными примерами (к тому же не всегда надежными). Тем не менее их не следует игнорировать, в частности, и потому, что они могут раскрыть важные детали эволюции *p* в енисейских языках (иногда свидетельствуемые и более непосредственными показаниями). Ср., во-первых, ар. *p* / енис. *v* [ар. *qor* 'спина' — кур. *qovət* (Д.), ар. *polpieŋ* 'град' — эд. *balvetig* (Кл.)]; во-вторых, ар. *p* / енис. *f* [ар. *qor* 'спина' — сым. *xāfet, xūfet* (Castr.), ар. *ipor* 'листья' — пумп. *efig* (Кл., Срсл.)⁶⁸, ар. *pindžal* 'подбородок' — имб. *figget* (Кл.), ост. *figget* (М.)⁶⁹]; в-третьих, ар. *p* / енис. *h* [ар. *ipor*

⁶⁵ Сюда же ар. *byrki-raj* 'буря' (М., Сл., Срсл.), *byri-raj* (Кл.) — асс. *taj-bej* (М., Сл., Кл.), *tai-bii* (Срсл.), пумп. *šibaj* (Сл., Кл.), *šiebaŋ* (Срсл.), имб. *tugul-bej* (Кл.), *kebej* (Ад.), ост. *tugul-bej* (М.).

⁶⁶ Ср. ар. *bon peŋaul'or* 'не вижу' — имб. *bænde bapsoo* (М., Сл.), ост. *byn banlagon* (М.), пумп. *amut-bupjaxaldi* (Сл.) [?].

⁶⁷ Относятся ли к этим рядам соответствий ар. *bipas* 'слуга', *bipašša, bipašša* 'служанка' — имб. *bojbi* (М., Сл. 1), *bojbo* (Кл.), ост. *boibo* (М.), *xajm-bojbo* (М.) и т. п., — пока не ясно. Однако, если учесть тождество значения и анализ кот. *rašurše, rašūrši* как удвоения **rašū-raše* и связанных с ним слов, включая *beibe* и т. д. (см. Боуда, 1936, стр. 403—407), предлагаемая связь названных выше слов не исключена.

⁶⁸ Корень ар. *ip-*, пумп. *ef-* (*-or, -ig* — показатели мн. ч.).

⁶⁹ Учитывая пумп. *pinet* (Сл.), имб. *higet* (М., Сл. 1, Сл. 2), не исключена реконструкция **piŋe-*, откуда, в частности, ар., асс. *pindž-*.

'лист' — имб. *æhar* (М., Сл.), *ahun* (Кл.), ост. *ahun* (М.), ар. *pindžal* 'подбородок' — имб. *higet* (М., Сл. 1, Сл. 2), см. несколько выше, ар. *raj-ige* 'пихта' — имб. *hojokse* (М.). Остальные примеры соответствий носят совсем случайный характер⁷⁰.

* * *

Основные наблюдения над енисейскими соответствиями аринскому *p* сводятся к следующему:

1. Независимо от положения в слове аринскому *p* соответствует *p* в ассанском, коттском и в диалектах енисейскоязычных камасинцев и койбалов; ср. I, 1—20, 22 (*p-, -p-, -p*). К числу исключений следует отнести III, 6, 7, 11; из них III, 6 малопоказателен, поскольку речь идет о конце слова (асс. *æb* поэтому выглядит в данной связи не вполне убедительно), а III, 7, напротив, надежен (начало слова) и для объяснения асс. *bej* нужны особые причины.

2. Аринскому *p* соответствует *b* в имбацком, остяцком, сымском, а также во всех говорах современного кетского языка; ср. III, 1—10. Мнимыми исключениями являются I, 9, 18, 19 (конец слова); сложнее обстоит дело с I, 21 (если, разумеется, верно само сопоставление), где ар. *p-* соответствует имб., ост. *p-*.

3. Как и в случае с соответствиями аринскому *t*, особая картина в пумпокольском. С одной стороны, ср. I, 5, 10, 19, 20, 22, где (даже исключая I, 19 — конец слова) ар. *p* / пумп. *p*; с другой стороны, ср. III, 1, 4—7, 9, где ар. *p* / пумп. *b*. Второе соответствие все же кажется более надежным прежде всего из-за большей очевидности сопоставляемых фактов и из-за относительного количества соответствий в каждом из двух рядов (пумп. *p* в соответствии с ар. *p* появляется в 22,7% всех сопоставлений типа ар. *p* / енис. *p*, тогда как пумп. *b* в соответствии с ар. *p* появляется в 54,5% сопоставлений типа ар. *p* / енис. *b*).

О енисейских соответствиях аринскому *p'*

Речь идет фактически о двух примерах; в одном из них ар. *p'* / асс., кот. *p* [ар. *itp'ak* 'хлеб' — асс. *itpak* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *itpak* (М., Сл., Кл., Срсл.)], а в другом — ар. *p'* / асс., кот. *b* [ар. *šulp'a* 'земляника' — асс. *pakšulbi* (М., Сл., Кл.), кот.

⁷⁰ Ср. ар. *poš* 'пенис', с которым, возможно, сопоставимо пумп. *kutte* (Сл.) из **put-*, точно соответствующем асс., кот. *puš*. Кроме того, в аринском известен ряд изолированных (внутри енисейской семьи) слов, содержащих *p*, ср. *pipaiŋ* 'грязь', *alpolat, ol-polat* 'дитя', *ilpæ* 'жена', *tādar, t'ādar* 'кольцо', *kusip* 'копейка', *džipka* 'куница', *sajpič* 'летучая мышь', *laŋyŋtaŋar* 'молния', *qolpas* 'пальцы', *qaspa, xaspa* 'утро', *proror* 'чулки'

pokšulbe (М., Сл., Кл.)), причем *b* находится перед гласным переднего ряда. Случай с *p'h* надежнее рассматривать особо (см. ниже).

О енисейских соответствиях аринскому *p'h*

Хотя общее число аринских слов, в которых появляется *p'h*⁷¹, не превышает десятка, вопрос о енисейских соответствиях аринскому *p'h* весьма существен в силу, по крайней мере, двух обстоятельств: многообразия соответствий и отсутствия параллелизма с аналогичными звуками в других группах согласных (ср. отсутствие *t'h*, *k'h*, *b'h*). Из случаев мены *p'h* в аринском ср. ар. *p'h*/ар. *p* (ср. ар. *p'hajd'a* 'пихта' — ар. *paj-ige* 'пихта'; ар. *p'hugajši* 'соболь' — ар. *pogejši* 'соболь'); ар. *p'h*/ар. *f* (ср. ар. *phin'an* 'песок' — ар. *fin'an*, *finn'an* 'песок'). Из соответствий аринскому *p'h* в енисейских языках ср.:

Ар. *p'h*/кот. *p'h*; ср. ар. *imp'haj* 'кедр' — кот. *p'hej* (М., Сл., Кл.).

Ар. *p'h*/енис. *p*; ср. ар. *p'hian* 'грудь' — асс. *pa* (М., Сл., Кл.); ар. *imp'haj* 'кедр' — асс. *pej* (М., Сл., Кл.), пумп. *py* (Сл.), имб. *paj* (Кл.), ост. *paj* (М.); ар. *kylph'an* 'ложка' — кот. *xalpen* (М., Сл., Кл.), пумп. *hapi* (Сл.) [?]; ар. *phin'an* 'песок' — пумп. *pinnin* (Сл., Кл., Срсл.), енис. *roanin* (Ф.), имб. *roanin* (Кл.), ост. *roanin* (М.); ар. *p'hajd'a* 'пихта' — имб. *pooje* (Кл.), ост. *pooje* (М.); ар. *p'hjastap* 'росомаха' — асс. *pestap* (М., Сл., Кл.), кот. *peštap* (М., Сл., Кл.); ар. *p'hie* 'сова' — имб. *ryj* (Кл.), ост. *ryj* (М.); ар. *p'hugaj* 'хвост' — асс. *rugaj* (М., Кл.), кот. *rukaj* (М., Кл.).

Ар. *p'h*/енис. *pf*, *f*; ср. ар. *p'hian* 'грудь' — кот. *pfa* (М., Сл., Кл.), *fa* (Castr.), ср. *p'a* (Castr.); ар. *phin'an* 'песок' — пумп. *fenyg* (Кл., Срсл.), сым. *feäney* (Castr.); ар. *imp'haj* 'кедр' — сым. *fai* (Donn.); ар. *p'hie* 'сова' — сым. *fyei* (Castr.); ар. *ph'jastap* 'росомаха' — кот. *festap*, ср. *p'es'tap* (Castr.); ар. *p'hugaj* 'хвост' — кот. *fugai*, *fukai*, ср. *p'ugai* (Castr.).

Ар. *p'h*/енис. *h*; ср. ар. *phin'an* 'песок' — сым. *heäney* (Castr.), ел. *hanay* (Д.); ар. *imp'haj* 'кедр' — имб. *haj* (М., Сл.), кур. *haj* (Д.), кет. *haj* (Donn.); ар. *p'hajd'a* 'пихта' — имб. *hojokse* (М.); ар. *p'hie* 'сова' — кот. *higejš* (М., Сл., Кл.)⁷², *hikeis'e* (Castr.), сым. *hyei* (Castr.).

Ар. *p'h*/енис. *x*; ср. ар. *phin'an* 'песок' — имб. *xenee* (Ад. 1), *xene* (Ад. 2).

(не исключены связи с соответствующими словами в некоторых других енисейских языках).

⁷¹ Сюда же *ph* в ар. *kylph'an* 'ложка' и *ph* перед гласным переднего ряда в ар. *phin'an* 'песок'.

⁷² Из **pige*...? Сомнительно, чтобы сюда же относилось сопоставление ар. *p'hugajši* 'соболь' — пумп. *hiju* (Сл.) — и далее другие енисейские формы.

Остальные ряды соответствий спорны из-за неясностей этимологического характера (ср. ар. *p'horga* 'брюхо'⁷³, ар. *p'hjaga* 'рука'⁷⁴, ар. *p'hugajši* 'соболь'⁷⁵).

Обращает на себя внимание тот факт, что аринскому *p'h* обычно соответствует ассанское *p*, тогда как в коттском ему отвечают *p'h*, *p*, *pf*, *f*, *h*, а в кетском (раньше и теперь) *h*, *x* (примеры *p* гораздо менее надежны).

О енисейских соответствиях аринскому *b*

Хотя известно около сорока аринских слов, в которых встречается *b*, общее количество примеров, позволяющих выяснить енисейские соответствия аринскому *b*, невелико. Случаи колебания *b* в аринских словах одного корня практически отсутствуют [ср., впрочем, ар. *qip* (М., Сл., Кл.) 'медведь' при *kibæ* (Стр)].

1. Случаи соответствия *b* в аринском *b* в других енисейских языках

1. Ар. *bon* 'нет', 'не' — асс. *bon* (Кл.), пумп. *bejsem* (Кл.), имб. *byn* (Кл.), *bync* (Ад.); ср. кот. *bō*, сым. *ben'*, *bese* (Castr.), кет. *bən* (Donn.), кур. *bъn* (Д.)⁷⁶.

2. Ар. *t'ēmbir'an*, *t'ēmbirgan*, *l'gembir'an* 'корень' — кот. *t'iem bulan* (М., Сл., Кл.), *l'giembulan* (Срсл.) [?]⁷⁷; сюда же, видимо, асс. *tyjbul* (М., Сл., Срсл.), *tujbul* (Кл.).

3. Ар. *buga* 'бык' — асс. *boka* (Кл.), кот. *boga* (Castr.).

4. Ар. *tebe* 'верблюд' — асс. *tabat* (М., Сл., Кл.), кот. *tabat* (М., Сл., Кл.).

5. Ар. *bis* 'голубой' — асс. *urek-bas* (Кл.).

6. Ар. *kuburgan* 'лук' (растение) — асс. *kabyrgina* (М., Сл.), *kaburgina* (Кл.), кот. *kuburgenan* (М.), *kaburgenan* (Сл., Кл.).

7. Ар. *bagyr*, *bagur* 'медь' — асс. *bagyr* (М., Сл., Кл.), кот. *bagyr* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *baker*, *s'uram baker* (Castr.).

8. Ар. *kibæ* 'медведь' — кур. *qyba* (Д.), *qibboat*, *kibboat* (Donn.).

9. Ар. *balto* 'топор' — асс. *baltō* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *baltō* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *balt'u* (Castr.).

⁷³ К этимологии ср.: Боуда, 1957, стр. 80; Боуда, 1950.

⁷⁴ К этимологии ср. Симон, 1929.

⁷⁵ О *p/h/f* см. Дульзон, 1962б, стр. 41—42 (там же полемика с К. Доннером). Следует заметить, что приведенные выше случаи ар. *p'h*/енис. *p'h*, *p*, *pf*, *f*, *h*, *x* (в некоторых примерах можно предполагать и \neq) имеют (по крайней мере, как правило) фонетическое объяснение (а не морфологическое, как показывает А. П. Дульзон в связи с рядом других примеров из кетского и сымского).

⁷⁶ Ср. также отрицательное спряжение глаголов «видеть» и «спать» в источниках XVIII в.

⁷⁷ Ср., однако, ар. *pil* 'нога'.

10. Ар. *šenougbu* 'сердце' — асс. *šitabu* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *šitabu* (М., Сл. 1, Кл.), *šitabii* (Сл. 2, Срсл.)⁷⁸.

11. Ар. *b-* (как притяжательный элемент 1-го лица, ср. *bamagal* 'мой брат' при *amagal* 'брат', *b'ar* 'мой отец' при *ip'a*, *ырæ*) — кет. *b-* и под.

II. Случаи соответствия *b* в аринском р в других енисейских языках

1. Ар. *tebe* 'верблюд' — асс. *tapat* (Кл.).

2. Ар. *biq'al'a* 'дева' — пумп. *pikola* (Сл., Кл., Срсл.)⁷⁹.

3. Ар. *t'ēmbir'ar*, *t'ēmbirgar* 'корень' — кот. *tempul*, *tēmpul* (Castr.).

4. Ар. *arba* 'ячмень' — асс. *arpa* (М., Сл., Кл.).

5. Ар. *šenougbu* 'сердце' — асс. *šitapu* (Кл.); ср. кот. *s'itar*, *s'itapay* (Castr.).

III. Другие случаи соответствий *b* в енисейских языках

В одном случае отмечено соответствие ар. *b*/асс., кот. *m*; ср. ар. *bon* 'нет', 'не' — асс. *mon* (Кл.), кот. *mon* (Кл.), ср. также кот. *mon*, *monča*, *mins'o* (Castr.)⁸⁰. Соответствие ар. *b*/енис. *v* может быть подтверждено такими примерами, как ар. *kuburur* 'уголь' — асс. *kuvulan* (М., Сл.), ср. также ар. *kuburur* 'жар' — асс. *kuvulan* (Кл.). Если *-bu* в ар. *šenougbu* 'сердце' сопоставимо с названием сердца в других енисейских языках, то ар. *b*/пумп. *pf*/ост. *bh*/имб., кет., кур. *h*/имб. *g* [ср. пумп. *pfi* (Сл., Срсл.), ост. *dabhu* (М.), имб. *hu* (М., Сл., Срсл.), кур. *hū* (Д.), кет. *hū* (Donn.), имб. *gu* (Ад.)]. Наконец, около двух десятков слов, содержащих *b*, не могут быть пока сопоставлены с данными других енисейских языков.

Приведенные в этом разделе сопоставления позволяют заключить, что:

1. Чаще всего аринскому *b*, которое встречается в начале или в середине слова (непременно перед гласным или, не считая одного исключения, в интервокальном положении), соответствует *b* в ассанском и коттском; вместе с тем два убедительных примера (притяжательный элемент 1-го лица и отрица-

ние) свидетельствуют, что аринскому *b* может соответствовать *b* в кетских и сымских говорах в прошлом и в настоящем. Это наблюдение представляет интерес ввиду того, что вопрос о кетских (и других енисейских) соответствиях аринскому *d* практически оказывается неразрешенным из-за отсутствия надежных данных.

2. Остальные енисейские соответствия аринскому *b* носят спорадический характер — ар. *b*/енис. *p* (следует подчеркнуть, что такой *p* отмечен чаще всего в ассанском и кетском, ср. II, 1, 3—5, т. е. там, где как раз ожидался бы *b*, см. выше), ар. *b*/асс., кот. *m*, ар. *b*/асс. *v* и т. п.

3. Обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство аринских слов с *b* (как тех, что имеют соответствия, так и тех, которые их не имеют) принадлежит к числу заимствований и поэтому, как правило, не может рассматриваться как надежный материал для восстановления древнеенисейской картины соответствий звуку *b* или его предшественнику.

О енисейских соответствиях аринскому *b'*

Данные, позволяющие судить о енисейских соответствиях аринскому *b'*, практически сведены к минимуму, поскольку число слов, в которых встречается *b'*, минимально (см. словарь — В'). Можно указать на то, что *b'*- как притяжательный элемент (*b'ar*, *b'am'a*) чередуется с *b-* (*bamagal*). Любопытно и другое наблюдение: часто *b'* появляется в словах, в которых признак мягкости характеризует и следующий после *b'* согласный, ср. *b'am'a*, *b'uk'on*, *b'at'ānti* и даже *b'ar*, если учесть, что наличие *ip'a* (ср. еще *ырæ*) в том же значении позволяет с некоторыми основаниями реконструировать **b'ar'a* как одну из возможных в аринском языке форм названия для отца.

О енисейских соответствиях аринскому *k*

Енисейские соответствия аринскому *k* довольно разнообразны и некоторые из них могут быть подтверждены целым рядом вполне надежных примеров. Описание енисейско-аринских соответствий приводит к нетривиальным результатам, позволяя, в частности, в ряде случаев говорить об особом положении аринского языка среди енисейских в отношении *k*.

Из примеров мены *k* с другими звуками в одних и тех же или этимологически связанных словах в аринском можно отметить следующие:

ар. *k* / ар. *q*; ср. *kūt* (Стр.) 'волк' — *qut* (М., Сл., Кл.); *kibæ* (Стр.) 'медведь' — *qip* (М., Сл., Кл.); *kōt* (Стр.) 'огонь' — *qot* (Срсл.), *qott* (М., Сл., Кл.); *kus* (Стр.) 'конь' — *qus* (М., Сл. Кл.);

⁷⁸ Как трактовать такие случаи, как ар. *sajbi* 'завтра' — сым. *anbeson*, *anbesōn* (Castr.), имб. *anbus* (Кл.) и т. п.; ар. *bipas* 'слуга', *bipasša*, *bipašša* 'служанка' — имб. *bojbo* (Кл.), *bojbi* (М., Сл. 1) и др., — пока не вполне ясно.

⁷⁹ Сюда же ар. *bik'al'a* 'дочь' — пумп. *pikola* (Сл., Кл., Срсл.).

⁸⁰ Ср. противоположное отношение ар. *m*/асс., кот. *b*; ср. ар. *molat* 'сталь' при асс. *balat* (М., Сл., Кл.), кот. *bolat* (М., Сл., Кл.). О соотношении *b/m* в кет. *bōrol*, *birol* 'узел' при сельк. *mīkol* см.: Йоки, 1946; Хайду, 1953; Боуда, 1957, стр. 70.

kuisa (Стр.) 'один' — *qusej* (М., Сл., Кл., Ф.)⁸¹; *il'koj* (Срсл.) 'звезда' — *ilqoj* (М., Сл., Кл.); *kintup* (Стр.) 'двадцать' — *qinthjup* (М., Сл., Кл.); *goa-kala* (М.) 'пятнадцать' — *goa-qala* (Сл.) [ср. *qalt'ūp* (М., Сл., Кл.) 'пятьдесят'; *kog-jus* (Стр.) 'тысяча' — *qo-jus* (М., Сл., Кл., Ф.)]⁸²; из этих примеровмены *k/q* (ср. также ниже о *k/kh*) можно сделать заключение, характеризующее источники наших сведений по аринскому языку, — в материалах Страленберга, как правило, всегда пишется *k* в соответствии с *q* других источников. Примерно то же можно сказать о «Сравнительных словарях» Палласа, хотя в них, как и у Страленберга, *q* в принципе используется в записях аринских слов;

ар. *k* / ар. *q*'; ср. *okæši* (Стр.) 'лось' — *oq'ajši* (М., Сл., Кл.), ср. выше о мене *k/q*;

ар. *k* / ар. *kh*⁸³; ср. *kuisa* (Стр.) 'один' — *khuzej* (Ф., Срсл.); *birkej* (Стр.) 'господин' (у Стр. — 'König') — *bikhej* (М., Сл., Кл.);

ар. *k* / ар. *#*; ср. *kolk'ā* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'голова' — *olkæ* (Стр.); *byrki raj* (М., Сл., Срсл.) 'буря' — *byri-raj* (Кл.); отнесение сюда *goa-kina* (М., Сл., Кл.) 'двенадцать' при *qog-inæ* (Стр.) было бы ошибкой, поскольку здесь речь идет о переразложении (-o/a] *ki*... > -og *i*...) ⁸⁴.

ар. *k* / ар. *k'*'; ср. *olkæ* (Стр.) 'голова' — *kolk'ā* (М., Сл., Кл., Срсл.).

I. Случаи соответствия *k* в аринском *#* в других енисейских языках ⁸⁵

1. Ар. *kus* 'береза' — асс. *uša* (М., Сл., Кл.), *uša* (Кл.), кот. *uša* (М., Сл., Кл.), пумп. *uta* (Сл.), имб. *uuse* (М., Сл.), *uus'a* (Кл.), ост. *uus'a* (М.); ср. кот. *ūša* (Castr.), сим. *ū'os*, *uos'* (Castr.), кет. *ūs* (Donn.)⁸⁶.

2. Ар. *kul*, *kūl* 'вода' — асс. *ul* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *ul* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *ūl* (Стр.), койб. *ūl* (Мес., П.), пумп. *ul* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *ul* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), *ur* (Кл.), *ul'* (Ад.), ост. *ur* (М.), эд. *ūl* (Мес.); ср. кот. *ūl* (Castr.), сим. *ur* (Castr.), *ul*, *ūl* (Donn.)⁸⁷.

⁸¹ Сюда же *god-kuisa* (Стр.) 'одиннадцать' — *qoa-gusa* (М., Сл. 1, Кл.), *kuisa minšau* (Стр.) 'девять' — *qusamanšau* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.); *kuisa-minšau-tup* (Стр.) 'девяносто' — *qusa-manšau-t'ūp* (М., Сл., Кл.).

⁸² Относительно соотношения ар. *kus* (М., Сл., Кл., Срсл.) с ар. *aqodon* (М., Сл., Кл.) 'сплю' сказать что-нибудь определенное трудно.

⁸³ Поскольку *kh* в источниках XVIII века передает, как можно полагать с большим основанием, увулярный *q*, примеры соотношения ар. *k* / ар. *kh* дополняют уже приведенные выше факты ар. *k* / ар. *q*.

⁸⁴ О случаях типа ар. *un-jink* (Кл., Сл. 2) 'неделя' при ар. *un-jin* (М., Сл. 1) уместнее говорить в другой связи.

⁸⁵ Следует иметь в виду, что аринскому *k* в других енисейских языках может соответствовать не просто *#*, но и долгота следующего гласного звука при нуле согласного; поэтому в дальнейшем нужно обращать внимание на отражение долготы гласного.

⁸⁶ См. Хайду, 1953.

⁸⁷ Сюда же ар. *kultěj* 'сосуд' при асс. *ultěj* (М.), *uttěj* (Кл.). К этимологии *kul*, *kūl* см. Боуда, 1957, стр. 94.

3. Ар. *kur* 'дождь' — асс. *ur* (М., Сл., Кл., Срсл.), *yr* (Кл.), кот. *ūr* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *urait* (Сл., Кл., Срсл.), *ures* (Кл.), имб. *ulles* (М., Сл., Кл., Срсл.), *ules'* (Ад.), ост. *ures* (М.), эд. *ūl ette* (Кл.); ср. кот. *ur*, *ūr* (Castr.), сим. *ures* (Castr.), кет. *ulyš*, *ūlyš*, *ulis*, *ūlis* (Donn.); сюда же ар. *kur* 'влажно', 'сыро' — асс. *ura* (М., Сл., Кл., Срсл.), *urtu* (Кл.), кот. *ura* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *urga* (Сл., Кл., Срсл.) и др.

4. Ар. *kurt'u* 'озеро' — асс. *urteg* (М., Сл., Кл.), кот. *urteg* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *ūr-tēg*, *ūr-tēx* (Castr.).

5. Ар. *kina*, *kinæ* 'два' — асс. *inee* (М., Сл., Кл., Срсл.), *yna* (Кл.), *in'e* (Ф.), кот. *in'a* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *ynæ* (Стр.), койб. *ina* (Мес., П.), эд. *ynem* (Мес., Кл.), енис. *ynem* (Ф.), имб. *ynam* (М., Сл.), *ynam*, *ynem* (Мес.), ост. *ynem* (М.); ср. кот. *ina* (Castr.), сим. *ynām*, *yn*, *yenāp* (Castr.), кет. *yn*, *yn*, *in*, *in*, *ine*, *ūn*, *ənar*, *enar* (Donn.); сюда же — слова для двенадцати, двадцати, двухсот, двух тысяч [ср. ар. *goa-kina* — имб. *ynem-øget* (М., Сл.), *ynem-ogem-xogem* (Кл.), кам. *haga-inæ* (Стр.), койб. *haga-inæ* (Мес.), эд. *ynem-gojum* (Мес.), кот. *hagal-in'a* (М., Сл., Кл.); ар. *kintup* (Стр.) — асс. *intukn* (М., Сл., Кл.), *yntugu* (Кл.), кот. *intukn* (М., Сл., Кл.), кам. *yn-tup* (Стр.), койб. *yntugu* (Мес.); ар. *kin-jus* (М., Сл., Кл.) — асс. *inpalčintamšu* (М., Сл., Кл.), *ynam-paldamcia* (Кл.), кот. *inpalčintamši* (М., Сл., Кл.), имб. *ynhæ-kihæ* (М., Сл.), *yn-kise* (Кл.), ост. *yn-kise* (М.), эд. *ynem-kyšax* (Мес.); ар. *kint'ūp-jus* (М., Сл.) — асс. *intukn-p'alčintamšu* (М., Сл.), кот. *intukn palčintamši* (М., Сл.), эд. *ynem-xo-kyšax* (Мес.), и др.]; ср. также I, 6 — «восемь».

6. Ар. *kinamanšau*, *kinam manšau*, *kina-minšau* 'восемь' — кот. *ynæm-bænsen-xogem* (М.), имб. *ynam-bænsen-xogem* (Сл.), *ynem-benzem-xoem* (Срсл.), *ynem-bojsem xogem* (Кл.), *indim-byns'am* (Ад. 1), *in'am byns'am* (Ад. 2), енис. *ynem-bojsem-xogem* (Ф.), ост. *ynem-bojsem-xogem* (М.), эд. *ynem boče xogem* (Мес.); ср. сим. *ynā bēse xuos*, *yenāp bynzem k'uos'* (Castr.), а также слова для числительных «восемнадцать», «восемьдесят», «восемьсот», где повторяются те же соотношения [ср. ар. *kina-manšau t'ūp*, *kina-minšau-tup* — имб. *ynem bænsen-koha-kihæ* (М., Сл.), эд. *ynem-boče-xogem-gogum* (Мес.), *ynem-boče-xogem-xojum* (Кл.) и др.].

7. Ар. *kuši* 'жаркий' — пумп. *uttyčidin* (Сл.), *uttyči* (Срсл.), имб. *uusem* (Кл.), *uesam* (М., Сл., Срсл.), ост. *uusem* (М.).

8. Ар. *kōt* 'огонь' — койб. *ōt* (Мес., П.).

II. Случаи соответствия *k* в аринском *k* в других енисейских языках

1. Ар. *korgoldžin* 'олово' — асс. *korgoden* (М., Сл., Кл.), кот. *korgot* (М., Сл., Кл.); сюда же ар. *korgoldžin* 'свинец' при асс. *korgoden* (Сл., Кл.), кот. *korgot* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *korkotu*, *korogotu* (Castr.).

2. Ар. *kazak* 'русский' — асс. *kazak* (М.).
3. Ар. *kumyš* 'серебро' — асс. *kumīs* (М., Сл., Срсл.), *kumīs*, *kytyš* (Кл.), кот. *kumyš* (М., Сл., Кл., Срсл.), пумп. *kytyš* (Кл.); ср. кот. *kumyš* (Castr.).
4. Ар. *kerep* 'судно' — асс. *kerep* (Кл., Срсл.), кот. *kerep* (Сл., Кл., Срсл.)⁸⁸.
5. Ар. *kuburur* 'уголь' — асс. *kuvulan* (М., Сл.)⁸⁹.
6. Ар. *it'pak*, *itpak* 'хлеб' — асс. *itpak* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *itpak* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *itpak* (Castr.).
7. Ар. *kulun* 'жеребенок' — асс. *kulun* (М., Сл., Кл.), кот. *kulun* (М., Сл., Кл.).
8. Ар. *askыр* 'жеребец' — асс. *askir* (М., Сл., Кл.), *askыр* (Кл.), кот. *askыр* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *askar* (Castr.).
9. Ар. *kut*, *kat* 'дорога' — пумп. *kōt* (Сл.).
10. Ар. *kus* 'дом' — пумп. *hukut* (Сл., Кл., Срсл.).
11. Ар. *kulep* 'горностай' — имб. *kulep* (М., Сл.), бахт. *kulep* (Мес.), эд. *kulep* (Мес., Кл.); ср. сим. *kular*, *kulär* (Castr.), кур. *ku'ær* (Д.).
12. Ар. *kolk'ā* 'голова' — пумп. *kolka* (Сл., Кл., Срсл.).
13. Ар. *kuburgan* 'лук' — асс. *kabyrgina* (М., Сл.), *kaburgina* (Кл.), кот. *kuburgan* (М.), *kaburgan* (Сл., Кл.).
14. Ар. *kajak* 'масло' — кот. *kajak* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *kajax[g]* (Castr.).
15. Ар. *kaptы* 'ножницы' — кот. *kaptu* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *kaptu* (Castr.).
16. Ар. *birkej* 'господин' (Стр. — 'König') — имб. *kij* (М., Сл., Кл.), ост. *kij* (М.)⁹⁰.
17. Ар. *sojakear* 'смеюсь' — асс. *čakajgan* (М., Сл., Кл.), кот. *čakag* (М., Сл., Кл.); ср. кот. *čakājan* (Castr.)⁹¹.
18. Ар. *kuisa* 'один' — имб. *kus'am* (Ад.).

III. Случаи соответствия *k* в аринском *q* в других енисейских языках

1. Ар. *kut*, *kat* 'дорога' — кур. *qo't* (Д.).
2. Ар. *okæši* 'лось' — кур., ел. *qaj* (Д.), кет. *qaj*, сим. *qaje* (Donn.).
3. Ар. *kibæ* 'медведь' — кур. *qyba* (Д.), кет. *qībāt* (Donn.).

⁸⁸ Сюда же ар. *kerep* 'лодка' — асс. *kerep* (М., Сл.), кот. *kerep* (М., Сл.).
⁸⁹ Сюда же ар. *kuburur* 'жар' — асс. *kuvulan* (Кл.); ср. сим. *kūfel* (Castr.) 'уголь' при кот. *hupōi* (Castr.).

⁹⁰ Может быть, ар. *birkej* из *birka* 'большой', 'великий' (ср. М., Сл., Кл., Срсл.) + *kij*, *kuj* и т. п. в результате гаплогонии. Правда, при таком предположении не ясно, о каком из *k* идет речь. Ср. имя «канского мужика», «котовца» Пыркей, которое не раз встречается в деловых документах первой половины XVII в., относящихся к сношениям русских с енисейцами; ср., например, «Челобитную атамана Ермака Остафьева» (1629 г.), см. Миллер, 1941, стр. 344—345.

⁹¹ Может быть, ар. *k* / енис. *k* находит дополнительный пример в сопоставлении ар. *karqott* 'пьяный' — пумп. *kardidi* (Сл.).

IV. Случаи соответствия *k* в аринском *h* в других енисейских языках

1. Ар. *kina*, *kinæ* 'два' — пумп. *hinear* (Сл., Кл.)⁹².
2. Ар. *kinamančau*, *kinat mančau*, *kina-minšau* 'восемь' — пумп. *hinbasiaj* (Сл., Срсл.); сюда же ар. *kin-jus* 'двести' — пумп. *hin-utamsa* (Сл.), ар. *kint'ūr-jus* 'две тысячи' — пумп. *hinbeča-utamsa* (Сл.), ар. *kintur* 'двадцать' — пумп. *hediaj* (Сл.), а также ар. *kina-mančau t'ūr*, *kina-minšau-tur* 'восемьдесят' — пумп. *hin-basi-tudi* (Сл.).
3. Ар. *kus* 'дом' — асс. *huš* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *huš* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. кот. *hučapear* (Castr.).
4. Ар. *kōt* 'огонь' — асс. *hat* (М., Сл., Кл., Срсл.).
5. Ар. *kuisa* 'один' — асс. *huča* (Кл.)⁹³, кот. *huča* (М., Сл., Кл., Срсл.); ср. *hūča* (Castr.)⁹⁴.
6. Ср. *kulep* 'горностай' — кот. *hulup* (Castr.)⁹⁵.
7. Ар. *kog-jus* 'тысяча' — асс. *hag p'alč'in-tamšū* (М., Сл., Кл., Ф.), кот. *hag palč'in tamši* (М., Сл., Кл.), кам. *hag-dus* (Стр.); ср. кот. *hāg ujākы* (Castr.).

V. Случаи соответствия *k* в аринском *x* в других енисейских языках

1. Ар. *kūt* 'волк' — пумп. *xotu* (Сл.), имб. *xыта* (Кл.), ост. *xyyta* (М.), эд. *xūt* (Мес.).
2. Ар. *kus* 'дом' — асс. *xыš* (Кл.), имб. *xūs* (М., Сл., Срсл.), *xuš* (Кл.); ср. сим. *xus*, кет. *xus* (Donn.).
3. Ар. *kulun* 'жеребенок' — пумп. *xilun-kut* (Сл.).
4. Ар. *kylph'an* 'ложка' — кот. *xalpen* (М., Сл., Кл.).
5. Ар. *kōt* 'огонь' — кот. *xott* (М., Сл., Кл.), *xot* (Срсл.).
6. Ар. *kuisa* 'один' — пумп. *xuta* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *xusam* (М., Сл., Кл.), *xuzat* (Срсл.), *xusem* (Кл.), бахт. *xusem* (Мес.), енис. *xusem* (Ф.), *xuzem* (Ф.), ост. *xusem* (М.), эд. *xusem* (Мес., Кл.); ср. сим., кет. *xūse* (Donn.)⁹⁶; сюда же ар. *qod-kuisa* 'одиннадцать' при ост. *xusem-ogem-xogem* (М.), эд. *xusem-gojum* (Мес.).
7. Ар. *korgoldžin* 'олово' — пумп. *xorgosin* (Сл.)⁹⁷.
8. Ар. *okæši* 'лось' — пумп. *xaju* (Сл.), имб. *xaaja* (Кл.), ост. *xaaja* (М.).

⁹² Пумп. *ninear* (Срсл.), вероятно, описка.

⁹³ Как интерпретировать асс. *hautu* (М., Сл., Кл., Срсл.) при пумп. *xuta* (Сл., Кл., Срсл.), сказать трудно.

⁹⁴ Ср. также ар. *qod-kuisa* 'одиннадцать' при кот. *hagal-huča* (М., Сл., Кл.).

⁹⁵ Относительно ар. *birkej* 'господин' при асс. *hij* (М., Сл.), *hu*, *huj* (Кл.), кот. *hii* (М., Сл., Кл.) возникают те же сомнения, которые были высказаны выше.

⁹⁶ Не исключена связь с кам. *xuodžx* (Стр.), койб. *xuodžx* (Мес.), *xuodža*, *xuodže* (П.).

⁹⁷ Ср. пумп. *tum-xorgosin* (Сл.) 'свинец'.

9. Ар. *kazak* — кот. *xazak* (М.).

10. Ар. *kog-jus* 'тысяча' — пумп. *xa-utamsa* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *xo-kise* (Кл.), енис. *xo-kise* (Ф.; *kize*), ост. *xo-kise* (М.).

11. Ар. *kut, kat* 'дорога' — имб. *xōt* (М.), *xot* (Сл.), *xod* (Кл.), ост. *xod* (М.), енис. *xod* (Ф.).

VI. Другие случаи соответствий аринскому *k* в енисейских языках

Иногда встречаются примеры соответствия ар. *k* / енис. *kx*; ср. ар. *kūt* 'волк' — имб. *kxwite* (М., Сл.); ар. *okæši* 'лось' — имб. *kxaaje* (М., Сл.). Возможно, что сопоставление ар. *sojakear* 'смеюсь' с ост. *ad šaagen* (М.) или имб. *džaagen* (Кл.) дает основание для постулирования соответствия ар. *k* / ост., имб. *g*. Некоторые примеры соответствий аринскому *k* остаются вовсе не ясными.

* * *

Среди выводов, которые можно сделать из наблюдений над соотношением *k* в аринских словах с соответствующими звуками в сопоставимых словах других енисейских языков, важнее других следующие:

1. В целом ряде случаев начальному *k* в аринских словах, принадлежащих к исконной лексике, соответствует \neq в сравниваемых словах других енисейских языков, ср. вполне надежные примеры I, 1—7. Что касается ар. *kōt* 'огонь', то *k* вместо ожидаемого *q*, появляющегося регулярно в других источниках, объясняется тем, что этот пример записан Страленбергом, у которого и в других случаях обычно встречается *k* вместо *q* других источников; пока трудно сказать, следует ли объяснять появление *k* вместо *q* у Страленберга фонетически (переход енисейского *q* в *k* в диалекте, обследованном им) или дефектом слуха исследователя. Чрезвычайно любопытно, что аринский язык в отношении начального *k* в разобранных выше случаях противостоит всем другим енисейским языкам, сохраняя, возможно, наиболее архаическое состояние. Другие енисейские языки либо бесследно утратили *k* (или генетически связанный с ним согласный звук), либо приобрели долготу следующего гласного (видимо, как компенсацию). Ср. I, 1 (кот., имб., ост., кет., сым.), 2 (кот., кам., койб., эд., сым.), 3 (кот., эд., кет.), 4 (кот.), 5 (кот., кет.), 7 (имб., ост.)⁹⁸; характерно, что пример, являющийся исключением (I, 8) ведет себя иначе и в этом отношении (*kōt*); иногда

⁹⁸ Среди всех других енисейских языков, исключая аринский, особое положение в этом отношении занимает пумпокольский (*h* — в соответствии с ар. *k*-, см. ниже). Однако скудость примеров (пумп. *hinear, hin-* — при ар. *kina, kinæ*) и наличие противоположных по характеру соответствий типа ар. *k-* / пумп. \neq заставляют быть особенно осторожным (ср. названия воды, дождя, слово «жаркий»).

в примерах, сопоставимых с аринскими словами с начальным *k*-, в курейском и елогуйском говорах, отмечается гортанный смычный, изображаемый как ?; ср. кур. *ʔuos'e* (Д.) 'береза'; ел. *ʔyʔn sannōsen* (Дульзон, 1964, стр. 122) и др. В этом ? правдоподобно можно видеть рефлекс того же звука, который дал ар. *k* (тем более, что в курейском и елогуйском достаточно случаев, когда слово начинается с гласного; иногда, впрочем, ? исчезает и в тех случаях, где оно ожидалось бы; ср. кур. *yn der* 'два человека' и т. п.)⁹⁹. Не предпреляя вопроса о характере звука, предшествовавшего во времени ар. *k*-, кур. *ʔ*-, енис. \neq + долгота гласного в сопоставленных выше словах, можно все-таки высказать предположение о возможности ларингального как общего источника перечисленных енисейских рефлексов.

2. Соответствие аринского *k* тому же звуку *k* в других енисейских языках наблюдается, если говорить о надежных случаях, лишь в поздних заимствованиях, как правило, из тюркских диалектов Южной Сибири (ср. ар. *askyr* 'карты', *korgoldžin, kuburur, kulun, kuburgan, kerep, kajak, kumyš* и т. д.; ар. *kazak* — непосредственно из русского). Важно отметить, что эти заимствования в аринском являются общими с ассанским и коттским и обычно отсутствуют в северноенисейских диалектах; любопытно, что эти же слова были заимствованы в очень близкой форме и самодийцами — камасинцами [ср. слова со значением «жеребец», «хлеб», «русский», «олово», «свинец», «лодка», «судно», «лук» (растение), «серебро», «масло»¹⁰⁰]; следует указать, что чаще всего *k* в этих примерах начинает собой слово. Некоторые случаи соответствий ар. *k* / енис. *k* нуждаются в пояснении. Так, *kus* 'дом' и *kuisa* 'один' отмечены лишь у Страленберга; им противостоит достаточно большое количество примеров типа асс. *huš* (М., Сл., Кл., Срсл.), *xyš* (Кл.), кот. *huš* (М., Сл., Кл., Срсл.), имб. *xūs* (М., Сл., Срсл.), *xiš* (Кл.), ср. также пумп. *hukut* (Сл., Кл., Срсл.), с одной стороны, и ар. *qusej* (М., Сл., Кл., Ф.), *khuzej* (Ф., Срсл.), ср. кур. *qūs'et*, ел. *qūsæt* (Д.), с другой стороны; эти примеры делают несомненным предположение о том, что названные слова в аринском начинались с *q*, а не с *k*. Возможно, что подобным же образом следует трактовать начальный согласный в ар. *kut, kat* 'дорога' (осо-

⁹⁹ Сходным образом, видимо, следует объяснить и авар. *ʔor* 'река', где ларингальный свидетельствует о дорсальном звуке (ср. ар. *k*-), некогда начавшем это слово. Кстати, именно это аварское слово (как и ряд других аускаро-кавказских параллелей) сопоставляет К. Боуда с ар. *kul, kur* и т. п. (см. Боуда, 1957, стр. 94). Из других этимологий, обращение к которым бесполезно для выяснения вопроса о характере начала слова в примерах, где ар. *k*-, енис. \neq или *ʔ*-, ср.: о названии воды — помимо указанной работы К. Боуда см.: Лафон, 1951, стр. 75; Тайёр, 1958, стр. 415 и сл. (см. также «дождь», «озеро»); о слове «два» — Рамстедт, 1907, стр. 1 и сл.; Доннер, 1920, стр. 1 и сл. (это же относится к слову «восемь»); о названии березы — см. Боуда, 1957, стр. 75; Хайду, 1953, стр. 73 и сл.

¹⁰⁰ См.: Йоки, 1952; Доннер, 1944.

бенно если говорить о более древнем виде этого слова), учитывая имб. *xōt* (М.), *xot* (Сл.), *xod* (Кл.), енис. *xod* (Ф.), ост. *xod* (М.) и прежде всего кур. *qoʔt* (Д.)¹⁰¹. Слово «горностай» похоже на заимствование (возможно, из самодийских языков)¹⁰², что объяснило бы соотношение ар. *k*-/енис. *k*-. Относительно слова «смеюсь» в енисейских языках существуют неясности в деталях.

3. Реальность соответствия ар. *k*/енис. *q* может подтвердиться лишь в том случае, если считать, что в известный период *q* перешло в аринском в *k* (ср. ар. *kat*, *kut*, а также *okæši* и *kibæ*, в которых *k* известно лишь из записей Страленберга). Вероятно, кое-где такой переход действительно осуществлялся, однако предполагать его всеобщий (для аринского) характер на основании *k*- в слове «дорога», отмеченном во всех источниках, все-таки трудно, учитывая противоречащие этому переходу факты; следует иметь в виду иные возможности объяснения, о чем косвенно свидетельствует и пумп. *kbat* (Сл.) с *k*- вместо ожидаемого *x*-.

4. Та же проблема, о которой говорилось в связи с ар. *k*/енис. *q*, возникает и при анализе соответствия ар. *k*/енис. *h*, поскольку это *h* по всем имеющимся данным в примерах IV, 3—5, 7 восходит к *q* (все эти случаи находятся у Страленберга). Ар. *k*/кот. *h* в связи с названием горностая остается неясным (см. выше). Зато весьма примечательным нужно считать подтвержденное двумя источниками в двух словах (хотя и однокоренных) соответствие ар. *k*-/пумп. *h*-. О других енисейских соответствиях начальному аринскому (исконному) *k*- см. выше.

5. Аринскому *k* соответствует *x* в других енисейских языках¹⁰³ в двух группах случаев. Во-первых, это соответствие можно наблюдать в примерах V, 1, 2, 5, 6, 8, 10, где имеются в виду формы, записанные Страленбергом (слова «волк», «дом», «лось», «огонь», «один», «тысяча») и предполагающие более древнее *q*- на месте *k*- в аринском. Во-вторых, это соответствие ар. *k*/енис. *x* отмечено в относительно поздних заимствованиях, ср. V, 3, 4, 7, 9 (причем *x* отмечено в соответствии с ар. *k* в котском и пумпокольском). Вне этих двух групп остается лишь один пример — название для дороги, уже не раз выступавшее как исключение и нуждающееся в особом объяснении.

6. Остальные случаи енисейских соответствий аринскому *k* малопоказательны из-за их единичности (тем более что, например, в обоих случаях, когда ар. *k*/имб. *kx*, аринские слова взяты в форме, засвидетельствованной Страленбергом: названия волка и лося).

7. Самый интересный вывод состоит, пожалуй, в том, что если исключить заимствования в аринском из неенисейских языков

и оставить в стороне сомнительные страленберговские примеры, то окажется, что, во-первых, все надежные случаи появления *k* в аринском относятся к началу слова, что, во-вторых, именно эти случаи как раз и являются исключительно аринскими (в других енисейских языках в словах, соответствующих аринским примерам, *k*- отсутствует) и что, в-третьих, постулирование *k* в общенисейском и во всяком случае доказательство его существования для определенной эпохи оказывается весьма затруднительным¹⁰⁴.

О енисейских соответствиях аринскому *k*'

В аринском *k*' встречается не более чем в десяти примерах, причем они относятся к еще меньшему числу слов и к тому же далеко не всегда достоверны. Можно думать, что *k*' отмечается в источниках XVIII в. не вполне последовательно (прежде всего имеются в виду случаи с отмеченной и неотмеченной палатализацией *k* перед передними гласными типа *k'i/ki*). Из случаев мены *k*' (кроме отмеченного выше *kolk'ā* 'голова' — *olkæ*) в аринском можно отметить лишь один тип — ар. *k*'/ар. *q*'; ср. *k'aba* (Срсл.) 'поле' — *q'abi* (М., Сл.); *utk'enon* (Срсл.) 'ухо' — *utq'ænon* (М., Сл., Кл.); *k'it* (Срсл.) 'человек' — *qit* (М., Сл., Кл.); ср. также ар. *k*'/ар. *q*; ср. *b'uk'on* (Срсл.) 'рот' — *b'ugon* (М., Сл., Кл.), *qon* (Стр.)¹⁰⁵. Существенно отметить, что все эти случаи, когда появляется *k*', относятся к одному источнику — «Сравнительным словарям аринских наречий»¹⁰⁶. Насколько можно судить по данным большинства источников и по этимологическим соображениям в ряде этих примеров («поле», «рот», «ухо»), речь идет не о *k*', а о *q*' (в одном случае о *q*). Поэтому соответствующие сопоставления будут приведены ниже — там, где будет говориться о *q*' и *q*. За исключением этих примеров остается немногое.

Ар. *k*'/енис. *k*; ср. ар. *olkæ* (Стр.) 'голова' — пумп. *kolka* (Сл., Кл., Срсл.); ар. *bik'al'a* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дочь' — пумп. *pikola* (Сл., Кл., Срсл.), ср. также *bik'al* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'мальчик', 'сын'¹⁰⁷; ар. *k'it* (Срсл.) 'человек' — пумп. *kit* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *kēt* (М., Сл.), *ket* (Срсл., Ад.), ост. *ket* (М.); ср. кет. *ket* (Donn.), кур., ел. *keʔt* (Д.).

Ар. *k*'/енис. *h*; ср. ар. *k'it* (Срсл.) 'человек' — асс. *hit* (М., Сл., Кл., Срсл.), *hbt* (Кл.).

¹⁰⁴ Следует со всей определенностью подчеркнуть: последнее заключение претендует на правильность лишь при том условии, что оно делается на основании анализа и с к л ю ч и т е л ь н о а р и н с к и х (и связанных с ними других енисейских) фактов.

¹⁰⁵ Ср. *b'ugon* (Сл.) 'лицо'.

¹⁰⁶ Иначе в ар. *bik'al'a*, *bik'al* (М., Сл., Кл., Срсл.) при ар. *biq'al'a* (М., Сл., Кл., Срсл.).

¹⁰⁷ Ср. наряду с этим ар. *biq'al'a* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дева' при пумп. *pikola* (Сл., Кл., Срсл.).

¹⁰¹ Однако согласные показания многочисленных источников относительно *k*- в этом слове вынуждают считаться с **qat*, **qut* > ар. *kat*, *kut*.

¹⁰² См. Боуда, 1957, стр. 71.

¹⁰³ Кроме одного примера речь всегда идет о начальном *k*-.

Ар. *k'* / пумп. *f*; ср. ар. *bik'al* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'мальчик', 'сын' — пумп. *fal[ɬ]a* (Сл., Кл., Срсл.)¹⁰⁸.

Ар. *k'* / пумп. *ph*; ср. ар. *bik'al* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'мальчик', 'сын' — пумп. *phal(l)a* (Сл.).

Из сказанного следует, что в аринском языке практически нет слов, где содержалось бы *k'*, относительно которого можно с уверенностью говорить как об исконном звуке. Обычно случаи с *k'* или результат совсем недавнего перехода *q' > k'* или следствие неточной записи. Несколько сложнее обстоит дело с названием человека, учитывая северноенисейские (включая пумпокольские) формы. Ср., однако, асс. *hit* (М., Сл., Кл., Срсл.), *hūt* (Кл.), кот. *hit, het* (Castr.); при *ilit* (М., Сл., Кл., Срсл.).

При анализе аринских слов с *k'* обращает на себя внимание отсутствие параллелизма с *k* в том, что касается енисейских сопоставлений.

О енисейских соответствиях аринскому *g*

В источниках XVIII в., сообщающих сведения по аринскому словарю, обнаружено немногим более тридцати примеров употребления *g*; при этом около десятка примеров не имеют соответствий в других енисейских языках¹⁰⁹. Весьма значительная часть примеров принадлежит к числу заимствований. Из случаевмены *g* в аринских источниках можно указать на следующие: ар. *g* / ар. *#*; ср. *kog-jus* (Стр.) 'тысяча' — *qo-jus* (М., Сл., Кл., Ф.); *šejg-tuŋ* (Стр.) 'сорок' — *šajt'ūŋ* (М., Сл., Кл.); *t'ēmbirgaŋ* (Кл.) 'корень' — *t'ēmbir'aŋ* (М., Сл.), *l'gembir'aŋ* (Срсл.)¹¹⁰; ар. *g* / ар. *j*; ср. *šaga* (Срсл.) 'четыре' — *šaja* (М., Сл., Кл., Ф.), *šeja* (Стр.), сюда же *šeg palč'in tamšu* (М., Сл.) 'четырееста' при *qoa-šaja* (М., Сл.) 'четыренадцать'; *ægt'ūŋ* (М., Сл., Кл.) 'шестьдесят' — *uj-tuŋ* (Стр.); *ega* (Кл.) 'солнце' — *eja* (М., Сл., Срсл.); ар. *g* / ар. *gg*, ср. *ыga* (Стр.) 'шесть' — *ægga* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.)¹¹¹.

¹⁰⁸ Это сопоставление, как и следующее за ним, в известной степени условно. Оно предполагает этимологическое объяснение слова *bik'al*, данное ему недавно (см. Паллиблэнк, 1962, стр. 244—245) и состоящее в том, что *bī* — притяжательный префикс, а корень — *k'al*, связанный с кет. *qalek'* 'младший сын', 'внук' и, возможно, сопоставимый с приведенными пумпокольскими словами. Поскольку *q* возводится к *k'*, эти аринские примеры также далеки от надежности и тем более не могут считаться доказательными.

¹⁰⁹ Ср. ар. *batagal, amagel* 'брат', *batagal'a, amagel* 'сестра', *p'horga* 'брюхо', *t'āgut, l'hjagut, l'hiagut* 'жаждущий', *tām-bagyŋ* 'латунь', *t'āgur* 'пить', *kalgun-il-sat* 'ручей', 'источник' и т. д.

¹¹⁰ Напрашивается догадка о том, что *g* можно истолковать как графический способ передачи мягкости в этом слове (или же *rg = rj*).

¹¹¹ Здесь также, видимо, чисто графический прием (удвоение как обозначение краткости предшествующего гласного).

I. Случаи соответствия *g* в аринском *g* в других енисейских языках

1. Ар. *qaga* 'пять' — асс. *kega* (Кл.), кот. *kega* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *qagæ* (Стр.), койб. *qagæ* (Мес.), *kega* (Ф.), *xagæ* (П.), имб. *kagam* (М., Сл., Срсл.), *gagem* (Кл.), *nagam* (Ад.; так!), ост. *gagem* (М.), енис. *gagem* (Ф.); ср. кот. *xägä, k'ägä* (Castr.).

2. Ар. *ыga, ægga* 'шесть' — имб. *agam* (М., Сл., Кл., Срсл.), *ages* (Кл.), *agam* (Ад.), енис. *ages* (Ф.), ост. *ages* (М.); ср. сим. *agam, agamas* (Castr.), *dagmäs* (Donn.); сюда же ар. *qoa-ægga* (М., Сл.) 'шестнадцать' — имб. *agamægem* (М., Сл.), ар. *ægt'ūŋ* (М., Сл., Кл.) 'шестьдесят' — имб. *ages-xogem* (Кл.), ост. *ages-xogem* (М.)¹¹².

3. Ар. *šaga* 'четыре' — асс. *šega* (Кл.)¹¹³, кот. *čega* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *šagæ* (Стр.), койб. *šagæ* (Мес., П.), имб. *sigam* (Ад.); ср. кот. *sägä* (Castr.), кет., сим. *sigām, sigāmas* (Castr.), кет. *sigām* (Donn.); сюда же ар. *šeiŋ-tuŋ* (Стр.) 'сорок' — асс. *šegtukn* (М., Сл.)¹¹⁴.

4. Ар. **qog* (ср. *qog-inæ* 'двенадцать'), *hioga* (*h'oga* < **q'oga* [?]) 'десять' — асс. *hagiay* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), кот. *haga* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *haga* (Стр.), койб. *haga* (Мес., Ф., П.), имб. *kogem* (М.), *kogom* (Сл., Кл., Срсл.), *kogon* (Ад. 1), *xogem* (Кл.), енис. *xogem* (Ф.), ост. *xogem* (М.); ср. кот. *hāga* (Castr.); сюда же ар. *qog-inæ* (Стр.)¹¹⁵ 'двенадцать' — кам. *haga-inæ* (Стр.), койб. *haga-inæ* (Мес.)¹¹⁶.

5. Ар. *qog-jus* 'тысяча' — асс. *hag p'alč'in-tamšu* (М., Сл., Кл., Ф.), кот. *hag palč'in tamši* (М., Сл., Кл.), кам. *hag-dus* (Стр.), койб. *hag-p'alč'in-tamši* (Ф.), имб. *koga-kihæ* (М., Сл., Кл., Ф.), *koga-hihæ* (Кл.); ср. кот. *hāg ujākŋ* (Castr.).

6. Ар. *q'ogat* 'голодный' — имб. *kogat* (Кл.), ост. *kogat* (М.); ср. сим. *k'og'at* (Castr.).

7. Ар. *kuburgan* 'лук' — асс. *kaburgina* (М., Сл.), *kaburgina* (Кл.), кот. *kuburgenay* (М.), *kaburgenay* (Сл., Кл.).

8. Ар. *bagyr, bagur* 'медь' — асс. *bagyr* (М., Сл., Кл.), кот. *bagyr* (М., Сл., Кл.).

9. Ар. *korgoldžin* 'олово', 'свинец' — асс. *korgoden* (М., Сл., Кл.), кот. *korgot* (М., Сл., Кл.), пумп. *xorgosin* (Сл.), *tum-xorgosin* (Сл.); ср. кот. *korogoln* (Castr.).

10. Ар. *bugdaj* 'пшеница' — асс. *bugaj* (Кл.).

11. Ар. *t'ugal* 'теленки' — асс. *tygbu* (М., Сл., Кл.).

¹¹² Ср. также пумп. *aggiay* (Сл.), *agg'ay* (Кл., Срсл.) 'шесть'.

¹¹³ Ср. также асс. *šeggiay* (Кл.), *šeg'ay* (М., Сл., Срсл., Ф.) 'четыре'.

¹¹⁴ Ср. также имб. *siggam-ogem* (М., Сл.) 'четыренадцать', асс. *šeg palč'in tamšu* (М., Сл.) 'четырееста'.

¹¹⁵ Эту форму можно объяснить и как результат переразложения *qoa-kina*.

¹¹⁶ Возможно, что неясное *qod-kuisa* (Стр.) 'одиннадцать' также следует интерпретировать как *qog-kuisa*, сопоставимое с кам. *haga-xuodžæ* (Стр.), койб. *haga-xuodžæ* (Мес.) и т. п.

12. Ар. *ega* 'солнце' — асс. *æga* (М., Сл., Кл., Срсл.), *ega* (Кл.), кот. *ega* (М., Сл., Кл., Срсл.), кам. *kgy* (Стр.; так!), койб. *ega* (Мес., П.); ср. кот. *ēga*, *ēgæ* (Castr.)¹¹⁷.

II. Случай соответствия *g* в аринском ≠ в других енисейских языках

1. Ар. *šaga* 'четыре' — пумп. *ciap* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *siam* (М., Сл., Кл., Срсл.), *siem* (Кл.), енис. *siem* (Ф.), ост. *siem* (М.); ср. сым. *siep*, *sī* (Castr.), *ciæ*, *ciæŋ*, *ciap* (Мидд.)¹¹⁸.

2. Ар. *qaga* 'пять' — сым. *xaæŋ* (Мидд.).

3. Ар. *ыга*, *ægga* 'шесть' — ср. сым. *dāmas* (Castr.; при *agamas*), кет. *a*, *ā* (ср. сым. *ā d'eŋ* 'шесть человек', сур. *ā sen* 'шесть оленей', *a solkovo* 'шесть целковых' и т. п.)¹¹⁹.

4. Ар. *kog-jus* 'тысяча' — пумп. *xa-utamasa* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *xo-kise* (Кл.), ост. *xo-kise* (М.), енис. *xo-kise* (Ф.); ср. *xōkies* (Castr.).

5. Ар. *hioga* 'десять' — имб. *kon* (Ад. 2)¹²⁰.

6. Ар. *ega* 'солнце' — имб. *i* (М., Сл.), *i* (Ад., Срсл.), ост. *i* (М.); ср. *i* (Castr.), *i*, *i* (Donn.), кур. *ʔi* (Д.).

7. Ар. *kalgun-kar* 'холм' — пумп. *xilun-konnoŋ* (Сл.); ср. кур. *holangas* (Д.); сюда же ар. *kalgun-il-sat*.

8. Ар. *šenougbi* 'сердце' — асс. *šitabu* (М., Сл., Кл., Срсл.), *ščitapu* (Кл.), кот. *šitabu* (М., Кл., Сл. 1), *šitabii* (Сл. 2, Срсл.); ср. кот. *šitar* (Castr.).

9. Ар. *bugdaj* 'пшеница' — асс. *butaj* (Сл., Срсл.), *tutaj* (М.).

III. Случай соответствия *g* в аринском j в других енисейских языках

1. Ар. *šaga* 'четыре' — эд. *syjet* (Мес., Кл.), бахт. *syjet* (Мес.); ср. эд. *syjet-gojum* (Мес.) 'четыренадцать'.

2. Ар. *qaga* 'пять' — эд. *xajet* (Мес., Кл.), бахт. *xajet* (Мес.); ср. сым. *xajæ* (Мидд.), *xājām* (Castr.).

3. Ар. *ыга*, *ægga* 'шесть' — эд. *ājet*, *xajet-xusem* (Мес., Кл.), бахт. *xajet-xusem* (Мес.); ср. эд. *ājet-gojum* (Мес.) 'шестнадцать'.

4. Ар. *hioga* 'десять' (**qog*-) — эд. *xojum* (Мес.), пумп. *xajap* (Сл.), *xaijap* (Кл., Срсл.); ср. эд. *xusem xojum* (Кл.), *kusem-gojum* (Мес.) 'одиннадцать' при ар. **qog-qus*- (ср. *qoa-kusa* и др.), эд. *ynem-gojum* (Мес.) 'двенадцать' при ар. *kog-inæ* (Стр.).

¹¹⁷ Есть ли связь между *g* в ар. *šenougbi* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'сердце' и, например, имб. *gu* (Ад.), сказать трудно.

¹¹⁸ Сюда же ар. *šeiġ-tuŋ* (Стр.) 'сорок' — асс. *šeitagu* (Кл.), кот. *šeitukn* (М., Сл., Кл.), пумп. *situdi* (Сл.), имб. *siem xogem* (Кл.), ост. *siem-xogem* (М.); ср. койб. *kajtugi* (Мес., П.) [ʔ].

¹¹⁹ См. Дульзон, 1964, стр. 123.

¹²⁰ Ср. имб. *kogon* (Ад. 1), *kogem* (М.), *kogom* (Сл., Срсл., Мес.), *xogem* (Кл.).

5. Ар. *kog-jus* 'тысяча' — эд. *xojem-kysax* (Мес., Кл.).

6. Ар. *ega* 'солнце' — эд. *ыj* (Мес.)¹²¹.

IV. Случай соответствия *g* в аринском в других енисейских языках

1. Ар. *šaga* 'четыре' — ср. кет. *sīyæt* (Donn.).

2. Ар. *qaga* 'пять' — ср. кур. имб. *qaYam*, *qaYʔm*, *qaYem* (Д.).

3. Ар. *ыга*, *ægga* 'шесть' — ср. кет. *dayætæs* (Donn.), кур. *daYamas*, пак. *daYimas* (Дульзон, 1964, стр. 134) 'шестой'.

4. Ар. *q'ogat* 'голодный' — ср. кур. *koYot* (Д.).

V. Случай соответствия *g* в аринском h в других енисейских языках

1. Ар. *hioga* 'десять' — асс. *xaħa* (Кл.).

2. Ар. *ægt'ūr* 'шестьдесят' — эд. *aħagogum* (Мес.), *aħaxojum* (Кл.)¹²².

VI. Случай соответствия *g* в аринском x в других енисейских языках

1. Ар. *bagyr*, *bagur* 'медь' — асс. *baxus* (Кл.).

2. Ар. *ega* 'солнце' — пумп. *hixem* (Сл., Кл., Срсл.)¹²³.

VII. Случай соответствия *g* в аринском k, q в других енисейских языках

1. Ар. *qaga* 'пять' — ср. кур. *qaq* (Д.).

2. Ар. *buga* 'бык' — асс. *boka* (Кл.).

3. Ар. *araga* 'вино' — асс. *araka* (М., Сл., Кл., Срсл.), *urakys* (Кл.), кот. *araka* (М., Сл., Кл., Срсл.).

4. Ар. *bagyr*, *bagur* 'медь' — ср. кот. *baker*, *šuram baker* (Castr.).

5. Ар. *korgoldžin* 'олово', 'свинец' — ср. кот. *korkotn* (Castr.)¹²⁴.

¹²¹ Сопоставимы ли ар. *paj-ige* (М.) 'нихта' — имб. *proje* (Кл.), ост. *proje* (М.) или ар. *q'ogat* (М., Сл., Кл.) — асс. *kajauinan* (М., Сл.), *kajajnan* (Кл.), *unkaj kaja una* (Кл.) в том, что касается ар. *g* / енис. *j*, сказать трудно.

¹²² Ср. ар. *šenougbi* 'сердце' с ост. *dabhu*, кур. *hi* в связи с возможностью продолжить ряд соответствий ар. *g* / енис. *h*.

¹²³ Ср. кур. *ʔi* (к его этимологии). Если ар. *ogoš* (М., Сл., Кл.) 'назад' сопоставимо с асс. *šuxa* (М., Сл., Кл.) (речь шла бы в таком случае о метатезе), то это еще один пример соответствия ар. *g* / енис. *x*.

¹²⁴ Возможно, ряд может быть продолжен за счет сопоставления ар. *ogoš* 'назад' и пумп. *tuk* — см. предыдущую сноску (ср. также пумп. *t* / ар. *š*).

Основные заключения, которые можно сделать из перечисленных выше соответствий¹²⁵, сводятся к следующему:

1. Основным соответствием аринскому *g* в енисейских языках следует считать *g* (характерно, что все примеры этого соответствия относятся к положению в середине слова): оно отмечено как в южноенисейских языках, так и в разных северноенисейских диалектах. Таким образом, вся енисейская территория более или менее едина в отношении трактовки старого *g*; вместе с тем практически в каждом енисейском диалекте наблюдаются и примеры отклонения от нормы, что может свидетельствовать о нестабильности *g* (как и различные случаи мены *g* в любом из диалектов енисейцев). Соответствие ар. *g*/енис. *g* подтверждается и материалом исконной лексики (например, числительные), и рядом заимствований, включая поздние (ср. I, 7—11).

2. Практически все енисейские языки и диалекты знают разные варианты мены *g*, выступающие в соответствии с аринским *g* (или, точнее говоря, в соответствии со старым аринским *g*, поскольку в конкретных аринских словах наряду с *g* в тех же самых лексемах может появляться целый ряд звуков: $\#$, *j*, *Y* (γ), *h*, *x* и др.). Любопытно, что все эти варианты мены *g* в соответствии с *g* в аринском засвидетельствованы, если не считать нескольких исключений, в тех же самых словах (в частности, в числительных), которые послужили материалом для сравнения в I. Основным направлением в развитии енисейского *g*, сопоставимого с аринским *g*, была тенденция к спонтизации (наблюдаемая, кстати, и в некоторых современных кетских говорах): отсюда *h* и *x* (отдельные примеры — асс., пумп., эд.), *Y* (γ) (надежные факты только из современных кетских говоров, поскольку источники XVIII в. не знают, видимо, регулярного приема для передачи заднеязычного или увулярного спонанта), *j* (регулярно только в материалах Мессершмидта по диалекту денка, т. е. эд.; следует отметить отсутствие рефлекса *j* в южноенисейских языках) и как крайний результат процесса спонтизации *g* — полное его исчезновение ($\#$) (примеры, если говорить о надежных, относятся, не считая самого аринского, к пумп. и сым., а в отношении слова «солнце» — и к другим северноенисейским диалектам). Нужно сказать, однако, что в ряде случаев различия между *h* и *Y*, *Y* и *j*, *j* и $\#$ остаются невыясненными в материалах источников XVIII в. по енисейским языкам. Другой вариант енисейских соответствий аринскому *g* представлен глухими смычными — задне-

язычными или даже увулярными (ср. VII, I); большая часть соответствий этого типа относится к заимствованиям (VII, 2—5).

3. Из дистрибутивных особенностей *g* в аринском заслуживает внимания его отсутствие в начале слов (о чем косвенно см. выше)¹²⁶ и частое появление *g* в двусогласных сочетаниях¹²⁷ (как правило, в заимствованиях из тюркских языков) с *r* и *l*; ср. ар. *p'horga* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'брюхо', *kuburgan* (М., Сл., Кл.) 'лук', *korgoldžin* (М., Сл., Кл.) 'олово', 'свинец', *t'embirgan* (Кл.) 'корень' (пример, не обладающий достоверностью), *kalgun-il-sat* (М., Сл., Кл.) 'ручей', *kalgun-kar* (М., Сл., Кл., Срсл.); из других сочетаний с *g* ср. также *gd* — *bugdaj* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пшеница' и *gb* — *šenougbu* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'сердце'.

О енисейских соответствиях аринскому *q*

В источниках XVIII в. по аринской лексике наиболее частой является мена *q/k*, примеры которой были приведены выше в разделе, посвященном енисейским соответствиям аринскому *k*¹²⁸. Из других случаев можно указать на мена *q* (перед гласным переднего ряда) *k'* (см. выше, в разделе о *k'*); *q/h*; ср. *kalqona* (М., Сл., Кл.) 'маленький' — *kal-hona* (Стр.), возможно, *qoa* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) 'десять' (из **qog-*) — *hioga* (Стр.), если *hioga* из **q'og-* (см. выше); *q/x*; ср. *qala* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'пять' — *xala* (Стр.); *qinan* (М., Сл., Кл.) 'рука' — *xinan* (Стр.) 'плечо'; *qaspa* (М., Сл., Кл.) 'утро', 'рано' — *xaspa* (М., Сл., Кл., Срсл.).

1. Случаи соответствия *q* в аринском *q* в других енисейских языках

1. Ар. *qip* 'медведь' — ср. кур. *qyba* (Д.), *gibboat*, *qŭp* (Donn.).
2. Ар. *qusej* 'один' — ср. кур. *qūs'em*, ел. *qūsæt* (Д.), кет. *qus* (Donn.); ср. имб. *qusem-æget* (М., Сл.) 'одиннадцать'.
3. Ар. *qaga* 'пять' — кам. *qagæ* (Стр.), койб. *qagæ* (Мес.); ср. кот. *k'ëgä* (Castr.), кет. *qagæt* (Donn.), кур. *qag*, *qaY'æt* (Д.); ср. также кур. *qaYam aYam qōs'in* 'пятнадцать оленей' (Д.).
4. Ар. *qor* 'спина' — ср. кур. *qob'et*, *qov'et* (Д.), кет. *qābæt* (Donn.)¹²⁹.
5. Ар. *qut* 'волк' — имб. *kx̣yite* (М., Сл.; = **qyite*?) ср. кет. *qy'it*.

¹²⁶ Ср. сказанное выше о дистрибуции *k*.

¹²⁷ Эти сочетания вообще мало характерны для исконной енисейской лексики. В частности, как указывает А. П. Дульзон (Дульзон, 1964, стр. 50), *g* после согласных в кетском вообще не встречается.

¹²⁸ Сюда же ар. *khuzej* (Ф., Срсл.) 'один', где *kh=q*.

¹²⁹ Возможно, что количество примеров соответствия этого типа увеличится, если окажутся сопоставимыми ар. *b'iqon* (М., Сл., Кл.) 'лицо', 'рот', *qon* (Стр.) 'рот' — пумп. *qan* (Стр.) 'лицо'; ар. *byqol'on* (М., Сл., Кл.), *byqol'un* (Срсл.) — кет. *qolæt* (Donn.), кур. *qolet* (Д., plur. — *qolereŋ*).

¹²⁵ Не были перечислены лишь некоторые частности; ср., например, ар. *qaga* 'пять' — имб. *kag'am* (Кл.); ар. *šaga* 'четыре' — асс. *šeg'an* (М., Сл., Срсл., Ф.), ср. *šeggian* (Кл.; **seg'an*); ар. *yga*, *ægga* 'шесть' — пумп. *agg'an* (Кл., Срсл.), ср. *aggian* (Сл.).

II. Случаи соответствия *q* в аринском *k* в других енисейских языках

1. Ар. *qes* 'камень' — пумп. *kit* (Сл., Кл., Срсл.).
2. Ар. *quše* 'кобыла' — асс. *pen-kuš* (Кл.), кот. *penkuš* (М., Сл., Кл.), пумп. *kut* (Сл.).
3. Ар. *qus* 'конь' — пумп. *kut* (Сл., Кл.), *kus* (Кл.), эд. *kūš* (Мес.); ср. *kus* (Castr.), кет. *ku'os, ko's, kuə's* (Donn.) 'корова'¹³⁰.
4. Ар. *qoj* 'лук' — пумп. *kaj* (Сл.).
5. Ар. *timquj* 'окно' — пумп. *damkuk* (Сл.).
6. Ар. *qor* 'спина' — пумп. *kolpar* (Сл., Кл., Срсл.)¹³¹.
7. Ар. *qit* 'человек' — пумп. *kit* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *kēt* (М., Сл.), *ket* (Кл., Срсл., Ад.), ост. *ket* (М.); ср. кет. *ket* (Donn.), кур., ел. *keʔt* (Д.).
8. Ар. *qaga* 'пять' — асс. *kega* (Кл.), кот. *kega* (М., Сл., Кл., Срсл.), имб. *kagam* (М., Сл., Срсл.), *kağ'am* (Кл.); ср. *kagam oget* (М., Сл.) 'пятнадцать'.
9. Ар. *qoa* 'десять' — имб. *kogem* (М.), *kogom* (Сл., Кл., Срсл.), *kogon* (Ад. 1), *kop* (Ад. 2).
10. Ар. *qo-jus* 'тысяча' — имб. *koga-kihæ* (М., Сл., Срсл.), *koga-hihæ* (Кл.).
11. Ар. *qusej* (М., Сл., Кл., Ф.) — имб. *kus'am* (Ад.).
12. Ар. *qusamančau*... 'девять' — имб. *kus'am byns'am* (Ад.)¹³².

III. Случаи соответствия *q* в аринском *h* в других енисейских языках

1. Ар. *quše* 'кобыла' — ср. кот. *hušeæ* (Castr.).
2. Ар. *qus* 'конь' — асс. *huš* (М., Кл., Сл.), *hyš* (Кл.); ср. кот. *hušanse* (Castr.).
3. Ар. *aqodon* 'сплю' — асс. *jahatan* (М., Сл., Кл.).
4. Ар. *qott, qot* 'огонь' — асс. *hat* (М., Сл., Кл., Срсл.).
5. Ар. *qaj* 'платье' — асс. *hejaŋ* (М., Сл., Кл.)¹³³.
6. Ар. *qinaŋ* 'рука' — ср. кур. *hyŋ, hoŋ* (Д.)¹³⁴.
7. Ар. *qor* 'спина' — кот. *hapaŋ* (М., Сл., Кл., Срсл.; Castr.).
8. Ар. *qit* 'человек' — асс. *hit* (М., Сл., Кл., Срсл.), *hyt* (Кл.).
9. Ар. *quj* 'щука' — асс. *huja* (М., Сл., Кл.).

¹³⁰ Ср. еще ар. *qus* (М., Сл., Кл.) 'мерин' — пумп. *kut* (Сл.).

¹³¹ К объяснению связи ср. кот. *hapaŋ* (М., Сл., Кл., Срсл.).

¹³² Не исключено, что существуют и другие примеры этого соответствия; ср. ар. *byqolon, byqol'uŋ* 'щеки' — имб. *koleder* (М., Сл. 2, Кл., Срсл.), *kolet* (Ад.); ар. *b'uqon, qon* 'рот' — имб. *ko* (М., Сл., Кл., Срсл.) и некоторые другие.

¹³³ Сюда же относится ар. *qaj* (Сл.) 'шуба' — асс. *hejaŋ* (М., Сл., Кл.), *kir-haj* (Кл.), кот. *hej* (Сл.).

¹³⁴ Не ясна связь с асс. *henar* (М., Сл., Кл., Срсл.), кот. *henaran* (М., Сл., Кл., Срсл.), ср. асс. *kepaŋ*, кот. *kepaŋan* (М., Сл., Кл., Срсл.); к -ar можно бы было ср. ар. *qor* 'спина' — кот. *hapaŋ* (М., Сл., Кл., Срсл.; Castr.).

10. Ар. *qusej* 'один' — асс. *huča* (Кл.), кот. *huča* (М., Сл., Кл., Срсл.), койб. *huča* (Ф.); ср. кот. *hūča* (Castr.)¹³⁵; сюда же относится ар. *qoa-qusa* 'одиннадцать' — кот. *hagal-huča* (М., Сл., Кл.); сюда же относится ар. *qusa-* в слове для 'девятиности' при кот. *huča-* в том же слове.

11. Ар. *qoa* 'десять' — асс. *hagian* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), кот. *haga* (М., Сл., Кл., Срсл.), койб. *haga* (Мес., Ф., П.); ср. кот. *hāga* (Castr.); сюда же относится ар. *qoa-kina* 'двенадцать' при кам., койб. *haga-* в том же слове.

12. Ар. *qo-jus* 'тысяча' — асс. *hag p'alčīn-tamšu* (М., Сл., Кл., Ф.), кот. *hag palčīn tamši* (М., Сл., Кл.), кам. *hag-dus* (Стр.), койб. *hag-p'alčīn-tamši* (Ф.); ср. кот. *hāg ujākŋ* (Castr.).

13. Ар. *qoj* 'лук' — асс. *huj* (Кл.); ср. асс. *hij* (М., Сл., Кл., Ф.)¹³⁶.

IV. Случаи соответствия *q* в аринском *x* в других енисейских языках

1. Ар. *qandži* 'вчера' — асс. *xondži* (М., Сл., Кл.), кот. *xon-čig* (М., Сл., Кл.), имб. *xodese* (М., Сл.)[?].
2. Ар. *qus* 'конь' — кот. *xuš* (М., Сл., Кл.).
3. Ар. *qoi* 'лук' — кот. *xii* (М., Сл., Кл.), койб. *hii* (Ф.)¹³⁷.
4. Ар. *qott, qot* 'огонь' — кот. *xott* (М., Сл., Кл.), *xot* (Срсл.).
5. Ар. *qor* 'спина' — имб. *xovet* (Кл.), ост. *da-xovet* (М.).
6. Ар. *quj* 'щука' — кот. *xuja* (М., Сл., Кл.).
7. Ар. *qojja* 'сухой' — асс. *xujga* (М., Сл., Кл.), кот. *xujga* (М., Сл., Кл.)[?].
8. Ар. *qut* 'волк' — пумп. *xotu* (Сл.), имб. *xuyta* (Кл.), ост. *xuyta* (М.), эд. *xūt* (Мес.).
9. Ар. *qusej* 'один' — пумп. *xuta* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *xu-sam* (М., Сл., Кл.), *xu-sem* (Кл.), *xuzam* (Срсл.), бахт. *xu-sem* (Мес.), енис. *xu-sem* (Ф.), *xuzem* (Ф.), ост. *xu-sem* (М.), эд. *xu-sem* (Мес., Кл.); не исключено, что сюда же следует отнести кам. *xuodžæ* (Стр.), койб. *xuodžæ* (Мес.), *xuodža, xuodže* (П.); сюда же относится ар. *qoa-qusa* 'одиннадцать' при ост. *xu-sem-ogem-xogem* (М.), эд. *xu-sem-gojuŋ* (Мес.), *xu-sem xojum* (Кл.), возможно, кам. *haga-xuodžæ* (Стр.), койб. *haga-xuodžæ* (Мес.); сюда же относится ар. *qusamančau* 'девять' при имб. *xu-sem-baensem-xogem* (М., Сл.), *xu-sem-bojsem-xogem* (Кл.), *xuzem benzem xojem* (Срсл.), енис. *xu-sem-bojsem-xogem* (Ф.), ост. *xu-sem-bojsem-xogem* (М.), эд. *xu-sem-*

¹³⁵ Похоже, что сюда же относится асс. *hauŋu* (М., Сл., Кл., Срсл.), учитывая пумп. *xuta* (Сл., Кл., Срсл.).

¹³⁶ Возможно, следует обратить внимание еще на ряд примеров; ср. ар. *byqolon, byqol'uŋ* 'щеки' — асс. *holan* (М., Сл., Кл., Срсл.); ар. *timquj* 'окно' — кот. *tamhuk* (М., Сл., Кл.) и др.

¹³⁷ Не ясно, в какой связи находятся с этими примерами названия лука типа имб. *xuyet* (М., Сл.), *xujč* (Кл.), енис. *xujč* (Ф.), ост. *hujč* (М.), несомненно, сопоставляемые с кур., ел. *qyʔt*.

boče-xojem (Мес.), *xusem boče xojem* (Кл.); сюда же ар. *qusa-tančau-t'ūn* 'девятисто' при имб. *xusem-bœnsem-koha-kihæ* (М., Сл.), эд. *xusem boče xojem gogut* (Мес.), *xusem boče xojem xojut* (Кл.); ср. также имб., эд., ост. слова для числительных «девятнадцать» и «девятьсот».

10. Ар. *qoa* 'десять' — асс. *xaha* (Кл.), имб. *xogem* (Кл.), енис. *xogem* (Ф.), ост. *xogem* (М.).

11. Ар. *qo-jus* 'тысяча' — пумп. *xa-utamsa* (Сл., Кл., Срсл.), имб. *xo-kise* (Кл.), енис. *xo-kise* (Ф.), ост. *xo-kise* (М.).

12. Ар. *qaga* 'пять' — койб. *xagæ* (П.); ср. сим. *xajæ*, *xæp* (Мидд.); ср. также кот. *xægæ* (Castr.).

13. Ар. *qala* 'пять' — пумп. *xejlay* (Сл., Кл., Срсл.); ср. ар. *qalt'ūn* 'пятьдесят' — пумп. *xeiltudi* (Сл.)¹³⁸.

V. Случаи соответствия *q* в аринском *g* в других енисейских языках

1. Ар. *quše* 'кобыла' — асс. *penguš*, *pen-guš* (М., Сл., Кл.).

2. Ар. *qaga* 'пять' — имб. *gagem* (Кл.), енис. *gagem* (Ф.), ост. *gagem* (М.)¹³⁹.

3. Ар. *aqodon* 'сплю' — кот. *d'agat* (М., Сл., Кл.)¹⁴⁰.

VI. Случаи соответствия *q* в аринском \neq в других енисейских языках

1. Ар. *qott*, *qot* 'огонь' — койб. *õt* (Мес., П.).

2. Ар. *timquj* 'окно' — асс. *tami* (М., Сл., Кл.), *tamuk* (Кл.), имб. *xam'uk* (Кл.), ост. *xam'uk* (М.)¹⁴¹.

3. Ар. *qinthjur* 'двадцать' — асс. *intukn* (М., Сл., Кл.), *yntugu* (Кл.), кот. *intukn* (М., Сл., Кл.), кам. *yn-tuŋ* (Стр.), койб. *yntugu* (Мес.), *intuzi* (в П. здесь опечатка); ср. кот. *int'ukn* (Castr.).

¹³⁸ В связи с этим возникает интересный вопрос о возможности сопоставления этих слов с енисейским названием половины. Список примеров сопоставления ар. *q* / енис. *x* можно бы продлить, если этимологические исследования позволят связать ар. *inqo* (М., Сл., Кл.) 'мертвый' с асс. *onxa* (Кл.), кот. *onxa* (М., Сл., Кл.); ар. *byqoloŋ*, *byqol'ūn* 'щеки' с кот. *xolan* (М., Сл., Кл., Срсл.); ар. *kalqona* 'маленький' с имб. *xœnnepam* (М., Сл., Срсл.), *xœnnepam* (Кл.).

¹³⁹ Все эти формы обязаны своим возникновением, видимо, ассимиляции.

¹⁴⁰ Дальнейшее продолжение примеров зависит от возможностей сопоставления ар. *byqoloŋ*, *byqol'ūn* 'щеки' с имб. *goleđen* (Кл.), ост. *goleđen* (М.); ар. *qor* 'спина' с имб. *bgæbet* (М., Сл., Срсл.), *bgebet* (Кл.), где *g* явно вторичен (зависимость от *b-*, являющегося здесь личным префиксом) и т. п.

¹⁴¹ Может быть, из **tamxuk*?

VII. Другие случаи соответствий аринскому *q* в енисейских языках

Речь идет о ряде необычных соответствий, о которых можно судить с известной вероятностью при условии, что в енисейских языках слово «камень» единого, пусть даже заимствованного, происхождения. Тогда ар. *q* / асс., кот., койб. *š* / имб., енис., ост., пумп. *č* / имб., эд., кот. *t* / пумп. *k*; ср. ар. *ges* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.) — асс. *šiš* (М., Сл., Кл., Срсл., Ф.), кот. *šiš* (М., Сл., Кл., Срсл.), *šiš* (Castr.), койб. *šiš* (Ф.) — имб. *čygs* (Кл.), енис. *čygs* (Ф.), ост. *čygs* (М.), пумп. *čys* (Кл., Срсл.) — имб. *tyes* (М., Сл., Кл., Срсл.), эд. *tuus* (Мес.), кур., ел. *ty's* (Д.), *tyes* (Castr.), *ty'as*, *tyas*, *ti'as* и т. п. (Donn.). Возможно, что для некоторых указанных форм разумно исходить из старого начального *q*, которое, как подтверждает другой пример (о нем ниже), могло давать некоторые из названных рефлексов. Если ар. *kalqona* 'маленький' сопоставимо с имб. *xœnnepam* и *xennepam* (см. выше), то оно тем самым может быть поставлено в связь с пумп. *fyŋet* (Кл., Срсл.), сим. *fyŋ'æ* (Д.), ср. *fen'ä* (Castr.).

* * *

Наиболее существенные результаты сопоставления аринских слов с другими, соответствующими им енисейскими словами в отношении *q* заключаются в следующем:

1. В аринских словах в источниках XVIII в. нередко случаимены *q/k* и *q/k'*, с одной стороны, и *q/h*, *q/x* — с другой, что свидетельствует об известной неустойчивости увулярного *q* в аринском, по крайней мере, в совокупности его говоров. Любопытно, что, хотя случаи появления иных звуков на месте *q*, как правило, отмечены главным образом в материалах Страленберга, было бы неосновательным видеть в этом ошибки слуха и записи. Дело в том, что факты, содержащиеся у Страленберга, позволяют говорить о ряде сдвигов, связанных с *q*, $q > k$, $q > h$, $q > x$ (последний отмечен и в других источниках).

2. Наиболее надежные случаи, когда аринскому *q* соответствует *q* в других енисейских языках, отмечены в говорах современного кетского языка (ср. I, 1—5); примеры этого соответствия в старых диалектах sporadichesky (ср. кам. и койб.).

3. В отношении соответствия ар. *q* / енис. *k* выделяется группа надежных примеров из пумпокольского (ср. II, 1—7), отчасти имбацкого и других старых кетских говоров (ср. II, 3, 7—11). Таким образом, оказывается, что *k* в соответствии с аринским *q* появляется прежде всего в северноенисейских диалектах, тогда как примеры *k* этого рода в южноенисейских языках гораздо более редки (ср. II, 2, 8).

4. Зато *h* в соответствии с аринским *q* нужно считать преимущественной чертой южноенисейских языков. Все примеры

(III, 1—13) свидетельствуют именно об этом; особенно это относится к ассанскому (десять примеров против шести из котского), в меньшей степени к енисейскоязычным койбалам и камасинцам, если судить только по числу примеров. Лишь один пример (III, 6) обнаруживает *h* в соответствии с аринским *q* в северноенисейских говорах.

5. Более сложна картина диалектной дифференциации, когда речь идет о *x* как енисейском соответствии аринскому *q*. Этот *x* появляется как в южноенисейских, так и в северноенисейских наречиях. В отличие от предыдущего случая котский более последовательно, чем ассанский, обнаруживает *x* на месте *q* (ср. IV, 1—4, 6, 7, 12; семь примеров против трех ассанских). Однако северноенисейские наречия не уступают южноенисейским в примерах появления *x* на месте *q* в аринском.

6. Появление *h* и *x* в енисейских языках в соответствии с аринским *q* свидетельствует о тенденции к спирализации *q* в енисейских языках, о которой уже говорилось выше и которая подтверждается многочисленными фактами из современных диалектов (ср. о соотношении кет. *q*/сим. *x* — Дульзон, 1964, стр. 57). Крайним результатом, к которому привела эта тенденция, было полное исчезновение *q* или, точнее, звука, предшествовавшего ему во времени. К сожалению, количество примеров с *#* в соответствии с аринским *q* невелико и позволяет делать лишь предварительные заключения (ср. появление *#*, как правило, в примерах из южноенисейских языков).

7. В ряде случаев в соответствии с аринским *q* появляется *g* в других енисейских наречиях, причем *g* в этих примерах отличается, видимо, неорганическим характером.

8. Следует отметить, что *q* в разобранных примерах почти всегда начинается собой слово; если оно появляется в середине слова, то это обычно или заимствования (ср. слова «жито», «дева», «жена», «пьяный», «впереди» и т. п.) или — в одном случае — глагольные формы (ар. *aqodoŋ*).

О енисейских соответствиях аринскому *q*'

В источниках XVIII в. по енисейским наречиям встречается лишь небольшое количество аринских слов, в которых выступает *q*'. При этом не раз в словах того же корня в аринском на месте *q*'¹⁴² появляется *k* (примеры были приведены выше) или *q* [ср. *biq'al'a* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дева' при *biqam alte* (М.), *biqamalte* (Сл.), *biqamal* (Срсл.) 'жена']. Примеров, позволяющих установить енисейские соответствия аринскому *q*', немного, и обычно их доказательная сила невелика. Ср. ар.

¹⁴² Или, говоря точнее, на месте *q*' или же *q* перед гласным переднего ряда.

q'agan (М., Сл. 1, Кл., Срсл.) 'волос' [ср. еще ар. *qiagan* (Сл. 2)] — асс. *xipajan* (М., Сл., Кл., Срсл.), *xyipajan* (Кл.), пумп. *xyia* (Сл., Срсл.) — кот. *hiipajan* (М., Сл. 1, Сл. 2, Кл., Срсл.) — пумп. *qyia* (Кл.) и, вероятно, — имб. *čəŋa*, *čəŋe* (Кл.), ср. *oq'ajši* (М., Сл., Кл.) — пумп. *xaju* (Сл.), имб. *xaaja* (Кл.), ост. *xaaja* (М.) — имб. *qaaje* (М., Сл.; = *kxaaje*) — кет. *qaj* (Д.), если это сопоставление приемлемо; ар. *utq'ənoŋ* (М., Сл., Кл.) 'ухо' — пумп. *atkin* (Сл., Срсл.), имб. *hokten* (Кл.), *okden* (М., Сл., Срсл.), *okd* (Ад.), ост. *hokten* (М.) — кур. *ʔgdʔ* (Д.; где *g* объяснимо ассимиляцией *d*); ар. *q'ogat* (М., Сл., Кл.) 'голодный' — имб. *kogat* (Кл.), ост. *kogat* (М.), кур. *koYot* (Д.); ар. *biq'al'a* (М., Сл., Кл., Срсл.) 'дева' — пумп. *pikola* (Сл., Кл., Срсл.). Какие-либо заключения из анализа этих сопоставлений были бы, пожалуй, рискованными.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бахрушин, 1941 — С. В. Бахрушин, *Примечания к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера*, — в кн.: Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. 2, М.—Л., 1941.
 Бахрушин, 1959 — С. В. Бахрушин, *Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке*, — в кн.: С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. 4, М., 1959.
 Боуда, 1936 — К. Bouda, *Sprachliche Miszellen*, — UJB, Bd 15, 1936.
 Боуда, 1950 — К. Bouda, *Die tibetisch-kaukasische Sprachwissenschaft*, — «Lingua», vol. 2, 1950.
 Боуда, 1957 — К. Bouda, *Die Sprache der Jenissejer: Genealogische und morphologische Untersuchungen*, — «Anthropos», vol. 52, 1957.
 Долгих, 1960 — Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*, М., 1960.
 Дульзон, 1961 — А. П. Дульзон, *Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям*, — Уч. Зап. ТПИ, т. 19, вып. II, 1961.
 Дульзон, 1962а — А. П. Дульзон, *Былое расселение кетов по данным топонимики*, — «Географические названия. Вопросы географии», сборник 58, М., 1962.
 Дульзон, 1962б — А. П. Дульзон, *Кетские наречия первой половины XVIII века*, — «Труды Томского областного краеведческого музея», т. 6, вып. II, 1962.
 Дульзон, 1964 — А. П. Дульзон, *Очерки по грамматике кетского языка*, ч. I, Томск, 1964.
 Доннер, 1920 — К. Donner, *Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken*, — JSFOu, vol. 37, 1916—1920.
 Доннер, 1944 — К. Donner, *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Hrsg. von A. J. Joki, — «Societas Fennougrica. Lexica», vol. 8, 1944.
 Дыренкова, 1963 — Н. П. Дыренкова, *Тофаларский язык*, — «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963.
 Йокки, 1946 — A. J. Joki, *Indochinesische Lehnwörter im Samojedischen*, — FUF, Bd 29, 1946.
 Йокки, 1952 — A. J. Joki, *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen*, Helsinki, 1952.
 Исхаков, 1957 — Ф. Г. Исхаков, *Тувинский язык. Очерк по фонетике*, М.—Л., 1957.

¹⁴³ Если это сопоставление верно, то ар. *q'agan* из **q'agan* (**q'in*).

Продолжение

Транскрипция экспедиции Института славяноведения 1962 г.	Транскрипция А. П. Дульзона и Г. К. Вернера	Транскрипция Е. А. Крейновича
R γ s (s) j h (x) m (m) n (n) l (l) p (r) ? —	R Y c (c') j h (x) m (m') n (n') l (l') n p (p') ? (e)	ř ʁ γ c c' j x m n n' l l' n p p' ? (e)
Знаки, применяемые только для сымского диалекта		
č f z z' dž dž' š ž (ž)	č' f z z' dž dž' ш ж (ж')	— — — — — —

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авар.	— аварский	кур.	— курейский
ар.	— аринский	манс.	— мансийский
асс.	— ассанский	монг.	— монгольский
бак.	— бакланихинский	ост.	— остяцкий
бахт.	— бахтинский	пак.	— пакулихинский
верещ.	— верещагинский	пумп.	— пумпокольский
вимб.	— верхнеимбацкий	русс.	— русский
дарг.	— даргинский	сул.	— суломайский
ел.	— елогуйский	сум.	— сумароковский
енис.	— енисейские	сур.	— сургутинский
ен.-кет.	— енисейско-кетский	сым.	— сымский
имб.	— имбацкий	тиб.	— тибетский
камас.	— камасинский	франц.	— французский
кет.	— кетский	хант.	— хантыйский
кит.	— китайский	эд.	— эд-диалект («денка»)
койб.	— койбальский	ярц.	— ярцевский
кот.	— котский		

AOГ (Bud.)	— «Acta Orientalia», Budapest.
FUF	— «Finnisch-ugrische Forschungen», Helsinki.
JSFOu	— «Journal de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
MSFOu	— «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
UAIb	— «Ural-Altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
UIb	— «Ungarische Jahrbücher», Berlin.
Уч. зап. ТПИ	— «Ученые записки Томского государственного педагогического института», Томск.
ВЯ	— «Вопросы языкознания», М.

SUMMARY

Of the 750 odd speakers of Ket only eight people living in Vorogovo, the extreme south of the Ket areal, still remember their native southern dialect (the Sym dialect or the Jug language as it is referred to in the present volume). The rest of the Ket-speaking population belong to the northern group of dialects (the Imbatzk dialect). Phonemically both dialects share one vocalic system *u o a ə u e i* (minimal) with the superimposed feature of length which D. M. Segal treats as an inherent feature «tense». Consonantal systems of both dialects exhibit substantial differences, typologically isomorphic to what is observed in the southern group of the Samoyed languages: in more southern languages (dialects) the feature palatalized—non-palatalized has a greater distinctive value than in northern languages or dialects. Correspondingly, the following consonantal system has been established (see G. Werner's article) for the Sym dialect: *m b f d d' t č n n' s l l' r k x p* (*j* and *ʔ* being treated as vocalisms), while the Pakulixa dialect (near Turuxansk) has *m b n d t s ʃ k q h p j ʔ* (D. M. Segal). The reduction of the consonantal system in the dialect of Pakulixa appears to be connected with a tendency towards stem reduction (c. f. many monosyllabic words), the development of vocalism and the phonetic differentiation of terminal position.

While phonetic descriptions of Ket have already been attempted earlier (c. f. N. K. Karger or E. Hamp) no comparative studies of the Yenisei phonetics have yet been made. V. N. Toporov's article breaks the trail in this respect. The author has established Yenisei correspondences to the Arin stops. Arin with Pumpokol, Assan, Kott and other dialects constitute the remnants of the Yenisei language family which became extinct as early as the XVIII century leaving Ket as the only living language. The article is based on the XVIII century glossaries of these languages and should be regarded as a fragment of the comparative diachronic phonemics of the Yenisei languages. Data on the Arins and their language (the reconstruc-

tion of the consonantal system and the sound distribution pattern of the word) are presented. The complete glossary of all extant Arin words is appended.

V. N. Toporov and T. V. Tsivyan review the results of research into the Ket nominal system. They analyze the semantic and formal structure of the nominal grammatical categories (gender or class, number, case, possessivity). Several hypotheses are suggested for the explanation of crucial points (e. g. the semantic mechanism of nominal class division, the «conventional» character of the plural, the reflection of the nominal class structure in the plural forms, the case forms hierarchy (the «generative tree»), the structure of the old Yenisei declension etc.); Ket patterns are being compared with facts from diverse languages, thus a typological background is provided for the interpretation.

The problem of Ket nominal classes is treated by both V. N. Toporov and T. V. Tsivyan and E. A. Kreinovitch in the latter's article «On the grammatical expression of nominal classes in the Ket verb». While V. N. Toporov and T. V. Tsivyan examine nominal classification as reflected in the coordination of the numeral «one» with the substantive and in the oblique case suffixes of the substantive, E. A. Kreinovitch uncovers the existence of an organized and regular system of expressing nominal classes in the conjugation in the verb. V. N. Toporov and T. V. Tsivyan distinguish four classes of the Ket substantive. This system is described for the Imbatzk dialect; it is based on opposition by two feature pairs: «sensitive-unsensitive» and «active-inactive». The system is typologically similar to the one described for North Caucasian languages. E. A. Kreinovitch distinguishes three nominal classes for the Sulomai dialect. Firstly, the system of formal expression is examined. Basically the same Ket substantives may combine with the verbs containing different class formants (which may take the form of suffixes, infixes or prefixes depending on the form of the stem) according to the lexical meaning of the verb. Nouns may thus change their class affiliation which is expressed in the verb. Sometimes this change may be expressed in the substantive itself which when taken in its vocabulary form, shows formal differences for different meanings associated with classes (e. g. *bisep* 'brother', 'sister'). E. A. Kreinovitch performs a detailed semantic analysis of the Ket verbs connoting disintegration («cut», «carve», «divide», etc.) and comes to the conclusion that the basic semantic division is between whole, organismic entities and separate, disintegrated things (artifacts). The first division corresponds to the masculine and feminine classes while the second to the class of things. Within the first division the masculine class comprises important, active beings while the feminine class comprises unimportant, passive beings. Some analogies to V. N. Toporov's and T. V. Tsivyan's II class (sacral objects) are also to be found among E. A. Kreinovitch's materials.

New, hitherto unknown data on Ket postpositive elements are discussed by A. P. Dulson. The author describes the functions of postpositive elements and their connection with the corresponding noun, which they modify. Extensive textual material illustrates the use of the postpositive elements listed with the variants in the article. The author comes to the conclusion that certain Ket nominal inflexions derive from these elements. The existence of a similar postpositional system in the Altaic languages is accentuated.

The second article by A. P. Dulson describes a classification of the Ket adverbs depending on their meanings, roles in the sentence and word-building structures. Examples of the connection between the adverbs and case forms are discussed; separate cases of the use of adverbs are analyzed (e. g. with negation).

Apart from the above-mentioned article by E. A. Kreinovitch two more articles are concerned with the Ket verbal system. B. A. Uspensky examines grammatical categories expressed by the Ket verb as well as the structure of the verbal word-form, i. e. combinations of different grammatical elements in different word patterns. General principles underlying the construction of the verbal word-form are discussed and three structural patterns elicited:

- 1) verbs with the «b»-type personal formants;
- 2) verbs with the «d»-type personal formants (the general or non-marked pattern);
- 3) and the verbs with the 3rd-person direct object formants of the «d»-type.

E. A. Krenovitch gives a close analysis of the punctative and iterative 'action-types' of the Ket verb both from the point of view of their meaning and expression. These categories are examined in relation to the category of number in noun which enables the author to represent genetically the punctative 'action-type' as the singular of action and the iterative 'action-type' as the plural of action (this is supported by the identity of the corresponding formants of number and 'action-type').

Compound words are the subject of a study by T. V. Tsivyan. Her study is based on the materials of the 1962 Ket Expedition as well as K. Donner's Ket vocabulary. Compound words are subdivided into four groups depending on the grammatical features of the first word of the compound: 1) $S_1 \text{ NSing} + S_2$; 2) $S_1 \text{ NPI} + S_2$; 3) $S_1 \text{ Gen Sing} + S_2$ and 4) $S_1 \text{ Gen Pl} + S_2$. These patterns always express attributive relations. The material thus classified is then interpreted in the light of the word-building resources of Ket. Since practically no special word-building elements have so far been discovered in Ket a hypothesis is expressed that new nouns are formed by means of simple stem apposition. Apposition frequently occurs in Ket not only as a word-building device but also as a regular syntactic feature. Correspondingly, the functions of the Common Case have broadened and it is often used instead of other cases.

CONTENTS

Preface. Kets, their language, culture and history	5
G. K. Werner. The consonantal system of the Sym dialect of the Ket language.	15
D. M. Segal. The Phonemics of Ket (the sub-dialect of Pakulixa).	26
E. A. Kreinovitch. Action-types in the Ket verb.	75
E. A. Kreinovitch. On the grammatical expression of nominal classes in the Ket verb	139
B. A. Uspensky. The Ket verbal system.	196
V. N. Toporov, T. V. Tsivyan. On the study of the Ket noun (results and perspectives)	229
A. P. Dulson. Ket postpositives.	247
A. P. Dulson. Ket adverbs.	251
T. V. Tsivyan. Materials on the Ket compound nouns.	262
V. N. Toporov. Materials towards the comparative Yenissei phonetics. Arin-Yenissei correspondences (part I)	277
List of transcription symbols used for Ket in the present volume.	331
List of abbreviations.	333
Summary.	334

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Кеты, их язык, культура, история	5
Г. К. Вернер. Система согласных фонем сымского диалекта кетского языка	15
Д. М. Сегаал. Фонология кетского языка (пакулихинский говор)	26
Е. А. Крейнович. Способы действия в глаголе кетского языка	75
Е. А. Крейнович. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка	139
В. А. Успенский. О системе кетского глагола	196
В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы)	229
А. П. Дульзон. Кетские послелоги	247
А. П. Дульзон. Кетские наречия	251
Т. В. Цивьян. Материалы к сложным словам в кетском языке	262
В. Н. Топоров. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. 1. Аринско-енисейские соответствия (часть первая).	277
Таблица соответствия транскрипционных знаков, принятых для кетского языка в настоящем сборнике	331
Список сокращений	333
Summary	334

КЕТСКИЙ СБОРНИК

Лингвистика

Утверждено к печати
Ученым советом Института
восточных языков при МГУ

Редактор С. Ю. Неклюдов
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор Г. В. Стругова

Сдано в набор 9/II 1967 г.
Подписано к печати 13/V 1968 г. А-01774.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1.
Печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 21,88. Тираж 1500 экз.
Изд. № 1636. Зак. № 98. Цена 1 р. 48 к.

Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 л., д. 12